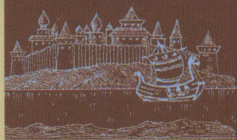

история/география/этнография

Киевская Русь

Георгий Вернадский

К

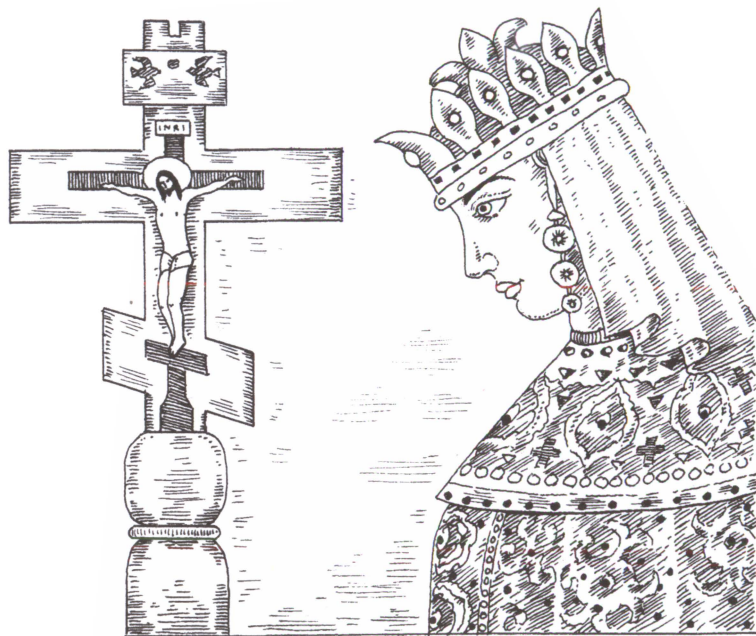
иевская
Русь

Георгий Вернадский

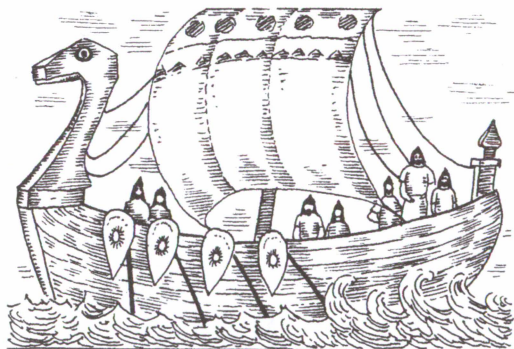

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Георгий Вернадский

Киевская Русь

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2015

УДК 94(47).02
ББК 63.3(2)41
В35

*Славянская
Витальность & Калит*

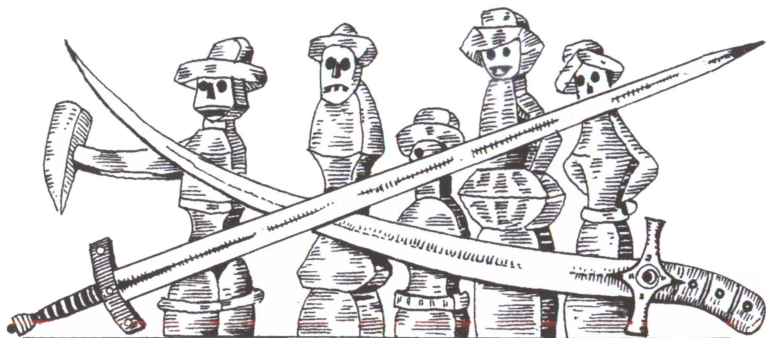
Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибилевой

Глава I

Место Киевской Руси в истории

1. Европа ли Россия?

С точки зрения географии Европа — это западное продолжение Азии — азиатский мыс. Однако в традиционной географической школе эта территория рассматривается как отдельный континент, ограниченный на востоке Уральскими горами. С этой позиции России отводится своего рода промежуточное положение, и она разделяется на две части: Азиатская Россия — на восток от Уральской гряды и Европейская Россия — на запад от нее. Таким образом, с точки зрения элементарной географии на вопрос «Европа ли Россия?» можно ответить без колебаний. Но только часть России входит в состав Европы.

И все-таки такой ответ, хотя и определенный, вряд ли является удовлетворительным, поскольку традиционное деление страны на две части искусственно: Уральская гряда низка и не нарушает целостности широтных природных зон, столь характерных для русского географического ландшафта. Более того, этот вопрос постоянно задается вовсе не в географическом смысле. Под Европой подразумевается не географическая, а историческая и культурная общность.

Вопрос в таком случае должен формулироваться более определенно: Европа ли Россия в историческом и культурном смысле? Принадлежит ли Россия, исторически и культурно, к европейскому союзу наций?

На вопрос, задаваемый в подобной форме, чаще всего отвечают отрицательно, во всяком случае иностранцы. Г-н Дж. Мариотт может быть избран как типичный приверженец негативистского взгляда.

«Россия не является, — пишет он, — и никогда не являлась членом европейской семьи. Еще со времен падения Римской империи и миграций, вследствие завоеваний викингов и тевтонцев, между скандинавами, англичанами, немцами, французами, иберами и итальянцами сложилась определенная степень родства, несмотря на все значительные различия в их развитии. Даже Польша, благодаря своей приверженности западной форме христианства, имела некоторое родовое сходство с Европой. Россия же нет»¹.

У самих русских всегда существовали две точки зрения, классическими представителями которых можно считать «славянофилов» и «западников» девятнадцатого века. Западники рассматривали Россию как восточную часть Европы и объясняли различия между Россией и Западной Европой «отставанием» исторического процесса в России в связи с неблагоприятным географическим положением, монгольским нашествием тринадцатого века и другими причинами.

«Славянофилы», напротив, готовы были признать существование коренного отличия России от Европы и, вместо рассуждений об отставании русской цивилизации, подробно останавливались на ее самобытности и самодостаточности. Главным идеологом этого направления в том, что касается вопроса, который интересует нас здесь, был Николай Данилевский. В своей книге «Россия и Европа» этот автор изложил теорию различающихся «культурных типов», представленных разными нациями и группами наций в их истории. Он согласился с величием «германо-романской» цивилизации, но отказался признать ее «общечеловеческой» — единственным путем прогресса. Этой теорией он попытался доказать право «славянского культурного типа» на самостоятельное развитие.

По его мнению, цивилизацию, которую обычно называют «европейской», нужно именовать «германо-романской». Отождествлять «европейский» с «германо-романским» значило бы, с его точки зрения, совершать логическую ошибку. Но поскольку подобное отождествление обычно происходит, он спрашивает себя: «Принадлежит ли Россия к Европе в этом смысле (то есть к германо-романской Европе)?» Его ответ — выразительное «нет»².

Какую позицию займем мы относительно этой старой полемики? Прежде всего можно предположить, что сам предмет спора на сегодняшний момент устарел, поскольку, с точки зрения историка, больше не существует Европы в традиционном понимании. За последние триста лет Европа расширилась политически: каждая ведущая европейская держава подчинила себе огромные территории на других континентах, иной раз даже поглощая целые неевропейские народы. Она увеличилась также демографически, за счет эмиграции, в результате которой новые «европейские» нации утвердились в обеих частях Америки, в Австралии и Африке. В более близкое к нам время Европа продолжила технологическую и промышленную экспансию, приводя в движение силы, которые, однажды освободив, она уже не в состоянии контролировать.

Поскольку европейские страны одна за другой — Испания, Португалия, Голландия, Великобритания, Франция, несколько позднее Германия — каждая создали свою колониальную империю, они, таким образом, вышли за пределы собственно Европы и в конце концов поколебали единство региона. Россия тоже, хотя и не приобрела заморских колоний, постоянно двигалась на восток через бесконечные территории, пока не обнаружила, что подчинила себе огромный субконтинент. Таким образом появилось несколько «мировых держав», тогда как центр Европы, сокрушенный в результате двух мировых войн, теперь раздроблен политически и разнороден культурно.

В каких же отношениях с Европой находятся эти мировые державы? «Европа» ли Соединенные Штаты? Да — в смысле культурных основ и традиций; нет — в том смысле, что США создали собственную культуру, которая сейчас, в свою очередь, оказывает влияние на Европу.

Европа ли Великобритания? Опять да, в смысле ее исторического происхождения; и опять нет, поскольку, являясь ведущим членом Британского Союза, она живет своей собственной жизнью.

И тогда Европа ли Россия? Да, в том смысле, что русская цивилизация имела множество контактов с европейской культурой — даже в германо-романской интерпретации — начиная со Средних веков. Нет, в том смысле, что Россия — сама по себе целый мир, целый субконтинент не только географически, но и политически и культурно.

Даже мировые державы не вечны. Сглаживающий эффект индустриализации быстро стирает старые культурные различия между отдельными нациями. Использование атомной энергии создает императив «единого мира», хотя мирового объединения и нельзя достичь за одну ночь. В это объединение каждая нация должна внести и уже внесла свой вклад. Перенося этот аргумент назад на более ранние периоды истории, мы начинаем осознавать, что нельзя судить весь исторический процесс по европейским стандартам, да и в самой Европе всегда существовали центробежные тенденции.

Следовательно, чтобы ответить на вопрос, поставленный в названии этого раздела, мы сначала должны прийти к общему мнению по другому вопросу: а что такое Европа? Спор, таким образом, заходит в тупик. Но сам факт, что вопрос задавался именно по поводу России, говорит о присутствии чувства, что если Россия и Европа, то лишь частично, и что часто, если не всегда, ее историческая колея расходилась с путями других европейских держав.

Как бы то ни было, суждение Мариотта об абсолютной культурной обособленности России, вне всякого сомнения, уязвимо. На протяжении долгого времени в русской и европейской истории наблюдались не только различные, но и сходные процессы, и во внимание следует принимать как те, так и другие. Связи между Россией и Европой множились на каждой ступени средневекового и последующего развития, и, оставляя пока в стороне современную эпоху, можно сказать, что эти взаимоотношения были весьма тесными в киевский период.

2. Положение Руси в средневековом мире

История любой нации определяется не только ее собственными материальными и духовными ресурсами, но также и ее внешним окружением. Ни одна нация никогда не являлась и не является полностью изолированной. Сейчас уже совершенно ясно, что даже в ранние периоды, задолго до революции в средствах связи, определенные виды взаимодействия между народами были неизбежны.

Благодаря своему географическому положению Китай был изолирован больше, чем какая-либо другая страна. Однако даже в древности тонкая струйка морской торговли связывала Китай с Индией и Аравийским полуостровом, а через них со Средиземноморьем; сухопутный торговый путь через Туркестан, контролировавшийся кочевниками, приобрел большое значение в периоды Римской империи и раннего Средневековья.

В римскую эпоху, которая в русской истории соответствует сарматскому периоду, Русь, безусловно, не была обособлена; напротив, древнерусские племена в то время были рассеяны по чужим территориям³. Сходное положение преобладало в гуннский и хазарский периоды. В более позднюю эпоху само процветание Киевского государства основывалось на внешней торговле.

Теперь нам предстоит рассмотреть вопрос о международном положении Киевской Руси и тех изменениях, которые оно претерпело за киевский период (878–1237 гг.). Вначале необходимо подчеркнуть, что во времена раннего Средневековья динамика международных отношений была совсем не такой, как в наши дни. Основные европейские нации уже находились в процессе формирования, но центр притяжения, и политический, и культурный, располагался не в Европе, Западной или Центральной, а в Византии.

Византийская империя значительно превосходила империю Каролингов в области экономики, так же как и в дипломатии. Фактически она являлась одной из двух мировых держав того времени, второй был Арабский халифат.

В то время Западная Европа никоим образом не могла претендовать на сколько-нибудь значительную роль в развитии науки и техники. Эта роль принадлежала Халифату, где возродились традиции эллинистической учености. Арабский язык стал языком ведущих ученых и врачей. До Крестовых походов Византия была в определенной мере связующим звеном между арабским миром и Западной Европой. Испания, завоеванная арабами в VIII веке, являлась вторым каналом, через который Запад впитывал арабскую науку.

Поскольку Русь имела тесные контакты с народами Центральной и Северной Европы, в ней преобладали именно византийские влияния, как того и следовало ожидать, принимая во внимание доминирующую роль Империи в ту эпоху. Что же касается халифата, то Русь была лишена прямой связи с ним. Неблагоприятным обстоятельством являлось то, что власть над причерноморскими степями в конце десятого века перешла от хазар к диким племенам кочевников, таких, как печенеги и половцы; тот факт, что русские сами уничтожили Хазарскую империю, едва ли облегчал им ситуацию.

Однако препятствие в виде степных кочевников не было непреодолимым, и Русь всегда поддерживала отношения с христианскими государствами Закавказья, а через них с Сирией. За степями, в которых господствовали кочевники, также находились такие важные торговые и культурные центры, как Хорезм и Бухара. В X веке Бухарой правила просвещенная персидская династия Саманидов. Позже, в XI веке, их сместили дикие сельджуки, приведя к упадку цивилизацию Туркестана.

На севере мусульманское государство волжских булгар, с которым Русь имела тесные торговые отношения, достигло, кажется, не только материального благополучия, но и сравнительно высокого уровня культуры. Потенциально оно могло служить посредником между Русью и арабской культурой, но, по-видимому, Русь не особенно воспользовалась этой возможностью.

Экономически Русь поддерживала оживленные отношения с Востоком и через волжских булгар, и через Тмутаракань, пока не утратила контроль над этим городом в конце XI века. В дальнейшем половцы — по крайней мере в периоды мира — позволяли хорезмским и другим восточным купцам торговать

с русскими. Однако около 1000 г. н. э., приток восточного серебра в Киевскую Русь сократился, возможно в связи со свержением Саманидов.

Эпоха Крестовых походов (1096–1270 гг.) внесла радикальные изменения в международную ситуацию. Сила Византии в это время сокращалась, а Запада возрастала. В 1204 г. западные рыцари захватили и безжалостно разграбили Константинополь, после чего Латинская империя была установлена в Греции, где просуществовала до 1261 г. Русская торговля, которая ранее тяготела к Константинополю, теперь переместилась на западные рынки.

Политически, через Венгрию, Польшу и Богемию, Русь в период Крестовых походов участвовала в европейских делах значительно активнее, чем раньше. То воинственные, то миролюбивые русские в отношениях с Западом за двенадцатое столетие преуспели в установлении своего рода равновесия между Восточной и Центральной Европой. Этот баланс был нарушен в начале тринадцатого века при создании государств германских крестоносцев в Пруссии и Латвии. Тогда же впервые дали о себе знать монголы, совершившие набег в половецкие степи в 1223 г.

Таким образом, международное положение Руси в киевский период было благоприятно для нее на юге, менее благоприятно на западе и совершенно неблагоприятно на юго-востоке, где постоянные набеги кочевников подтачивали ее силы и истощали ее ресурсы.

3. Различные и сходные тенденции в истории Руси и Европы

Деление «всемирной истории» на Древнюю историю, историю Средних веков, Новую и Новейшую историю одно из традиционных обобщений, которое становится почти бессмысленным при ближайшем рассмотрении, особенно с точки зрения действительно всего мира — то есть принимая во внимание историческое развитие не только Европы, но и других континентов. По сути дела, это общепринятое деление бы-

ло произведено, имея в виду только историю Европы, и только относительно европейской истории оно имеет какой-либо смысл.

В Европе Средние века были главным образом периодом феодализма. Феодальные институты развились в результате вырождения Римской империи, ее распада под давлением «варваров», преимущественно германцев, приспособления тевтонских институтов к романским и наоборот.

В катастрофах пятого столетия была уничтожена не вся Римская империя, а только ее западная часть. На востоке Империя выстояла и просуществовала еще тысячу лет под именем Византии. На развитие Византийской империи, в свою очередь, оказывали влияние новые социальные и политические тенденции, и постепенно некоторые образования, подобные феодальным, появились на Востоке, но до завоевания крестоносцами Константинополя они никогда не играли такой роли, как на Западе. В период так называемой «Латинской империи» (1204–1261 гг.) феодальные институты западного типа были полностью перенесены на греческую почву. Но реставрация Византийской империи еще раз воспрепятствовала процессу феодализации.

Обращаясь дальше на восток, определенные феодальные тенденции можно заметить в социальной организации мусульманских государств, но они отличались по характеру от западных. Что же касается кочевых племен евразийских степей, то они жили в абсолютно другой среде, не только географической, но также экономической и социальной.

Хотя Русь никогда не входила в состав Римской империи (здесь мы можем полностью согласиться с Мариоттом), анты и другие древнерусские племена имели контакты с северо-восточными землями Империи, как, например, в Крыму. Впоследствии же Русь была вовлечена в орбиту Византии и экономически, и культурно.

С другой стороны, русские с незапамятных времен жили рядом со степными кочевниками; временами они были почти затоплены персидскими и тюркскими потоками. Степная империя процветала за счет торговли, и покровительство трансконтинентальным сухопутным путям, особенно шелковому

пути из Китая к Средиземному морю, всегда было одной из главных задач степных императоров.

Можно предположить, что построенная на другом фундаменте экономическая и социальная структура Руси раннего Средневековья отличалась от европейской. Так оно и было во многих отношениях.

Как убедительно показывает Анри Перен, завоевание арабами Северной Африки, Сицилии и Испании затруднило на время торговые отношения между Западной Европой и странами Леванта⁴, и именно потребностью открыть новые пути на Восток руководствовались древние скандинавы в смелом походе из Балтийского моря к Азову. В каролингской Европе торговля была долгое время (с восьмого по десятое столетие) на самом низком уровне. Экономической базой феодализма являлась убогая сельскохозяйственная культура, и, со всеми необходимыми оговорками, рост ранних феодальных институтов означал установление «натурального» или «закрытого» хозяйства.

Византия с ее развитой торговлей и прибыльными ремеслами выгодно выделялась на фоне аграрной и феодальной Европы. Не «натуральное хозяйство», а «монетарная экономика» господствовала в Византийской империи. Заметьте, что Италия со времен Юстиниана частично контролировалась Византией, по меньшей мере до конца десятого века. Экономически в период Каролингов Италия принадлежала скорее к византийскому миру, чем к европейскому.

Русь тоже являлась частью византийского мира, кроме того что она была непосредственно связана торговлей с Востоком. Хотя противоположно мнению Ключевского и его школы сельское хозяйство являлось таким же важным элементом русской экономики, как и торговля, социальное значение его становления отличалось от западного, поскольку эти две сферы деятельности на Руси были более тесно связаны, особенно в форме оживленной торговли зерном. В любом случае в Киевской Руси, как в Византии, монетарная экономика превалировала над натуральным хозяйством. И, в отличие от Запада, не феодальное поместье, а город был главным фактором экономической и социальной эволюции страны.

Но если в социально-политическом развитии Руси и Западной Европы в Средние века существовали значительные различия, то имелись также и многочисленные сходства. В Киевской Руси строй «торгового капитализма» был наложен на неразвитые родоплеменные отношения. Ранняя социальная организация славянских и германских племен была во многих отношениях сходной, результатом чего являются поразительные аналогии в древнем обычном праве славянских и германских народов. Раннюю редакцию киевского свода законов — «Русскую правду» — можно отнести, вместе с «Салической правдой» (*Lex Salica*) и другими западными *Leges*, к одному и тому же общему типу «варварского права» (*Barbaric Laws*).

Много общего было и в организации княжеских властных органов. На Руси, как на Западе, управление обществом строилось на опыте домашнего господства правителей. Возвышение майордома во Франкском королевстве в седьмом и восьмом веках стало одним из характерных проявлений именно этого процесса. На Руси, как на Западе, князь старался упрочить свое положение, предоставляя особую защиту помощникам по управлению собственными имениями. «Правда» сыновей Ярослава имеет много общих черт с «*Capitularia*» Каролингов.

Однако политические влияния русского и западного правителя существенно различались. И князь на Руси, и король на Западе должны были делить власть с могущественной аристократией, но в Киевской Руси существовал еще и третий важный политический компонент, которого не было на Западе: город.

4. Понятие о восточноевропейской истории

До сих пор я говорил о Европе этого периода как о едином социально-политическом образовании. На самом же деле разные народы жили там вместе, но совместность или сходность их жизни только относительны. Общая церковь и общая империя обычно считаются двумя столпами общности средневековой Европы, феодальный строй признается как ее третий фундаментальный институт. Однако мы не должны забы-

вать, что территория, на которой действовали эти три фактора, географически не охватывает всю Европу.

Чаще всего когда мы говорим о «средневековой Европе», то имеем в виду только западную и центральную ее части. Якобы «общая империя» — Священная Римская империя германской нации — фактически была не общей, а ограниченной в пространстве, поскольку уравнивалась Византийской империей на юго-востоке. Точно так же и римско-католическая церковь признавалась не всеми; многие восточноевропейские народы отдавали предпочтение греческому православию. А как мы только что видели, экономические и социальные основы византийского Востока заметно отличались от таковых на феодальном Западе.

Следовательно, мы должны признать существование не одной, а двух средневековых Европ — Западной и Восточной. При этом историческая роль Восточной Европы долгое время недооценивалась. Даже сейчас в общих работах по средневековой истории под «Европой» обычно подразумевают Западную Европу, а к Восточной Европе относятся как к ненужному придатку, если вообще принимают во внимание.

Этнически Западную Европу населяют по большей части романские и германские народы, Восточную — славяне, греки и несколько других групп. В пренебрежении к восточноевропейской истории не последнюю роль, несомненно, сыграли расовые предрассудки, особенно традиционное презрение германцев к славянам. Показательно, что даже такой выдающийся мыслитель, как Гегель, не нашел места для славян в своей «Философии истории». Как он объясняет:

«Эти племена действительно основали государства и успешно противостояли различным народам, встававшим на их пути. Иногда они, как авангард — как нация, находившаяся между Западом и Востоком, принимали участие в борьбе между христианской Европой и нехристианской Азией. Польки даже освободили осажденную Вену от турок; и славяне были в определенной степени вовлечены в орбиту Западного Разума. Однако вся эта группа народов остается вне нашего рассмотрения, потому что до сих пор она не выступала как самостоятельный элемент в ряду обнаружения Разума в Мире»⁵.

О степени влияния националистических теорий даже на современные американские гуманитарные науки можно судить по труду Джона Бургеса «Основы политической науки», впервые опубликованному в 1917 г. и переизданному в 1933 г. По мнению этого автора, греки и славяне продемонстрировали «низкий уровень политической способности» («a low order of political genius»), и поэтому «совершенно необходимо, чтобы политическая организация, на самом высоком уровне, греческой и славянской наций была бы взята на себя иноземной политической силой»⁶. Далее он предполагает, что германские народы «как политические нации по преимуществу», должны бы «принять на себя руководство созданием и управлением государств»⁷.

Единственная причина, по которой американский ученый мог дать подобный совет, кроется в непонимании исторической роли греческого и славянских народов.

Относительно греков старое неведение и предрассудки были давно развеяны благодаря блестящему развитию византистики. Со времени появления в XVII веке работ великого Дю Канжа и других исследователей византологическая традиция поддерживалась целым рядом французских и бельгийских ученых, а также русскими, немецкими, английскими, американскими, итальянскими, венгерскими, румынскими, польскими, чешскими, болгарскими, югославскими византистами и, конечно, самими греками. Огромный прогресс в этой области был достигнут за последние пятьдесят лет, и великая историческая роль Византии теперь ясна всем.

Византия, однако, была только одним из политических и культурных центров Восточной Европы в Средние века. Угроза церковного раскола не позволяла приверженцам римско-католической веры, например полякам, признать культурное лидерство византийцев. С другой стороны, несмотря на то, что они хранили верность Риму, поляки — как и венгры — принадлежали, географически и экономически, к Восточной Европе, а не к Западу. Можно сказать, что они составляли особую часть Восточной Европы, в тесном контакте с которой находились некоторые другие народы: литовцы, белорусы, украинцы и румыны. Кроме того, народы этого района поддерживали оживленные отношения с Центральной Европой, в частности с чехами и словаками.

Именно сферу польского культурного влияния можно назвать ядром Восточной Европы в период позднего Средневековья и начала новой эры. И именно польским, украинским и чешским историкам принадлежит честь постановки проблемы восточноевропейской истории как самостоятельного предмета исследования.

Первая кафедра истории Восточной Европы в европейском университете была учреждена в 1894 г. во Львове (тогда Лемберг Австрийской Галиции). Ее первым руководителем стал известный украинский ученый Михаил Грушевский. В 1904 г. он опубликовал значительную работу, посвященную взаимосвязям русской истории и истории восточных славян, где рассматривал Украину как часть Восточной Европы, а не России⁸. В период между двумя мировыми войнами проблема восточноевропейской истории стала предметом активного обсуждения, в котором сыграли заметную роль несколько польских и чешских историков. Главным вопросом дискуссии была связь между понятиями «славянская Европа» и «Восточная Европа».

Основную трудность в этом отношении представляет вопрос, куда отнести Россию. Она, безусловно, в основном славянская нация, но является ли Россия органической частью Восточной Европы? Должны мы включать Россию в группу восточноевропейских народов или нет? Если говорить о новой эре, то очевидно, что Россия — самостоятельное целое, под Россией я здесь подразумеваю Советский Союз, включая и Украину и Белоруссию.

А какой была ситуация в Средние века? В позднем Средневековье, то есть в четырнадцатом и пятнадцатом веках, Украина и Белоруссия входили в состав польско-литовской федерации; и обе, следовательно, с политической точки зрения относятся к Восточной Европе.

В киевский период украинские и белорусские земли принадлежали к русской федерации, и их место в истории должно определяться вместе с положением всей Руси. Поскольку территория Киевской Руси не выходила за пределы «Европы» с общепринятой точки зрения, то формального препятствия для включения ее в «Восточную Европу» не существует. Однако это было бы весьма обманчиво и немного добавило бы к на-

шему пониманию как русской, так и восточноевропейской истории. Несмотря на ее связи с Балканами, с одной стороны, Венгрией и Польшей — с другой, Русь уже тогда представляла собой отдельное социально-политическое образование. Более того, исторически Киевская Русь была ядром впоследствии континентальной, «Евразийской», России. С геополитической точки зрения территория Киевского государства может быть определена не только как «Восточная Европа», но и как «Западная Евразия». Культурно Русь этого периода может рассматриваться как северная граница Византии.

5. Вызов геополитики

Расширение России вылилось в занятие ею огромной и протяженной территории, простирающейся от Балтийского моря до Тихого океана и от Памира до Северного Ледовитого океана. Этот субконтинент лучше всего обозначить как «Евразия», не только потому, что он объединяет части как Европы, так и Азии, но также поскольку он представляет географическое единство, которое столь же отлично от Европы, как оно отлично от нероссийских частей Азии.

С точки зрения почвы и растительности Евразия состоит из широтных ландшафтных зон: тундры, лесной, промежуточной лесостепной, степной и, наконец, зоны пустынь. Эти ареалы играли и до определенного предела все еще играют важную роль в российской экономике. Не менее значимыми были политические следствия взаимоотношений между лесной и степной зонами. Последняя вместе с прилегающими пустынями служила в древности в качестве района обитания различных кочевых орд маньчжурского, монгольского и тюркского происхождения. Могучие степные империи создавались с незапамятных времен на этой территории, следуя друг за другом с короткими перерывами⁹.

Степная зона простирается на запад от Монголии до Карпат и проникает в середину Дунайского региона. В древние времена она предлагала отличную дорогу для монгольских кочевников без каких-либо естественных препятствий до Карпатских

гор. Как только кочевая империя утверждалась в евразийских степях, она начинала тяготеть к подчинению собственному контролю всей степной зоны, равно как и частей прилегающей лесостепной территории.

Временами вместо одной огромной империи в степях доминировал пояс более мелких ханств, некоторые из них взаимно объединялись, другие же противостояли себе подобным. Так, после падения Гуннской империи авары поселились в Венгрии, хазары и мадьяры — в северочерноморском регионе, а два тюркских ханства образовались в Казахстане и Монголии.

В конце девятого века мадьяры мигрировали на запад до середины Дунайского региона (современная Венгрия), столетие спустя Хазарская империя была уничтожена русскими. Но русские не были способны сами контролировать черноморские степи, поскольку новые тюркские орды постоянно проникали из Казахстана. Затем в тринадцатом столетии монгольское нашествие захлестнуло всю европейскую Россию.

Монгольская империя была более обширной, нежели Гуннская: монголы собрали под свое господство всю Евразию. После освобождения России от монгольского ига процесс постепенно повторился в обратном направлении: в результате с течением времени русские преуспели в объединении под своею властью большинства территорий, где раньше правили монголы.

Интересно отметить, что в своем натиске монголы продвинулись на запад через степную зону и в процессе продвижения постепенно распространили свою власть на лесную зону. Русские, напротив, направились на восток через лесную зону и лишь после установления контроля над нею проникли в степную и пустынную зоны.

Принимая все это во внимание, рассмотрим теперь положение Киевской Руси с геополитической точки зрения. В киевский период русские занимали лишь европейскую часть России. На юге они сперва распространили свой контроль на Крым, регионы Азова и Нижней Волги, но потеряли эти территории к концу одиннадцатого века, когда под принуждением половцев покинули степную зону и отступили на север в лесостепную и лесную зоны. На востоке регион Средней

Волги удерживался булгарами, с которыми русские находились в тесных торговых отношениях с девятого века, что не мешало им время от времени сталкиваться. В начале тринадцатого века восточнорусские князья продемонстрировали свое очередное намерение подчинить болгар своему контролю, сделав предварительный шаг к обладанию всем бассейном Волги. Но их натиск был блокирован монголами, которые завоевали как болгар, так и русских.

Если бы даже русским не удалось контролировать всю европейскую Россию в киевский период, занимаемое ими пространство кажется достаточно широким, особенно по сравнению с территориями европейских соседей. Географически днепровский речной путь стал стержнем Киевской Руси, и русские имели выход к Балтийскому и Черному морям, хотя половецкие рейды делали использование Черного моря опасным.

Рассуждая в ключе геополитики в интерпретации Макиндера и его последователей, можно сказать, что русские в киевский период контролировали значительную часть «сердцевины земли»¹⁰ и все же, несмотря на это, оказались неспособными отразить монгольское нашествие. Одной из причин их уязвимости стала неудача в установлении полного контроля над «сердцевинной землей»; если бы им удалось контролировать все течение реки Волги, равно как и южные степи, они оказались бы гораздо лучше подготовлены к встрече монгольского нападения.

Другой причиной несчастья русских в тринадцатом веке явился факт подчинения России одновременному давлению как с востока, так и с запада. Германский натиск с запада обрел силу как раз в период монгольского вторжения с востока.

Но возможно, главную роль в неудаче русских сыграло отсутствие защиты «сердцевины земли» с восточной стороны. Евразийские степи представляли действительную «сердцевину земли» в конфликтах этого периода. Благодаря большой протяженности на запад степной зоны европейская Россия была геополитически частью Евразии, и до эры военной артиллерии для русских едва ли существовала надежда остановить кочевников, вероятнее всего объединившихся.

Киевский период характеризовался разобщенностью среди кочевников: страдая от половцев, русские тем не менее в этот

период не подвергались реальной опасности быть сокрушенными ими. Но монгольское нашествие подорвало баланс власти между лесной и степной зонами в пользу последней.

Урок, который извлекли русские из монгольского ига, состоял в том, что безопасность от кочевого востока может быть обретена лишь через контроль над всей Евразией. К этой цели они приближались постепенно и через ряд стадий. Экспансия на восток началась в середине шестнадцатого столетия; первым шагом России было обеспечение контроля над всем течением реки Волги. В следующем столетии была оккупирована вся Сибирь. Колонизация Сибири явилась скорее спонтанным движением казаков и охотников, нежели формальным завоеванием, но московские государственные деятели знали, как извлечь все преимущества из народного движения. В случае экспансии в Казахстан и Туркестан в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях инициатива скорее принадлежала правительству, а не народу.

В тот же самый период были завоеваны южные степи, равно как и Крым и Кавказ — или же, если мы можем сослаться здесь на события десятого века, — завоеваны вновь. Таким образом, задача, которую русские не смогли реализовать в киевский период, была выполнена.

6. Значение киевского периода в русской истории

Древняя Русь обычно ассоциируется в сознании западного читателя с автократией и рабством. Возникло даже предположение, что тоталитаризм прямо происходит из «русской души». И разумеется, в 1883 г. русский граф Уваров провозгласил, что Россия базируется на «православии, самодержавии и народности». Оглядываясь назад, на время Уварова, в свете преимущества знания последующих событий, мы знаем, что когда он произнес свое суждение, неограниченной монархии оставалось менее восьмидесяти лет существования. Крепостничество было уничтожено менее чем через тридцать лет после декларации Уварова.

Фактически же в течение всей имперской эры (1721–1917 гг.) периоды реакции перемежались периодами либерализма. Последние двенадцать лет имперского режима принадлежали конституционному эксперименту, хотя и ограниченному по своему размаху. Но даже до этого, с 1864 г., самодержавие до определенного предела контролировалось местными институтами самоуправления (земство) и хорошо сбалансированной судебной практикой.

Во времена Московского царства в шестнадцатом и семнадцатом столетиях власть царя была фактически, если не законно, ограничена народным собранием (Земский собор), системой местного самоуправления и церковью. Одновременно демократические институты процветали в казацких общинах, особенно в Запорожье и в войске Донском.

Четырнадцатое и пятнадцатое столетия стали периодом формирования Московского государства. Нарождающееся московское самодержавие было само подчинено куда более жесткому и неумолимому абсолютизму монголов, и власть московских великих князей частично складывалась по этому сильному стереотипу. Однако в монгольский период Московия контролировала лишь часть современной российской территории, центральнорусскую «Месопотамию», то есть бассейны Верхней Волги и Оки. Другие русские земли в это время имели иную политическую и социальную среду.

Как это ни кажется парадоксальным, монгольский период отличался расцветом демократических институтов в северорусских городах-государствах Новгороде и Пскове, несмотря на факт номинальной власти монгольских ханов в Северной Руси и того, что великий князь Московский чаще избирался, нежели не избирался новгородским князем.

На Украине монгольское владычество пришло к концу в середине четырнадцатого столетия, то есть ранее почти на столетие, нежели в Московии; в Белоруссии этот период еще короче. Эти два народа в конце концов поменяли монгольское господство на литовское, в то время как Западная Украина (Галиция) была аннексирована Польшей в 1349 г. В 1385 г. сформировался союз Польши и Литвы, сперва династический, а позднее и реальный.

В четырнадцатом и пятнадцатом столетиях Великое княжество Литовское являлось нежесткой федерацией, к которой присоединились Украина и Белоруссия, как и многие автономные единицы. В конце концов была установлена аристократическая конституция, и таким образом по контрасту как с самодержавной Москвой, так и с демократическим Новгородом утвердились аристократическая Украина и Белоруссия.

Эти три элемента власти — монархический, аристократический и демократический, которые в монгольский период развивались отдельно в трех различных географических регионах Древней Руси, сосуществовали в каждой из русских земель в течение киевского периода в разных пропорциях и комбинациях. Именно это многообразие политического опыта делает киевский период захватывающе интересным для исследователей правительственных институтов.

Итак, одного взгляда на политическую историю России достаточно для избавления от мифа тоталитаризма как внутренне присущего русской ментальности. Московское самодержавие родилось не из какой-то предполагаемой врожденной симпатии «русской души» к автократии, но из жесткой необходимости организации военной силы, достаточной для низвержения монгольского ига и обеспечения контроля над территорией, слишком большой для стратегической защиты. В пятнадцатом и шестнадцатом столетиях Московия стала военным лагерем. Усилия как правителей, так и народа сконцентрировались на обороне. Политическая свобода была принесена в жертву во имя национального спасения.

Возможно, что русские освободились бы от монгольского ига гораздо раньше, чем они это сделали, если бы одновременно им не угрожали с Запада. Столкнувшись с дилеммой войны на два фронта, два русских князя в тринадцатом столетии каждый по-своему испытали противоположные политические курсы. На Западной Украине князь Даниил Галицкий обратился за помощью к Западу и проиграл. В Восточной Руси князь Александр Невский принял сюзеренитет от монголов, с тем чтобы освободить руки по отношению к Западу, и выиграл. Разбив шведов в устье Невы в 1240 г., он обеспечил Новгороду доступ к Балтике. Двумя годами позже он спас Россию

от немецкого вторжения, уничтожив немецких рыцарей в знаменитом Ледовом побоище.

Крепостничество было другой ценой, заплаченной русскими во имя выживания. Хотя рабство существовало как в Киевской, так и в Московской Руси, рабы не представляли собою большого слоя населения. В Киевской Руси оно соседствовало с «капиталистической» экономикой, подобно тому, как это было в США до Гражданской войны.

С другой стороны, крепостничество как феодальный институт едва ли было известно в Киевской Руси. В монгольский период процесс прикрепления свободных крестьян к большим поместьям быстро прогрессировал и в Московии, и в Литовской Руси. Крепостничество было официально введено на Украине и в Белоруссии хартией (привилегии) великого князя Казимира в 1447 г. В Московии с 1581 г. определенные годы были провозглашены «запрещенными», то есть перемещение крестьян из одного поместья в другое в эти годы не разрешалось. Крепостничество было в конечном итоге подтверждено кодексом законов («Уложение») в 1649 г.

В противоположность Московскому и Литовскому государствам, Киевская Русь была страной свободных политических институтов и вольной игры социальных и экономических сил. Киевский период также отмечен христианизацией Руси; он является свидетелем взлета блестящей цивилизации, особенно проявившейся в архитектуре, литературе и прикладных искусствах, подобных филиграни и эмали.

Хотя монгольская агрессия нанесла тяжелый удар по киевским институтам и культуре и вылилась в формирование абсолютистского государства в Московии, развитие элементов киевской цивилизации не было совсем остановлено. Некоторые традиции киевского периода развились в Новгороде и Пскове, другие — на Украине и в Белоруссии; иные же — в самой Москве. С точки зрения истории права, основания хартии города Пскова (1397–1467 гг.), первый Литовский статут (1529 г.) и до определенного предела даже первый московский кодекс законов («Судебник») 1497 г. нужно искать в «Русской правде» киевского периода.

Наряду с достижениями в киевский период, жизнь в Киевской Руси имела много негативных аспектов. Постоянные

вторжения тюркских кочевников с юго-востока, так же как и внутренние войны между русскими князьями, не давали покоя населению и создавали угрозу для жизни. Постоянно расширяющаяся пропасть между высшими и низшими классами выливалась в периодические экономические и социальные кризисы. Но, несмотря на все ее недостатки, Киевская Русь тепло воспринималась народной памятью, что выражено в русских эпических песнях — былинах. Никакой другой период истории страны не воспринимается в русском фольклоре с такой симпатией и благодарностью, как киевский.

В Киевской Руси должно было быть нечто заставляющее людей забыть ее негативную сторону и помнить лишь достижения. Это «нечто» было духом свободы — индивидуальной, политической и экономической, — который преобладал в России этого периода и по отношению к которому московский принцип полного подчинения индивида государству представлял разительный контраст.

Глава II Имперский план и его неудача

1. Имперский план: мечты и реалии

Политическая история Киевской Руси открывается столетием смелого предприятия: попыткой скандинавских властителей Киева создать огромную империю, простирающуюся от Балтийского до Черного моря и от Карпатских гор до Каспийского моря. Была предпринята серия смелых кампаний как на море, так и на суше, направленных на главные цели — Константинополь и Закавказский регион; одно время устья Волги и Дуная контролировались русскими.

Это амбициозное усилие может быть рассмотрено в двух плоскостях — как эпизод экспансии викингов и как этап русской истории. К концу девятого века викинги контролировали Северное и Балтийское моря и не только совершали набеги на прилегающие части европейского континента и Британские острова, но смогли также прочно утвердиться в Северо-Западной Европе. Они появились в России и проникли на юго-восток до региона Азова даже ранее, нежели принято думать. Путешествуя вдоль западных берегов Франции и Иберийского полуострова, они также исследовали Средиземно-

морье и в конце концов создали свое собственное государство на Сицилии.

Константинополь (Миклагард) — имперская столица — была той точкой, где в конечном итоге встретились черноморский и средиземноморский потоки экспансии. Именно на этом фоне авантюризма викингов следует рассматривать имперские мечтания русских князей Киева. Хотя широкий размах их политических планов выглядит удивительным, он соответствует общей картине Европы этого периода. Однако мы не должны забывать, что к концу девятого столетия скандинавские пришельцы на Руси уже смешались в значительной мере с местным населением, став частью русского фона. Это в особенности верно относительно шведов региона Азова, которые заимствовали даже само имя «русь» у местного населения¹¹. Святослав, наиболее храбрый из киевских князей, не только носил славянское имя, но и был по своему физическому облику и одежде типичным южным славянином, прототипом запорожских казаков. Его внук Ярослав Мудрый с точки зрения антропологии если и обладал, то весьма малым количеством нордических черт. И хотя основная часть дружины или свиты первых киевских князей состояла из скандинавов, славяне из нее не исключались, и как скандинавы, так и славяне были заинтересованы не только в войне, но и в торговле.

Русские славяне имели опыт длительных военных кампаний и международной торговли, берущий начало по крайней мере в шестом веке, когда анты проникли в Дунайский регион. В седьмом веке некоторые из антских племен твердо обосновались в восточной части Балканского полуострова, впоследствии известной как Булгария. В седьмом и восьмом веках анты и русь помогли хазарам отразить арабские рейды на Кавказ¹². Под руководством хазар антские славяне активно участвовали в международной торговле, и от Масуди и других восточных авторов мы знаем, что анто-славянские купцы имели постоянные подворья в хазарской столице Итиль, а также предположительно в других хазарских городах. Анто-славянские войска составляли значимый элемент в хазарской армии¹³.

Таким образом, оказывается, что скандинавские князья Киева должны были иметь значительную поддержку своих

имперских планов среди высших классов славян. В их империалистических предприятиях грабеж был прологом к торговле — побудительный мотив имперского замысла первых киевских князей был, по сути, коммерческим; их стратегия была направлена на контроль широкой сети торговых путей в Черноморском и Каспийском регионах. Географическим ядром этой системы был регион Азова, в особенности Керченский пролив, уже удерживаемый русскими каганами с конца восьмого века. Для полноты структуры им необходим был контроль над Нижней Волгой и Нижним Дунаем. В случае полного успеха их предприятий взятие Константинополя — то есть Босфора и Дарданелл — выступало в качестве коронного приза. Однако их атаки на Константинополь были мотивированы не столько надеждой его захвата, сколько желанием заставить византийцев открыть свои рынки для русской торговли. Мы обнаруживаем тут точную параллель надеждам гуннов в прошлом. Последняя византийско-гуннская война в конце пятого столетия стала результатом отказа византийцев открыть дунайские торговые города для гуннской коммерции¹⁴. Властвуя над Черным морем и укрепившись в Булгарии, русские были в состоянии диктовать свои условия и без фактического контроля над Константинополем. Итак, даже частичная реализация имперского плана обещала богатое вознаграждение.

Существовало два центра русской активности этого периода — Киев и Тмутаракань, и, хотя определенная степень координации между политикой киевских князей и русских каганов, видимо, была достигнута, установление полного единства было нелегким, если и вовсе возможным делом. Власть киевских князей сперва признавалась лишь несколькими русскими племенами. Позднее другие племена вовлеклись в киевскую политическую сферу, но некоторые с неохотой; таким образом, в ряде случаев связь между Киевом и местными центрами была слаба и нестабильна.

Существовало значительное различие между отдельными племенами с точки зрения их экономических и культурных уровней, но еще большие расхождения были внутри каждого племени. Хотя высшие классы в основе своей, вероятно, были коммерчески заинтересованными в начинаниях киевских князей, значительная часть населения оставалась довольно

индифферентной. Здесь мы видим традиционный контраст между городами и сельскими общинами. Более того, некоторые из племенной аристократии с подозрением относились к киевскому империализму.

Князь Олег и его непосредственные наследники имели перед собою двуетадийную задачу: организовать государство и завоевательные кампании. Каждая задача была сама по себе огромной; в дополнение во внешней политике внимание киевских князей было волей-неволей разделено между Византийской империей и Хазарским каганатом; любая из этих проблем требовала всю полноту усилий киевских властителей и широкие ресурсы.

Как обнаружилось в последующих событиях, у князей не было достаточной силы для ведения войны на два фронта: против Византии и против Востока. Святослав подошел к успеху ближе, нежели любой из его предшественников, но перестарался и закончил неудачей. Однако его победа над хазарами имела судьбоносные последствия для Руси, поскольку надлом Хазарского каганата открыл ворота для печенегов, за которыми последовали тюркские племена из Закаспийского региона, и ни сам Святослав, ни его последователи не имели достаточной власти, чтобы остановить тюркский поток, устремившийся в черноморские степи.

2. Первый успех: Олег

Около 878 г. Олег, первоначально властитель Новгорода, захватил Киев и в конце концов установил свою власть в Южной Руси¹⁵. Скорее он, нежели его новгородский предшественник Рюрик, может считаться первым скандинавским князем, ставшим монархом всей Руси. Именно по этой причине личность Олега оставила более глубокий отпечаток на исторической памяти русского народа, нежели персона Рюрика. В русских летописях, равно как и в устной традиции, Олег известен как Вещий, Далекоглядящий, Мудрый, Святой. Этот эпитет кажется происходящим от игры со значением имени в скандинавском варианте: Хелги (первоначальная сканди-

навская форма имени Олег) означает «святой»; русское прилагательное «вещий» является, таким образом, не чем иным, как перевод от Хелги. По-норвежски Вещий Олег именуется Хелги.

В русской традиции Олег прославляется как мудрый правитель и удачливый воин; он в особенности почитался за свой ум во взаимоотношениях с врагами. История доносит до нас, что после победоносной кампании против греков, которая привела его к вратам Константинополя, греки начали переговоры, послав ему изысканные яства и вина. Быстро сообразив что к чему, Олег отказался отвесть угощение, подозревая, что пища и вино, возможно, отравлены. После этого греки оставили уловки и приняли условия мира.

Последнее сказание об Олеге, повествующее о его смерти, противоречит его репутации прозорливого человека. Согласно легенде, популяризированной А. С. Пушкиным в его поэме «Песнь о вешем Олеге», князь был предупрежден кудесником: он примет смерть от своего коня. Под впечатлением этого пророчества он постарался не ездить на нем. Позднее, когда ему показали скелет коня, он наступил на него, пренебрегая предсказанием: в ту же минуту из останков выползла змея, ее укус оказался смертельным для Олега.

Легенда с очевидностью назидательна, ее цель — доказать, что даже мудрейший человек беспомощен перед Судьбой. Та же идея нашла поэтическое выражение в двенадцатом столетии в знаменитом «Слове о полку Игореве»: «И сказал Боян, мудрый поэт: “Ни пронцательный и удачливый человек, ни зеленый юнец не могут избежать Божьего суда”»¹⁶.

Характерно, что русские легенды об Олеге, включая повествование о его смерти, имеют близкие параллели в скандинавской саге об Олле. В саге говорится, что Олл умер от укуса змеи в Норвегии, куда он возвратился после своих подвигов на Руси¹⁷.

Очевидно, что Киев не мог быть последней целью натиска Олега с севера. Он должен был послужить ему базой для дальнейшего движения на юг, нацеленного на открытие путей к Черному и Азовскому морям, с Закавказьем и Константинополем в качестве финального приза. Однако его непосредственной задачей было сделать саму базу достаточно силь-

ной, а свой контроль над речными путями между Новгородом и Киевом абсолютным. Согласно «Повести временных лет», именно Рюрик начал строить сеть укреплений в землях словен, кривичей и меря¹⁸, то есть в районах Новгорода, Смоленска и Ростова. Отряды варягов были расквартированы во вновь построенных фортах, и три племени должны были выплачивать дань за их содержание. Итак, Олег хотел лишь следовать политике Рюрика по консолидации власти на севере.

Киевская база была расширена с покорением древлян — воинственного племени, обитавшего в это время в бассейне Припяти, на северо-западе от земли полян, то есть собственно региона Киева. Олег установил для них дань в мехах (около 880 г.). Дальнейшему наступлению на юг и юго-восток, по рекам Днепр и Буг, противились мадьяры. Земли на восток от Среднего и Нижнего Днепра контролировались хазарами.

Хазарская проблема стала первостатейной по значимости для Олега. Подобно своим киевским предшественникам Аскольду и Диру, ему, должно быть, не терпелось установить связь с русским каганатом в регионах Азова и Тмутаракани. Приблизительно в первый или второй год своего правления в Киеве Олег частично преуспел в этом начинании. Его посланцы и, возможно, некоторые его подразделения, направленные для усиления армии русского кагана, могли использовать речные пути, протянувшиеся через степи от изгиба Днепра до Азовского моря.

Воодушевленный помощью, полученной от Олега, русский каган послал грабительскую экспедицию к Каспийскому морю, которая высадилась в его юго-восточной части в районе Мазендарана около 880 г. Однако экспедиция закончилась катастрофой¹⁹. Очевидно, что ситуация предполагала более тесное единение сил между Киевом и Тмутараканью. Для достижения этой цели следовало избавиться от хазарского контроля над славянскими племенами к востоку от Среднего Днепра. И конечно, следующим шагом Олега стало распространение своей власти на эти племена. Около 882 г. он нанес поражение северинам, после чего они прекратили выплату дани хазарам и взамен согласились платить «легкую дань» Олегу.

Под впечатлением победы над северинами их северо-западные соседи — радимичи — добровольно согласились (885 г.)

платить Олегу ту же дань, что прежде они выплачивали хазарам. В этом случае дань была в серебряных монетах (шеляг). Затем внимание Олега сместилось на юго-запад. Летописец вскользь неясно упоминает, что он начал войну против уличей и тиверцев²⁰ — двух южнорусских племен, которые населяли бассейны Нижнего Днестра и Буга. Оба племени в это время до определенного предела находились под контролем мадьяр, и мы можем предположить, что в своей оппозиции Олегу они действовали как вассалы мадьярского воеводы Арпада. Итак, хотя летописец представляет этот конфликт как войну между Олегом и двумя южнорусскими племенами, в действительности это была война между Олегом и мадьярами.

Мадьяры контролировали в это время всю юго-западную территорию Украины — бассейны Нижнего Днепра, Буга и Днестра. До этого, как можно предположить, мадьярский воевода являлся также сюзереном Киева, где Аскольд и Дир действовали как его наместники или вассалы. Захват Олегом Киева означал конец мадьярского владычества над ним, и после убийства им Аскольда и Диры отношения между Олегом и мадьярским воеводой должны были обостриться. Каждая из сторон имела претензии к другой. Предположительно мадьяры хотели восстановить власть над регионом Киева; новый властитель Киева, с другой стороны, нуждаясь в доступе к Черному морю, должен был или договариваться с мадьярами, или вытолкнуть их со своего пути.

Конфликт между Олегом и мадьярами, уличами и тиверцами, очевидно, имел место около 890 г., в любом случае не позднее 893 г., поскольку в следующем году мадьяры были уже вовлечены в войну с дунайскими булгарами²¹. Судя по тональности фрагмента, упоминающего о ней в «Повести временных лет», война между Олегом и мадьярами была решающей.

Инициатива по подготовке мадьярского вторжения в Булгарию около 894 г. может быть приписана византийской дипломатии. По «Повести временных лет», император Лев Мудрый «нанял» мадьяр против булгар, которые в это время угрожали безопасности византийских владений на Балканах²². Булгары были разбиты, а их страна разграблена. В отчаянии они обратились за помощью к патзнакам (печенегам) — тюркскому народу, обитавшему в Казахстане, одна из орд которого скиталась

тогда в черноморских степях. Сумели ли печенеги проникнуть сквозь оборону хазар вдоль нижнего течения Волги и Нижнего Дона, или же хазары по известным им причинам разрешили им пересечь Дон в западном направлении, не известно.

Атакованные одновременно булгарами с юга и печенегами с востока, мадьяры были полностью разбиты (около 897 г.), у них оставался единственный выход — освободить юг России. Одна их группа двинулась на запад вверх по Дунаю и в итоге достигла Паннонии. Другая пошла на север по направлению к Киеву и разбила свои палатки на его окраинах²³. Оказавшись неспособными захватить город, они повернули на запад к Трансильвании. Эта группа называлась «черные угры» в «Повести временных лет». В конце концов обе группы объединились, установив свой контроль над регионом Среднего Дуная и Тисы, то есть на территории сегодняшней Венгрии (около 899 г.)²⁴.

Оккупация Венгрии мадьярами стала судьбоносным событием в истории славян, из которых три группы — западная, восточная и южная — теперь оказались частично отделенными друг от друга мадьярским клином. Непосредственным результатом мадьярского вторжения было падение королевства Великой Моравии. Его большая часть была оккупирована мадьярами. Белая Хорватия, то есть Галиция, присягнула в верности Олегу. В повествовании летописца о походе Олега в 907 г. против Константинополя как хорваты, так и их соседи дулебы (в регионе Волыни) упоминаются среди русских племен, участвовавших в кампании. Для Олега наиболее важным результатом мадьярской миграции было то, что весь днепровский речной путь от Киева до Черного моря оказался теперь в его распоряжении. В поздних источниках остров Св. Григория (Хортица) на Днепре, ниже порогов, и остров Св. Этерия (Березань) в днепровском устье упоминаются как главные стоянки русских купцов на пути к Константинополю. Предположительно плавбазы на обоих островах были основаны Олегом сразу после ухода мадьяр.

В перечне русских племен, принявших участие в кампании Олега в 907 г., мы также находим имя тиверцев, чьи поселения были в устье Днестра. Возможно, они были завоеваны Олегом в водной экспедиции, начавшейся из Березани. Однако вой-

ска Олега могли также достичь тиверцев с севера, высадившись вдоль Днестра из Галиции.

Обратимся теперь к походу Олега 907 г. Согласно «Повести временных лет», это была комбинация кавалерийского рейда через Булгарию и морской операции. В последней, как говорят, участвовало две тысячи лодок. Русские достигли Константинополя одновременно с суши и с моря, и окраины имперской столицы были безжалостно разграблены. Греки преградили доступ к внутренней части Константинополя — Золотому Рогу — цепями, но, по истории летописца, Олег приказал поставить лодки на колеса и таким образом по крайней мере часть русской эскадры добралась посуху к расположенным выше богатствам Золотого Рога. Греки запросили мира, согласившись платить дань и заключить торговый союз, выгодный для русских. Перед отходом от Константинополя Олег, согласно преданию, водрузил свой щит на ворота города.

Прямого упоминания об этой кампании в византийских источниках нет, и многие историки выражают сомнение относительно подлинности русского повествования. Среди тех, кто отказывается принять его, немецкий ученый Герхард Лэр и бельгийский специалист в области византистики Анри Грегуар²⁵. Однако большинство исследователей как русской, так и византийской истории все же рассматривают жизнеописание «Повесть временных лет» в целом как достоверное. Византист Георгий Острогорский подверг воззрения Грегуара детальной критике²⁶, убедительность которой наверняка Грегуар не склонен признать. Я же с нею согласен.

По моему мнению, лучшим доказательством истинности повествования «Повести временных лет» является содержание русско-византийских договоров 907 и 911 гг. О первом в «Повести» есть лишь краткое упоминание, относительно второго — полный текст. Достоверность последнего очевидна, поскольку словесное оформление русского текста делает абсолютно ясным, что это — перевод с греческого, демонстрирующий все черты формального стиля византийских документов подобного типа. Итак, содержание обоих договоров столь выгодно русским, что ни один византийский император того времени не согласился бы подписать такой документ без принуждения, связанного с военным поражением.

Далее, как указывает Острогорский, хотя в византийских источниках не существует прямого упоминания о походе Олега, можно найти некоторые не прямые свидетельства. В своей книге «О церемониях» Константин Багрянородный упоминает об участии вспомогательных русских судов в критской экспедиции 910 г. Они, вероятно, были посланы Олегом в знак его дружбы с императором. Можно также подчеркнуть, что в арабском труде «Табаи аль-Хайа-ван», принадлежащем Марвази (написан около 1120 г.) русские, по преданию, достигли Константинополя «несмотря на цепи в заливе». Как предполагает В. Ф. Минорский, это, возможно, является ссылкой на кампанию Олега 907 г.

Согласно условиям договора 907 г., греки должны были заплатить огромную контрибуцию — по двенадцать гривен за каждую уключину двух тысяч русских лодок — и в дополнение выделить специальные фонды для важнейших русских городов (Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любека и других). Из этих фондов византийское правительство должно было обеспечить обильную пищу для купцов этих городов в течение их пребывания в Константинополе, а также снабдить их лодки едой и всем необходимым для обратного пути из Константинополя на Русь. Во время визита русских в Константинополь их размещали в пригороде, близ церкви Св. Богородицы. Им разрешалось входить в город, не имея при себе оружия, группами не более пятидесяти человек, в сопровождении византийского комиссара. Характерно, что русские купцы при торговых сделках не должны были платить какую-либо пошлину²⁷.

Договор 907 г. стал основанием дальнейшему коммерческому взаимодействию между русскими и греками. В соглашение 911 г. было добавлено несколько юридических деталей технического порядка²⁸. Разрешение проблем взаимных оскорблений, убийств, воровства и других преступлений, совершенных гражданами одной страны против граждан другой, подверглось урегулированию, особое внимание уделялось случаям бегства рабов. Все условия основывались на духе полного равноправия двух наций. Возможно, наиболее замечательной чертой договора является взаимное обещание оказывать помощь потерпевшим кораблекрушению торговцам чужеземного

происхождения. Это противоречит так называемому «береговому праву», практиковавшемуся в большинстве европейских стран в это время, согласно которому в случае кораблекрушения местные властители должны были конфисковать все выброшенные на берег вещи потерпевшего бедствие торговца и обратить в рабство его вместе с командой. Закон был отменен в Италии в двенадцатом столетии, а в Англии и Фландрии в тринадцатом веке первоначально только по отношению к ганзейским купцам. Общий же отказ от практики «берегового права» в Европе произошел еще позже.

3. Первые неудачи: Игорь

Успех Олега в Черном море открыл дорогу русской торговле, оживив коммерческое взаимодействие между русскими и греками, что создавало основу благосостояния для княжества.

Картина того, как осуществлялась русская торговля с Константинополем в десятом веке, может быть получена из сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей». Согласно этому автору, существовало регулярное расписание для сбора товаров и их отправки. В ноябре киевский князь и члены его дружины начинали объезд славянских племен для сбора дани (полюдь). Из других источников мы знаем, что главными товарами в русской экспортной торговле в это время были меха, воск и рабы. Все это доставлялось киевскому князю во время посещения платящими дань племенами. Некоторые из них, как известно, платили деньгами. Князь и его дружина проводили таким образом всю зиму, с тем чтобы возвратиться в Киев в апреле. Одновременно славяне, живущие в верховьях Днепра, начинали делать лодки из выскобленных стволов деревьев, и уже весной, когда озера и реки освобождались ото льда, их перегоняли в Киев и продавали «русским», то есть князю, его свите и киевским купцам.

Затем лодки оснащали уключинами и загружали. Мы можем легко вообразить лихорадочную деятельность по сбору флотилии, в которую, очевидно, вовлекались тысячи лю-

дей. Каждый год в апреле и мае Киев выглядел как большая верфь, где кипела работа. Как только все было в состоянии готовности, флотилия двигалась вниз до днепровских порогов. Здесь лодки разгружали и тянули по суше вместе с товарами вдоль берега реки, ниже быстрин их вновь загружали. Позднее, когда печенеги, полные сил, пришли в черноморские степи, пересечение порогов стало опасной операцией для русских: уязвимые во время перемещения груза волоком, они подвергались атакам кочевников.

Ниже порогов вновь собранная флотилия останавливалась на острове Св. Григория, где русские язычники под огромным дубом приносили в жертву своим богам петухов. Следующая остановка была в устье Днепра на острове Св. Этерия, здесь лодки оснащались парусами. Затем они плыли на запад вдоль северного побережья Черного моря к устью Днестра, откуда после остановки шли к устью Дуная. От дельты Дуная они следовали к Констанце, Варне и Месембрию, которая во времена творческой активности Константина (около 953 г.) являлась последней точкой русского путешествия.

На обратном пути (не описанном Константином) русские везли более деликатные товары — шелковые ткани, специи, вина и фрукты. Поскольку этот груз требовал гораздо меньше корабельного пространства, часть лодок, возможно, продавалась грекам и булгарам или же просто оставлялась, освобожденная от уключин, парусов и другой экипировки.

Вряд ли можно определить с какой-либо степенью точности объем товаров, переправлявшихся каждое лето из Киева в Месембрию, однако правомерно порассуждать об этом. Из воспроизведенной Константином картины создается впечатление, что флотилия была огромна. Предположительно она состояла из нескольких сотен лодок, возможно — более тысячи. Конечно, они представляли собою, по определению Константина, *monoxila*, то есть каждая из них делалась из монолитного ствола дерева. Но такие стволы, срубленные в девственных лесах Северной Руси, должны были быть громадными.

Аналогичные лодки использовались запорожскими казаками в шестнадцатом и семнадцатом столетиях²⁹. Казаки фактически имели лодки двух типов: речные и морские. Казац-

кое слово для обозначения лодки — «чайка» берет начало от тюркского «чэй» — река и изначально было приложимо к маленьким лодкам, но позднее стало обозначать также и другой их тип. Речная лодка являла собою чистый и простой моноксилон — каноэ. Она использовалась для рыболовства и для перевозки малых грузов; ее грузоподъемность составляла десять человек. Подобные каноэ, без сомнения, использовались русскими киевского периода для аналогичных целей, но киевский моноксилон, ориентированный на византийскую торговлю, должен был быть значительно больше и по типу более схожим с морской или казацкой чайкой. Для этого ствол дерева служил лишь основанием, на котором из тяжелых дубовых досок воздвигалась сама лодка. Чайка имела длину от пятнадцати до двадцати метров, ее вершина была шесть-семь метров, а высота около шести метров. Она вмещала от пятидесяти до семидесяти вооруженных казаков, от четырех до шести легких пушек и значительное количество амуниции и еды. Судно было экипировано мачтой и двадцатью — сорока веслами. Предполагая, что лодки русской флотилии десятого века имели сходство с мореходными казацкими лодками и что ежегодная флотилия насчитывала не менее пятисот единиц, общий объем перевозимого груза должен был составлять порядка десяти тысяч тонн. А если предположить, что половина объема использовалась для транспортировки «живого товара» — рабов или иных целей, то при самом скромном подсчете собственно товар весил около пяти тысяч тонн.

Это — небольшой объем груза для торгового флота по нашим меркам. Однако он весьма впечатляет при сравнении с общепринятыми стандартами практики Средневековья. Даже в четырнадцатом и пятнадцатом столетиях общий товарный объем годичных перевозок из Италии в Германию через перевал Сен-Готтард — один из основных путей европейской континентальной торговли в Средние века — обычно составлял 1250 тонн³⁰. Совокупный тоннаж итальянских и ганзейских торговых флотилий этого периода был гораздо больше, но в десятом веке западная морская торговля не могла представить чего-либо схожего с русско-византийской торговлей.

Итак, если мы рассматриваем ежегодную русскую флотилию в границах каролингской коммерции, то должны прий-

ти к заключению, что размеры русской зарубежной торговли были значительно выше западноевропейских объемов этого периода.

Описание Константином русской флотилии является ценным источником не только для исследования русской торговли, но также и для изучения русского государства и способа правления в первой половине десятого столетия. Согласно этому писателю, сердце русского государства находилось в Киеве, и лишь киевский регион назывался в собственном смысле Русью. Все остальное являлось «окраиной Руси», состоящей из славянских племен, которые платили дань киевскому князю. Однако было бы неправильным заключить, что все эти земли были просто киевскими колониями. Картина, данная Константином, неполна, ее можно дополнить свидетельствами из других источников. Прежде всего, следует упомянуть, что множество племен подчинились Киеву на различных условиях. Некоторые платили дань в натуральном выражении, другие — деньгами; одни несли более тяжелую, другие лишь «легкую», то есть номинальную, повинность. Далее мы должны рассмотреть свидетельства русско-византийского договора 907 г., согласно которому греки обязаны были выделить отдельные фонды для ведущих русских городов — Киева, Чернигова, Переяславля и т. д. Как отмечает летописец, в каждом из этих городов властвовал собственный князь. И разумеется, из преамбулы к русско-византийскому договору 911 г., равно как и из договора 945 г., мы знаем, что ни Олег, ни Игорь не были единственными правителями Руси, другие князья упоминаются как подчиняющиеся власти великого князя. Итак, мы имеем феодальную лестницу с сюзереном во главе и васалами внизу. Далее, хотя нам мало известно об отношениях между Киевом и Тмутараканью в это время, из скудных свидетельств мы можем предположить, что последний город все еще управлялся собственным князем — каганом.

В любом случае политическая структура Руси в первой половине десятого века при всей ее примитивности была гораздо более сложна, чем можно представить, базируясь лишь на свидетельствах повествования Константина Багрянородного. Видимо, степень субординации племенных князей по отношению к киевскому князю в различных случаях варьирова-

лась. Некоторые из них скорее были союзниками, нежели вас-салами.

Положение князя в провинциях, где дань взималась натурой самим великим князем, возможно, было наиболее тяжелым. Однако даже в таких случаях должно было существовать определенное соглашение относительно доли великого князя в местных налоговых сборах, и, если договоренность нарушалась с его стороны, местный князь, очевидно, прибегал к противодействию, как мы видим из истории смерти князя Игоря в «Повести временных лет».

Обратимся к Игорю и его политике. Согласно традиции, Игорь был потомком Рюрика, и нет никаких поводов сомневаться в этом. Однако можно предположить, что он был скорее внуком Рюрика, нежели его сыном, как утверждается в «Повести временных лет». При Олеге Игорь должен был играть всецело подчиненную роль. Он упоминается лишь однажды по поводу его женитьбы, и даже здесь упоминается, что этот союз был организован Олегом (903 г.).

Женой Игоря была Ольга — уроженка Пскова. У нее скандинавское имя, но она должна была быть славянской девушкой, как вскоре будет объяснено. В то время как Игорь описывается в летописи с малой симпатией, его жена возвеличивается как «мудрейшая среди женщин». Поскольку Ольга в конце концов стала христианкой, ее популярность у летописцев может быть легко объяснена. Однако язычество Олега и Святослава не лишало этих князей похвалы летописцев. Должно быть, в природе Игоря было что-то объяснявшее холодность летописцев по отношению к нему. В истории его смерти он подается как жадный и коварный человек. Возможно, что таким он и был.

По свидетельству «Повести временных лет» у Игоря и Ольги был только один сын — Святослав. Ко времени смерти Игоря (945 г.) он был ребенком, появившимся на свет, по Лаврентьевскому списку, в 942 г. Если принять на веру дату женитьбы Игоря по «Повести временных лет» (903 г.), Ольге было гораздо за сорок или даже за пятьдесят во время рождения Святослава, если ко времени своего замужества она была совсем девочкой. Очевидно, Святослав не был ее первым ребенком. Если мы признаем, что он имел старших братьев, то одного из

них можно предположительно отождествить с «Халгу, королем Руси», упомянутым в еврейском документе, в так называемом «Письме хазарского еврея десятого века», впервые опубликованном Шлехтером в 1912 г. О нем полнее будет сказано в заключение этого раздела. Достаточно отметить здесь, что Халгу — очевидно, то же имя, что и Хелги — в русском произношении Олег.

Согласно «Повести временных лет», князь Олег умер в 913 г. (возможно, в 912 г.). Кажется возможным, что, удачно завершив свои переговоры с Византией и получив Черное море для русской торговли, он обратил свое внимание на Каспийское море и Закавказский регион. Предпосылкой для этого было тесное взаимодействие между Киевской Русью и тмутараканскими русскими. В 909–910 гг. шестнадцать русских кораблей, предположительно посланных тмутараканским каганом, появились на южных берегах Каспийского моря. Русские попытались высадиться в Ензели, но были отбиты³¹. Со всей очевидностью это была разведывательная экспедиция, за которой должна была последовать действительная кампания, подготовка к которой началась сразу же после первой.

Поход был осуществлен после смерти Олега (913 г.). Его преемник Игорь должен был лично вести свою дружину в Тмутаракань, естественную базу для наступления. Однако он не пошел дальше, поскольку новости о восстании древлян побудили его возвратиться в Киев с частью своих войск. Другая часть осталась в Тмутаракани. Русские поднялись вверх по Дону к волжскому волоку и вниз по Волге спустились к Каспию. Они получили разрешение хазарского кагана на экспедицию в обмен на обещание поделить трофеи.

Русские разграбили юго-западные берега Каспийского моря, используя Апшеронский полуостров (регион Баку) в качестве базы для сохранения трофеев. Они поддерживали базу в течение нескольких месяцев, после чего на тяжело нагруженных награбленными вещами судах направились домой. Несмотря на отданную кагану установленную соглашением долю добычи, в устье Волги они были коварно атакованы его гвардией и полностью разбиты. Согласно Масуди, около тридцати тысяч русских погибли и лишь некоторые уцелели (914 г.)³².

Тем временем Игорь подавил восстание древлян, наложив на них в наказание более тяжелую дань. Его злоключения, однако, не закончились, поскольку в 915 г. на Русь (то есть в киевские земли) вторглись печенеги. С ними как-то удалось достичь соглашения, и они отправились с рейдом на Булгарию. Пять лет спустя (920 г.) они появились вновь, и Игорю пришлось с ними сразиться. Из этих кратких сведений в «Повести временных лет» можно увидеть, что в это время печенеги еще не представляли какой-либо реальной опасности для Руси. Их главная орда все еще находилась к востоку от Волги. Впоследствии в балканской кампании Игоря 944 г. печенеги действовали как его союзники.

В «Повести временных лет» не содержится информации о политике с 920 по 941 г. Предположительно это был период мира, в течение которого русские собрали силы для дальнейших экспедиций против Анатолии и Закавказья. «Повесть» описывает лишь анатолийскую кампанию (941 г.); арабские источники говорят о русском походе в Закавказье (943–944 гг.), в то время как еврейские документы проливают некоторый свет на взаимосвязь между ними.

Начнем с анатолийской кампании Игоря. Малая Азия была в это время частью Византийской империи. Причины разрыва Игоря с греками неизвестны; его морская экспедиция в Анатолию в 941 г., очевидно, была совместной операцией киевских и тмутараканских русских. «Письмо хазарского еврея» упоминает «Халгу, короля русских» в связи с русской войной против греков и последующим «выводом» русских в «Персию» (Закавказье)³³. Согласно моему предположению, Халгу, или Олег, был сыном Игоря. Он не мог быть князем Киевской Руси, поскольку киевский стол принадлежал самому Игорю. Поэтому мы можем предположить, что он был князем, или каганом, тмутараканских русских.

Русские высадились на побережье Анатолии на Черном море и разграбили византийские провинции Вифинию и Пафлагонию, продвигаясь на запад до Никомедии, до того момента, как византийским полководцам удалось собрать достаточное войско для отражения агрессоров. Когда последние добрались до своих судов, их флотилия была атакована византий-

ской морской эскадрой и легко побеждена при помощи знаменитого «греческого огня»³⁴.

В то время, когда сам Игорь вернулся в Киев, большая часть тех, кто остался от русской армии, двинулась в Тмутаракань, откуда двумя годами позже они предприняли кампанию против Закавказья. В это время богатый город Бардаа в Азербайджане оказался главной целью русского натиска. Русские в этом случае последовали по пути Саварти, который атаковал Бардаа между 750 и 760 г. По моему предположению, Саварти мог быть шведом³⁵. Русская кампания в Азербайджане описана в деталях в арабской хронике Ибн-Мискавейха, который жил в конце десятого — начале одиннадцатого века (он умер около 1030 г.). Он пишет: «В этом 332 г. хиджры (943—944 гг.) армия народа, названного русскими, вторглась в Азербайджан, где они атаковали и захватили Бардаа, беря в плен его жителей. Они — могучий народ с большим размахом и великой смелостью. Им неизвестно поражение, и никто из них не поворачивается спиной к врагу, пока не убьет его или сам не будет убит»³⁶.

Приблизившись к городу, русские обратились к жителям со следующим воззванием: «Между нами нет спора по поводу религии; мы лишь хотим власти; нашим долгом является хорошо относиться к вам, а вашим быть верными нам». Поскольку город отказался капитулировать, русские штурмовали его и приказали всем жителям эвакуироваться в течение трех дней. Те, кто остался после этого срока, были либо убиты, либо должны были выплатить огромный выкуп.

Используя Бардаа в качестве своей базы, русские разграбили его окрестности и собрали огромное количество трофеев. Там они провели несколько месяцев, но в конце концов были окружены и разгромлены превосходящими их мусульманскими силами. Их предводитель был убит в сражении. Остатки русской армии «направились к реке Кур, были готовы суда с командой, на которых они отправились из дома. Они погрузились и отправились, и Бог спас их от мусульман».

В еврейском документе, приведенном ранее, говорится, что король Халгу погиб «в Персии» с основной частью своего войска. Мы можем предположить в таком случае, что «предводи-

тель» русских, упомянутый в истории Ибн-Мискавейха, был Халгу.

Катастрофические последствия закавказской кампании и потеря сына Олега (если Халгу был его сыном) не отвратили Игоря от еще одной попытки ударить по Византии. Согласно «Повести временных лет», он нанял ватагу варягов «за морем» (то есть в Скандинавии), равно как и орду печенегов, с тем чтобы укрепить киевские войска. Среди славянских племен согласились участвовать в кампании словене, кривичи и тиверцы.

Летом 944 г. армия Игоря достигла берегов Дуная, где и была встречена посланцами византийского императора, которые привезли богатые подарки как для русских, так и для печенежских предводителей и предложили мир. Игорь собрал свою свиту на военный совет. Воспоминания о разрушительной силе «греческого огня» все еще преследовали русских бояр, и совет проголосовал за принятие византийского предложения. Формальное мирное соглашение было подписано в 945 г.

Византийско-русский договор 945 г. может быть охарактеризован как подтверждение и продолжение договоров 907 и 911 гг. Он более детализирован и точен, нежели ранние соглашения. Лишь в одном пункте урезаны привилегии русских купцов: условие относительно освобождения от пошлинных платежей не было включено в Игорев договор. В дополнение к статьям торгового и юридического порядка имеются два примечательных политических пункта относительно Крыма («Корсунская земля», Корсунская страна) и черных булгар (пункты 8 и 11)³⁷.

Текст этих пунктов довольно неясен, и их содержание интерпретировалось учеными различным образом. Насколько я их понимаю, они составляют специальное соглашение между «русским князем» и византийским императором, согласно которому князь брался защищать Крым от черных булгар, а император обещал свою помощь князю в его конфликте с теми городами Крыма (очевидно, находившимися под хазарской властью), которые не признают его власть; таким образом, соглашение утверждало альянс между русскими и византийцами против хазар и черных булгар.

Теперь возникает вопрос, кто был «русским князем», упомянутым в пунктах 8 и 11 соглашения? Им не мог быть Игорь, поскольку его титул был «великий князь». Титул упомянут во многих пунктах договора (1, 2, 16). Однако, согласно пункту 1, договор был заключен не только от имени «великого князя», но и от имени «Игоря, великого князя русских, и всех князей, всех людей земли русской». Каждый член княжеской семьи, включая жену Игоря Ольгу, был представлен своим собственным посланником. Представлены были две русские женщины, каждая специальным посланником: Сфандра, жена Улеба (Глеба), и Предслава. Могла ли быть Предслава вдовой Халгу (Олега) Тмутараканского?

В любом случае русские из Тмутаракани должны были быть представлены на переговорах, которые повели к заключению договора, и, возможно, властитель Тмутаракани подразумевается под титулом «русский князь» в пунктах 8 и 11 договора.

Из текста соглашения, если я правильно понимаю, становится очевидным, что князь тмутараканских русских контролировал в середине десятого столетия некоторые части Восточного Крыма в дополнение к Тмутаракани. Он также, как оказывается, контролировал как восточное побережье Азовского моря, так и устье Дона. Этот регион был одним из центров аланов-ас со второго века. Поскольку, согласно моей догадке, под «черными булгарами» подразумеваются волжские булгары³⁸, именно благодаря своему контролю бассейна Нижнего Дона «русский князь» был в состоянии предотвратить вторжение черных булгар в Крым.

Договор 945 г. должен рассматриваться как важное достижение политики Игоря. Однако лично он не был удовлетворен, поскольку подарки, полученные от императора, не были достаточными для покрытия расходов его неудавшейся кампании 944 г. Для этого похода, как нам известно, он нанял печенегов и варягов, чтобы усилить свой натиск на Константинополь. Очевидно, он надеялся заплатить им часть трофеев. Но трофеев не было, а вспомогательные войска требовали установленной платы. Игорь удовлетворил печенегов, позволив им разграбить Булгарию. Но оставались еще варяги со своими притязаниями. Именно в свете разрешения этих требова-

ний мы можем лучше всего понять отношения между Игорем и его воеводой Свенельдом. Свенельд сыграл важную роль в событиях, поведших к смерти Игоря, и позднее стал одним из главных помощников сына Игоря — Святослава. И все же имя Свенельда не включено в перечень русской знати в договоре 945 г. Очевидное заключение сводится к тому, что во время подписания договора он не считался русским (то есть киевским русским или тмутараканским русским). Предположительно он был одним из нанятых варягов; более точно — командиром варяжского отряда, нанятого Игорем.

Согласно летописи Никона, Игорь гарантировал Свенельду право собирать дань с уличей и древлян³⁹. Это, очевидно, было сделано, чтобы уладить вопрос с варяжскими требованиями. Уличи в это время еще не признали власть великого князя, и Свенельд должен был сперва завоевать их.

Хотя варяги были таким образом удовлетворены, русская дружина Игоря стала ворчать: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». После этого Игорь повел свою дружину в землю древлян и, несмотря на их протесты, собрал с них дань в дополнение к полученной Свенельдом. Очевидно, что большая часть ее ушла к его окружению, и Игорь еще раз возвратился в землю древлян в сопровождении немногих, оставшихся с ним, для получения личной доли дани. На этот раз древляне не потерпели вымогательства. Согласно красочной истории «Повести временных лет», их князь Мал сказал народу: «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». Затем древляне атаковали Игоря и его маленькую свиту и убили всех их.

4. Передышка: Ольга

Ко времени смерти Игоря его сын Святослав был просто мальчиком, и именно поэтому его вдова, княгиня Ольга, взяла власть в свои руки. Благодаря своему окончательному обращению к христианству и последующей канонизации Оль-

ге уделено огромное внимание в русских летописях, равно как и в исторической традиции. Даже строгое наказание, которому она подвергла древлян, чтобы отомстить за смерть Игоря, описывается летописцем с очевидным обожанием ее мудрости и возможностей.

В определенном смысле решение Ольги принять христианство является само по себе свидетельством ее разумности и тонкости интеллекта. Но в дополнение имеется еще и свидетельство ее возможностей как правительницы. В целом она должна была быть замечательной женщиной.

Ольга родилась около 890 г. в Пскове, возможно, в славянской семье. Пытаясь установить ее национальное происхождение, мы должны начать с антропологических данных ее великого внука Ярослава Мудрого, сына Владимира Святого. Согласно недавнему исследованию скелета Ярослава, его череп не относится к нордическому типу; он схож с черепами новгородских словен. От кого мог приобрести Ярослав славянские черты? Его матерью была Рогнеда, княгиня Полоцкая скандинавского происхождения. Его отец Владимир был сыном Святослава и домоуправительницы Ольги Малуши. Дед Владимира Игорь был, как мы знаем, скандинавского происхождения. С тем чтобы объяснить славянский антропологический тип потомков Владимира, мы должны предположить, что либо его мать или бабушка, или та и другая были славянского происхождения. Согласно Шахматову, его мать Малуша была норвежкой, а имя Малуша является русской версией скандинавского имени Малфрид. Если это так, то Ольга единственная среди предков Ярослава может быть ответственной за его славянский тип. Остается, однако, возможность, что как Ольга, так и Малуша, обе были славянского происхождения. Имя Ольга, разумеется, скандинавское (Хелга); она могла получить его во время своего бракосочетания.

Ольга была богатой женщиной. Еще до кончины Игоря она владела поместьями с землей в различных частях княжества. В летописях упоминается, что город Вышгород близ Киева принадлежал ей; кроме того, она имела деревню Ольжичи в районе Десны и несколько деревень в районах Пскова и Новгорода. После смерти Игоря Ольга должна была стать наиболее богатой землевладелицей на Руси. Это — важный

момент, поскольку ее административные реформы были начаты и проверены в ее собственных владениях.

Ее главной целью стало предотвращение впредь инцидентов, подобных тому, что повлек за собою смерть ее мужа. Поэтому она отменила обычай полюдья — зимней экспедиции князя по сбору дани. Вместо этого страна была разделена на несколько районов, каждый из которых находился под властью наместника князя или местного органа по сбору налогов. Такой местный орган стал известен как погост. Иными словами, дань, собираемая с автономных племен, была заменена одинаковыми налогами, выплачиваемыми всем населением. В ходе реализации этой реформы большинство местных князей лишились своей власти, а автономия племен была радикально урезана. Это привело к централизации финансовой администрации, по крайней мере по отношению к Западной Руси (земле древлян) и Северной Руси (новгородская земля). Киевский край находился в ведении постоянной княжеской администрации еще до правления Олега.

Ко времени смерти Игоря значительное количество русских бояр должно уже было быть крещено. Как «христианская Русь», так и «языческая Русь» упомянуты в русско-византийском договоре 945 г.. Согласно «Повести временных лет», Ольга была крещена в Константинополе в 955 г. Этой информации противоречит официальное описание ее приема в императорском дворце в Константинополе у Константина Багрянородного. По этому документу, датой визита Ольги в Константинополь является 957 г.; он также объясняет, что ко времени ее визита она уже была христианкой.

Большинство русских историков пытаются разрешить эту загадку, предполагая, что Ольга ездила в Константинополь дважды: в 955 г., когда она была крещена, и еще раз — в 957 г. Эта теория кажется искусственной и едва ли обоснованной, и в этом все более убеждаешься, поскольку в описании Константина не содержится и намек, что ее прием во дворце в 957 г. не был первым. Более того, путешествие киевской княгини в Константинополь не было обычным событием, и, если бы Ольга предприняла два путешествия, это, вероятно, было бы зафиксировано в ее жизнеописании. Гораздо более вероятно, что княгиня была крещена в Киеве в 955 г., так же как

был позднее крещен ее внук Владимир в 988 г. Ее крещение, очевидно, было поддержано Константинополем, поскольку она приняла христианское имя Елена, бывшее именем жены императора Константина. Аналогичным образом Владимир позднее принял имя Василий в честь правящего императора.

Хотя обращение Ольги в христианство должно было укрепить христианскую партию Киевской Руси, за ним не последовало обращения всего народа. Языческая партия была еще сильна, сплачиваясь вокруг ее сына Святослава, мальчика в возрасте чуть более десяти лет во время крещения его матери. Бесплодными были усилия Ольги рассказать ему о христианской вере — он отказывался слушать.

Как и в некоторых других случаях обращения славян в христианство, например, в Болгарии, оппозиция перемене вероисповедания была отчасти политической. Учитывая тесную связь между церковью и государством в Византии, можно полагать, что как только иной народ подвергался обращению, византийский император настаивал на признании новообращенными не только власти константинопольского патриарха как главы церкви, но также и себя как политического сюзерена.

Для предотвращения подчинения императору каждая славянская нация старалась ограничивать также власть патриарха. Поэтому славянские лидеры в каждом случае пытались организовать свою церковь как автокефальный институт. В качестве предварительного шага они настаивали на ее существовании как национальной единицы — диоцеза патриарха Константинополя, возглавляемого митрополитом или архиепископом. Когда подобная претензия была отвергнута, болгары временно изменили свою приверженность константинопольскому патриарху в пользу римского папы⁴⁰. В конце концов Болгарская церковь получила статус автокефальной от патриарха.

В случае Ольги языческая партия на Руси не могла предотвратить ее личное обращение, но со всей очевидностью находилась в оппозиции к обращению народа до той поры, пока Русской церкви не будет гарантирована некоторая автономия. С целью ходатайствовать об автономии Ольга и приехала в Константинополь в 957 г. Ее миссия не принесла желае-

мого результата, поэтому она повторила политику болгарского хана, обратившись к Западу — в ее случае к императору Священной Римской империи Оттону I.

Согласно летописцу, продолжившему хронику Регино, в 959 г. посланцы княгини прибыли к императору Оттону, прося о направлении в Россию епископа и священников, и в 960 г. монах Сент-Альбанского монастыря был рукоположен в епископы Руси, но никогда так и не побывал в этой стране, поскольку заболел и умер в марте 961 г. Монах монастыря Св. Максимиана в Триере Адальберт был вслед за этим посвящен и действительно отправился в Киев, но не был принят и возвратился в Триер в 962 г. М. Д. Приселков полагает, что его провал должен был быть результатом непонимания между Ольгой и Оттоном⁴¹. Ольга потребовала, чтобы Русская церковь была организована как автономный диоцез под руководством архиепископа или митрополита. Оттон послал ей лишь епископа с ограниченными полномочиями; Русская церковь должна была быть организована как простая епархия под полным контролем германского духовенства, что представлялось неприемлемым для русских. Интерпретация Приселкова выглядит довольно вероятной.

Неудача Ольги в обеспечении национальной организации для Русской церкви вылилась в подъем языческой партии. Ее лидер, сын Ольги Святослав, получил полноту власти в Киеве.

5. Великое приключение: Святослав

Короткий период царствования Святослава I (962–972 гг.) — один из наиболее драматических эпизодов средневековой русской истории. Работа по созданию фундамента внутренней силы Киевского царства, которая характеризовала правление Ольги, теперь была завершена, и вся дремлющая энергия русских воинов, их воля к имперской экспансии были раскованы, подобно тому как мгновенно распахиваются ворота большой плотины. Извергшийся поток казался сначала неотразимым, угрожающим (как это и случилось) всем сопредельным землям. Могучие удары следовали один за другим с быстротой

молнии: устрашающие легионы Святослава наносили удары в различных краях с огромной быстротой. Очевидно, что русские походы этого периода были хорошо спланированы и подготовлены заранее под личным контролем властителя.

«Повесть временных лет» уподобляет Святослава леопарду за быстроту его движений. Его мало занимали жизненные удобства. «Не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах».

Правдивая картина внешности и поведения Святослава может быть обнаружена в книге византийского историка Льва Диакона во фрагменте, который описывает его встречу с императором Иоанном Цимисхием на Дунае в 971 г.

«Император прибыл на берег Дуная верхом на коне, в золотых доспехах, в сопровождении огромной свиты всадников в блестящем облачении. Святослав пересек реку в чем-то наподобие скифской лодки; у него в руках было весло, также как и у его людей. По внешнему виду он выглядел так: он был — среднего роста — не слишком высок, не слишком низок. У него были густые брови, голубые глаза и курносый нос; он брил бороду, но носил длинные и густые усы. Его голова была выбрита, за исключением локона волос на одной стороне как знака благородного происхождения его рода. У него была толстая шея, широкие плечи, и в целом он выглядел красиво сложенным. Он казался мрачным и диким. На одном его ухе висело золотое ушное кольцо, украшенное двумя жемчужинами, между которыми был посажен рубин. Его белые одежды не отличались от одежд его людей и были лишь чище».

Эта картина Святослава очень похожа на портреты казацких гетманов шестнадцатого и семнадцатого столетий, включая даже локон волос на выбритой голове — так называемый оселедец.

Святослав соблюдал законы ведения войны. Он никогда не атаковал будущего противника без формального объявления войны. Посланец должен был доставить сообщение, которое всегда было очень коротким: «Выступаю против вас». Подобно Олегу, Святослав имел своей главной целью объединение сил Киевской Руси с Тмутараканской Русью, с тем чтобы рас-

ширить свой контроль над регионом Азова и в конечном итоге открыть дорогу к Каспийскому морю. Для этого было необходимо разбить хазар. Случилось так, что развитие событий в Крыму дало ему подходящий повод для начала наступления.

Как нам известно из анализа договора Игоря 945 г., существовал спор между тмутараканскими русскими и хазарами по поводу контроля над определенными городами в Крыму. В 962 г. хазары попытались подчинить крымских готов, и об этом событии мы знаем из фрагментов греческого документа этого периода — так называемой «Записки готского топарха»⁴². Неспособные отбросить хазар своими собственными силами, готы послали представителя к своим «союзникам» (крымским русским, согласно вероятному объяснению А. А. Васильева⁴³), прося последних собраться и обсудить ситуацию. На этой встрече было единогласно решено искать покровительства «владельца к северу от Дуная, который обладал бы сильной армией и был горд своими военными силами, от народа которого они не отличались по обычаям и манерам». Хотя имя правителя этого народа не упомянуто в документе, очевидна ссылка на Святослава и киевских русских. Было отправлено посольство в Киев и заключен договор, по которому крымские готы и русские признавали Святослава как своего сюзерена, а он, в свою очередь, обещал защищать их от хазар. При возвращении домой члены посольской миссии наблюдали интересный астрономический феномен: «Сатурн был в начале пересечения Водолея, в то время как солнце проходило через зимние знаки». Согласно астрономическим вычислениям, в период со второй половины декабря 874 г. до середины декабря 1021 г. Сатурн лишь однажды занимал положение между звездами, отмеченными в «записке» топарха, а именно в начале января 963 г. Это — один из редких примеров, когда дата исторического события может быть жестко зафиксирована с помощью астрономии⁴⁴.

Именно в 963 г., а не в 965 г. (дата, указанная в «Повести временных лет») Святослав атаковал хазар. Его главный удар был направлен на Саркел (Белая Вежа), хазарскую крепость на Нижнем Дону. После ее взятия Святослав подчинил Ясы (осетины) в бассейне Нижнего Дона и затем направился на юг в район Кубани, где косоги (черкесы) заявили ему о сво-

ей верности. Без сомнения, первая хазарская кампания была завершена его вступлением в Тмутаракань. На основе предстоящего договора между Святославом и крымскими народами он должен был быть признан в Тмутаракани как русский каган.

Непосредственная хазарская опасность для Крыма и региона Азова была устранена, но великий князь Киевский не был удовлетворен: его намерением было завоевать всю Хазарскую империю. Для этого ему нужно было контролировать все течение реки Волги, которое в средней части находилось в руках волжских булгар, а в нижней — хазар. Проход к царству волжских булгар преграждался вятичами, которые в это время все еще являлись вассалами хазарского кагана. Соответственно следующий удар был направлен против этого племени, которое, согласно «Повести временных лет», было побеждено в 966 г., хотя хронология этого периода нуждается в корректировке. Предположительно они сдались в 964 г., после чего Святослав был готов атаковать волжских булгар. Их столица Булгар подверглась штурму, была взята и разграблена русскими около 965 г.

И только тогда Святослав смог начать подготовку для финальной атаки на хазар. Однако в этот момент его внимание было отвлечено событиями на Балканах. Для понимания балканского фона в этот период необходимо иметь в виду отношения между Византийской империей и Болгарским царством. Константинополь встретил сильную угрозу со стороны болгар в начале десятого века, а затем в девятьсот шестидесятих годах. Используя свой обычный метод натравливания одной «варварской» нации на другую, византийская дипломатия теперь решила адресовать Святославу просьбу о помощи против болгар. Калокир, патриций и главный магистрат Херсонеса, получил соответствующую инструкцию императора Никифора Фоки вступить в переговоры со Святославом.

Выбор посла был очень важен. Херсон являлся одной из многих опорных точек в Крыму, все еще находившихся под контролем Империи; Святослав был признанным правителем большей части территории Крыма. Он не нуждался в дополнительных побудительных мотивах, поскольку был столь же заинтересован в Балканах, как и в Хазарии. Следуя по стопам

своего предшественника, русский князь отслеживал ход событий в Каспийском и Балканском регионах. В то время как его операции против Хазарии еще не завершились, византийское предложение представляло собой такую прекрасную возможность вмешаться в балканские дела, что он не мог и помыслить об отказе. Однако, как хитрый политик, он попросил о субсидии для подготовки к болгарскому походу и получил ее.

Лев Диакон сообщает, что Калокир заплатил ему 1500 фунтов золота в качестве задатка.

Внутренняя сторона этих переговоров кажется еще более запутанной. Есть основания предположить, что Калокир играл свою собственную игру, будучи скрытым противником императора Никифора. Как пишет Лев Диакон, «нанимая Святослава против болгар, он должен был доверительно намекнуть русскому князю, что его кампании на Балканах не должны ограничиться Болгарией. Возможно, что посол надеялся свергнуть императора Никифора с русской помощью и захватить трон для себя»⁴⁵. В случае удачи преимущества такой игры не только для Калокира, но и для Святослава были бы ощутимыми.

В любом случае в 967 г. Святослав напал на Болгарию, ведя за собой не менее чем сорокатысячную армию и имея Калокира во главе шестнадцатитысячного вспомогательного подразделения греков. К осени Северная Болгария была наводнена русскими, и Святослав создал свой зимний штаб в Переяславце (Малый Преслав), крепости, которая обеспечивала контроль за дельтой Дуная. В отчаянии болгарский царь обратился к печенегам, прося их с тыла напасть на русских. Возможно, что к этому времени новые орды печенегов были пропущены через Дон хазарами, что дало им возможность вторгнуться на территорию Руси. Вместо того чтобы атаковать Святослава, печенеги направились прямо к Киеву и осадили его. Мать Святослава — Ольга, жившая вместе с его сыновьями в Киеве, сумела послать гонца, умоляя сына спасти город. Оставив сильный гарнизон для поддержки Переяславца, Святослав повел свою дружину назад из Болгарии на Киев (968 г.). Он разбил печенегов без особого труда, после чего обратился к незавершенному плану уничтожения Хазарской империи. В русских источниках отсутствует информация об этой вто-

рой хазарской кампании, хотя она упоминается Ибн-Хавкалом. Согласно этому писателю, в 358 г. хиджры (968–969 гг.) русские разграбили как Булгар на Волге, так и Хазарию, включая города Итиль и Самандар. Мы видели, что Булгар, вероятно, был завоеван тремя годами раньше; предположительно он служил начальной точкой для экспедиции 968 г., когда русские спустились по Волге на лодках от Булгара до Итиля, разграбили город и пошли дальше на Самандар⁴⁶. Это было концом Великой Хазарской империи.

Не существует сведений, что сам Святослав участвовал в экспедиции; проведение ее, возможно, он доверил кому-либо из своих полководцев. Его сердце было в дунайской Болгарии. В 969 г. он объявил своей матери и боярам: «Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — паволоки, золото, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха, и воск, и мед, и рабы». Он согласился, однако, отложить свой отъезд до смерти матери: Ольга была стара и больна. Она сделала одолжение своему сыну, скончавшись три дня спустя. Согласно ее завещанию, не было никаких поминок; христианский священник совершил последний обряд над ее телом.

Вскоре после похорон Святослав двинулся на Болгарию. Поскольку он предполагал покинуть Киев навсегда, то оставил трех своих сыновей в качестве наместников: Ярополка — в Киеве, Олега — в земле древлян, а Владимира — в Новгороде. Тем временем болгары уладили свои расхождения с императором. Русский князь находился теперь перед единым фронтом болгар и византийцев. С другой стороны, Калокир был теперь открыто на стороне Святослава, подстрекая греков восстать против императора Никифора. И действительно, в Константинополе произошел дворцовый переворот, но им воспользовался не Калокир. Лучший и наиболее одаренный полководец Иоанн Цимисхий завоевал любовь императрицы и вместе с ней — власть. Никифор был убит, а его вдова вышла замуж за Иоанна, который теперь был провозглашен императором. Изменения на византийском троне не затронули, однако, русскую войну. Новый император был готов продолжить ее со всей присущей ему энергией, а Кало-

кир потерял все шансы на поддержку внутри императорского двора.

Тем временем Святослав быстро продвинулся внутрь Болгарии и захватил столицу — Великий Преслав; молодой царь Борис был взят в плен со всей семьей. Но в 971 г. удача оказалась благосклонной к Иоанну Цимисхию. Разбитые в нескольких битвах русские наконец нашли прибежище в крепости Доростол (Силистрия), где и были осаждены. Их потери росли, а запасы еды таяли, они запросили перемирия. В июле 971 г. Святослав заключил договор с греками, по которому он оставлял свои притязания на Болгарию и Крым и обещал не начинать войн с греками⁴⁷. На этих условиях русским было разрешено вернуться домой. После заключения мира произошла встреча между Иоанном Цимисхием и Святославом, описанная Львом Диаконом.

Однако болгары (или же это были византийцы?) обратились к печенегам, информируя их, что Святослав возвращается в Киев с богатыми трофеями и немногочисленным войском. Печенеги поэтому постарались перекрыть дорогу отступающим русским, заняв берега Днепра в районе порогов. Получив известия об этом перемещении, Святослав и его свита решили провести зиму в устье Днепра. Однако они ничего не выиграли, поскольку когда следующей весной двинулись на север, то были, как и планировалось, атакованы печенегами. Часть русских прорвалась через их ряды, но Святослав был убит в схватке. Куря, князь печенегов, приказал сделать из его черепа кубок, инкрустированный золотом, и пил из него. Таков был конец Святослава и с ним первой русской имперской мечты.

Глава III Обращение к христианству

1. Русское язычество

Наше знание религии древних славян далеко от истины вследствие малого количества источников⁴⁸. Более того, нелегко различать верования, общие всем славянским племенам, и те, что отличают каждое из них. С этой точки зрения трудно установить какие-либо определенные границы между славянским язычеством в целом и русским язычеством как религией русских славян. В любом случае можно сказать, что русское язычество, без сомнения, обладало некоторыми собственными характеристиками и представляло, благодаря географическому фону России, скорее многообразие верований, нежели религию какого-то славянского племени. Даже более религий других племен русское язычество не было единой системой догм, но скорее комплексом разнородных религиозных верований. Различия в религии русских славян были столь велики, что более точно говорить о двух или даже трех русских религиях вместо одной.

Почитание родовых предков исторически составляло наиболее глубокий уровень русских религиозных верований. Это

было сопряжено с более общей идеей размножения как глубинной силой каждого рода и семьи. Отсюда почитание Рода и Рожаницы. Слово «род» означает «клан», но в ранний период должно было также иметь дополнительное значение «поколение», в смысле производства потомства. Грамматически — это существительное мужского рода. «Рожаница» (единственное число от «рожаницы») производно от «рода»; грамматически оно женского рода. Вместе род и рожаницы представляют силы воспроизводства, внутренне присущие каждому роду. Еще в двенадцатом столетии многие русские все еще приносили дары хлебом, творогом и медом Роду и Рожанице, несмотря на увещевания духовенства воздержаться от языческих обычаев. В ранние периоды почитание Рода могло иметь фаллическое выражение⁴⁹. Более точно — каждый род почитал своего пращура, и каждое домашнее хозяйство предполагало защиту своего хранителя — домового.

Вера в духов леса и речных нимф так же стара, как и вера в домовых. Прокопий в середине шестого века заявлял, что славяне почитали «реки и нимф и некоторых других духов». Почитание деревьев упоминается в докиевских и киевских источниках. После крещения Руси почитание деревьев было запрещено духовенством, но обычай украшения деревьев во время народных праздников, устраиваемых в лесах, сохранялся в некоторых дальних российских краях даже в девятнадцатом столетии. Нимфы рек и деревьев были известны на Руси как русалки⁵⁰. Праздники в их честь назывались «русалии». Термин предположительно происходит от латинского *rosalia*, древней церемонии украшения могил умерших родственников гирляндами роз.

Вера в духов леса и воды была частью общего почитания сил природы. Четыре времени года понимались как стадии в борьбе между солнцем и морозом, воплощающейся в пробуждении и конце плодоношения ежегодно, равно как и в смерти и размножении животных и человека.

В общем, поклонение силам природы было приспособлено к рабочим циклам в земледелии и скотоводстве, и отсюда все то, что может быть названо народной сельской религией древних славян Руси с ее примитивным символизмом и периодическими праздниками⁵¹. Многие следы этой религии сохрани-

лись в фольклоре. Следом за обращением Руси в христианство языческие празднества приспособлялись к христианским праздникам или сливались с ними.

Народной религии были не известны священники и храмы. Но над нею был установлен более организованный языческий культ, воплощающий сложное поклонение. Социально это должна была быть религия высших классов. Этот высший слой русского язычества предположительно владел многими храмами, хотя в письменных источниках упоминаются лишь статуи языческих богов, воздвигнутые на холмах под открытым небом. Немногое известно о священниках (волхвах), которые отвечали за языческую обрядность или организацию своей касты. Предположительно они играли менее важную роль на Руси, чем среди балтийских славян.

Корни славянской религии уходят в глубь прошлого, тесно связанные с древним индоевропейским основанием. Согласно Мейе⁵², первоначальное понятие для обозначения «божества», которое может быть выведено из совпадения древних индоевропейских языков, получило выражение в символе *deiwo*s. Мы обнаруживаем *devah* в санскрите, *devas* в литовском, *deus* в латыни, *dia* в древнеирландском. В «Авесте» существует схожее понятие *daeua*, которое обозначает, однако, не «богов», а «демонов». Понятие *deiwo*s должно соотноситься с санскритским *dyaus* (небо, день), которое также имеет параллели в греческом и латинском. Идея «божества» здесь, очевидно, связана со «светом». Другая цепь понятий представлена санскритским *bhaga*, чему соответствует *bagha* «Авесты» и славянский бог. *Bhaga* имеет двойное значение «распределенного благосостояния» и «бога, который его распределяет». Аналогичным образом славянское понятие «бог» соотносимо с богатством. Таким образом, мы имеем две категории божеств или две стадии в развитии идеи божества: света и богатства.

В ведийской мифологии первый из этих двух принципов был представлен Дьяусом, «сиянием», богом неба. Его греческая параллель — Зевс. В древнеславянских текстах Зевс воспроизводится как Зевес или как Дий. Во вставках русского переводчика в славянский список проповедей Григория Назианзина, равно как и в апокрифическом «Откровении апостолов», упоминается бог Дий. Я не думаю, что он может быть

простым отражением Дия — греческого Зевса. Признавая внутренние трудности интерпретации имени, я склонен видеть в Дие прямую русскую параллель ведийского Дьяуса, в особенности потому, что в русских вставках в проповеди Григория Назианзина мы также встречаемся с женским именем Дивиа, подлежащим сравнению с санскритским *diva* (небо). Можно добавить, что в «Слове о полку Игореве» мы обнаруживаем демона, персонифицированного как грифон по имени Див. Это следует скорее связать со староиранским *daeva* (демон), нежели с санскритским *diva*.

В эпической мифологии периода «Махабхараты» Дьяуса сменил Сварга, бог неба. Его русской параллелью является Сварог, предположительно также представляющий небеса; правда, в русском словаре к переводу «Хронографии» Иоанна Малалы (ок. 491–578) он отождествляется с Гефестом, тогда Сварога надо рассматривать также как бога огня. В некоторых русских источниках огонь именуется Сварожич, то есть сын Сварога. Возможно, что Сварог представлял небеса как высший принцип света, из которого исходит огонь.

Со Сварогом связан другой русский бог — Дажьбог. Как мы только что видели в словаре к переводу Малалы, Сварог отождествляется с Гефестом; в другом словаре сын последнего Гелиос (бог Солнца) отождествляется с Дажьбогом. Источник первой части имени Дажь — был интерпретирован двумя различными путями. В 1865 г. А. Афанасьев предположил происхождение от санскритского *dah* (гореть)⁵³. В настоящее время общим мнением является, что «дажь» должен быть выведен из славянского глагола «дать». Согласно этой интерпретации, Дажьбог — «даритель благосостояния». С моей точки зрения, происхождение от «дать», если и является состоятельным вообще, может быть объяснено как вторичное производное в народной этимологии. Таким образом, Дажьбог оказывается скорее представляющим творческую и экономическую функцию солнца. Важно, что в «Слове о полку Игореве» русские именуются «детьми Дажьбога». Позже в русском фольклоре Дажьбог был вытеснен Ярилом — символом солнца и плодородия.

В источниках киевского периода в дополнение к Дажьбогу мы находим еще одного бога — Хорса, представляющего солн-

це в астрономическом смысле. Говоря о путешествии князя Всеслава на восток — то есть против направления движения солнца, — автор «Слова о полку Игореве» говорит, что Всеслав «пересек путь великого Хорса». Что же касается имени Хорса, В. Ф. Миллер предположил его происхождение от авестовского *hvare-Khsaeta* (солнца).

Другой важный русский бог — Стрибог. Его стихией была атмосфера; он осуществлял управление ветрами, которые названы в «Слове о полку Игореве» «внуками Стрибога». Относительно имени этого бога Роман Якобсон предложил возможную параллель между именами Стрибог и индоарийским Шри-деви. *Шри* на санскрите означает «красота», «удача»; Шри-деви — богиня Удачи. Следует отметить, что Стрибог по-русски — не женское, а мужское имя. С другой стороны, «стри» как на санскрите, так и на языке «Авесты» означает «женщина». В «Махабхарате» женщина поэтически божественна: Шри стри. Очевидно, что перед нами загадка. Мог ли Стрибог быть изначально женским божеством? В эпической мифологии «Махабхараты» некоторые божества представлены то как женские, то как мужские. Так, Дьяус, бог неба, всегда является мужским богом, но в его способности дарителя дождя «представлен женщиной, беременной в течение девяти месяцев и затем рождающей дождевую воду, состоящую из солнечных лучей»⁵⁴.

Дажьбог, Хорс и Стрибог кажутся составляющими нечто наподобие триады, эманурующей из Сварога. Дажьбог, как мы уже знаем, был открыто назван сыном Сварога. Хорс, представляющий солнечный свет, и Стрибог, представляющий атмосферу (воздух), должны были также рассматриваться как эманация небес, то есть Сварога. Все три могут в таком случае именоваться Сварожичи. В данной связи следует отметить, что один из богов балтийских славян в Щечине именовался Триглав («трехголовый»). Он может быть связан с богом или богами Ретра (Радогость), на которого Титмар Мерсебургский ссылается как на Зварасици. Это, очевидно, иная транскрипция Сварожича и может быть легко представлена множественным числом (Сварожичи), хотя Титмар применяет это имя лишь к одному богу — к первому лику божеств Ретра. Однако сам Титмар говорит, что языческий храм Ретра нахо-

дился в «трехрогом» замке, то есть замке с тремя башнями, по одной над каждым воротами. Предположительно каждые ворота охранялись Сварожичем.

В этой связи следует рассмотреть и имя Трояна. Этот бог упоминается в русских источниках по крайней мере дважды — в «Откровении апостолов» и в «Путешествии святой девственницы через ад». В «Слове о полку Игореве» используется прилагательное «троянский». Оно может быть производным от Трояна, но, по мнению как Анри Грегуара, так и Романа Якобсона, производно не от Трояна, а от Трои. Эта проблема нуждается в дальнейшем рассмотрении.

Что же касается имени Троян, многие ученые предположили его происхождение от имени римского императора Траяна. Эта гипотеза едва ли правдоподобна. С моей точки зрения, «троянский», подобно «триглавому», производно от «три» (дерево). Это имя должно было применяться к триаде Сварожичей. Троянский, я полагаю, могло быть эпитетом Сварога — их отца; следует упомянуть в данной связи, что по-украински *троянский* означает «отец трех сыновей» (тройняшек)⁵⁵ и оно также могло существовать в древнерусском языке. Оно хорошо подходило к Сварогу. Идея триады играла значительную роль в индоарийской мифологии, и Дива (небо), синоним Сварога, имеет также параллельную форму — Тридива. Здесь следует упомянуть и еще один термин индоарийской мифологии — Трьямбака, эпитет Шивы и его прототипа Рудры. Трьямбака буквально означает «имеющий трех матерей»⁵⁶. Если индоарийское божество может быть представлено как триада, почему бы славянскому божеству с индоарийским основанием не мыслиться как отцу триады?

В индоарийской мифологии Небо и Земля рассматриваются как «универсальные родители», от которых происходят все другие боги. Предположительно то же самое происходит и в индоарийском потоке славянской мифологии. Сварожичей можно рассматривать как рожденных в браке Сварога и Земли. Мы знаем, что культ великой богини был широко распространен в Южной Руси в скифский и сарматский периоды. Воспроизведение богини — популярный мотив в древнерусском народном искусстве. В былинах часто приводится «Мать Земля» с эпитетом «сыра» (мать сыра земля).

Даже в христианские времена мы обнаруживаем в России некоторые следы культа Земли, как, например, обычай поверять земле свои грехи.

Все это делает весьма возможным, что в древнерусском язычестве в добавление к культу Сварога и Сварожичей также практиковалось почитание великой богини — Матери Земли. Однако никаких свидетельств такого культа не сохранилось в письменных источниках.

Особняком от группы Сварога стоит божество иранского происхождения Смаргд, которое можно отождествить с Сенмурвом иранской мифологии и Симургом из «Шахнаме» Фирдоуси. В фольклоре некоторых кавказских племен оно известно как Паскудж. Сенмурв воспроизводился как «птица-собака», функцией которой было распространение семян жизни на воде и на земле. В определенном смысле это был символ плодородия, и его культ в конце концов должен был деградировать в непристойные оргии; важно, что русское слово *паскудный* — предположительно производное от Паскудж — означает «одиозный», «грязный», «плохой»⁵⁷.

Теперь мы подходим к Перуну, богу грома и молнии, который традиционно рассматривается как главный персонаж древнерусского пантеона. Это имя связано с литовским Перкунас и санскритским Парджанья⁵⁸.

Бог «творец молнии» упоминается Прокопием в его описании славян, и, хотя он не приводит имени, его свидетельство может рассматриваться как первое появление Перуна в письменных источниках (шестой век). Позднее имя Перун было упомянуто в русско-византийских договорах десятого века, что показывает отождествление Перуна с династией Рюриковичей в Киеве до его обращения в христианство. Поскольку сами князья, равно как и многие их приближенные, были скандинавского происхождения, мы можем предполагать, что в Перуне они почитали своего скандинавского бога — Тора. Тор был также известен на Руси под своим собственным именем Тур в русской транслитерации⁵⁹.

Происхождение Велеса (Волоса) неясно. В «Слове о полку Игореве» вдохновенный поэт Баян назван «внуком Велеса», из чего, как кажется, вытекает, что последний был богом поэзии и оракулов, схожим с Аполлоном. В резюме первого договора

Олега с Византией (907 г.) Велес характеризуется как бог скота. Скот в древнерусском имеет значение «деньги» и «скот». В данном случае Велес, очевидно, упомянут как покровитель торговли. В других источниках он появляется как защитник скота. Недавно г-жа Чадвик предположила, что культ Велеса должен был развиваться на Руси под скандинавским влиянием и что даже само имя Велес должно быть нордического происхождения⁶⁰.

Для рассмотрения остается еще одно русское божество — Мокош. На санскрите «мокша» означает «освобождение», «искупление». Понятие используется для выражения слияния с божеством, состояния высшего блаженства человеческой души. Это, однако, абстрактное философское понятие, а Мокош выступает в качестве конкретного божества. Согласно Грекову, Мокош — финское божество.

Из предшествующего обзора древнерусских божеств должно быть ясно, что русский пантеон имел очень сложные истоки. По крайней мере два различных культа практиковались в Древней Руси — Сварога и Хорса, а также Перуна и Велеса. Существование этого религиозного дуализма подтверждается археологическими свидетельствами. Нужно помнить, что на территории Древней Руси практиковались две формы погребального обряда: захоронение в землю и кремация. Первую предпочитали аланы, вторую — скандинавы и часть древних славянских племен, которая именуется Прокопием склавенами (словенами). Анты Прокопия, представлявшие восточную группу древнеславянских племен, находились, как нам известно, под значительным аланским влиянием, и, конечно, некоторые из этих антских племен хоронили своих умерших вместо кремации⁶¹.

Очевидно, что культ Перуна как бога молнии должен быть связан с кремацией. Соответственно Перуна нужно рассматривать скорее как бога словенов, а не антов. И соответственно захоронение в землю, практиковавшееся антами, является свидетельством существования среди них другого культа, предположительно Сварога и Хорса.

Один из центров антов и аланов был в регионе Азова. И с этим регионом — более точно, с Тмутараканью — может отождествляться почитание по крайней мере одного из бо-

жеств группы Сварога — Хорса; как раз на своем пути в Тмутаракань князь Всеслав «пересек путь Великого Хорса» согласно «Слову о полку Игореве». Предположительно не только культ Хорса, но и других индоиранских божеств нашел плодородную почву в регионе Азова и соответственно среди всех русских племен.

Рассматривая религиозную географию языческой Руси под политическим углом зрения, мы можем увидеть, что в то время, как Киевское государство росло под защитой Перуна, Тмутараканский каганат мог зависеть от защиты со стороны богов группы Сварога и Хорса. В конце концов Владимир установил идолов обеих групп богов в Киеве, но эта попытка языческого синкретизма не была долговременной, сменившись новой верой — христианством.

2. Святой Владимир до своего обращения (972–987 гг.)

Ко времени смерти Святослава три его сына управляли Русью в качестве наместников. Ярополк правил Киевом, Олег — землей древлян, а Владимир — Новгородом. Именно в Киев полководец Святослава Свенельд привел остатки армии убитого князя.

К потенциальному политическому треугольнику конфликтующих амбиций трех сыновей Святослава теперь был добавлен новый тревожный элемент — честолюбивые планы Свенельда. Как мы видели, этот лидер претендовал на управление землей древлян даже при Игоре. Когда он вернулся в Киев со своими ветеранами болгарской кампании, он должен был скорее стать соправителем Ярополка, нежели его советником. Кажется, он использовал эту возможность для интриги против его брата Олега, князя древлян. Очевидным объектом желаний Свенельда была власть над самой землей древлян.

Характерный эпизод излагается в «Повести временных лет». Сын Свенельда Лют отправился в землю древлян на охоту. Князь Олег также охотился и убил Люта как браконьера. «И с того началась вражда между Ярополком и Олегом, и по-

стоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: “Пойди на своего брата и захвати волость его”».

В последовавшей войне (976 г.) Олег был разбит и погиб во время панического отступления его дружины, сброшенный с моста перед городом в ров. Когда нашли его тело, «пришел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду: “Смотри, этого ты и хотел!”».

После этого эпизода в летописи имя Свенельда более не упоминается. Либо он вскоре после этого умер, либо впал в немилость. На следующей стадии братоубийственной борьбы между сыновьями Святослава в качестве главного советника Ярополка упоминается Блуд, а не Свенельд.

Согласно летописцу, у Ярополка была жена-гречанка, которая до того была монахиней. Святослав захватил ее в болгарской кампании и выдал за своего сына, «поскольку она была красива». Сам Ярополк благосклонно относился к христианству, и христианская партия была на подъеме в течение его кратковременного правления.

Воинственное возрождение язычества при Владимире было, очевидно, реакцией языческой партии против восхождения духа христианства в Киеве.

Когда новость о смерти Олега достигла Владимира, он принял ее как предостережение для себя и бежал в Скандинавию. Ярополк остался единственным князем Руси. Однако ненадолго, ибо Владимир вернулся с отрядами варягов, нанятых за рубежом. Верный духу своего отца, Владимир отправил своему брату послание об объявлении войны.

Первым ходом Владимира стал захват управляемого варяжским князем Рогволодом Полоцка, важного пункта на пути из Новгорода в Смоленск. Владимир попросил руки его дочери Рогнеды. Этот эпизод послужил материалом для эпической поэмы, из которой летописец, должно быть, и почерпнул свою информацию. Рогволод «спросил у дочери своей: “Хочешь ли за Владимира?” Она ответила: “Не хочу разуть Владимира, но хочу за Ярополка”». Снятие сапогов с мужа было одним из символических актов, совершаемых невестой в ходе древнерусской брачной церемонии. Разозленный отказом Рогнеды, Владимир привел к Полоцку сильную армию, состоявшую из варягов, словенов, чуди и кривичей; он атаковал город, убил

Рогволода и двух его сыновей и женился на ней силой. Затем он двинулся на юг против Ярополка.

Последний был предан своим главным советником Блудом, по совету которого он согласился вести переговоры с Владимиром. Варяжские сподвижники Владимира предательски убили Ярополка (977 г.). Предположительно Блуд принадлежал к киевской языческой партии и приветствовал Владимира в качестве языческого лидера. Согласно летописцу, Ярополк был предупрежден своим вассалом Варяжко, что не следует доверять брату, но не обратил внимания на его сигнал. Варяжко (имя является уменьшительным от варяга) был, вероятно, христианином. Следует отметить, что Варяжко посоветовал Ярополку бежать к печенегам и собрать там армию. Можно предположить, что мир между Киевом и печенегами был восстановлен вскоре после смерти Святослава. Совет Варяжко проливает некоторый свет на природу братоубийственной войны. В целом народ соблюдал нейтралитет, и оба соперничающих князя должны были полагаться на своих вассалов и нанимать вспомогательные войска. Свита Владимира была усилена варягами, и поэтому Варяжко предложил Ярополку усилить его дружину печенегами.

После убийства Ярополка Варяжко действительно бежал к этому племени, если нам следует доверять истории летописца. При поддержке печенегов он «долго воевал с печенегами против Владимира, с трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание». Вероятно, что в это время Владимир нанял некоторые из тюркских орд, которые использовал несколько лет спустя в своем походе против волжских булгар.

Этот шаг, как можно предположить, позволил ему избавиться от варяжских наемников, которые вели себя в Киеве, как в завоеванном городе. Он отобрал некоторых из них, которым мог доверять — «хороших, мудрых и храбрых людей», — и позволил другим проследовать в Константинополь, чтобы предложить свои услуги там. Опережая их, Владимир послал курьера, несшего следующее сообщение императору: «Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе натворят тебе такое же зло в городе, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни единого».

Хотя в этом послании Владимир продемонстрировал свое дружелюбие к Византии, он находился в жесткой оппозиции христианству у себя дома. Он установил идолы языческих богов на холме в стороне от своего дворца в Киеве, а его дядя и наместник в Новгороде Добрыня действовал в том же духе. Согласно «Повести временных лет», идолы в Киеве представляли следующих божеств: Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. Во времена Владимира языческий культ характеризовали человеческие жертвоприношения: это был период мрачной языческой реакции.

Существует предположение (Погодина⁶²), что это возрождение язычества порождено в основном давлением на Владимира его варяжских вассалов. Разумеется, человеческие жертвоприношения более похожи на скандинавское, нежели на славянское язычество. С другой стороны, известно, что среди христианских мучеников этого периода преследований были также и варяги. Более того, Перун не являлся единственным богом, чье почитание поддерживалось Владимиром. Пантеон последнего был синкретистским, и языческое возрождение как целое не может быть объяснено исключительно присутствующим в нем скандинавским элементом.

Методы достижения власти Владимира говорят о нем, как о жестоком и беззастенчивом, хотя и проницательном, политике. Возможно, он и был таким человеком, но следует также иметь в виду, что летописец сознательно рисовал его портрет — в первый период его правления, до его обращения — в особенно мрачных тонах, с тем чтобы более рельефно подчеркнуть величие его нравственного преображения после этого события. Итак, когда летописец говорит, что Владимир «имел триста содержанок в Вышгороде, триста — в Белгороде и триста — в Берестове», это кажется преувеличением, если мы не предположим, что девушки, содержавшиеся им в этих местах в таком количестве, не были его наложницами, а являлись рабынями для продажи, которых в конце концов вывозили в Константинополь. Лучших среди них он мог оставлять для себя.

Хотя не существует возможности проверить количество содержанок Владимира, известно, что до своего обращения он имел по крайней мере семь жен, включая Рогнеду и гречанку — вдову Ярополка.

Владимир никогда не пытался вернуть балканские владения своего отца, но, кажется, намеревался с самого начала своего царствования вновь установить контакты между Киевом и регионом Азова. В то же время он уделял большое внимание открытию западного пути для расширения русской торговли в этом направлении. Хотя не столь широкая по своему размаху, нежели у Святослава, его собственная политика в этот период была достаточно агрессивна, западные кампании чередовались с восточными.

Его первый шаг в западном направлении был сделан в галицийском треугольнике, на пересечении Украины, Чехии и Польши, с целью предотвращения прямых контактов Польши и чехов. Он двинулся на поляков и захватил Перемышль, Нервен и значительное количество западноукраинских городов (981 г.), с той поры известных как «червенские города». Имя Червен позднее было истолковано как древнерусское прилагательное, означающее «красный», затем этот регион в конце концов стали называть «Красной Русью» (Червонная Русь)⁶³.

Двумя годами позже Владимир предпринял поход против литовского племени ятвягов и захватил их страну в верхнем бассейне реки Неман, очевидно намереваясь открыть для России неманский речной путь к Балтике. К востоку от Днепра прежде всего ему надлежало вновь завоевать вятичей, которые восстали после смерти Святослава. Необходимы были две кампании (981—982 гг.). Затем он атаковал радимичей и завоевал их (984 г.). Возникла и была записана летописцем народная поговорка относительно этой экспедиции. Имя полководца Владимира было Волчий Хвост. После победы киевляне высмеивали радимичей, говоря, что они бежали от волчьего хвоста.

В 985 г. Владимир повторил путь Святослава, атаковав волжских булгар. Предположительно он надеялся в случае победы спуститься вниз по Волге до ее устья, как сделали воины его отца. В этот поход князь с его русской дружиной отправились на лодках, а его тюркские союзники, торки, следовали по суше верхом. Кампания закончилась победой, но она не была решающей. Здесь вновь летописец вспоминает остроумную пословицу. Полководец Владимира, его дядя

Добрыня, заметил ему: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не платить — пойдем, поищем себе лапотников». Владимир заключил мир с булгарами, которые подтвердили его характерной формулой: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть».

3. История обращения Владимира (988–989 гг.)

Возрождение язычества в Киеве в 80-х годах X века не могло не встретить жесткой оппозиции; оно было также анахронизмом в свете международной панорамы этого периода. Как мы знаем, к тому времени христианская вера уже пустила корни на Руси. Христианское влияние исходило из различных регионов — из Моравии, из Византии, из Скандинавии. Первая русская епархия появилась при патриархе Фотии в 867 г., предположительно в Тмутаракани. Из договора Игоря 945 г. мы знаем, что часть его воинов была христианами, что в Киеве в это время уже существовала христианская церковь св. Элии. Затем около 955 г. княгиня Ольга была обращена в христианство⁶⁴.

Итак, почва в России была хорошо подготовлена к обращению. Хотя в 80-х годах X века христиане еще составляли меньшинство в Киеве и не сопротивлялись с оружием в руках усилению язычества при Владимире, их жертвенность должна была привлечь значительные симпатии народа. Морально они победили.

Что же касается международной ситуации, в десятом столетии язычество везде находилось в состоянии упадка, Русь окружали нации, исповедовавшие христианство, иудаизм и мусульманство. Хазары были обращены в иудаизм около 865 г.; волжские булгары приняли ислам в 922 г. Одновременно христианство быстро прогрессировало среди западных соседей Руси. В период между 942 и 968 г. были обращены многие племена балтийских славян; в 960 г. был крещен польский князь Мешко, а в 974 г. — датский король Гарольд Блотанд. Олаф Тригвассон, король Норвегии с 995 г., стал христиани-

ном в 976 г. В 985 г. к вере Христа обратился герцог Геза Венгерский.

С точки зрения активного интереса Владимира к западной экспансии Руси он должен был находиться под впечатлением распространения христианства в этом ареале. А его контакты с волжскими булгарами повернули его лицом к исламу. Из опыта своего общения с соседями он должен был давно понять необходимость принятия одной из великих религий, с тем чтобы положить конец религиозной изоляции Руси.

Кажется, что сперва был рассмотрен исламский вариант. Согласно Марвази (арабскому автору двенадцатого века), Владимир отправил посланца к властителю Хорезма, выражая интерес своего народа к религии Мохаммеда. Тогда на Русь был послан учитель религиозных исламских законов⁶⁵. Русская «Повесть временных лет» рассказывает иную историю, согласно которой инициатива в этом деле принадлежала волжским булгарам, пославшим миссию в Киев, доказывая Владимиру необходимость принять ислам. Обе версии могут быть примирены до некоторого предела, поскольку возможно, что волжские булгары консультировались с хорезмийцами, а ученый из Хорезма мог принять участие в болгарской миссии в Киев. В целом, однако, версия «Повести временных лет» более достоверна. Как мы знаем, в 985 г. Владимир развязал неприципиальную войну против волжских булгар, которая закончилась мирным договором. Кажется довольно естественным, что булгары могли захотеть воспользоваться этим в целях религиозного прозелитизма. Более того, история Марвази запутанна во многих отношениях. Согласно «Повести временных лет», после встречи с болгарским посланником Владимир собрал своих вассалов и старейшин города для обсуждения ситуации, и было решено изучить все известные русским религии — ислам, иудаизм, греческое и латинское христианство, — с тем чтобы прийти к определенному заключению.

История, по которой Владимир выслушивал проповедников различных вер и посылал русских представителей в страны, где они были приняты, объединяет реальные исторические тенденции. Посланцы более всего оказались под впечатлением греческого богочитания. После присутствия на службе в константинопольском соборе Св. Софии они, по

рассказу «Повести временных лет», доложили: «Нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь жить». Выслушав все сообщения, вассалы Владимира добавили еще один аргумент в пользу греческого православия: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы бабка твоя Ольга крещения, а была она мудрейшей из всех людей».

В этот момент случилось так, что поворот событий в Византийской империи сделал сближение между Русью и Византией необходимым для юного византийского императора Василия II (976—1025 гг.). К концу своего царствования он стал одним из могущественных властителей Византии за всю ее историю, но в течение первых тринадцати лет он сталкивался с почти непреодолимыми препятствиями в попытке восстановить международный престиж и внутреннюю стабильность империи. Его предшественник Иоанн Цимисхий преуспел в вытеснении Руси из Болгарии. Спустя несколько лет стало ясно, что болгары в большей степени воспользовались плодами победы Цимисхия над Святославом, нежели византийцы, поскольку Болгария быстро обрела силу, утверждая свою независимость от Византии. В 986 г. болгарский царь Самуил нанес тяжелое поражение войскам Василия.

Одновременно новый император должен был бороться за свой трон и жизнь против могущественных противников, представлявших аристократическую реакцию в Византии. Центр оппозиции находился в Анатолии. Сперва против него восстал родственник Цимисхия Варда Склир (976—979 гг.); мятеж был подавлен с помощью другого анатолийского аристократа Варда Фоки, племянника императора Никифора Фоки, который был убит Цимисхием. Однако восемь лет спустя сам Варда Фока стал лидером оппозиции (987 г.). Постепенно он установил контроль над всей Анатолией и в начале 988 г. подошел к Константинополю. Положение императора Василия казалось критическим, и он был спасен лишь благодаря своевременной помощи, полученной от киевского князя Владимира.

Посланники Василия прибыли в Киев в январе или феврале 988 г. Целью их миссии было уговорить Владимира послать отряд варягов в Константинополь, чтобы оказать поддержку маленькой армии Василия. За эту помощь Василий был готов заплатить высокую цену. Посланникам было поручено пообещать Владимиру руку принцессы Анны, сестры Василия. Владимир со своей стороны должен был, разумеется, согласиться на крещение⁶⁶.

С тем чтобы понять значение оказанной ему чести предложением женитьбы на принцессе Анне, мы должны вспомнить о жесткости византийского дворцового установления, запрещавшего брачные связи между членами имперского клана и иностранцами. В своей книге «О церемониях» Константин Багрянородный жестко осуждает императора Константина V (748–775 гг.), который разрешил своему сыну жениться на хазарской принцессе, а также императора Романа (920–944 гг.), отдавшего свою внучку замуж за болгарского царя Петра.

Те члены императорского дома, которые были «порфирогенетами» («рожденными в пурпуре») — то есть рожденными в императорском дворце, — рассматривались как особы священные. Характерно, что когда в 968 г. епископ Лиутпранд Кремонский прибыл в Константинополь как посланник германского императора Оттона I, чтобы просить руки «порфиросносной» византийской принцессы (предположительно той же Анны, тогда пятилетней девочки) для сына императора Оттона II, то византийский император Никифор Фока высокомерно отказал. Четырьмя годами позже новый правитель Иоанн Цимисхий, значительно более тонкий политик, чем Никифор, согласился выдать замуж принцессу Феофану за молодого Оттона. Она, однако, не была «багрянородной».

Вследствие этой чести, а также существования сильной христианской партии при его дворе Владимир принял предложение Василия и был крещен, очевидно, в феврале 988 г. Он получил христианское имя Василий в честь императора.

Владимир честно выполнил свою часть сделки, послав в Константинополь шеститысячную армию варягов. Они прибыли в имперскую столицу летом 988 г., и с помощью этих войск Василий разбил противника. Варда Фока вынужден был спешно отступить; варяги преследовали его и в итоге разгро-

мили в битве при Абидосе 13 апреля 989 г., в которой сам Варда погиб.

Избежав опасности, император Василий чувствовал себя все меньше и меньше расположенным посылать свою сестру на Русь, что, конечно, не могло не раздражать Владимира. Предположительно с этим персональным вопросом была связана более общая проблема — организация будущей Русской церкви. Это стало предметом обсуждения Владимира с византийскими посланниками в феврале 988 г. Полагаю, каждый властитель языческой нации должен был настаивать на определенной автономии будущей христианской церкви в своей стране, и, как нам известно, неудача княгини Ольги в крещении Руси была отчасти результатом ее неспособности добиться такой автономии. Весьма вероятно, что византийские послы пообещали в 988 г. не только Анну, но также и епископа, наделенного достаточной властью для организации Русской церкви как автономной епархии. Ни одно из обязательств не было выполнено, и Владимир решил оказать давление на Византию, атаковав византийские владения в Крыму.

В крымской кампании 989 г. его цель должна была быть частично стратегической и частично церковной. Русские контролировали часть Крыма как при Игоре, так и при Святославе; последний был вынужден отказаться от всех притязаний на территорию после поражения от Иоанна Цимисхия в 971 г. Теперь Владимир заявил претензии на землю как на свое наследственное имущество. Стратегически она была очень важна киевским князьям, поскольку являлась связующим звеном между их владениями и Тмутараканью. Более того, она могла быть атакована с суши, что давало возможность избежать развязывания морской войны, в которой византийцы имели преимущество «греческого огня».

Церковные последствия кампании не менее очевидны. Завоевав Крым, Владимир мог надеяться получить контроль над несколькими епископскими епархиями: Херсонесом (Корсунь), Дорой, Фулле, Сагдеей (Сурож) и Боспором (Керчь), не говоря уже о Тмутаракани, где, как мы полагаем, была основана первая русская епархия в 867 г.

Владимир направился в Крым весной 989 г. К июлю пала Корсунь. В истории осады, описанной в «Повести временных

лет», говорится, что он получил совет от Анастаса, человека из Корсуни, раскопать и перерезать трубы, которые снабжали город водой из находившихся за его пределами источников. Когда поставка воды была отрезана, у жителей осталась одна возможность — сдаться. История характерно показывает, что в Корсуни были прорусски настроенные люди. В Восточном Крыму, который контролировался Игорем и Святославом, часть населения была русской, и прорусская партия там должна была быть еще более сильной, чем в самой Корсуни.

После взятия Корсуни император в конце концов должен был согласиться на выход своей сестры замуж за победителя; принцесса прибыла в побежденный город, и свадьба отмечалась там. Затем Владимир вернул город императору в качестве вено — подарка жениха.

Тем не менее Византия все еще не изъявляла желания идти на уступки в деле автономной организации Русской церкви. В данной связи весьма важно, что после падения Корсуни папские посланники посетили там Владимира. Поскольку не было заключено никакого соглашения, мы можем предположить, что либо посланники не обладали полномочиями давать определенные обещания, либо предлагаемые ими условия относительно планируемой организации церкви не удовлетворили Владимира.

Тогда князь обратился к крымским епископам, чтобы получить священников и церковные книги для Руси. Присутствие принцессы Анны, «багрянородной» принцессы, должно было очень увеличить его престиж в глазах епископов и духовенства крымских городов. Из истории болезни и чудесного исцеления Анны, обнаруженной в приложении «К жизни св. Стефана Сурожского», нам известно, что она предприняла поездку из Корсуни через Фулле в Керчь⁶⁷. Без сомнения, Владимир также направился в Керчь, и мы можем также предположить, что в этой связи он посетил Тмутаракань, переправившись через пролив, где он должен был принять титул кагана. Из «Похвалы» митрополита Илариона мы знаем, что он носил этот титул и рассматривался, таким образом, в качестве наследника русских каганов Тмутаракани. Город также должен был иметь для него значение и как место расположения старейшей русской епархии, если, конечно же, он был таковым.

Весной или летом 990 г. Владимир вернулся в Киев, привезя с собой не только свою невесту, но также множество крымских священников, мощей святых, священных сосудов и икон. Он был теперь готов начать христианизацию Руси.

4. Основание фундамента Русской церкви (990–1037 гг.)

Вслед за возвращением в Киев Владимир приказал повергнуть и уничтожить статуи языческих богов. Идол Перуна был привязан к конскому хвосту и проволочен к Днепру. Все му населению Киева, в одинаковой степени богатым и бедным, предписывалось идти к реке для крещения. Аналогичные указания исходили от его наместников в Новгороде и других городах.

Языческие святилища были заменены христианскими церквями. Большинство последних должно было состоять из спешно построенных деревянных часовен, но Владимир не стал терять времени при постройке первого величественного киевского каменного собора — Успения Богородицы, также известного как Десятинная церковь. Ее возведение началось в 990 г. и завершилось в 996 г.

Церковь получила свое название «Десятинная», так как князь гарантировал для нее десятину со всей Руси, выплачиваемую из княжеской казны. В 996 г. он издал важное «Церковное уложение», позднее пересмотренное между 1007 и 1011 г. Кроме указа о десятине, уложение положило начало церковным подворьям. С постройкой все большего количества церквей появлялись также епархии. К концу царства Владимира их было уже семь: Новгородская, Черниговская, Владимиро-Волынская, Полоцкая, Туровская, Белгородская и Ростовская. К этим новым епархиям мы можем присоединить Тмутараканскую, которая существовала еще до Владимира.

Спорным вопросом в изучении первоначальной организации Русской церкви были ее отношения с Византией. Известно, что первым митрополитом Киева, рукоположенным

патриархом Константинопольским, был Феотемпт, прибывший в Киев около 1037 г. До этого, кажется, не было прямых отношений между константинопольским патриархом и Русской церковью.

В 1913 г. М. Д. Приселков предположил, что Владимир, не придя к соглашению с византийскими властями, обратился к Болгарии и отдал Русскую церковь под власть архиепископа Очрида⁶⁸. Эта теория кажется на первый взгляд очень остроумной, и в течение ряда лет я был готов ее принять. Однако, более внимательно изучив проблему, я должен был ее отвергнуть. Приселков фактически был неспособен предложить какие-либо прямые доказательства своей болгарской теории. Не существует упоминания о зависимости Русской церкви от архиепископа Очрида в каких-либо источниках — русских или болгарских.

По моему мнению, сам Владимир дает определенный ключ к разрешению проблемы. В преамбуле к церковному установлению он говорит, что получил святое крещение «от греческого императора Михаила и от патриарха Константинополя Фотия». Ссылка, очевидно, относится к первому обращению русских в 867 г. Известно, что в это время была уже учреждена первая русская епархия, но, к сожалению, в источниках не содержится упоминания о месте пребывания первого русского епископа. Согласно предположению Е. Е. Голубинского, это должно было быть в Тмутаракани. Эта теория более чем вероятна и, по моему мнению, должна быть общепризнанна⁶⁹.

Наследник Фотия Игнатий поднял статус русского прелата с епископа до архиепископа. Существовало два класса архиепископов в византийской иерархии: большинство прямо подчинялось патриарху, и положение каждого из них, таким образом, приравнивалось к митрополитскому; было, однако, значительное количество таких, которые наслаждались большими властными полномочиями и были признаны в качестве автокефальных. Власть автокефального архиепископа была фактически равной патриаршей. К этому классу принадлежал архиепископ Очрида, и, согласно Голубинскому, архиепископ первой русской епархии, то есть Тмутаракани, принадлежал к тому же классу.

С этой точки зрения ссылка Владимира на первое крещение русских становится понятной. Он, очевидно, подразумевал, что Русская церковь уже имела главу с автокефальной властью. Предполагая, что его приходом была Тмутаракань, мы должны теперь рассмотреть ситуацию в Тмутараканской епархии. Приход упоминается (под эллинизированным именем Таматарка) в некоторых византийских перечнях епархий десятого века и в конце одиннадцатого века (1078–1088 гг.).

Единственно возможным временем, когда епархия Тмутаракани могла быть переведена на Русь, был период победоносной кампании Владимира в Крыму (989 г.).

Предположение, что архиепископ Тмутаракани был главой Русской церкви в течение правления Владимира, хорошо гармонирует с общей картиной церковной жизни этого периода, известной нам по другим источникам. Киевская епархия никогда не упоминается в источниках той поры. Предположительно архиепископ Тмутаракани время от времени посещал столицу, а в перерывах епископ близлежащего Белгорода совершал богослужение в Киеве, когда в этом возникала необходимость. Характерно, что прелат Иоанн, упомянутый как глава Русской церкви в период 1008–1024 гг., носил титул архиепископа, а не митрополита. Приселков по этой причине отождествляет его с архиепископом Очридом. С моей точки зрения, гораздо более вероятно, что его епархией была Тмутаракань.

Наместником князя Владимира там был его сын Мстислав. В последующей междоусобице между другим сыном Владимира Ярославом и Мстиславом последнему не только удалось сохранить Тмутаракань, но и увеличить свое владение, завоевав Чернигов. В 1026 г. он заключил сделку со своим братом, по которой контроль над Русью был разделен между ними, Ярослав получил Новгород, Киев и предположительно Ростов.

Рассматривая разделение власти с точки зрения церковных последствий этого акта, мы видим, что восемь русских епархий, пять епископств были расположены в уделе Ярослава (Новгород, Белгород, Туров, Владимир-Волынский, а также Ростов), одна — в нейтральном районе Полоцка и две — в уделе Мстислава (Тмутаракань и Чернигов).

Очевидно, что Ярослав имел преимущество над своим братом по количеству епископств. С другой стороны, ведущая епархия Тмутаракани осталась на территории Мстислава. Единственным путем, открытым для Ярослава по части обеспечения независимости от вмешательства своего брата в церковные дела, было соглашение с Константинополем. Мы знаем, что в 1037 г. он принял митрополита для Киева, посланного патриархом. Переговоры должны были начаться значительно раньше. Дело было деликатным, поскольку от Мстислава можно было ожидать возражений по поводу любой попытки его брата подорвать власть Тмутаракани. Однако в 1036 г. Мстислав умер, не оставив наследника мужского пола, и его удел отошел к Ярославу, который был теперь свободен в своих действиях. Соглашение с Константинополем было в конечном итоге одобрено: митрополит Киевский стал главой Русской церкви, и Тмутаракань была сведена в своей роли к одной из русских епархий.

5. Значение обращения: первоначальная оценка

Обращение в христианство — одна из наиболее важных вех в истории русского народа. Это не было чисто религиозным событием: христианство для Руси в это время означало более высокую цивилизацию. В глазах самих русских обращение делало их частью цивилизованного мира.

Ко времени правления сына Владимира — Ярослава — новая вера уже прочно укоренилась на Руси. Его современник, митрополит Иларион, выразил взгляд образованных русских на значение обращения с силой и красноречием, едва ли превзойденными с того времени. В знаменитом «Слове о законе и благодати» Иларион провел разграничение между Ветхим и Новым Заветом, дав широкую картину взлета христианства. В своей «Похвале» Владимиру Иларион хвалит его «за собственное крещение и крещение всего русского народа». Он хвалит Владимира за его способность — после обращения —

любить невидимые и небесные ценности более, нежели материальные.

Прелат заключает свою «Похвалу», которую он должен был произнести в соборе Св. Софии, обращением к умершему князю: «Встань, о честная глава, из гроба твоего! Встань, отряси сон! Ибо не умер ты, но спишь до всеобщего востания. Встань, не умер ты! Не надлежало умереть тебе, уверовавшему во Христа, который есть жизнь, дарованная всему миру». Затем Иларион приглашает Владимира взглянуть на прогресс христианства на Руси и порадоваться ему вместе с живыми.

Следует вспомнить, что семь столетий спустя и при других обстоятельствах обращение Илариона к мертвому властителю, призывающее его восстать, было повторено известным русским ритором восемнадцатого столетия — архиепископом Феофаном Прокоповичем — в его знаменитом похоронном слове Петру Великому.

Принимая во внимание почитание памяти Владимира людьми первого поколения после него и последующими поколениями русских, можно было бы ожидать, что Владимир, креститель Руси — князь, «равный апостолам», — будет признан святым вскоре после своей смерти. Однако он не был канонизирован до тринадцатого столетия. Можно предположить, что причиной этой задержки была византийская оппозиция русским требованиям его канонизации. Византийские власти не могли легко простить князю его независимость в церковных делах. Но если греки отказались возблагодарить его лично, они воздали хвалу Русской церкви, в создание которой он в конце концов внес большой вклад, нежели любой иной русский властитель. Русские, до того именовавшиеся византийцами «северными варварами», были признаны греками два столетия спустя после смерти Владимира «наиболее христианской нацией».

Глава IV Киевское государство (990–1139 гг.)

1. Владимир как христианский правитель (990–1015 гг.)

Мотивы обращения Владимира в христианство могли быть в основном политическими. Однако, приняв крещение, он отнесся к новой вере со всей возможной ответственностью. Мы уже рассмотрели философскую оценку Илариона деятельности князя. Более субъективный взгляд и более детальные описания трудов Владимира находим в «Повести временных лет» и сочинении монаха Иакова «Память и похвала князю Владимиру», написанном в середине XI века.

Эти описания, исходящие из монастырей, не могут рассматриваться как объективные свидетельства: они неизбежно пристрастны. Труд Иакова написан в жанре жития святых. Летописец — тоже монах, — естественно, может идеализировать личность «Крестителя Руси», так же как он был склонен подчеркивать отрицательные черты в характере Владимира, пока тот был язычником. Однако эти описания жизни князя, принадлежащие перу монахов, не напыщенные панегирики. Под покровом официального блеска легко можно разглядеть ре-

альные характерные черты, а в некоторых случаях информация, данная ранними биографами Владимира, подтверждается другими доступными источниками.

В программе Владимира по крещению Руси можно выделить три направления: строительство церквей, образование и благотворительность. Сразу после возвращения с крымской кампании и крещения киевлян он «приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры». Первая церковь — церковь Святого Василия, покровителя Владимира, — была возведена по этому указу на холме, где раньше находился идол Перуна. Затем был построен более сложный по архитектуре собор — церковь Успения Богородицы в Киеве, или Десятинная церковь, о которой я упоминал и чьи фундаменты сохранились до нашего времени.

Для распространения образования Владимир приказал собрать детей из лучших семей и послать их в школы в книжное учение. «Матери же детей этих плакали о них, ибо не утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых». Иллюстрацию к этому месту из «Повести временных лет» находим в «Житии» Св. Феодосия, который учился в школе в Курске в начале XI века — очевидно, одной из школ, организованных по приказу Владимира. Хотя его мать не имела ничего против учебы в школе, она стала волноваться, когда мальчиком овладели новые христианские идеи, преподаваемые там, и он решил уйти в монастырь. Мать безуспешно пыталась переубедить Феодосия — даже телесные наказания не помогли, — и он в конце концов стал монахом. Этим ее воля была сломлена, и она сама вступила в монастырь.

Широкая благотворительность Владимира описана в «Повести временных лет» в яркой, реалистичной манере, не оставляющей места сомнению. «...Повелел он всякому нищему и убогому приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньги. Устроил он и такое: сказав, что “немошные и больные не могут дойти до двора моего”, приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: “Где больной, нищий или кто не может ходить?” И раздавали тем все необходимое».

Монах Иаков добавляет, что это делалось не только в Киеве, но и в других городах.

Пиры — важная черта русской социальной жизни с незапамятных времен — теперь приобрели новое значение, став выражением христианского братства и любви. Поскольку пиры Владимира были проявлениями первоначального христианства, летописец упоминает о них сразу после записи о благотворительности князя. «И такое делал он для людей своих: велел он по всем дням недели на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходиться туда боярам, и гридям, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — при князе и без князя. Бывало на обедах тех множество мяса — говядины и дичины, — было все в изобилии».

Гостеприимство князя, кажется, поразило воображение народа больше, чем что-либо другое, и во всех ранних былинах воспеваются его развлечения с богатырями и другими людьми. Именно как радушный хозяин Владимир преимущественно фигурирует в русском фольклоре; в памяти русского народа он навсегда остался как «Красное Солнышко».

О том, насколько добросовестен был Владимир в своем стремлении распространить новую веру на русскую жизнь, лучше всего можно судить по истории из «Повести временных лет» о его сомнениях по поводу наказания преступников. Он, видимо, понял завет Христа буквально и со всей серьезностью. Так же его понимали многие другие русские в киевский период и Лев Толстой в наше время. Обученному в Византии духовенству потребовалось много усилий, чтобы убедить Владимира в том, что церковь не отрицает государственного порядка.

Владимир же жил в страхе Божьем. «И умножились разбои, и сказали епископы Владимиру: “Вот умножились разбойники; почему не казнишь их?” Он же ответил: “Боюсь греха”. Они же сказали ему: “Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе казнить разбойников...”». Владимир прибег к казням, но новый метод наказания преступников использовался недолго, смертную казнь скоро заменили на денежные штрафы.

Внешняя политика Владимира в этот период не была агрессивной. Как замечает летописец: он «жил в мире с окрест-

ными князьями — с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андроником Чешским. И были между ними мир и любовь. Исключая один поход против галицких хорватов, очевидно для подавления мятежа, он сконцентрировал свое внимание на защите южных русских рубежей от печенегов, которые по меньшей мере трижды совершали набеги на Русь (в 992, 995 и 997 гг.), но каждый раз были отбиты, хотя и с большими трудностями.

Чтобы защитить страну от кочевников, Владимир построил несколько линий укреплений по северным берегам степных рек. В этом он служил примером для последующих поколений русских правителей. Зоны укреплений как защита от кочевников строились русскими на юге и востоке России еще в конце XVIII века, а в Туркестане даже в XIX веке. Во времена Владимира крепости были основаны на берегах Десны, Остера, Трубежа, Сулы, Стугны. Там селились выходцы с севера и северо-востока: словены, кривичи, вятичи и чудь. Самым большим из этих новых или восстановленных городов был Переяславль, ставший столицей одноименного княжества, украины (пограничная земля, отсюда Украина) по преимуществу.

Следуя примеру отца, Владимир управлял отдаленными городами через сыновей и наместников. В последний период правления Владимира его сын Ярослав княжил в Новгороде, Святополк — в Турове, Борис — в Ростове, Глеб — в Муроме, Святослав — в Древлянской земле, Изяслав — в Полоцке и Мстислав — в Тмутаракани. Конец жизни Владимира был омрачен зарождающимся конфликтом с самым одаренным из его сыновей — Ярославом Новгородским, который отказался продолжать выплачивать новгородскую дань Киеву. Размер ежегодной дани, собираемой в Новгороде, составлял три тысячи гривен, две трети которой должно было отправляться в киевскую казну, а оставшаяся треть распределяться новгородским князем на местные нужды. В 1014 г. Ярослав прекратил все выплаты отцу, несомненно, под давлением новгородцев, которые были недовольны своим зависимым положением в государстве.

В ответ Владимир начал готовиться к военной кампании против Новгорода. Но в ходе этих приготовлений он заболел и вскоре был спасен смертью от трагедии вооруженного столкновения с собственным сыном (1015 г.).

2. Междоусобная борьба сыновей Владимира (1015–1036 гг.)

После смерти Владимира началась кровавая междоусобица его сыновей. Недостаток братской любви между ними частично можно объяснить тем, что они были только сводными братьями. До своего крещения великий князь имел много жен, и в отношениях между разными семьями, вне всякого сомнения, существовало большое напряжение. Из его многочисленного потомства Ярослав, Мстислав и Изяслав считаются сыновьями Рогнеды. Святополк — сомнительного происхождения, сын вдовы Ярополка, на которой Владимир женился, когда она уже была беременной, если верить летописцу. Мать Святослава — чешская жена Владимира, Борис и Глеб — сыновья болгарской женщины, согласно «Повести временных лет». Однако, как описывается в «Сказании» о страданиях последних двух, впоследствии причисленных к лику святых, Глеб в момент убийства был совсем дитя (1015 г.). Если так, то он должен был быть сыном первой христианской жены князя, византийской княжны Анны⁷⁰.

Судя по всему, Владимир намеревался передать свое государство Борису, одному из самых младших сыновей, которому во время своей последней болезни он доверил командование войсками, посланными против печенегов. Борис уже возвращался из похода и как раз достиг берегов реки Альты, когда получил известие о смерти отца и захвате киевского трона Святополком. Дружина убеждала Бориса выступить против последнего, предупреждая, что в обратном случае Святополк убьет его. Позиция Бориса была типичной для той тонкой верхней прослойки русских людей, которые приняли христианство со всей серьезностью. Он не хотел противиться злу насилием, ему была ненавистна мысль о войне со старшим братом, поэтому он распустил дружинников и спокойно дождался убийц. Его убили, но самой своей смертью Борис остался навсегда живым в памяти народа как символ братской любви. Борис и его брат Глеб, тоже убитый наемниками Святополка, стали первыми русскими, канонизированными церковью. Другой брат, Святослав из Древлянской земли, бежал

на запад, но был перехвачен посланниками Святополка на пути в Венгрию. Изяслав Полоцкий оставался нейтральным, и ему не досаждали, Мстислав Тмутараканский тоже не видел для себя угрозы со стороны Святополка. Можно предположить, что между ними было какое-то соглашение, возможно договор о ненападении. В любом случае Мстислав был занят расширением своих владений в Азовском регионе. В 1016 г. с помощью византийских войск он воевал с остатками хазар в Крыму⁷¹.

Единственным братом, который отважился подняться против Святополка, был Ярослав Новгородский, причину чего новгородцы видели в своем недовольстве киевским верховенством над ними. Война между этими двумя людьми была скорее борьбой между Новгородом и Киевом, чем просто личной враждой братьев. Она длилась четыре года (1015—1019 гг.), и оба противника использовали наемные войска из других стран. Ярослав нанял варяжские отряды, а Святополк печенегов. После первого поражения Святополк бежал в Польшу и заключил союз с королем Болеславом I. Вместе они смогли отвоевать Киев у Ярослава (1018 г.), который, в свою очередь, бежал в Новгород. Решив, что опасность миновала, Святополк поссорился со своим польским союзником, и Болеслав возвратился домой, взяв с собой двух сестер Ярослава и бояр, симпатизировавших Ярославу, судя по всему, в качестве заложников. Он также воссоединил с Польшей червенские города. Триумф Святополка, однако, оказался кратким, потому что Ярослав через некоторое время атаковал его снова. Святополк опять нанял отряды печенегов и опять проиграл. Это поражение стало окончательным, он умер (1019 г.), вероятно, где-то в Галиции, так как бежал на запад. Теперь у Ярослава появился новый противник — его брат Мстислав. К этому времени тот твердо укрепился в Восточном Крыму и Тмутаракани. В 1022 г. косоги (черкесы) признали его своим сюзереном, после того как он убил в схватке их князя Редедю. Этот эпизод, видимо, описан в былинах, на основании которой он и записан в «Повести временных лет».

Укрепив свое окружение хазарами, косогами и, возможно, яссами, Мстислав выступил на север и занял земли северян,

бесспорно договорившись с населением, так как они давали ему воинов. Когда он достиг Чернигова, Ярослав еще раз возвратился в Новгород и снова обратился за помощью к варягам. Хакон Слепой ответил, приведя в Новгород сильное варяжское войско⁷².

Решающая битва произошла при Листвене (недалеко от Чернигова), победа досталась Мстиславу (1024 г.). Ярослав решил пойти на компромисс, и братья договорились поделить Русь на две части по руслу Днепра. Хотя Киев при этом отошел к Ярославу, он предпочел остаться в Новгороде. Мстислав же сделал своей столицей Чернигов (1026 г.). Следует отметить, что одна из русских земель к северу от водораздела Днепра — Полоцкая — не затрагивалась договором. С этого момента она оказалась в определенной степени самостоятельной.

Ярослав и Мстислав поддерживали тесный союз, и в 1031 г., используя смерть короля Болеслава и последовавшие за ней беды Польши, они отбили червенские города и разграбили польские земли. Согласно «Повести временных лет», они также захватили в плен много поляков и разослали их в разные места. Ярослав расселил своих пленников по реке Рось. Интересно отметить, что в период сотрудничества между братьями-князьями Киев временно утратил свое господствующее положение в русской политике. Теперь в качестве ведущих политических центров выступали Новгород и Чернигов. За этой политической переменой можно предположить изменение направления главных торговых путей. Новгород, как и прежде, контролировал северную часть водного пути товаров из Балтики на юг, но из Чернигова товары теперь отправлялись по степным рекам и волокам в Азовский регион, а не по нижнему течению Днепра в Черное море и Константинополь. Возможно, это произошло потому, что низовья Днепра в то время преграждались печенегами. Но сдвиг южного торгового пути мог также быть результатом сознательной политики Мстислава, представляющего в таком случае интересы купцов Тмутаракани. Азовский регион лежал на перекрестке нескольких торговых путей: в Туркестан, в Закавказье и — через Крым — в Константинополь.

Без сомнения, именно чтобы установить полный контроль над Азовским регионом, Мстислав предпринял поход на яс-

сов, которые жили в низовьях Дона к северу от Азовского моря. Они признали его власть в 1029 г.⁷³

Летописец описывает Мстислава так: «Могуч телом, красив лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не шадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей». Как правитель Тмутаракани, Мстислав, видимо, носил титул кагана. Интересно отметить, что в «Слове о полку Игореве» черниговского князя Олега, который тоже какое-то время управлял Тмутараканью, также называют каганом. Таким образом, правление Мстислава — это в определенном смысле попытка заменить господство на Руси Киева господством Тмутаракани и возродить древнерусский каганат докиевских времен. В тот период, судя по всему, Тмутаракань являлась своего рода духовной столицей Руси.

Мстислав был увлеченным строителем. Во время схватки с Редедей он дал обет в случае победы построить в Тмутаракани церковь, посвященную Богоматери, и сдержал свое обещание. Когда он перенес столицу в Чернигов, то заложил величественный храм в честь Христа Спасителя. Летописец отмечает, что к моменту смерти Мстислава церковь была выше, «сколько можно, стоя на коне, достать рукою». Знаменательно, что по своему архитектурному стилю церкви Мстислава следовали канону восточновизантийского искусства (Закавказья и Анатолии). В этом случае, как и во многих других, художественные влияния распространялись по путям торговых связей.

Можно предположить, что существовала миграция населения между Тмутараканью и северными областями. Мстислав привел в Чернигов большой отряд косоожских воинов. Некоторые из них, возможно, осели в той части земли северян, которая позднее стала известна как Переяславльская. Хотя об этом не упоминается в летописях, само название реки в этой области, Псёл, является тому косвенным подтверждением, поскольку оно косоожского происхождения: на языке черкесов «псол» означает «вода». Река Псёл впадает в Днепр с востока. Недалеко от этого места, на западном берегу Днепра, находится город с названием Черкассы, что по-древнерусски

значит «черкесы». Это название не встречается, однако, в источниках киевского периода и впервые упоминается в XVI веке. В то время не только косога по-русски называли черкесами, но также и украинских козаков; это говорит о том, что в сознании русских московского периода существовала определенная связь между косогами и козаками. И действительно, украинские ученые XVII века считали, что слово «козак» произошло от слова «косога». С другой точки зрения, козак (теперь обычно по-русски пишется «казак») произошло от тюркского «казак», что означает «свободный житель пограничной земли». Одним словом, вопрос непростой, и мы не можем здесь уделить ему необходимого внимания. Достаточно лишь сказать, что косоги Мстислава, возможно, поселились там, где через пять веков появились запорожские казаки как сильная военная община.

Возвращаясь к политике Ярослава как правителя Новгорода, мы прежде всего должны упомянуть привилегии, дарованные им северной столице по законам 1016 и 1019 гг., дабы вознаградить новгородцев за поддержку в гражданской войне. К сожалению, не сохранились ни оригиналы, ни копии этих законов. В некоторых списках новгородских летописей их тексты заменены на текст «Русской правды». Несомненно, что само составление так называемой «Правды» Ярослава как-то связано с выходом этих законов. Во вступительной статье к «Правде» провозглашается равенство виры⁷⁴ новгородцев и киевлян. По-видимому, это являлось важным пунктом новгородских требований.

Поход Ярослава на чудь в Эстонии тоже, очевидно, был продиктован интересами новгородцев. Этот поход представлял собой попытку распространить в западном направлении контроль новгородцев над южными берегами Финского залива и прилегающими территориями. На завоеванной территории в 1030 г. Ярослав основал город, названный Юрьевым в честь его святого покровителя (Юрий — старая русская форма имени Георгий). После германского завоевания балтийских провинций в XIII веке город стал называться Дерпт (теперь Тарту).

3. Время Ярослава Мудрого (1036–1054 гг.)

В 1036 г. Мстислав отправился на охоту, но там разболелся и умер. Его единственный сын умер тремя годами раньше. Ярослав стал неоспоримым властителем всей Руси, исключая половецкие земли. Теперь как правитель Тмутаракани он мог претендовать на титул кагана. О том, что Ярослав действительно принял этот титул, свидетельствует обращение к нему как к кагану в «Слове» Илариона.

Первым деянием Ярослава после смерти брата было отражение нападения печенегов на Киев. Когда он прибыл из Новгорода с армией варягов и славян, кочевники уже захватили предместья города. Однако воины Ярослава выбили их, и победоносный князь решил остаться в Киеве, сделав его своей столицей.

Именно в это время нормализовались отношения между Русской церковью и Константинопольским патриархатом. В соответствии с соглашением, достигнутым между Ярославом и Константинополем, Русская церковь должна была возглавляться митрополитом Киевским, посвящаемым в сан патриархом Константинопольским. В других русских городах епископы должны были номинально посвящаться в сан митрополитом — понималось, что при выборе кандидатов будут учитываться пожелания князя. Не позднее чем в 1039 г. первый митрополит Киевский Феофан прибыл на Русь из Константинополя.

Сделав Киев политической и духовной столицей, Ярослав делал все, чтобы превратить этот город также в культурный и интеллектуальный центр, приняв за образец Константинополь. Византийскими мастерами были построены великолепный Софийский собор, несколько других церквей, новая крепость и так называемые Золотые ворота. Много внимания уделялось распространению просвещения. По свидетельству летописца, Ярослав «к книгам имел пристрастие, читая их часто и ночью, и днем. И собрал писцов многих, и перелагали они с греческого на славянский язык и на письмо. Переписали они и собрали множество книг...». Ярослав поместил книги в Софийском соборе. Грандиозный план переводов и Со-

фийская библиотека вместе привели к становлению в Киеве важного центра образования и науки. Без всякого преувеличения, вслед за Грушевским, этот центр (училище) можно назвать первой русской учебной академией⁷⁵.

Щекотливой проблемой для внутренней политики Ярослава было урегулирование вопроса о статусе Новгорода, так как многие новгородцы могли быть против переноса Ярославовой столицы в Киев. Когда в 1036 г. он сделал это, ему еще раз пришлось подтвердить пожалованные городу ранее привилегии. В «Русскую правду» тоже были внесены изменения: добавлен закон, ограничивающий количество поставок продовольствия сборщикам виры от местного населения⁷⁶. Новгороду был дан новый епископ, Лука Жидята, новгородец, видимо, еврейского происхождения. Князем в северный город Ярослав назначил своего старшего сына Владимира. Главным храмом Новгорода была Софийская церковь, первоначально построенная из дерева. Когда она сгорела, Владимир возвел новую из камня. Этот собор до сих пор считают одним из самых замечательных памятников древнерусского зодчества (1045 г.). Во внешней политике этого периода значительное внимание Ярослав уделял расширению западных русских границ. В 1038 г. он нанес удар ятвягам, литовскому племени, а два года спустя еще раз вторгся в Литву. В 1041 г. он совершил поход против польского племени мазовшан. В следующем году его сын Владимир завоевал финское племя емь, чтобы укрепить контроль Новгорода над Финским заливом. Со временем дружественные отношения были установлены между Ярославом и польским королем Казимиром; в 1043 г. князь женился на одной из сестер Казимира, и «отдал Казимир, вместо свадебного дара, восемьсот русских пленных, захваченных еще Болеславом, когда тот победил Ярослава». В 1047 г. Ярослав помог Казимиру покорить Мазовию.

В это время в отношениях между Византией и Русью наступил острый кризис. Приблизительно в 1042 г. начался раздор между греческими и русскими купцами в Константинополе, несколько русских было убито⁷⁷. Русь, судя по всему, сразу потребовала возмещения ущерба, но получила отказ, и в 1043 г. «послал Ярослав Владимира, сына своего, на греков и дал ему много воинов». Воеводой поставили тысяцкого Вышату. У не-

го был сын Ян, и один из источников летописца — история «Повести временных лет», видимо, основана на рассказе Яна.

Необходимо отметить, что успех русского похода в Византию предполагает господство русских на всем протяжении нижнего течения Днепра, а самое главное, в районе больших порогов. После смерти Святослава этот регион контролировался печенегами, но, очевидно, они утратили свои позиции после победы над ними Ярослава в 1037 г. Владимир в 1043 г. выступил в поход морем. Русский флот сильно пострадал и от шторма, и от «греческого огня», после чего значительная часть русского войска высадилась где-то в Болгарии. Вышата остался с ними. Теперь война приняла совсем не такой оборот, как в предыдущем походе против Византии. Остатки русского флота, хотя и поврежденные штормом, разбили греческую эскадру, но высадившиеся войска сдались византийцам, которые ослепили многих пленников. Сам Вышата был привезен в Константинополь, но позже освобожден и отправлен в Киев. Последовало перемирие на три года, после чего отношения между Константинополем и Киевом осложнились снова, но, судя по всему, до войны дело не дошло.

Затем, в 1051 г., Ярослав совершил смелую попытку установить независимость Русской церкви от Константинополя. По его инициативе Собор русских епископов избрал русского, всем известного Илариона, митрополитом Киевским. Он не был признан константинопольским патриархом Михаилом Керуларием. Русская акция, несомненно, вызвала большое смятение в Константинополе, так как то время было периодом сильной напряженности между патриархом и Папой Римским. Русских, видимо, подозревали в намерении извлечь выгоду из сложившегося положения и перейти в лоно Римской церкви. В таком случае русская акция стала важным фактором в углублении раскола между Римской и Греческой церквями⁷⁸.

Мы не знаем, как был улажен русско-византийский конфликт, но это случилось не позднее 1052 г., поскольку в «Повести временных лет» мы находим следующую запись, датированную 1053 г.: «У Всеволода родился сын Владимир от царевны греческой». По-видимому, Всеволод женился на принцессе в 1052 г., что вряд ли было бы возможно без восста-

новления дружественных отношений между Византией и Русью. Но этого брака едва ли хватило бы для компенсации русским за отказ от идеи независимости Русской церкви. Скорее всего, одновременно между Киевом и Константинополем было заключено новое торговое соглашение на условиях, выгодных для Руси.

Что случилось с Иларионом после его смещения с должности, не известно. М. Д. Приселков предположил, что он принял высший монашеский сан и в конце концов удалился в Печерский монастырь под именем Никона. Но это только предположение, каким бы мастерским оно ни было. По совпадению, которое кажется многозначительным, Ярослав умер в том же 1054 г., в котором произошел окончательный разрыв между Восточной и Западной церквями.

Для характеристики личности Ярослава мы располагаем не только свидетельствами из литературных источников, но также результатами антропологического и анатомического анализа его скелета и черепа, которые, как отмечалось ранее, подтверждают данные литературных источников, по меньшей мере в одном важном пункте. Так, в «Повести временных лет» упоминается, что князь был хромым, в другом источнике того времени утверждается, что в детстве он с трудом ходил. Анатомический анализ показал, что у ребенка была болезнь, препятствующая ходьбе, а позднее он сломал ногу⁷⁹.

4. Триумвират (1054–1093 гг.)

Старший сын Ярослава, Владимир, умер на два года раньше отца. Как мы знаем, он занимал важный пост наместника в Новгороде. Владимир самостоятельно провел две военные кампании — против финского племени емь в 1042 г. и против Византии в 1043 г. Судя по всему, если бы Владимир был жив к моменту смерти отца, то Ярослав ему передал бы свое княжение; никто из оставшихся пяти сыновей, кажется, не был достаточно подготовлен к такому делу. В конце жизни, если верить «Повести временных лет», Ярослав больше других любил своего четвертого сына, Всеволода. Но оставить ему ве-

ликокняжеский престол было абсолютно исключено, потому что старшие братья не согласились бы с таким решением, и к тому же Всеволод не обладал необходимыми для лидера качествами.

Перед самой смертью Ярослав решил оставить власть на определенных условиях всем своим сыновьям вместе, как семейной группе. Текст его завещания записан в «Повести временных лет». Оно настолько важно для понимания последующих политических событий, что невозможно не привести его здесь полностью.

«Вот я покидаю мир этот, а вы, сыновья мои, имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет с вами и покорит вам врагов. И будете жить в мире. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов, которые добыли ее трудом своим великим; но слушайтесь брат брата, живите мирно. Вот я поручаю престол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Вячеславу Смоленск»⁸⁰. Заметьте, что, хотя Ярослав раздал города своим сыновьям, формального разделения государства не было, так как только великокняжеский престол в Киеве наделялся полной политической властью. На основе этого завещания была установлена иерархия политического старшинства русских городов для соотнесения с генеалогическим старшинством князей.

На деле, вместо главенства Изяслава в княжеской семье, три старших брата — Изяслав, Святослав и Всеволод — сформировали триумvirат. Они попытались править Русью вместе. Однако это оказалось не такой простой задачей. Главным дестабилизирующим фактором был князь Полоцкий, Всеслав, внук Изяслава и правнук Святого Владимира. Изяслав был посажен в Полоцк Владимиром и, как мы видели раньше, соблюдал нейтралитет в междоусобной борьбе своих братьев, последовавшей за смертью Владимира. В результате Полоцкая земля оставалась автономной в течение всего правления Ярослава. Принадлежащие к роду Владимира, если не к семье Ярослава, полоцкие князья не согласились с завещанием

Ярослава, так как оно исключало их участие в объединенном управлении Русью. С другой стороны, они не были связаны им и сохраняли полную свободу действий.

Роковая личность Всеслава добавляет картине зловещий оттенок. Неуравновешенный и надменный, он считался черно-книжником и, видимо, был сведущ в искусстве магии. В «Повести временных лет» находим следующую запись по случаю его вступления на стол Полоцкий (1044 г.): «...Мать же родила его от волхвования. Когда мать родила его, на голове его оказалось язвено [то есть сорочка], и сказали волхвы матери его: “Это язвено навяжи на него, пусть носит его до смерти”». В «Слове о полку Игореве» Всеслав изображен как человек, наделенный сверхъестественной силой, как оборотень.

Кроме полоцких князей, собственный внук Ярослава, Ростислав, сын Владимира Новгородского, который умер раньше князя — своего отца, тоже не получил доли в общем правлении Руси сыновьями Ярослава и имел еще больше причин для недовольства, чем Всеслав Полоцкий. Было бы естественно для двух изгоев — Всеслава и Ростислава — прийти к соглашению и объединить свои силы против триумvirата, как, очевидно, они и поступили, хотя в летописях и нет прямых свидетельств этого.

Ростислав сделал свой первый ход, захватив город Галич, откуда он был, однако, изгнан членами триумvirата. Затем он пошел на Тмутаракань, которая входила в долю Святослава Черниговского и управлялась его сыном Глебом как наместником — тем самым Глебом, который позже измерил глубину Керченского пролива и записал ее на так называемом «Тмутараканском камне». Ростислав выгнал Глеба из Тмутаракани, но, когда Святослав пришел на помощь своему сыну, захватчик оставил город, поскольку не хотел поднять оружия против родного дяди, как объясняет летописец. Это совершенно типичное отношение, свидетельствующее о силе принципа старшинства среди потомков Ярослава. Однако, как только Святослав возвратился в Чернигов, Ростислав напал на Глеба еще раз и сел княжить в Тмутаракани, получая дань «с косогов и с других народов» (1066 г.). Именно в этот момент Всеслав начал враждебные действия против триумvirата. Вероятно, стремительное нападение Ростислава на Тмутаракань

было совершено по совету Всеслава. В «Слове о полку Игореве» говорится, что Всеслав знал чудесный способ, как достичь Тмутаракани из Полоцка за одну ночь. Поскольку Всеслав, кажется, ни разу не был в городе сам, автор «Слова» явно имеет в виду Ростислава, как его исполнителя.

Можно предположить, что с Ростиславом в качестве союзника Всеслав мечтал повторить политическую комбинацию 1026 г., когда два князя управляли северо-западом и юго-западом Руси, таким образом контролируя торговый путь из Балтийского моря к Азову. План провалился благодаря вмешательству третьей силы — византийской дипломатии. Греки обеспокоились агрессивными действиями Ростислава в районе Крыма, где город Херсонес все еще находился под византийским контролем. Под предлогом переговоров греческий наместник Херсонеса Катепано прибыл в Тмутаракань и на государственном пиру отравил напиток Ростислава. Князь умер неделю спустя. О популярности Ростислава в Крыму свидетельствует тот факт, что по возвращении в Херсонес наместник был побит камнями разгневанным народом⁸¹.

В это время Всеслав отчаянно сражался с триумvirатом, но, потерпев поражение, согласился на переговоры. Он был вероломно схвачен на переговорах о перемирии и привезен в Киев как пленник (1067 г.). Это нарушение клятвы членами триумvirата рассматривается летописцем как главная причина их последующих бед; по его мнению, таким поступком они вызвали Божий гнев, и степные кочевники появились как инструмент Бога в наказании грешных русских князей. Напомним, что в конце X и первой половине XI века южные русские степи контролировались печенегами, которые многократно нападали на Русь и даже послужили причиной гибели одного из самых могущественных русских князей — Святослава I. Но к концу правления Ярослава опасность со стороны печенегов была ликвидирована русскими.

Их успеху частично способствовал тот факт, что печенеги в то время испытывали давление на востоке со стороны другого тюркского кочевого племени — половцев, пришедших из Казахстана. Победа над печенегами, таким образом, оказалась бессмысленной, так как половцы, заменившие их в причерноморских степях, были более сильным и жестоким про-

тивником, который начал беспокоить приграничные районы Переяславльской земли в 1061 г. В 1068 г. они, без сомнения воодушевленные известием о разногласиях между русскими князьями, атаковали и разбили русских. Каждый из членов триумvirата бежал в свой город, но если Святослав был в состоянии защищать Чернигов, а Всеволод удержать Переяславль, то Изяслав в Киеве столкнулся с народным бунтом. Бунтовщики освободили Всеслава из заточения и объявили его князем Киева (1068 г.). Этот эпизод поэтически отражен в былине «Волх Всеславович». Изяслав отправился в Польшу, попросил помощи у короля Болеслава II и получил ее. Забыв о своих магических способностях, Всеслав бежал в Полоцк, не сделав и попытки сразиться с польской армией, превосходящей его по силе. У киевлян не оставалось другого выбора, как снова принять Изяслава, оговорив условие, что тот не будет преследовать зачинщиков восстания. Сам он действительно этого не делал, но до его вступления в город посланный вперед сын Изяслава казнил много знатных жителей, и виноватых и невинных (1069 г.). Вернув стол, Изяслав при первой возможности избавился от поляков.

Триумvirат теперь был восстановлен, но ненадолго. В 1072 г. три брата присутствовали на празднествах в Киеве по случаю переноса мощей святых Бориса и Глеба. Приблизительно в это же время они утвердили свод законов, известный как «Правда» Ярославичей. Но уже в 1073 г. триумvirат был разрушен тайным заговором двух его членов — Святослава и Всеволода — против третьего, Изяслава. Тот снова отправился в Польшу, но на этот раз помощи не получил. Тогда он обратился к императору Германии Генриху IV и к папе Григорию VII, высказывая желание сделать Русь «владением Св. Петра». Этим он, однако, ничего не достиг, так как его брат Святослав, теперь великий князь Киевский и Черниговский, был не только могущественным князем, но и искусным дипломатом и сам выказал готовность к религиозному компромиссу с Римом. Святослав также укрепил дружественные отношения со Священной Римской империей и Польшей: в 1076 г. русские войска поддержали поляков против чехов.

Смерть Святослава в 1076 г. сделала возможным возвращение Изяслава в Киев. Вернувшись, он тут же забыл о сво-

их обещаниях папе. К своему брату Всеволоду, которому он обещал Чернигов, Изяслав был более внимателен и присоединился к его выступлению против сыновей Святослава, отказавшихся отдать город. Дяди победили племянников, но Изяслав в битве погиб (1078 г.) и, по мнению летописца, верностью младшему брату искупил свои грехи.

Всеволод теперь был единственным живым членом бывшего триумvirата. Он остался в Киеве, назначив своего одаренного сына, Владимира Мономаха, наместником Чернигова. В правление Всеволода (1078–1093 гг.) продолжались постоянные междоусобные распри, начинали которые преимущественно сыновья Святослава, не желавшие смириться с потерей Чернигова. Самый способный из них, Олег, вспыльчивый аристократ и храбрый воин, в конце концов захватил Тмутаракань. В отчаянии Святославичи обратились за поддержкой к половцам, которые были более чем рады возможности грабить Русь, оставаясь союзниками русских князей.

Неудачливый во внешней политике, Всеволод не был удачлив и в управлении внутренними делами. Летописец пытается оправдать князя, ссылаясь на его болезнь и возраст, а вину возлагает на молодую дружину, чьим советам он следовал, вместо того чтобы слушать старых дружинников.

5. Правление Святополка II (1093–1113 гг.)

После смерти старших братьев Всеволод сконцентрировал в своих слабых руках всю власть триумvirата. Однако принцип родового старшинства не был забыт, и сразу после ухода Всеволода Святополк Изяславович занял Киевский стол, предоставив своему двоюродному брату — сыну Всеволода, Владимиру Мономаху, княжить в Чернигове. Это было нарушением принципа старшинства, поскольку раньше Чернигов принадлежал второму члену триумvirата, Святославу, и его сыновья теперь предъявляли свои права на город. В 1094 г. один из них, Олег, пришел к Чернигову из Тмутаракани с половецким войском, и Владимир решил пойти на компромисс. Он заключил мир с Олегом и, отдав ему Чернигов,

ушел в Переяславль. В определенном смысле первоначальный триумvirат сыновей Ярослава теперь восстанавливался его внуками. Но во втором триумvirате было еще меньше согласия, чем в первом, особенно из-за подозрительности и отчужденности Олега. Хотя он и восстановил свои права на Чернигов, Олег не мог так легко забыть свои прежние обиды и подозревал братьев в готовности использовать первый подходящий предлог, чтобы изгнать его еще раз. Он сам дал повод для этого своей двусмысленной политикой по отношению к половцам.

Получив известие о смерти Всеволода, половцы направили Святополку мирные предложения, но тот проигнорировал их, а послов схватил. Несмотря на то что позже он всех освободил, половцы были в ярости и напали на Русь. Победив объединенные силы Святополка и Владимира в ожесточенной битве, они сломили оборону русских в Треполе и рассеялись, грабя и разоряя все вокруг. После краткой осады Торческа жители, ослабленные голодом, сдали половцам укрепленный город. Опустошая южные районы киевских и переяславльских земель, половцы уводили с собой толпы русских пленников. Впечатляюще описываются страдания населения на страницах «Повести временных лет»: «...Измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде, с бледными лицами, почерневшими телами, в неведомой стране, с языком воспаленным, раздетые бредя и босые, с ногами, исколотыми тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: “Я был из этого города”, а другой: “А я — из того села”; так вопрошали они друг друга со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя на небо к Вышнему, ведающему сокровенное».

В 1094 г. Святополк заключил мир с половцами и взял в жены дочь хана Тугоркана. Владимир, однако, не вступал в это соглашение, и, когда в 1095 г. половецкое посольство прибыло в Переяславль, он приказал всех убить. Летописец повествует, что он поступил так по настоянию своей дружины. Снова началась война, и Святополк выступил на стороне брата против захватчиков, несмотря на свой брак. Оба призывали Олега на помощь, но тот сохранял нейтралитет. Война неудачно складывалась для русских. Были разрушены и разграблены окрестности Переяславля. Половцы напали и на сам город, но были

отбиты, а тесть Святослава, хан Тугоркан, в этой битве погиб. В это же время, однако, другой хан, Боняк Манги, совершил набег на Киев и сжег несколько церквей и дворцов.

Обеспокоенные нейтралитетом Олега, Святополк и Владимир послали ему ультиматум: или ты с нами, или ты против нас. Олег не обратил на него внимания. Тогда его двоюродные братья выбили Олега из Чернигова. Он пошел в Смоленск, где княжил его родной брат Давыд, и, собрав там войско, направился в низовья Оки к Мурому, принадлежащему сыну Владимира — Изяславу. Тот отказался покориться, вышел на битву за город, но погиб в сражении, а Олег вошел в Муром. Когда известие о смерти сына достигло Владимира, он написал Олегу замечательное письмо, проникнутое духом терпимости. Принимая смерть Изяслава как Божий суд, он призывал Олега положить конец вражде и прийти к взаимопониманию. Ответом Олега был захват города Ростова в Суздальской земле. В таких обстоятельствах старший сын Владимира — Мстислав, могущественный новгородский наместник, взял дело в свои руки и, напав на Олега, преследовал его от одного города до другого, пока тот не отступил до Рязани. Мстислав тогда отправил Олегу следующее послание: «Не бегай никуда, но пошли к братии своей с мольбою не лишать тебя Русской земли. И я пошлю к отцу просить за тебя». Олег принял предложение, и наследственная вражда была закончена.

Можно отметить, что в описанном случае Владимир и его сын Мстислав выказали завидную выдержку и политическую мудрость. Мир, а не месть был их целью. Как только Олег согласился на переговоры, они предложили созыв примирительного собрания всех князей, чтобы разрешить существующие разногласия. Встреча состоялась в Любече в 1097 г., в ней участвовали следующие князья: Святополк II, Владимир Мономах, Давыд — сын Игоря, князя Волынского, Василько — сын Ростислава, два сына Святослава II — Давыд и Олег. На встрече, таким образом, были представлены все линии потомков Ярослава. Заметьте, что даже сыновья Ростислава участвовали в переговорах, несмотря на то что их отец еще при жизни был лишен доли в общем наследстве. Напомним, что до своей тмутараканской авантюры Ростислав пытался закрепиться в Галиции; именно здесь каждый из трех его сыновей в итоге

получил себе небольшой удел. Старший из них, Рюрик, умер в 1092 г., и, таким образом, к моменту встречи в Любече их оставалось двое: Володар и Василько. На встрече присутствовал только Василько.

Решения этого съезда записаны в «Повести временных лет» в следующей форме. Князья сказали друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами до сих пор идут войны. Да отныне объединимся чистосердечно и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав — Святославовой [то есть Черниговом], и те, кому Всеволод роздал города: Давыду [сыну Игоря] — Владимир [Волынский], Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Теробовль».

Эта важная декларация вносит новый элемент в отношения между князьями. Хотя принцип старшинства и не был аннулирован, теперь признавались особые права каждой княжеской ветви на наследство отцов. Таким образом, на съезде в Любече старались учесть притязания каждого, и можно было надеяться, что определенный, пусть даже невысокий, уровень стабильности достигнут.

Нелегко, однако, было князьям преодолеть свою алчность и взаимное недоверие. На сей раз ответственность за нарушение мира лежит на Давыде Волынском. Он заподозрил Василько Галицкого в намерении захватить Волынь (собственный удел Давыда) и решил искать поддержки у Святополка, говоря тому, что узнал о заговоре Владимира Мономаха и Василько против них обоих. Святополк в конце концов поверил ему и, пригласив Василько в Киев, вероломно схватил его и передал Давыду, чьи люди ослепили несчастного галицкого князя.

Ослепление политических соперников, особенно потенциальных кандидатов на трон, было установленной практикой в Византии, но до случая с Василько русские князья никогда не прибегали к этому средству в борьбе друг с другом. Известие о преступлении потрясло всю Русь. «Владимир, услышав, что схвачен Василько и ослеплен, ужаснулся, горько заплакал и сказал: “Не бывало еще в Русской земле ни при дедах

наших, ни при отцах наших такого зла”». Святославичи (сыновья Святослава), Давыд и Олег, тоже были глубоко потрясены и говорили: «Этого не бывало еще в роде нашем». Владимир и Святославичи немедленно съехались, чтобы обсудить ситуацию. Кроме ужасного увечья, нанесенного Василько, поступок Святополка являлся нарушением Любечского соглашения. Это было подчеркнуто в общем послании Святополку: «Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами...» Святополк пытался избежать ответственности, обвиняя во всем Давыда Волынского.

Неудовлетворенные объяснением, Владимир и Святославичи решили наказать его и выступили к Киеву. Киевляне заволновались и, боясь казавшейся неизбежной гражданской войны, выслали к Владимиру вдову Всеволода (тещу Владимира) и митрополита с обращением: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли». Владимир оказался перед моральным выбором: спустить нарушение Любечского соглашения и оставить безнаказанным ослепление Василько или взять на себя ответственность за новое кровопролитие. В этой сложной ситуации он уступил своей теще, «послушал ее как мать свою, и митрополита также чтит за сан святительский и не ослушался мольбы его». Прекращая войну, Владимир и Святославичи возложили на Святополка задачу наказания Давыда.

Запуганный и Святополком и Володаром (братом Василько), Давыд освободил Василько. Это, однако, не удовлетворило его противников, и они начали войну, которая еще больше разрослась за счет конфликта между Святополком и Ростиславичами (сыновьями Ростислава Владимировича). В конце концов князья снова съехались на совет в Юветичах и решили дело, лишив Давыда Волынского княжества. Ему отдали город Бужск для пропитания (1100 г.).

В следующем году состоялась еще одна встреча князей, на которой они заключили мир с половцами. Этот мир продлился недолго, потому что в 1103 г., по словам летописца: «Вложил Бог в сердце князьям русским мысль благую — Святополку и Владимиру», — они решили пойти войной на половцев и захватить их земли. Князья предложили Святославичам принять участие в походе. Олег, ссылаясь на болезнь, отка-

зался, а Давыд принял предложение. Кампания была очень удачной: двадцать половецких князей были убиты и один взят в плен. Была захвачена огромная добыча — овцы и коровы, лошади и верблюды, кибитки и рабы.

Половцам потребовалось четыре года, чтобы восстановиться. В 1107 г. два половецких князя — старый Боняк и Шарухан — совершили набег на Переяславльские земли. Они, однако, были отбиты и понесли большие потери. Четыре года спустя наступила кульминация. В 1111 г. союзные войска трех русских князей — Святополка, Владимира и Давыда — прошли глубоко в степь, достигнув Дона. Город Шарукань сдался, и его жители встречали русских дарами — рыбой и вином. Основные половецкие силы были тогда разбиты на берегах Сальницы. Триумф русских был беспрецедентным, а поскольку главную роль в походе сыграл Владимир Мономах, его популярность резко возросла.

Хотя Святополк и принимал участие в походах против половцев, его внимание в основном было обращено на запад. Он выдал одну из своих дочерей замуж за польского короля Болеслава II (1102 г.), а другую — за сына короля Венгрии (1104 г.). Эти династические браки имели целью укрепить дружественные связи между Русью, Польшей и Венгрией, но Святополк, кажется, был больше заинтересован в развитии торговых отношений, чем в дипломатии как таковой. Набеги половцев, должно быть, несколько лет осложняли путь в Византию по Днепру, и русские купцы хотели расширять экономические связи с западными странами. Поскольку Святополк пытался монополизировать торговлю солью на Руси, он, надо полагать, мечтал получить галицкие соляные рудники, но нельзя было надеяться, что Ростиславичи уступят их. Он мог, однако, закупать соль на Величковских копях в Польше.

Хотя русские одержали внушительную победу над кочевниками к концу правления Святополка II, опустошения, произведенные половцами до кампании 1111 г., были достаточно серьезными, чтобы расстроить экономическую и социальную жизнь южных районов Руси. Потери населения, по всей вероятности, были ужасными. Те, кто избежал смерти и плена, были разорены. Многие вынужденно брали деньги в долг у киевских богачей или состоятельных землевладельцев, а будучи не

в состоянии возратить долги, соглашались работать на условиях кредиторов.

Таким образом, пока часть населения несли потери, владельцы больших поместий в непострадавших районах страны выигрывали от обилия дешевой рабочей силы, а киевские ростовщики от получения процентных доходов по непомерным ставкам. Высокие цены на соль, вследствие монополии Святополка, увеличивали общее недовольство. Прославленная победа над половцами на некоторое время отвлекла общественное мнение, но требовались радикальные реформы, чтобы исключить финансовые злоупотребления. Нельзя было ожидать подобных реформ от Святополка, так как он сам активно участвовал в финансовых спекуляциях.

6. Гражданский законодатель: Владимир Мономах

Смерть Святополка 16 апреля 1113 г. освободила силы оппозиции. 17 апреля в Киеве собралось чрезвычайное городское вече. В обычных условиях подобное собрание после смерти князя было бы созвано митрополитом и боярами, но их санкция на это вече нигде в летописях не упоминается. Вероятно, оно было собранием только демократических элементов, и его дух был революционным. Вече решило призвать Владимира Мономаха, князя Переяславского, взойти на Киевский престол. Как записано в Ипатьевской летописи: «Услышав это, Владимир заплакал горько и не пошел, печалась о [двоюродном] брате».

Мотивы отказа понятны. Прежде всего, он, безусловно, не хотел принять Киевский стол из рук только демократической части населения, потому что это подразумевало бы репрессивные меры против бояр покойного Святополка. Более того, от Владимира ждали бы официального отречения от политики покойного двоюродного брата, с которым он поддерживал дружественные отношения. Наконец, он колебался вступать на Киевский стол без согласия на то собрания всех князей, так как в противном случае он мог столкнуться с упорным со-

противлением со стороны князей старших ветвей — и братьев Святополка, и Святославичей.

Каковы бы ни были его мотивы, он отказался идти в Киев. Тогда начались мятежи. «Киевляне же разграбили двор тысяцкого Путяты, пошли и на евреев и их пограбили». Поскольку беспорядки становились все более опасными, церковные чины и представители высших классов заволновались и, хотя прежде они, казалось, не одобряли решения вече призвать Владимира, теперь отправляли ему панические послания, умоляя спасти порядок в государстве: «Приходи, княже, в Киев; если не придешь, то знай, что много бед произойдет, не только Путятин двор, не только сотских и евреев пограбят, но нападут и на невестку твою, и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, княже, если разграбят и монастыри».

Теперь, когда аристократическая часть общества поддерживала демократическую, призывая его на великокняжеский стол, стало ясно, что только посредничество Владимира может предотвратить социальную революцию. Он не уклонился от ответственности и пошел в Киев, где, по словам летописца, «встретили же его митрополит Никифор с епископами и со всеми киевлянами с честью великой. Сел он на столе отца своего и дедов своих, и все люди рады были, и мятеж улегся».

Анализируя эти апрельские события, мы должны различать непосредственные действия киевских «революционеров» и их общую программу. Первые акции были направлены против представителей администрации Святополка (тысяцкого и сотских) и его финансовых советников (евреев). Разграбление домов высоких должностных лиц и ростовщиков было, несомненно, спонтанным действием взбунтовавшейся толпы. Ясно, однако, что их руководители вынашивали более радикальные планы — конфискацию имущества высших классов в целом, то есть бояр, купцов и монастырей. Между прочим, отметим, что не нужно думать, будто движение было антисемитским. Общего еврейского погрома не произошло. Состоятельные еврейские купцы пострадали за свою связь со спекуляциями Святополка, особенно с его ненавистой монополией на соль.

Первым шагом Владимира была замена киевского тысяцкого на человека, которому он доверял. Затем он собрал со-

вешание высших официальных лиц для изменения законодательства относительно займов и наемного труда. Кроме нового киевского тысяцкого в совещании участвовали тысяцкие из Белгорода и Переяславля, два других дружинника Владимира и дружинник князя Олега Черниговского. Присутствие последнего свидетельствует о том, что Олег признал Владимира великим-князем Киевским. Принять личное участие в совещании, проводимом в интересах низших слоев, было, однако, выше сил Олега, и он послал вместо себя дружинника.

Совещание постановило прекратить злоупотребления краткосрочными ссудами и ограничить проценты по долгосрочным кредитам. Кроме того, была несколько ограничена власть хозяина над наемными рабочими и запрещено обращать их в рабство. Для легализации продажи себя в рабство обнищавшим человеком теперь требовались определенные формальности как гарантия против мошенничества.

Эти меры вряд ли могли удовлетворить радикальное крыло оппозиции. Однако они оказались достаточными, чтобы восстановить общественное доверие к княжеской власти.

Нужно иметь в виду, что поддержка Владимиром низших классов была не только результатом его просвещенного государственного ума, но и свидетельством его глубоко христианской души. Гражданское законодательство являлось для него продолжением христианского милосердия. В своем знаменитом «Поучении» он наставляет сыновей: «...Подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека». Собственную политику он описывает в том же духе — он «бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным».

«Поучение» Владимира является не только ценнейшим произведением древнерусской литературы, но и общественным документом большой значимости. Оно раскрывает древнерусского князя с наилучшей стороны. Два столпа христианства для Владимира — страх Божий и любовь к ближнему, главным проявлением которой является сострадание.

Будучи глубоко ответственным человеком, он подчеркивает, сколь важно для князя уметь держать слово. «Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, про-

верив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей». Из летописей явствует, что Владимир действительно следовал этому правилу в отношениях с другими русскими князьями.

Истинный христианин, Владимир, однако, не был аскетом. Он восхищался природой и любил жизнь во всех ее проявлениях. Труд, а не аскетическое уединение — его совет сыновьям. В краткой автобиографии, которая составляет важную часть «Поучения», он рассказывает о своих главных военных кампаниях и охотах. Он не похвально себя собственными военными победами, в его повествовании нет и тени тщеславия. Феодалный дух княжеской славы абсолютно не свойствен ему. О походе на половцев в 1111 г. он говорит лаконично: «...На Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог». Он говорит больше о трудах, чем о подвигах, что прекрасно согласуется с его любимым изречением: «Лень — мать всех пороков».

Владимир придает большое значение просвещению и учебе: «Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков...» Владимир сам был хорошо образован и увлекался чтением. Как у многих его современников, его любимыми религиозными книгами были Псалтырь и Ветхий Завет.

Владимир был сыном Всеволода от первой жены, греческой принцессы, вероятно из семьи Мономахов, откуда и его фамилия. Семейные связи, несомненно, отразились в его дружественном расположении к Византии. Кроме прочего, это расположение проявлялось в поддержке грекофильских тенденций в Русской церкви, за что его порицают некоторые современные русские историки националистического духа.

7. Первые два Мономашича (1125–1139 гг.)

Популярность Владимира Мономаха подтверждается фактом, что после его смерти (1125 г.) его старший сын Мстислав сел на Киевский стол без сопротивления как со сторо-

ны киевлян, так и со стороны других князей. Даже Ольговичи Черниговские не возражали, по крайней мере открыто.

Мстислав I (1125–1132 гг.) оказался таким же решительным и честным правителем, как и его отец. Он был сыном Владимира от первой жены, английской принцессы Гиты, дочери Гарольда II. Нордические связи Мстислава еще больше укрепились после его женитьбы на шведской принцессе Христине, дочери короля Инга Стейнкельса. В скандинавских источниках Мстислава называют Гаральдом. При жизни отца он сначала княжил в Новгороде, затем был титулованным князем Белгорода. Покидая Новгород, Мстислав оставил там сына Всеволода, которого новгородцы с радостью признали своим князем (1117 г.). Таким образом, он на самом деле не порывал связи с этой северной метрополией, и знаменательно, что после смерти своей первой жены он женился на дочери новгородского посадника (1122 г.).

Популярность Мстислава в Новгороде очень помогла ему, когда он стал княжить в Киеве. Будучи великим князем, он сумел установить контроль над всем родом Мономашичей. Его братья управляли следующими городами: Ярополк — Переяславлем, Вячеслав — Туровом, Юрий — Суздалем и Андрей — Волынью. Мстислав также вступал в дела Галиции, где правили Ростиславичи, и Чернигова, удела Ольговичей. В обоих княжествах происходила борьба между старшими и младшими князьями семьи. Мстислав и в том и в другом случае поддерживал старшего. Однако и там и тут победил младший. Энергичный Всеволод, сын Олега, захватил Чернигов в 1127 г., а ловкий Владимирко, сын Володаря, был признан князем Перемышля (в то время галицкая столица) примерно в 1130 г. Но, пытаясь противостоять попыткам Мстислава вмешиваться в семейные дела, и Ольговичи, и Ростиславичи вынуждены были признать его как великого князя.

Ближайшим соратником Мстислава был его брат Ярополк, князь Переяславский. Вместе они определили курс внешней политики Руси, нацеленный на охрану торгового пути из Балтики в Азовский регион. Ярополк, блестящий воин, взял на себя задачу очистить путь к низовьям Дона. Его первый поход против половцев состоялся в 1116 г. Он захватил много пленных, среди них была осетинская княжна, на которой он же-

нился. Десять лет спустя Ярополк нанес еще одно сокрушительное поражение половцам. Однако постоянного контроля над Азовским регионом ему установить не удалось.

Внимание Мстислава было направлено на Балтийский регион. Чтобы исключить любые помехи своей власти со стороны князей полоцких, он захватил их земли, а всех членов семьи выслал в Константинополь (1130 г.). Он также провел успешную войну против литовцев (1131 г.). В это время его сын Всеволод установил свою власть над финскими племенами в Восточной Эстонии.

После смерти Мстислава киевляне предложили его брату Ярополку занять стол. В качестве князя Киевского он известен как Ярополк II (1132–1139 гг.). Он пытался продолжать политику Мстислава, но оказался менее удачливым; единственное достижение во внешней политике — дальнейший успех в Эстонии его племянника Всеволода, который отвоевал Юрьев в 1131 г.

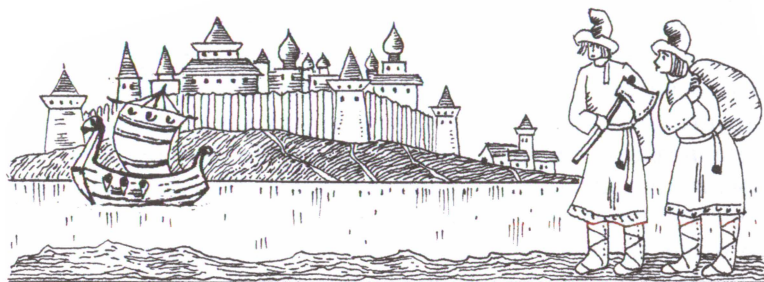
Главной причиной трудностей Ярополка была его неспособность контролировать собственный род, всех Мономашичей. Один из его братьев, Юрий Суздальский, восстал против него и вторгся в Переяславские земли. Ольговичи Черниговские тут же, не теряя времени, воспользовались внутренним раздором в роде Мономашичей. Князь Всеволод Черниговский, который молчал во время правления Мстислава, теперь предъявил претензии на некоторые пограничные земли между Черниговским и Переяславским княжествами. Не надеясь на собственные силы, он вошел в альянс с половцами, которые, конечно, были рады возможности совершить набег на Русь еще раз. Ярополк поспешил заключить мир с Юрием, но было уже слишком поздно. Побежденный Всеволодом и его половецкими союзниками, он вынужден был удовлетворить притязания Всеволода.

Как только переяславская проблема была решена, начался новый кризис в Новгороде. В 1136 г. народ восстал против князя Всеволода Мстиславича, его посадили под арест в епископском дворце и затем выслали. По этому поводу новгородское вече приняло решение, закрепляющее право владения земельными наделами в Новгороде только за новгородцами. Кроме этого требовалось специальное одобрение веча на лю-

бое предоставление в Новгороде государственной земли. Новый закон был, возможно, восстановлением старой традиции; он прежде всего был направлен против князя и его дружинников, и можно предположить, что причиной его принятия явилось какое-либо злоупотребление со стороны Всеволода. Последний, несомненно, признал его законность, поскольку в 1137 г. Всеволода опять пригласили княжить в Новгороде. Он, однако, умер до того, как смог принять это предложение.

После смерти Всеволода новгородцы признали своим князем кандидата, рекомендованного Юрием Суздальским, за что последний оказал Ярополку активную поддержку в его борьбе против Всеволода Черниговского, который использовал события в Новгороде для предъявления новых претензий, но, не получив на этот раз значительной помощи от половцев, вынужден был просить мира (1139 г.). В том же году Ярополк II умер. Хотя он и смог удержать Киевский стол до своей смерти, за время его правления и главенство Киева, и единство Руси были серьезно поколеблены, почти до полного разрушения.

Глава V Экономические основы Киевской Руси

1. Предварительные замечания

В трех предыдущих главах я описал основные тенденции политического развития Руси с конца девятого столетия до первой трети двенадцатого века. В главе VIII я продолжу свое описание до монгольского нашествия в 1237 г., но сейчас нам необходимо прерваться, чтобы проанализировать основы экономики Руси, а также ее социальную и политическую организацию в киевский период.

В современной русской историографии существуют две точки зрения на то, что являлось главным фактором экономического развития Киевской Руси: «традиционная» и «революционная». Согласно первой, выдающимся представителем которой является В. О. Ключевский, внешняя торговля должна рассматриваться и как основа ранней русской экономики, и как важнейший фактор развития Киевского государства. Согласно второй (ее наиболее известный представитель Б. Д. Греков), в киевский период, так же как и позднее в московский, сельское хозяйство, а не торговля было фундаментом государства и общества.

Ключевский в развитии своей теории дошел до полного отрицания важности сельского хозяйства в экономической жизни Киевской Руси. Греков не мог совершенно отрицать роль внешней торговли в киевский период: эта роль слишком очевидна. Однако он пытается свести к минимуму ее значение и подвергает сомнению ее активность.

Ключевский говорит:

«История нашего общества изменилась бы существенно, если бы в продолжение восьми-девяти столетий наше народное хозяйство не было историческим противоречием природе страны. В одиннадцатом веке масса русского населения сосредотачивалась в черноземном Среднем Поднепровье, а к половине пятнадцатого века передвинулось в область Верхнего Поволжья. Казалось бы, в первом краю основанием народного хозяйства должно было стать земледелие, а во втором должны были получить преобладание внешняя торговля, лесные и другие промыслы. Но внешние обстоятельства сложились так, что пока Русь сидела на днепровском черноземе, она преимущественно торговала продуктами лесных и других промыслов и принялась усиленно пахать, когда пересела на верхневолжский суглинок»⁸².

А Греков говорит:

«Мне кажется, что в наших источниках нет свидетельств, подтверждающих основные положения Ключевского, Рожкова и их последователей. В Киевской, Новгородской и Суздальской Руси земледелие было основным занятием народа»⁸³.

Чью сторону примем мы в этом споре?

Прежде всего необходимо сказать, что основная идея Ключевского о практически полной миграции населения из района Среднего Днепра на Верхнюю Волгу, которая якобы произошла в период между одиннадцатым и пятнадцатым веком и способствовала расцвету Московской Руси, совершенно неприемлема.

Мы знаем, что славяне появились на севере России за столетия до образования Киевского государства, что они пришли на новгородские земли еще в начале четвертого века, что верхний Волго-Окский район был заселен ими из Смоленска и Новгорода, а не из Киева и не позже седьмого века. Мы также знаем, что, согласно археологическим свидетельствам, не

только славяне, но и литовцы и финны занимались сельским хозяйством на севере задолго до одиннадцатого столетия, уже не говоря о пятнадцатом.

В своем блестящем исследовании, которое я не мог в полной мере использовать при работе над своей книгой «Древняя Русь», П. Н. Третьяков убедительно показал, что жители Верхней Волги, которых он считает протославянами, были знакомы с сельским хозяйством по крайней мере с третьего века и что в седьмом столетии население этих районов, в то время, несомненно, славяне, перешло от примитивных методов (подсечного земледелия) к регулярной вспашке земли⁸⁴.

Таким образом, даже в Северной и Центральной Руси сельское хозяйство играло важную роль в экономической жизни народа задолго до одиннадцатого века. И еще более важную, конечно, на Украине.

Известно, что уже в раннюю скифскую эпоху некоторые племена, подвластные скифским царям, например «скифские крестьяне» и «скифские землепашцы», выращивали разнообразные зерновые. Согласно византийским источникам, анты в шестом веке возделывали землю и хранили зерно в своих поселениях. По восточным источникам, славяне в восьмом веке снабжали зерном хазар и мадьяр. Известно из русской «Повести временных лет», что одно из восточных славянских племен, вятичи, платило дань хазарам по одной монете с сохи, следовательно, соха была их главным средством к существованию.

В письменных источниках киевского периода встречается масса упоминаний о земледелии и зерновых. Все эти свидетельства убедительно подтверждаются данными археологии. Таким образом, не может быть никаких сомнений в том, что сельское хозяйство было одним из главных элементов русской национальной экономики киевского периода. «Исторический парадокс», о котором говорит Ключевский, был только плодом его воображения.

Однако из признания значения сельского хозяйства для Киевской Руси не следует, что мы должны отрицать роль внешней торговли или преуменьшать ее, как это делает Греков. Как и в случае с сельским хозяйством, существует достаточно доказательств, подтверждающих активность торговли в эконо-

мике Западной Евразии с незапамятных времен. Больше того, внешняя торговля была, несомненно, основным фактором формирования политики всех империй в понтийских степях, от скифов до хазар.

Особенно важно для обсуждаемого вопроса, что к моменту образования Киевского государства торговля зерном не играла значительной роли — если вообще имела значение — в русской внешней торговле. Большую часть ее объема составляли продукты охоты и лесных промыслов: пушнина, воск и мед. Даже Греков не в состоянии отрицать этого. Хотя мы и не можем разделить взглядов Ключевского на сельское хозяйство, мы тем не менее должны последовать за ним в утверждении важности неземледельческих продуктов во внешней торговле Киевской Руси, по крайней мере в десятом веке.

Это очень важный момент, принимая во внимание, что сторонники взглядов Грекова используют данные по сельскому хозяйству при интерпретации социологических основ Киевской Руси. Поскольку сельское хозяйство являлось основой феодализма в Западной Европе, утверждается, что его развитие в Киевской Руси неопровержимо доказывает полную феодализацию страны в этот период. Признание же первостепенного значения внешней торговли, с точки зрения Грекова и его школы, поставило бы под угрозу всю схему.

В общем можно сказать, что на своей начальной стадии европейский феодализм базировался на закрытой экономике, а любое сколько-нибудь заметное расширение внешней торговли, напротив, предполагает значительное развитие монетарной экономики. Именно в этом кроется потенциальное противоречие и новая проблема. Мы вернемся к этому вопросу в главе VI, а теперь обратимся к обзору данных по различным аспектам киевской экономики.

2. Природные ресурсы и население

Русская экспансия в семнадцатом, восемнадцатом и девятнадцатом веках обеспечила народы России колоссальной территорией, богатой месторождениями полезных ископае-

мых и природными ресурсами разного рода. Страна полностью обеспечена всеми видами сырья.

В киевский период русские занимали только западную часть современного СССР, да и то не всю, так как средний и нижний бассейны реки Волги, а также южные степи принадлежали тюркским племенам. В киевский период небольшие группы русских первопроходцев побывали только в самой северной части Урала, а от южных районов, как я уже отметил, русские были отрезаны. Таким образом, они были лишены самых богатых рудных областей. Следует добавить, что в любом случае они вряд ли смогли бы использовать глубоко залегающие ресурсы, так как не были достаточно хорошо знакомы с технологиями горнодобычи.

Однако даже в киевский период русские не были полностью лишены сырьевой базы. На их территории находились обширные районы, богатые залегающими близко к поверхности месторождениями железной руды, преимущественно в болотах и по берегам озер. Такие болотные руды встречались и в Западной Руси (Волынь), и на севере. При археологических раскопках славянских поселений, датируемых даже ранним киевским периодом, были обнаружены доказательства добычи и выплавки железа. На севере, в районе Устюжны, болотные руды использовались жившими в округе крестьянами вплоть до девятнадцатого века⁸⁵.

Однако главными природными богатствами Киевской Руси были не ее руды, а ее леса, пахотные земли и полные рыбы реки и озера. И конечно, ее бесценным капиталом были сами люди — крепкий и здоровый народ.

Не существует статистической информации о населении Киевской Руси. Только рассматривая население соседних стран и анализируя данные по населению России в более поздние периоды, мы можем рискнуть предложить гипотетическую оценку населения Руси в киевский период. За отправную точку примем доступные данные о населении Ближнего Востока и Западной и Южной Европы в период поздней Античности и Средневековья. Население Римской империи (когда ее территория была наибольшей) составляло приблизительно восемь миллионов человек. В границах Византийской империи во времена Юстиниана I, в шестом веке, проживало

не менее двадцати пяти миллионов человек. Население Оттоманской империи в шестнадцатом веке было не меньше пятнадцати миллионов человек.

В Западной Европе население Англии в первой половине четырнадцатого века — то есть до эпидемии оспы — составляло от четырех до пяти миллионов человек. Во Франции и Западной Германии, империи Каролингов, в конце восьмого — начале девятого века насчитывалось около восьми миллионов жителей.

В первой половине четырнадцатого века население Франции приблизилось к двадцати миллионам.

Оценки для Германии возрастают от трех миллионов человек в десятом столетии до шести миллионов в одиннадцатом. В одиннадцатом веке оно достигло величины от семи до восьми миллионов; в первой половине четырнадцатого века было около двенадцати миллионов. Население Венгрии в конце пятнадцатого века равнялось приблизительно четырем миллионам человек⁸⁶.

Вернемся теперь к России. В «Энциклопедическом словаре», изданном Брокгаузом и Ефроном, население России в конце пятнадцатого века оценивается в 2,1 миллиона. М. В. Довнар-Запольский говорит о двух миллионах к середине шестнадцатого века⁸⁷. Эти цифры не более чем приблизительные подсчеты и, несомненно, являются результатом какого-то недоразумения. Значительно более убедительны вычисления П. Н. Милюкова⁸⁸. Он начинает свои доказательства с цифры в тринадцать миллионов для населения Российской империи в год смерти Петра Великого. Она основана на переписи населения и поэтому достаточно надежна, хотя мы и можем предположить, что какое-то количество жителей смогло тогда уклониться от переписи, чтобы избежать уплаты налогов, поскольку цель переписи состояла именно в создании национального списка налогоплательщиков. Более того, постоянные войны времен правления Петра приводили к тяжелым потерям и должны были уменьшить население. Поэтому Милюков утверждает, что население России в конце семнадцатого века должно было быть значительно большим, чем в 1725 г. Он предлагает цифру в шестнадцать миллионов в 1676 г. и пятнадцать миллионов в конце шестнадцатого века.

С другой стороны, мы должны иметь в виду, что цифры Милюкова относятся только к Московскому царству. Согласно польским историкам, украинское и белорусское население Польши и Литвы в шестнадцатом веке составляло приблизительно два с половиной миллиона⁸⁹. Таким образом, даже если мы значительно сократим цифру Милюкова для последней части столетия, нельзя оценить общее население России того периода менее чем в двенадцать миллионов, что, видимо, будет скорее заниженной оценкой. Вследствие постоянных войн и набегов татар между концом пятнадцатого и концом шестнадцатого столетий вряд ли был сколько-нибудь заметный рост населения. Следовательно, на конец пятнадцатого века мы можем предположить цифру в десять миллионов человек или в крайнем случае девять, но никак не меньше.

В середине четырнадцатого века Россия, вместе со всей Европой, пережила эпидемию чумы. В середине тринадцатого века она была опустошена монголами. Следовательно, перед монгольским нашествием — то есть в начале тринадцатого века — население не могло быть значительно меньшим, чем в конце пятнадцатого столетия. Таким образом, цифра семь-восемь миллионов для двенадцатого столетия была бы довольно заниженной оценкой⁹⁰.

Любая попытка подсчитать пропорцию городского населения в Киевской Руси должна быть только гипотетической. В источниках того периода упоминается около трехсот городов. Большинство из них, безусловно, были маленькими поселениями, но среди них были и большие города, если судить по стандартам того времени. Совокупное население трех крупнейших городов — Киева, Новгорода и Смоленска — составляло, видимо, не менее четырехсот тысяч человек. В целом городское население Руси в конце двенадцатого и начале тринадцатого веков едва ли было меньше миллиона. Если мы примем цифру в 7 500 000 для всего населения, то городское население составит тринадцать процентов от общего количества, что значительно выше аналогичной доли в московский период и соответствует ситуации в конце девятнадцатого века.

3. Охота, бортничество и рыболовство

Охота была любимой забавой русских князей киевского периода. В своем «Поучении» князь Владимир Мономах вспоминает о своих главных охотничьих подвигах с очевидной гордостью и теплым чувством в следующих словах:

«А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым».

Рассказывая о животных и птицах, населяющих леса и поля Руси, Владимир говорит: «Все же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость».

Даже для князей охота являлась не только развлечением, но и важным промыслом. Еще более важной она была для простых людей, особенно в лесной зоне Северной Руси. Во-первых, охота доставляла пищу значительной части населения, во-вторых, она обеспечивала мехами, нужными для изготовления теплой одежды, уплаты налогов (вместо денег) и торговли; в-третьих, давала шкуры для кожевенных работ.

На животных и птиц охотились при помощи стрел и копий или ловили живьем в сети и ловушки разных типов. Небольшие силки использовались для ловли птиц. Огромные сети развешивали в лесах между деревьев для ловли животных, которых поднимали и направляли в них загонщики. Очень популярной была также псовая охота. У некоторых князей были даже охотничьи леопарды. Тогда как простолюдины охотились самостоятельно или создавали охотничьи общины, князья и бояре нанимали профессиональных охотников различных специальностей: выжлятников, сокольничих и так далее. Княжеская охота была чаще всего очень сложным мероприятием.

В связи с важностью охоты как промысла охотничьи угодья охранялись законом. У каждого князя были собственные ме-

ста для охоты, но уголья, принадлежащие представителям других классов, а также церквям и монастырям, тоже упоминаются в источниках. В «Русской правде» предусмотрены суровые наказания за охоту в чужих угольях, а также за кражу или порчу охотничьих сетей и убийство охотничьей собаки.

Бортничество являлось другим распространенным видом лесного промысла. Оно было довольно примитивным: пчелы содержались в дуплистых стволах лесных деревьев. Такая колода (борт) могла быть природного происхождения, но чаще всего их специально вырубали в стволах для этой цели. Стволы затем метились специальным знаком пчеловода (знамя). Часть леса, в которой находились помеченные деревья с ульями, охранялась, и права владельца защищались законом. Штраф в три гривны был установлен в «Русской правде» за снос чужого улья и в двенадцать гривен за удаление с дерева знака владельца. В источниках того периода упоминаются уголья с пчелиными ульями, принадлежащие как князьям, так и простым людям. Монахи тоже занимались пчеловодством, и князья нередко жаловали часть своих угодий епископам и монастырям. Так, в 1150 г. князь Ростислав из Смоленска даровал епископу того же города лес с ульями и обслуживающим бортником.

Продукция бортничества — воск и мед — пользовалась огромным спросом как внутри страны, так и за ее пределами. Воск, кроме всего прочего, был необходим для производства церковных свечей; он экспортировался в большом количестве в Византию и на Запад, а после крещения Руси стал использоваться также русскими церквями и монастырями.

Христианизация Руси должна была увеличить спрос также и на рыбу, так как рыбная диета теперь предписывалась на время постов, особенно на время Великого поста (Пасхальный пост). Однако даже в двенадцатом столетии русские плохо соблюдали посты, а князья по любому поводу старались получить освобождение от них. Только в монастырях посты являлись строгим правилом. Рыбу на Руси ели и до и после крещения, и рыболовство, следовательно, играло не последнюю роль в русской экономике. Товарное рыболовство развивалось преимущественно на больших реках и озерах. Рыболовецкие артели на севере Руси, такие, как на реке Волхове и озере Белом (Белоозеро), упоминаются в источниках двена-

дцатого века. Тогда же галицкие рыбаки обосновались в низовьях Дуная. Самой ценной рыбой считался осетр.

Самостоятельные рыболовы ловили рыбу на удочку на малых реках и прудах, а в товарном рыболовстве преимущественно использовали различные неводы и сети. На севере Руси распространенным был способ перегораживания малой реки частоколом. В этом случае в частоколе оставляли несколько отверстий, к которым привязывали плетеные корзины для ловли рыбы (верши). Хотя этот способ не упоминается в источниках до четырнадцатого века, вряд ли можно сомневаться, что он применялся и раньше.

Берега рек и озер, пригодные для рыболовства, могли находиться в частном владении. Монастыри особенно старались получить собственные рыбные угодья, чтобы обеспечить братию необходимым запасом рыбы на время Великого поста.

В связи с рыболовством можно также упомянуть ловлю моржей в Северном Ледовитом океане и на Белом море. Моржей в основном добывали из-за их клыков, называемых по-древнерусски «рыбий зуб». Новгородцы торговали ими уже в начале двенадцатого века.

4. Земледелие и скотоводство

Главная географическая особенность Европейской Руси (Западной Евразии) — деление страны на природные зоны — предопределила, как мы видели, развитие лесных промыслов в районах севернее границы степной зоны. С земледелием ситуация была иной, поскольку тогда, как, конечно, и сейчас, получение урожаев возможно и в степной, и в лесной зонах. Тем не менее существование различных природных зон оказало большое влияние на агротехнические методы и в результате привело к заметной разнице между севером и югом. Степная зона с ее богатой черной почвой (*черноземом*) открыта для крестьянина во всех отношениях, и единственная проблема, преимущественно техническая, с которой он сталкивается, — это эпизодическое орошение земель в пограничных районах между степной и засушливой пустынной зонами.

В лесной зоне человек должен был сначала выкорчевать лес, чтобы получить участок пашни. В переходной лесостепной зоне было возможно использовать для земледелия свободные от деревьев островки земли даже до вырубки окружающего их леса.

И на севере и на юге Руси земледелие — последовательно, но медленно вырастая из примитивных условий — прошло много стадий. В целом можно сказать, что самая ранняя стадия заключалась в разрыхлении верхнего слоя почвы мотыгой или другим примитивным инструментом подобного рода с одновременной посадкой семян. На этой стадии каждый участок земли только временно использовался как пашня. Постепенно была достигнута следующая стадия, на которой поля постоянно использовались и обрабатывались регулярно.

В лесной зоне работа должна была начинаться с вырубки деревьев и выжигания подлеска. Такие выжженные участки леса, пригодные для земледелия, были известны как лиады (множественное число от «лиадо»). Вся операция в целом называется «подсека» (вырубка) или «лиада» (выжигание). В первые два-три года урожай был высоким, так как древесный пепел — хорошее удобрение. Однако через три-четыре года такой участок земли переставал давать достаточный урожай, и использовались новые, заранее подготовленные. Тем временем оставленный участок быстро покрывался молодой порослью, которую опять нужно было выжигать, когда земледелец возвращался к нему. Такие вновь поросшие участки земли в лесу были известны как лиадины. В целом задача по очистке и уходу за лиадами, требовавшая тяжелого труда и большого количества работников, была не под силу одной крестьянской семье. Таким образом, примитивное земледелие в лесах предполагало существование кооперативных объединений в форме общин (задруг).

В степной зоне первоначальная система использования земли называлась «перелог», суть ее заключалась в том, что после первых урожаев землю оставляли под паром на несколько лет, не соблюдая какого-либо определенного чередования ни во времени, ни в севообороте. В степях девственная почва была настолько плодородной, что вспаханная однажды она давала хорошие урожаи в течение нескольких сезонов даже без

дополнительной обработки. Когда сорняки разрастались и заглушали посевы, земледелец распахивал новый участок степи и возвращался к первому только через несколько лет. Можно отметить, что переложное земледелие использовалось казахами (киргизами) еще в девятнадцатом веке⁹¹.

Такая расточительность в отношении сельскохозяйственных угодий возможна, только пока земли много, а население не так велико. Когда количество земли становится ограниченным и на нее устанавливается частная собственность, от переложного земледелия приходится отказываться, и земля может быть оставлена под паром только на определенное время. Исторически это привело к появлению двупольной и позже трехпольной системы земледелия. Эта стадия была достигнута уже в киевский период и на юге и на севере, по крайней мере в наиболее плотно заселенных частях каждого княжества. В отдаленных районах лесной и пограничных районах степной зон подсека и перелог, естественно, еще применялись. Лиадная система использовалась в некоторых районах Северной Руси даже в середине девятнадцатого века.

На стадии постоянного возделывания полей требовалось гораздо меньше труда для их обработки, чем при подсеке. Таким образом, с точки зрения экономики не существовало препятствия для выхода отдельных семей из задруги: так появились небольшие хозяйства. С другой стороны, большие земельные наделы могли прибыльно эксплуатироваться при использовании рабов или наемного труда.

В письменных источниках киевского периода существуют многочисленные свидетельства того, что регулярно обрабатываемые поля находились в частной собственности. Известны копии документов, в которых детально описываются границы каждого владения. В «Русской правде» установлены штрафы за распахивание земель вне установленных границ.

Что касается орудий труда, то на начальной стадии развития земледелия в лесной зоне, как правильно отмечает Греков, топор можно называть главным сельскохозяйственным инструментом; без него мотыга была бы бесполезной. На этой стадии не было необходимости в использовании тягловой силы, и действительно, согласно Третьякову, в верховьях Волги лошадь первоначально использовалась как скот на мясо, а не

для работы, и только где-то в пятом веке ее приспособили для сельскохозяйственных работ.

Северный русский плуг (соха) представлял собой деревянное орудие с тремя зубьями. Позже его сделали более эффективным, добавив металлический лемех. На юге настоящий плуг (рало) использовался со скифских времен. Соху тянула лошадь или несколько лошадей, а рало — лошади или волы.

Из зерновых на юге как основные культуры выращивали полбу, пшеницу, гречиху, на севере — рожь, овес и ячмень.

При трехпольной системе возделывали только следующие культуры: волокнистые, пригодные для ткачества (лен и коноплю); бобовые (горох и чечевицу) и репу на отдельных полях.

Совсем немного известно о садоводстве в Киевской Руси. Вероятно, яблоневые и вишневые сады существовали на Украине с персидских времен. Видимо, в местном ассортименте фруктов не было большого разнообразия, так как фрукты импортировали из Византии. В «Патерике» Киево-Печерского монастыря говорится, что монахи выращивали некоторые виды фруктовых деревьев. Товарные огороды существовали вокруг Киева и других городов, обычно в низких влажных местах, затопляемых весенними паводками. Выращивали капусту, горох, репу, лук, чеснок и тыкву. Монахи тоже имели огороды на монастырских землях, и огородники упоминаются среди людей, живших и работавших в частных поместьях.

Разведение лошадей и крупного рогатого скота практиковалось в Южной Руси в течение веков и представляло собой важную отрасль русской национальной экономики в киевский период⁹². Князья уделяли особое внимание разведению лошадей, частично в связи с военными нуждами, и огромные табуны лошадей содержались в княжеских имениях. В качестве примера можно привести эпизод столкновения между князьями Давыдовичами и Ольговичами в 1145 г.: согласно Ипатьевской летописи, Давыдовичи, совершив набег на неогороженное пастбище Ольговичей в Рахне, угнали три тысячи кобыл и тысячу жеребцов.

«Русская правда» содержит большое количество статей, касающихся продажи или кражи скота. В так называемом Карамзинском списке (пространной редакции «Прав-

ды») есть интересные расчеты общего увеличения поголовья скота, которого может ожидать хороший скотовод. Лошади и скот разного рода, включая верблюдов, также импортировались от тюркских кочевников — печенегов и позднее половцев. Венгерские иноходцы упоминаются в «Слове о полку Игореве».

Поскольку охота играла в Киевской Руси значительную роль и князь чаще всего был страстным охотником, следует упомянуть, что разведению охотничьих собак тоже уделяли большое внимание в княжеских имениях. Птицеводство также было важной отраслью сельского хозяйства, птицу держали как для личного потребления, так и для торговли.

Хотя на Руси киевского периода существовали хозяйства разных размеров, основной объем сельскохозяйственной продукции, несомненно, производился в крупных поместьях. Они были трех видов: принадлежащие князьям, боярам и представителям других классов, церкви.

Свидетельства об управлении и внутренней организации больших земельных владений в киевский период немногочисленны.

По управлению боярскими поместьями мы знаем только название управляющего — *тиун*. Княжеское поместье находилось под общим управлением *огнищанина*; каждая часть поместья — *село* — управлялась *сельским старостой*, за полевыми работами наблюдал *ратайный староста*. *Тиун конюший* отвечал за лошадей и их разведение, *овчар* — за овец. Конюхи и пастухи чаще всего были тюркского происхождения. В летописях упоминаются *доезжачие*, отвечавшие за княжеские псарни. Большинство княжеских конюхов и пастухов, так же как и псарей, видимо, являлись его рабами. Княжеские земли обрабатывали, по крайней мере частично, рабы — *холопы* и зависимые работники — *закупы*. Однако привлекались и свободные наемные рабочие — *рядовичи*, и получившие свободу холопы — *изгои*.

Вероятно, некоторые из этих наемных работников в княжеских и церковных поместьях получали в аренду небольшие наделы земли, которые и возделывали. В таких случаях они должны были отдавать хозяину часть урожая или платить ренту деньгами.

Боярские поместья, очевидно, строились по образцу княжеских, хотя понятно, что в большинстве случаев они были меньше. Некоторые церковные поместья, особенно монастырские, должно быть, были такими же большими экономическими образованиями, как и княжеские, но они отличались структурой производства и ее организацией. В церковных поместьях не разводили ни лошадей для военных целей, ни охотничьих собак. Более того, поскольку церковь находилась в оппозиции к рабовладению как институту, рабский труд использовали очень редко.

5. Металлургия

Как я уже отметил, железо было единственным металлом, добываемым в границах Киевской Руси. Оно использовалось главным образом для изготовления оружия и разнообразных инструментов; можно сказать, что железо формировало костяк материальной культуры страны, как мирной, так и военной.

Медь и олово привозили с Кавказа и из Малой Азии. Свинец поступал в основном из Богемии. Из меди отливали церковные колокола. Свинцом, иногда оловянными листами, покрывали крыши церквей. Медь также использовали при изготовлении кухонной и другой домашней утвари: котлов, тазов, подсвечников и т. п., а свинец для печатей.

Серебро доставлялось с разных сторон: из Богемии, из-за Урала, с Кавказа и из Византии. Золото получали в результате торговли или войны от византийцев и половцев. Золото и серебро использовали для чеканки монет, изготовления печатей и всевозможных сосудов: блюв, чаш и кубков. Естественно, только князья и зажиточные люди могли позволить себе иметь их. Церковь тем не менее была постоянным покупателем золотых и серебряных изделий. Кроме чаш и других церковных сосудов духовенство заказывало золотые и серебряные кресты, оклады для икон и Евангелий, используемых во время церковной службы. У некоторых соборных церквей были золоченые купола, а иногда золотыми и серебряными пласти-

нами покрывали определенные части внутренних стен и перегородок⁹³.

Хотя запасы металлов, кроме железа, в Киевской Руси были скудными, искусство металлургии достигло высокого уровня. В ранний период, как мы знаем, анты прославились как искусные оружейники, а в девятом и десятом веках их традиции продолжили поляне. Плавильни и кузницы, литейщики и кузнецы упоминаются по разным поводам во многих источниках этого периода. В Киеве в двенадцатом веке кузни занимали специальную часть города, и городские ворота в этом районе назывались Кузнецкими. В Новгороде в начале тринадцатого века жили искусные литейщики, гвоздильщики и мастера, изготовлявшие щиты.

Необходимо здесь упомянуть и о соли. Она добывалась в Карпатских горах Галицкого княжества. Киев главным образом зависел от этого источника, и, когда в одной из междоусобных войн, в 1097 г., галицкие князья запретили поставки, возник острый дефицит этого продукта во всем Киевском регионе. Другой важный источник соли находился в Крыму, где запасы сформировались естественным путем в мелководных заливах между полуостровом и материком. На севере новгородцы добывали соль из морской воды путем искусственного испарения. Воду кипятили на больших железных сковородах (*цренах*) или в огромных котлах (*салгах*)⁹⁴.

6. Строительство

Суровость русского климата создавала необходимость строить дома, которые могли бы защитить человека во время зимних холодов, что было особенно важно на севере Руси. Поскольку прекрасный лес был в достатке во всей лесной зоне — то есть в Северной и Центральной Руси, — дома там строили из дерева. В степной зоне деревянные каркасы стен заполняли глиной и штукатурили. Северная русская *изба* и украинская *хата*, таким образом, представляют собой два традиционных типа жилья.

С накоплением богатства высшими классами и ростом княжеской власти строились все более сложные по конструкции

особняки, в большинстве своем из дерева. Однако у княжеского дворца в Киеве уже в 945 г. была каменная часть. Роскошные дворцы суздальских князей в конце двенадцатого века были уже полностью построены из камня. Крепости и городские стены в киевский период сооружались в основном из дерева, однако епископ Ефрем Переяславльский построил каменную стену вокруг города в 1090 г., столетием позже князь Рюрик возвел такую же вокруг монастыря Святого Михаила в Выдубичах недалеко от Киева, который входил в систему киевских фортификационных сооружений (1190 г.). В целом же только в церковной архитектуре активно использовали камень. К концу двенадцатого столетия все соборы и большинство церквей главных городов были построены из камня или кирпича. В небольших городах и сельских районах, особенно в Северной Руси, преобладали деревянные церкви.

В самые древние времена вряд ли существовали профессиональные строители. Каждый человек или, скорее, каждая семейная община самостоятельно строила себе дома. Однако с ростом высших слоев и появлением спроса на большие дома и особняки, а особенно с возвышением Русской церкви специализация стала неизбежной. Новгород, великая метрополия на севере, был известен как колыбель деревянных строительных ремесел в киевский период. Один эпизод борьбы между Святополком Киевским и Ярославом Новгородским (1016 г.) весьма показателен в этом отношении. Когда две враждующих армии были готовы к битве, воевода Святополка стал насмехаться над новгородцами Ярослава, выкрикивая: «Поставим вас хоромы нам ставить».

Один из районов Новгорода был известен как «Плотницкая слобода». Так как Новгород расположен на обоих берегах реки Волхов, а его улицы были вымощены деревом, новгородские мостостроители были широко известны своим мастерством; «Русская правда» содержит интересную таблицу гонораров для строителей мостов. По-видимому, новгородских мастеров-строителей приглашали для работ в другие города, по мере необходимости. Однако, судя по всему, везде были и свои профессиональные плотники.

Строительство и ремонт городских стен, например в Киеве, — другая важная задача, для выполнения которой требо-

вались мастера-строители. Этот род строительных работ тоже упоминается в «Русской правде». Должность старосты объединения строителей в Киеве в конце одиннадцатого века считалась настолько важной, что он находился среди ближайших сподвижников князя и даже принимал участие в работе над «Правдой» Ярославичей примерно в 1072 г.

Основным инструментом древних русских плотников был топор, и в умении обращаться с ним они достигли высокого мастерства. Изредка в источниках встречается пила, но широкое применение на Руси она нашла только в шестнадцатом веке. Среди других инструментов упоминаются долото, сверло, тесло.

Важной частью древнерусского плотницкого дела было судостроение. Конструкция русских лодок десятого столетия, выдолбленных из целого ствола, уже описана в Главе II. Суды, которыми пользовались новгородские купцы в Балтийском море, были другого типа (*насады*) и имели лучшие мореходные качества. На аналогичных судах, но, видимо, меньшего размера ходили по рекам как на севере, так и на юге Руси. Еще меньше был *струг*, речное грузовое судно, на нем можно было перевозить до тридцати тонн товаров. В «Русской правде» стоимость струга оценивается в одну гривну, речного судна большего размера — в две гривны, морского судна — в три гривны.

В то время как плотницкое искусство родилось на русской почве и развивалось в соответствии с местными потребностями и традициями, искусство каменной кладки было завезено из Византии между десятым и одиннадцатым веками. Постепенно появились и местные мастера, и в конце двенадцатого века город Владимир в Суздальском княжестве превратился в важнейший центр русского строительного ремесла. Владимирцев обычно называли «каменщиками», как новгородцев «плотниками».

7. Ткачество, скорняжное, кожевенное и гончарное дело

Искусство ткачества было известно восточным славянам, а до них древним славянам с незапамятных времен. Для производства пряжи использовали лен и коноплю. В Киев-

ской Руси с ростом населения, развитием ремесел и торговли потребность в текстильной продукции быстро возрастала. Из льняного и пенькового полотна делали мужскую и женскую одежду. Рост благосостояния высших классов привел к определенному повышению качества жизни и вкусу к роскоши. Появилась необходимость в тонком белье. Новые потребности частично удовлетворялись импортными товарами, но также стимулировали совершенствование технологий отечественных ремесел.

Кроме изготовления одежды льняная и пеньковая пряжа была необходима для технических нужд. Огромный запас веревок требовался для изготовления охотничьих и рыболовных сетей. Из холстины и парусины делали военные палатки. Большое количество морской одежды и канатов шло на оснастку кораблей ежегодных торговых караванов, курсировавших между Киевом и Византией, и новгородских судов, ходивших в Балтийском море.

В Киевской Руси также производили пряжу и сукно из шерсти, которые в основном использовали в зимней и верхней одежде. Для изготовления головных уборов и зимней обуви применяли фетр. В киевский период на Руси не существовало производства шелка — фактически до семнадцатого века. В киевские времена шелковые изделия импортировали из Византии и с Востока.

Первоначально большая часть холстины и льняного полотна была домотканая, а шерстяное сукно — домашнего валяния. Каждая семейная община представляла собой мастерскую. Женщины пряли и ткали, а мужчины валяли сукно и вили веревки. Когда, после крещения Руси, были основаны монастыри, монахи и монахини сами производили полотно и сукно. В городах, по всей вероятности, появлялось все больше профессиональных ткачей и валяльщиков, но, к сожалению, очень мало говорится о них в доступных источниках того периода.

Скорняжное дело, надо полагать, было высоко развито в киевские времена, так как меховая верхняя одежда являлась предметом первой необходимости, особенно на севере Руси, в связи с суровостью климата. Кроме того, меха носили как украшение. Нет никакого сомнения в том, что на Руси в тот

период были высококвалифицированные скорняки, однако существует очень мало данных относительно технологии скорняжного дела в Древней Руси.

О кожевенном деле в наших источниках содержится только несколько упоминаний. В сатирической повести о посещении Новгорода св. Андреем, в которой описывается русская баня (см. Гл. X, 5), упоминается, что новгородские славяне мазали себя дубильной кислотой (*квас уснянный*). История о поединке русского с печенежским борцом, изложенная в «Повести временных лет» под 992 г., говорит, что русский герой был кожевником.

Гончарное дело было известно русским славянам так же давно, как и прядение. Они делали горшки и кувшины самых разных видов, некоторые из них искусно украшали. С другой стороны, нет никаких определенных свидетельств, что в Киевской Руси производили стекло.

8. Торговля

Внешняя торговля традиционно считалась главной опорой Киевской экономики, и даже если, как мы видели, необходимо делать оговорки к традиционной точке зрения, значение внешней торговли отрицать невозможно. Однако нельзя также пренебрегать ролью внутренней торговли в киевский период; если благосостояние высших классов в значительной степени зависело от внешней торговли, то жизнь массы населения еще в большей степени была связана с внутренней торговлей. Исторически во многих случаях внутренние торговые связи между городами и отдаленными регионами Руси предшествовали развитию внешней торговли или, по крайней мере, развивались в районах, напрямую не связанных с внешней торговлей. Так, относительно Днепровского речного пути торговля между Киевом и Смоленском происходила еще до установления регулярных торговых отношений между Новгородом, Киевом и Константинополем.

Главный фактор развития внутренней торговли в Киевской Руси, как и в других странах, можно усматривать в различии

природных ресурсов страны. На Руси существовало коренное отличие между Севером и Югом — лесной и степной зонами. Различия между южными провинциями — производителями зерна и северными провинциями — потребителями хлеба проходят через всю историю России и сохраняются даже в наши дни. И действительно, историю отношений между Новгородом, с одной стороны, и Киевом и Суздалем — с другой, невозможно правильно понять, не принимая во внимание зависимость северного города от поставок южного зерна. Торговля железом и солью была также результатом различий в экономической географии Руси.

Другим фактором развития внутренней торговли — скорее социальным, чем географическим — являлось различие между городами и сельскими районами. Здесь перед нами случай зависимости горожан от снабжения их сельскохозяйственной продукцией крестьянами и потребности крестьян в орудиях труда и других товарах, производимых городскими ремесленниками.

Социальную важность внутренней торговли в Киевской Руси наилучшим образом можно оценить, исследуя роль рыночной площади в жизни города и окружающих его сельских районов. Рыночная площадь обычно представляла собой обширную территорию, окруженную лавками и складами. Палатки и лотки заполняли часть площади между ними. Весы, проверенные представителями городских властей, за небольшую плату предоставляли как продавцам, так и покупателям. Раз в неделю, обычно по пятницам, крестьяне привозили свою продукцию на продажу, и рыночная площадь превращалась в ярмарку⁹⁵.

Все это относится к торговой природе рыночной площади как таковой. Но в Киевской Руси она равным образом была связана с политической жизнью и управлением. Именно на рыночной площади делались все официальные объявления. Согласно «Русской правде», если в городе или окрестностях ловили вора, то заявитель должен был прежде всего объявить об этом на рыночной площади — это являлось первым шагом в тяжбах такого рода, без чего ни один судья не будет начинать разбирательство (см. Гл. VII, 10).

На городских рынках народ собирался на вече, особенно в тех случаях, когда горожане были недовольны князем и вече

созывалось оппозицией. Именно для того, чтобы не позволить оппозиционному вече накапливать силы, князь Изяслав I перенес главный рынок из центра города на холм, поближе к собственному дворцу (1069 г.).

Возвращаясь к торговым функциям рыночных площадей в киевский период, можно сказать, что на рынках главных русских городов покупались и продавались самые разнообразные товары. В ряде источников того периода упоминаются следующие товары: оружие, изделия из металла, металлы, соль, одежда, шапки, меха, полотно, гончарные изделия, лес, древесина, пшеница, рожь, просо, мука, хлеб, мед, воск, благовония, лошади, коровы, овцы, мясо, гуси, утки и дичь. В небольших городах, по всей видимости, торговали только местные купцы, тогда как в крупных городах купцы действовали в национальном масштабе. Существует много свидетельств в источниках о присутствии иногородних купцов почти в каждом крупном русском городе. Новгородские купцы проявляли особую активность в открытии своих представительств по всей Руси.

Теперь обратимся к внешней торговле⁹⁶. Как мы знаем, в восьмом и девятом столетиях варяги проложили торговый путь через Русь из Балтики в Азовское и Каспийское моря. В десятом столетии русские организовали собственную торговлю в национальном масштабе, продолжая извлекать прибыль из транзитной торговли. Днепровский речной путь вскоре превратился в основную артерию русской торговли, главный южный конец которой теперь был в Константинополе. Таким образом, Черное море стало играть более важную роль в русской торговле, чем Каспийское; тем не менее русские продолжали отчаянно охранять путь на Каспий, и именно с этой точки зрения мы наилучшим образом можем понять заинтересованность русских князей десятого и одиннадцатого столетий в Тмутаракани и важность этого города в русской истории раннего киевского периода. В конце одиннадцатого века дорога на Азовское и Каспийское моря была перекрыта половцами, которые с этого момента — в периоды перемирий — служили посредниками между Русью и Востоком. Сходную роль играли волжские булгары.

Существенные перемены, которые произошли в средиземноморской торговле после Первого крестового похода (1096–1099 гг.), подорвали византийскую и русскую черноморскую торговлю, а разграбление Константинополя рыцарями во время Четвертого крестового похода (1204 г.) означало полный конец киевской черноморской торговли. Однако развитие в двенадцатом столетии сухопутной торговли между Киевом и Центральной Европой в определенной мере смягчило неприятные последствия потери византийских рынков. На Балтике торговля продолжала расти, а с ней и значение северных русских городов-республик Новгорода и Пскова. Существовал также сухопутный торговый путь из Германии в эти города; бременские купцы пользовались им в середине двенадцатого века.

Обзор основных товаров русского импорта и экспорта удобнее всего проводить по регионам. В Византию в десятом веке русские экспортировали меха, мед, воск и рабов; не совсем ясна ситуация одиннадцатого и двенадцатого веков. Рабы-христиане более не продавались русскими за пределы страны, а продавались ли грекам рабы-язычники, такие, как половецкие военнопленные, мы не знаем, но хорошо известно, что половцы продавали заморским купцам русских пленных как рабов. Весьма вероятно, что в двенадцатом веке Русь экспортировала в Византийскую империю зерно. Из Византии в течение этих трех столетий на Русь импортировали в основном вина, шелка и предметы искусства, такие, как иконы и ювелирные украшения, а также фрукты и изделия из стекла.

В страны Востока Русь продавала меха, мед, воск, клыки моржей и — по крайней мере в отдельные периоды — шерстяное сукно и льняное полотно, а покупала там специи, драгоценные камни, шелковые и сатиновые ткани, а также оружие дамасской стали и лошадей. Следует отметить, что некоторые товары, закупаемые русскими у восточных купцов, такие, как ювелирные камни, специи, ковры и т. п., шли через Новгород в Западную Европу. В десятом и одиннадцатом веках византийские товары, особенно шелковые ткани, также поступали в Северную Европу через Балтику. Новгородская торговля, таким образом, частично была транзитной.

Другая особенность балтийской торговли состояла в том, что близкие категории товаров в разных случаях экспортировались или импортировались в зависимости от ситуации на международном рынке. Основной предмет экспорта Новгорода и Смоленска в Западную Европу составляли те же три ведущие категории товаров, что и в русско-византийской торговле, — меха, воск и мед. К ним можно добавить лен, пеньку, канаты, холстину и хмель, а также сало, говяжий жир, овчины и шкуры. Из Смоленска также вывозили серебро и серебряные изделия. С Запада ввозили шерстяное сукно, шелк, льняное полотно, иглы, оружие и изделия из стекла. Кроме того, по Балтике на Русь поступали такие металлы, как железо, медь, олово и свинец; а также селедка, вино, соль и пиво.

Анализируя ассортимент товаров в русской внешней торговле, мы видим, что Русь посылала за границу в основном — если не исключительно — сырье, а получала из-за границы готовую продукцию и металлы.

Как и следовало ожидать, в процессе оживленных внешне-торговых отношений русские купцы часто путешествовали за границу, а иностранные приезжали на Русь. Русские купцы появились в Персии и Багдаде уже в девятом и десятом веках. А в Константинополе, как мы знаем, было постоянное поселение русских купцов. Новгородские купцы регулярно посещали остров Визби и города вдоль южного берега Балтийского моря — Померанское побережье. Не лишним будет отметить, что до середины двенадцатого века некоторые из этих городов, например Волынь и Аркона, оставались славянскими.

В свою очередь, иностранные купцы устраивались на Руси. В Новгороде было два «иноземных двора»: готландский и немецкий. Довольно большая колония немецких купцов процветала в Смоленске. Армянские, греческие и немецкие купцы обосновались в Киеве. Еврейские купцы тоже упоминаются в источниках, но большинство из них не были иностранцами. В Суздальском княжестве зарубежную торговлю представляли болгарские, хорезмские и кавказские купцы.

Некоторые русские и иностранные купцы путешествовали самостоятельно, но основной объем торговли как по суше, так и водным путем осуществлялся торговыми флотилиями судов и караванами повозок. Этот способ передвижения

был наиболее предпочтительным из-за трудных условий того периода. На море, если один из кораблей флотилии терпел бедствие, его команда могла получить помощь с других судов; аналогично на суше сломавшуюся повозку легче было отремонтировать совместными усилиями, чем в одиночку. При движении по рекам преодоление порогов тоже требовало кооперации. И конечно, путешествие караванами позволяло лучше защититься от воровства и грабежей, особенно в сухопутной торговле при пересечении безлюдных приграничных районов.

Караваны способствовали созданию купеческих объединений, полезных и во многих других отношениях — например, в общей защите купеческих прав и регулировании уровня пошлин и налогов. Объединения купцов рано сложились в Киевской Руси. Из русско-византийских договоров десятого века нам известно, что греки должны были выделять средства на содержание русских купцов отдельно по городам. Обычно купцы одного города представляли собой нечто вроде совместного предприятия. Известно, что в Новгороде они объединялись в «сотни». Богатые купцы, участвовавшие во внешней торговле, создали свое собственное общество под названием «Иваново сто». Вступительный взнос в него доходил до пятидесяти гривен серебром плюс неопределенное количество полотна¹⁷.

Кроме официальных ассоциаций существовали и частные объединения. Два, три или более человек могли кооперироваться, объединяя свои капиталы, или услуги, или и то и другое. Быстро развивалась система кредитов. Купец мог занимать деньги как у князя, так и у других купцов. Во время путешествий по городам Руси ему требовались складские услуги, которые появлялись под влиянием спроса. Для того чтобы предотвратить любое возможное недоразумение между членами объединения, между купцом и кредиторами, а также между ним и доверенным лицом, в княжеском законодательстве появилась хорошо разработанная система торгового права. Пространная редакция «Русской правды» содержит положения, которые можно назвать законом о банкротстве. Интересно, что при погашении долгов закон предоставляет преимущество иностранным кредиторам перед местными.

Русское торговое право киевского периода имело международный аспект, поскольку отношения между русскими и иностранными купцами регулировались рядом международных торговых договоров и соглашений, начиная с русско-византийского договора десятого столетия. В начале одиннадцатого века была заключена торговая конвенция между Русью и волжскими булгарами (1006 г.)⁹⁸.

Торговые статьи, скорее всего, входили также в мирные договоры, заключенные с хазарами в течение одиннадцатого и двенадцатого столетий.

В 1195 г. торговый договор был заключен между Новгородом, с одной стороны, и немцами, готландцами и каждым «латинским (имеется в виду римско-католическим) народом» — с другой. Еще более важным и тщательнее разработанным является соглашение между городом Смоленском и Ригой, Готландом и рядом немецких городов Померанского побережья (1229 г.)⁹⁹. Оба договора содержат не только торговые статьи, но и уголовные нормы на случай нанесения увечий или убийства русских иностранцами и наоборот. Полное взаимное равенство сторон является беспрецедентной чертой этих документов.

9. Деньги и кредит

В докиевской Руси в качестве платежного средства на севере использовали меха, а на юге — скот. Поэтому существовало два термина, обозначающих деньги: *куны* (шкурки куниц) и *скот*. В киевский период использовали оба слова, хотя в реальности к тому времени средством платежа уже служили серебряные пластины и монеты. Золото было редкостью.

Иностранные монеты, как восточные (сасанидские, позже арабские), так и западные (римские, позже византийские), в докиевской Руси ходили в большом количестве. Они имели хождение и в киевский период, но в княжение Владимира и Ярослава появились также монеты собственной чеканки.

Из-за разнородного происхождения древнерусских денег очень непросто определить цену каждой денежной единицы¹⁰⁰.

Прежде всего следует отметить, что в киевский период на Руси существовало три денежных стандарта: 1) золото, 2) серебро и 3) куны, хотя на самом деле это тоже было серебро, но меньшего достоинства. Основная единица всех трех систем называлась *гривной*. Этим словом первоначально называли «шейное крученое металлическое ожерелье». Золотые ожерелья носили иранские и готские военачальники, и вследствие того, что персы и готы преобладали в охране византийского дворца в пятом столетии, ожерелье (по-гречески «маняк») стало знаком офицера охраны в Византии. Как платежная единица гривна представляла собой не кольцо, а пластину золота или серебра.

Золотая гривна, по-видимому, равнялась половине тройского фунта золота. Серебряная гривна, скорее всего, была равна приблизительно одному тройскому фунту серебра. Первая использовалась редко, а вторая была стандартной единицей во всех торговых сделках и, в частности, во внешней торговле. При бытовых наличных сделках расчет производился в гривнах кун.

Части гривны были известны как *ногата* и *резана*; одна гривна кун состояла из двадцати *ногат* и пятидесяти *резан*. Наименьшая единица называлась *векша* (белка); в Смоленске одна ногата равнялась двадцати четырем векшам.

Несколько позже термин «куна» стал употребляться в значении «часть гривны». Нет общего мнения по вопросу об относительной стоимости одной куны и первоначальной гривны кун. Согласно Прозоровскому, в гривне было пятьдесят кун, из чего следует, что куна равнялась резане. А по мнению Мрошека-Дроздовского, в гривне должно было быть двадцать пять кун, что приравнивает одну куну к двум резанам. Что касается отношения гривны серебра к гривне кун, то известно, что в Смоленске одна гривна серебра приравнивалась к четырем гривнам кун. Далее можно отметить, что в летописях, а также некоторых других источниках упоминается еще один термин для обозначения денег — *бела*. Теперь трудно сказать, был ли он общим названием серебряной монеты или термином, обозначающим особую денежную единицу. «Бела» также значила «мех», вероятно горностаи; в современном русском языке есть слово «белка».

Как мы видели, кредитные сделки играли заметную роль в развитии русской торговли в киевский период, особенно внешней. Неудивительно поэтому, что в киевском законодательстве значительное внимание уделялось займам и процентам по ним. Согласно «Русской правде», процент зависел от срока займа. «Месячная» ставка, которая была максимальной, разрешалась для коротких кредитов на срок не более четырех месяцев; для займов от четырех месяцев до одного года устанавливалась ставка в «треть года»; для более длинных займов законной являлась «годовая» ставка, которая была минимальной, и только для нее оговаривался процентный потолок — 10 кун за каждую гривну, взятую в заем. Обычно считали, что в этом случае речь идет о гривне кун. Если мы согласимся с Прозоровским, что одна гривна кун состояла из пятидесяти кун, то куна за гривну составит двадцать процентов годовых; если мы последуем расчетам Мрошека-Дроздовского, двадцать пять кун в одной гривне кун, то в этом случае процентная ставка вырастет до сорока процентов. Эта последняя цифра была принята Ключевским.

Однако есть сомнение, что гривна, упоминаемая в соответствующей статье «Русской правды», — гривна кун. При торговом кредитовании и других сделках этого периода счет почти всегда велся на серебро. Следовательно, в этой статье «гривна» значит «гривна серебра». А поскольку одна гривна серебра равнялась четырем гривнам кун, то для вычисления реального кредитного процента мы должны разделить полученные выше двадцать и сорок процентов на четыре. Получаем пять и десять процентов годовых соответственно. В этой связи не лишним будет отметить, что в византийском праве одиннадцатого века законная процентная ставка по кредитам колебалась от 5, 5 до 8 процентов годовых в зависимости от условий займа¹⁰¹.

10. Капитал и труд

Капитал в киевском обществе представлял собой землю, деньги, рабов, скот, пасеки, охотничьи и рыболовные угодья и т. д. Начальное накопление капитала было главным

образом результатом торговых сделок, особенно во внешней торговле. В этом смысле и с необходимыми оговорками мы можем говорить о строе киевской экономики как о торговом капитализме.

Поскольку в киевский период торговля и война были тесно связаны, уместно будет отметить, что военные трофеи и дань, выплачиваемая русским побежденными врагами, составляли другой важный источник накопления капитала. Военная добыча делилась между участвовавшими в кампании военачальниками и воинами пропорционально их рангу, княжеская доля была, конечно, наибольшей.

Клады драгоценностей и монеты, большое количество которых найдено в различных районах России, являются интересным показателем богатства, накопленного высшими классами Руси того периода. Например, клад, обнаруженный в Рязани в 1828 г., содержал более семидесяти фунтов серебряных монет. При раскопках в Рязани, в Киеве, а также в других местах находили большое количество драгоценных камней.

Князья основных русских княжеств были, вероятно, самыми крупными богатыми людьми — предпринимателями того периода, так как владели крупнейшими земельными поместьями и имели контрольную долю во внешней торговле. Состоянием бояр была преимущественно земля, а купцов — товары и деньги. Церковь со своей десятиной и жалованными землями также находилась на пути к вступлению в ранг капиталистов, хотя основной подъем ее благосостояния произошел позже, в монгольский период. Показателями богатства некоторых князей служат следующие факты: Святослав II, будучи князем Черниговским, но еще не Киевским, пожертвовал сто гривен золота Печерскому монастырю; Владимир II, когда он был еще незначительным местным князем, однажды дал своему отцу три сотни гривен золота, а в другой раз — тысячу двести гривен серебра. В 1120 г. Василько из Тербовля заплатил полякам две тысячи гривен серебра в качестве денежного выкупа за своего брата Володаря. Говоря о князьях, не всегда возможно отделить их собственные средства от государственных, находящихся в их распоряжении. Обычно князю отходила треть всех государственных сборов. Но нельзя забывать,

что князь мог во многих случаях использовать свою власть для поддержки собственных торговых предприятий. Так, как мы знаем, Святополк II Киевский пытался монополизировать торговлю солью в собственных интересах.

Совокупное состояние богатого князя, такого, как тот же Святополк, судя по всему, доходило до весьма значительных сумм, если говорить о его денежном выражении, однако трудно сказать даже предположительно, какова была эта цифра. По рассказу из «Повести временных лет» о приезде послов императора Генриха IV к Святославу II в 1075 г. ясно, что накопленное русским князем богатство было больше, нежели у Генриха; единственное сделанное послами замечание касалось того, что он лучше использовал бы свои деньги, если бы раздал их своим подданным, вместо того чтобы давать им умирать. Некоторые купцы, особенно новгородцы, тоже, должно быть, были очень состоятельны, но опять мы не имеем возможности адекватно определить размер их капитала. Строительство церквей некоторыми из них на собственные деньги дает определенное представление о средствах, которыми они располагали. Из Новгородских летописей мы знаем, например, что в 1050 г. Садко Богатый построил в Новгороде церковь (вероятно, деревянную); в 1115 г. неизвестный новгородский купец заложил каменную церковь, в 1192 г. дочь купца Широжкина тоже построила каменную церковь.

Хотя в Новгороде было много состоятельных купцов, никто из них не был богат настолько, чтобы монополизировать рынок. История о споре Садко с другими известными новгородцами, изложенная в одной из былин, весьма характерна в этом отношении. Хотя ни один купец в отдельности не обладал достаточной политической или административной властью, чтобы отстаивать свои коммерческие интересы, как это делали князья, все вместе новгородские купцы чаще всего были в состоянии влиять на решения городского веча в свою пользу. Купеческие объединения, такие, как упомянутое выше «Иваново сто», тоже, должно быть, поддерживали интересы предпринимателей. Подобные организации, по всей вероятности, существовали также и в других городах, и купцы этих городов имели голос на собрании городского веча. Более того, купцы и купеческие организации часто имели воз-

возможность влиять на княжескую политику. Возвращаясь к случаю со Святополком II, можно напомнить, что идея соляной монополии была предложена ему ведущими торговцами солью, которые образовали нечто вроде картеля под его руководством.

Теперь давайте обратимся к проблеме труда. В его современном понимании этот термин вряд ли приложим к средневековым условиям или применим, но лишь к небольшой части работников. Большинство сельскохозяйственных производителей были крестьяне, большей частью товаропроизводителей — ремесленники, и каждый имел собственную мастерскую. На Западе то, что мы называем наемным трудом, появилось не раньше тринадцатого или четырнадцатого века. В Киевской Руси наемные рабочие использовались и в сельском хозяйстве, и в ремесленном производстве, хотя количество временно занятых было небольшим. Однако в определенных случаях — таких, как строительство больших храмов или дворцов, — нанимались дополнительные работники. Так, когда Ярослав Мудрый предпринял строительство Софийского собора в Киеве, он приказал разослать весть, приглашающую возниц и других рабочих. История говорит, что сначала ответа не последовало: люди, видимо, не были уверены, что им заплатят за работу. Тогда Ярослав объявил дополнительно, что каждый будет получать одну ногату в день и платежи будут производиться ежедневно; для подтверждения у Золотых ворот были установлены повозки с деньгами¹⁰².

Это был случай неквалифицированного труда. Из постановлений статьи «Русской правды» о строительстве мостов и городских стен было вычислено, что ежедневная плата плотникам равнялась полутора ногатам плюс содержание. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих, по всей видимости, была значительно меньше. Согласно поздней редакции «Русской правды», работнице с дочерью платили две гривны в год за двоих. Что касается заработной платы работникам-мужчинам, то в «Русской правде» упоминаются только работники по договору, чья ежегодная плата составляла полгривны. Эта сумма, однако, была только кредитом на возмещение его долга, а не реально выплачиваемой работнику за труд. Очевидно, из этого свидетельства нельзя делать выводов о суммах

ежегодной платы наемному работнику, не связанному договором. Зарботки у свободного работника-мужчины в любом случае были выше, чем работниц-женщин.

Права работников были защищены обычаем, если не законом. Из киевского «Патерика» нам известно, что если наниматель после договора с работником менял свое решение и решал отказаться от его услуг, то он тем не менее должен был удовлетворить нанятого работника, даже если последний не приступал к работе. Если наниматель отдавал жалованье работника третьему лицу (вероятно, своему управляющему), а тот не заплатил работникам, то вся ответственность ложилась на работодателя¹⁰³.

Следует отметить, что существовал один тип работы, который не предполагал использование свободных работников и, таким образом, более или менее оставался за рабами. Это была служба по домашнему хозяйству — не только работа лакея или горничной, а также *ключника и управляющего (тиуна)*. Если мужчина или женщина поступали на такую службу, оставаясь свободными, то в этом случае заключался соответствующий контракт. Что касается профессиональных организаций, то, без сомнения, существовали объединения плотников и каменщиков, но в источниках того периода слишком мало информации о них.

11. Национальный доход

Точная оценка национального дохода Руси в киевский период невозможна из-за отсутствия статистических данных. Однако даже приблизительная гипотеза по этой проблеме будет здесь уместной в качестве средства, обобщающего наше понимание киевской действительности. В Киевской Руси никогда не производилась перепись населения. Не производилось также переписи поместий, за исключением княжеских владений и церковных поместий, при управлении которыми, без сомнения, велись очень точные записи всех доходов и расходов. К сожалению, за исключением нескольких фрагментов, эти записи не сохранились.

Собственно говоря, любая оценка годового дохода нации основывается на оценке следующих позиций¹⁰⁴:

1. Объем валовой продукции страны, включая общий объем произведенных и переработанных в течение года материалов.
2. Объем чистой продукции, для вычисления которого мы должны вычесть из объема валовой продукции ту часть произведенных материалов, которая используется для дальнейшего воспроизводства капитала страны. Этот общий итог составляет национальный доход.
3. Доход на душу населения, который получается делением объема чистой продукции на всех граждан страны: производителей, посредников и тех членов общества, которых обычно называют «праздными классами».

В Средние века отношение между первыми двумя позициями (объемами валовой и чистой продукции) в значительной степени отличалось от того, что мы имеем теперь, потому что в отсутствие сложной техники требовалось меньше материалов для воспроизводства национального капитала. Киевская Русь, конечно, не была исключением в этом плане, и объем ее чистой продукции, безусловно, был значительно ближе к объему валовой, нежели в современной России.

Что касается индивидуальных доходов, то большинство населения состояло из мелких производителей (крестьян и ремесленников), и подавляющее их большинство было обеспечено по крайней мере минимумом продуктов и товаров потребления, за исключением периодов национальных бедствий.

В объеме валовой продукции Киевской Руси можно выделить четыре основные части, имеющие особое значение: 1) охота и рыболовство, 2) земледелие, 3) скотоводство и 4) ремесла и промыслы.

1. Объем валовой продукции первой категории был значительно выше, чем потребительские потребности людей, занятых в ее производстве. Валовая продукция превышала потребности внутреннего рынка и составляла главные статьи русского экспорта, особенно в ранний киевский период.

2. Земледелие покрывало потребительские потребности на юге Руси, и его продукции, за исключением неурожайных лет, было достаточно для обеспечения потребностей экспорта —

преимущественно на север Руси, где объем местной продукции был ниже потребностей населения.

3. Скотоводство как отрасль русской национальной экономики удовлетворяла потребности внутреннего рынка и производила шкуры в достаточном количестве для их экспорта. С другой стороны, лошади и крупный рогатый скот импортировались от степных кочевников.

4. Что касается промыслов и ремесел, то продукция мелких ремесленных мастерских полностью покрывала местные потребительские потребности. Более крупные мастерские в городах, а также в княжеских поместьях и монастырях производили излишек товаров, который в основном поглощался внутренним рынком, хотя частично и экспортом.

Можно добавить, что сравнительно многочисленный класс купцов и посредников добывали средства к существованию торговлей, как внутренней, так и внешней. Во внешней торговле, как известно, были заинтересованы и князья. В заключение можно сказать, что, по стандартам Средних веков, объем валовой продукции в экономике Киевской Руси был, безусловно, впечатляющим. Больше того, объем чистой продукции Руси покрывал потребительские потребности основной массы населения и удовлетворял запросы богатого меньшинства в предметах роскоши, по крайней мере частично.

12. Подъем и депрессия

Проблема изучения циклов деловой активности в Киевской Руси была поставлена Петром Савицким¹⁰⁵. Так как точные статистические данные по этому периоду практически недоступны, этот ученый предложил опосредованный способ решения проблемы. Он проанализировал летописи и другие источники, чтобы получить свидетельства о наличии в каждом подпериоде всех или некоторых групп категорий экономических факторов. Этим методом ему удалось извлечь из источников свидетельства по двадцати семи категориям, таким, как коммерческие сделки, накопление частного капита-

ла, расцвет сельского хозяйства, технические усовершенствования, строительство новых городов, колонизация и т. д.

На основании полученных данных он предложил следующую хронологическую таблицу деловых циклов на Руси в киевский период.

981–1015 Подъем (свидетельства о наличии четырнадцати «групп категорий»)

1015–1026 Депрессия

1061–1071 Подъем (четырнадцать групп)

1071–1073 Тенденция к подъему

1073–1086 Период стабилизации

1086–1092 Подъем (шесть групп)

1092–1101 Депрессия

1101–1123 Подъем (тринадцать групп)

1123–1129 Депрессия

1129–1133 Подъем (одиннадцать групп)

1133–1137 Период стабилизации

1137–1144 Подъем (пять групп)

1146–1150 Депрессия

На период с 1150 по 1178 г. Савицкому не удается сделать вывод в национальном масштабе, и он анализирует только региональные тенденции, исследуя три отдельных района — Киевский, Новгородский и Суздальский. В период с 1178 по 1237 г. он снова говорит о национальных циклах, а именно:

1178–1202 Подъем (одиннадцать групп)

1202–1218 Депрессия

1218–1227 Подъем (тринадцать групп)

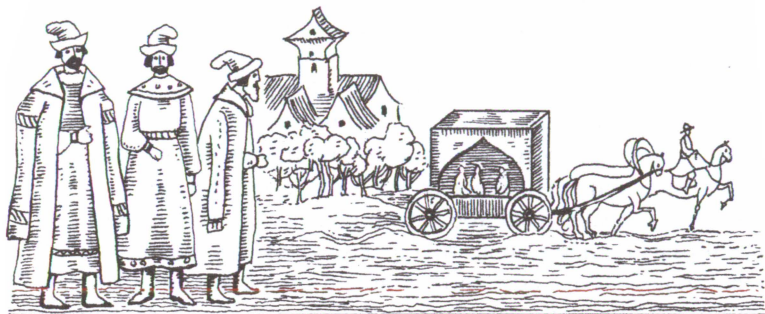
1227–1232 Депрессия

1232–1237 Период стабилизации

Из этой таблицы видно, что, согласно Савицкому, большинство периодов подъема можно связать с колебаниями в русской политической истории. Княжения Владимира I, Ярослава I, Владимира II и Мстислава I в одиннадцатом и первой половине двенадцатого века, а также времена княжений Святослава III и Рюрика в Киеве (1178–1202 гг.), сыновей Всеволода III в Суздале (1218–1227 гг.) являются периодами наибольшего подъема экономики.

Понятно — как признает сам Савицкий, — что этот метод может дать только гипотетические результаты, так как лето-

писцы не стремились систематически записывать факты экономической жизни, имея главной целью описание политических и религиозных событий. Таким образом, свидетельства по каждой категории деловой активности лишь случайны. С другой стороны, количество учитываемых в каждом случае категорий в определенной степени нейтрализует элемент случайности, и, хотя результаты изысканий Савицкого нельзя принять без оговорок, они, безусловно, представляют большой интерес.

1. Основные социальные единицы

«Повесть временных лет» содержит следующее описание социальной организации одного из основных русских племен на заре их истории: «Поляне же жили в те времена сами по себе и управлялись своими родами».

Этот фрагмент служил отправной точкой для создания так называемой теории «родового быта», которая преобладала в русской исторической мысли на протяжении девятнадцатого века. Эта теория может быть названа ведущим обобщением или наиболее популярной «рабочей гипотезой» этой стадии русской историографии, направленной на раскрытие истоков социального порядка на ранних ступенях русской истории.

Ее создателем был Д. П. Г. Эверс, выдающийся исследователь русской истории права, немец по рождению¹⁰⁶, а С. М. Соловьев сделал ее краеугольным камнем крупнейшего своего произведения «История России с древнейших времен». Юрист К. Д. Кавелин далее развил эту концепцию¹⁰⁷. Согласно Эверсу, русское общество прошло от родовой стадии до государственного состояния почти без какого-либо переходного

периода. Раннее Киевское государство было всего лишь комбинацией родов. По мнению Соловьева, сам факт того, что княжеской род Рюриковичей пользовался исключительной властью над государственной машиной в киевский период, является решающим аргументом в пользу теории Эверса.

Эта теория встретила сильное противоборство с самого начала со стороны славянофильского историка К. Аксакова. С его точки зрения, не род, а община, мир были основанием древнерусского социального и политического порядка¹⁰⁸. Мнение Аксакова не было тогда принято в целом, но в основном из-за некоторой туманности его определения общины.

Для дальнейшего обсуждения проблемы обладает большой ценностью сравнительное изучение социальной организации различных ветвей славянства, равно как и других народов. Являясь блестящим исследователем в области сравнительной юриспруденции и экономической истории, М. М. Ковалевский собрал важные материалы, относящиеся к организации осетин и других кавказских племен; он также проанализировал проблему как целое в свете сравнительной этнологии¹⁰⁹. Одновременно Ф. И. Леонтович изучил социальные институты славянских народов, подчеркивая некоторые параллельные направления в истории русских и южных славян, введя термин *задруга* в русскую историографию¹¹⁰. Среди имен младшего поколения русских историков, уделивших проблеме большое внимание, следует в любом случае упомянуть А. Е. Преснякова¹¹¹. Недавно некоторые советские историки, в особенности Б. Д. Греков, рассмотрели проблему в целом, используя в качестве теоретической базы — и этого можно было ожидать — сочинения Фридриха Энгельса¹¹².

Каково же современное состояние проблемы? Кажется существует согласие в мнении ученых, что русские, равно как и большинство других народов, должны были пройти через стадию патриархально-родовой организации, но в киевский период эта стадия была давно преодолена. Непосредственная историческая связь между родом и государством не просматривается. Объединение родов привело к формированию племен, но племенная организация никогда не была сильна на русской почве; более того, в период переселения не только племена, но и сами роды подвергались ломке. В любом случае

составные части Киевской Руси — города-государства и удельные владения — лишь частично совпадали с прежним племенным делением, а в некоторых случаях и вовсе не совпадали. Итак, древнерусское государство не выросло прямо из русских племен, которые были просто промежуточным типом социальной и политической организации. В большинстве случаев племя политически являлось тупиковой единицей.

Но если род нельзя рассматривать как базовое социальное звено Древней Руси, что же было таковым? Разумеется, не семья в современном смысле слова. Это была слишком маленькая и слабая группа, для того чтобы справиться с трудностями первобытной экономики, в особенности в период миграций. И таким образом мы приходим к проблеме *задруги*, то есть «большой семейной» общины — более или менее опосредующему социальному звену между родом и семьей, базировавшемуся на сотрудничестве трех или более поколений. Термин взят из сербского языка и означает «дружбу», «соглашение», «гармонию». В Югославии община-задруга все еще существующий институт или был таковым до последней войны. Согласно кодексу законов Княжества Сербского (1844 г.), задруга *«является общиной для совместной жизни и владения имуществом, появившейся и утвердившейся в процессе кровных отношений и естественного размножения»*¹¹³. Средняя югославская задруга насчитывает от двадцати до шестидесяти членов (включая детей). Иногда количество членов может достигать восьмидесяти или даже ста.

Среди русских крестьян меньшее звено этого типа, известное просто как «семья», выжило почти до революции 1917 г. В рапорте волостного старшины Орловской губернии конца девяностых годов XIX века этот институт описан следующим образом: «Крестьянская семья в нашем поселении состоит из многочисленных родственников, их жен и детей, в целом от пятнадцати до двадцати человек, живущих в одном доме. Старейшина обладает большой властью над семьей. Он содержит семью в мире и согласии; все члены подчинены ему. Он распределяет подлежащую выполнению работу для каждого члена семьи, распоряжается хозяйством и платит налоги. После его смерти власть переходит к его старшему сыну, и если ни один из его сыновей не является совершеннолетним, то к одному

из его братьев. Если в семье не остается совершеннолетних мужчин, старшая вдова принимает его полномочия. Когда несколько братьев живут таким образом в одном доме, сохраняя семью в единстве и согласии, они рассматривают все, что у них есть, в качестве общей собственности семьи, за исключением одежды женщин, белья и холста. Это — не принадлежит общине. За исключением названного, всем остальным распоряжается старейшина — старейший мужчина в семье или любой другой член семьи, избранный по соглашению всех иных. Жена старейшины наблюдает за работой женщин; однако, если она не подходит для этой роли, для этого может быть избрана более молодая женщина. Вся работа распределяется между мужчинами и женщинами согласно силе и здоровью каждого»¹¹⁴.

В «Русской правде» нет упоминания о задруге. Вместо этого используется для определения местного поселения термин *вервь*. Это же самое слово также означает «веревку», «шнур». Возникло предположение, что *вервь* в смысле общины должна была подчеркивать кровные отношения, или скорее линию поколений. В данной связи можно упомянуть другое понятие: *уж*, «шнур», с которым связан *ужик* — «родственник», «член семейной общины». Даже признавая, что слово *вервь* могло изначально обозначать большую семейную общину типа задруги, мы можем подчеркнуть, что в одиннадцатом и двенадцатом столетиях понятие уже изменило свое изначальное смысловое содержание. Из «Русской правды» очевидно, что *вервь* в это время была схожа с англосаксонской гильдией. Это была соседская община, связанная ответственностью своих членов платить штраф за убийство, совершенное в границах общины, в случае, если убийца не может быть найден. Членство в общине было свободным. Люди могли вступить в гильдию или воздержаться от этого. В более поздний период русской истории гильдия сменилась *сельской общиной*, также именовавшейся *мир*. В «Русской правде» понятие *мир* используется для обозначения более широкого сообщества — города с сельским районом вокруг него. Специфической формой русской земельной системы было совместное владение землей несколькими совладельцами (*сябры*). Подобно *верви*, ассоциация *сябров* должна была развиваться из семейной общины. *Сябр* или *себер* — архаическое слово, изначальным значением которого, кажется,

должно быть «член семьи, работающий с другими родственниками на семейной земле». В санскрите существуют параллельные термины: *sabha* — «родня», «деревенское сообщество»; и *sabhyas* — «член деревенского сообщества». По своей структуре слово *себер* (отметим конечное «р») сходно с базовыми терминами родства в индоевропейских языках, подобно *pater* и *mater* в латыни, *brother* и *sister* в английском, *брат* и *сестра* в славянских. Более специфичное слово «себер» должно быть связано с рефлексивным местоимением «себе». Между прочим, по мнению некоторых современных филологов, славянское слово «свобода» происходит от того же корня¹¹⁵.

2. Социальное расслоение

Об обществе, состоящем лишь из семейных общин, можно думать как о гомогенном по своей основе. Все члены задруги имеют равную долю как в общем труде, так и в производственном продукте. Это «бесклассовое» общество в миниатюре.

С надломом задруги и эмансипацией семьи от рода, со схожим обособлением индивида от общества и формированием территориальных общин нового типа вся социальная структура нации становится более комплексной. Постепенно оформляются различные социальные классы.

Процесс социального расслоения начался среди восточных славян задолго до формирования Киевского государства. Мы знаем, что склавены и анты в шестом веке обращали военнопленных — даже своей расовой принадлежности — в рабов. Мы также знаем, что среди антов была аристократическая группа и что некоторые из военных вождей владели большими богатствами¹¹⁶. Следовательно, мы имеем у восточных славян элементы по крайней мере трех существующих социальных групп уже в шестом столетии: аристократия, простонародье и рабы. Подчинение некоторых из восточнославянских племен зарубежным завоевателям могло также реализовываться в политической и социальной дифференциации различных племен. Мы знаем, что восточные славяне платили дань зерном и другими сельхозпродуктами аланам, готам и мадь-

ярам, по мере того как каждый из этих народов поочередно устанавливал контроль над частью восточнославянских племен. В то время как некоторые из славянских групп в конце концов утверждали свою независимость или автономию, другие оставались под иноземным контролем на более длительный период. Крестьянские общины, изначально зависимые от зарубежных господ, позднее признали власть местных славянских князей, но их статус не изменился, и они продолжали платить прежние повинности. Так установилось различие в положении разных славянских групп. Некоторые из них были самоуправляемы, другие — зависимы от князей.

Учитывая этот неординарный социальный и исторический фон, мы и должны подходить к изучению русского общества в киевский период. Можно предположить, что общество было достаточно сложным, хотя в Киевской Руси не существовало таких высоких барьеров между индивидуальными социальными группами и классами, которые существовали в феодальной Европе того же периода. В целом следует сказать, что русское общество киевского периода состояло из двух крупных групп: свободных и рабов. Подобное суждение, однако, хотя и правильно, является слишком широким, для того чтобы адекватно охарактеризовать организацию киевского общества.

Среди самих свободных были различные группы: в то время как некоторые были полноправными гражданами, правовой статус других был ограничен. Фактически положение некоторых свободных классов было столь ненадежным вследствие правовых или экономических ограничений, что некоторые из них по собственной воле предпочитали переход в рабское состояние. Итак, можно обнаружить между свободными и рабами промежуточную группу, которую можно назвать полусвободными. Более того, некоторые группы собственно свободных были в лучшем экономическом положении и лучше защищены законом, нежели другие. Соответственно можно говорить о существовании высокопоставленного класса и среднего класса свободных в киевском обществе.

Нашим главным правовым источником для этого периода является «Русская правда», и к этому кодексу мы должны обратиться для получения правовой терминологии, характеризующей социальные классы. В варианте «Правды» одина-

дцатого столетия — так называемом «Кратком варианте» — мы обнаруживаем следующие основополагающие понятия: *мужи* — для высшего слоя свободных, *люди* — для среднего класса, *смерды* — для ограниченно свободных, *челядь* — для рабов.

В глазах законодателя человек обладал различной ценностью в зависимости от своей классовой принадлежности. Древнерусское уголовное право не знало смертной казни. Взамен ее была система денежных платежей, налагаемая на убийцу. Последний должен был платить компенсацию родственникам убитого и штраф князю. Эта система была общей у славян, германцев и англосаксов в раннее Средневековье.

В наиболее раннем варианте «Правды» вергельд, или плата за жизнь свободного человека, достигал 40 гривен. В «Правде» сыновей Ярослава князьи люди (*мужи*) были защищены двойным штрафом в 80 гривен, в то время как штраф за *людина* (множественное число — *люди*) оставался на изначальном уровне 40 гривен. Штраф, который надлежало выплатить князю за убийство *смерды*, устанавливался в 5 гривен — одну восьмую от нормального вергельда. Рабы, являвшиеся несвободными, не имели вергельда.

С филологической точки зрения интересно, что все вышеперечисленные термины принадлежат древнему индоевропейскому основанию¹¹⁷. Славянское *муж* (*можи*) связано с санскритским *manuh*, *manusah*; готским *tanpa*; немецким *tann* и *tench*. В древнерусском «муж» имеет значение «мужчина благородного происхождения», «рыцарь» и, кроме того, означает «муж» в семейном плане. *Люди* означает сообщество человеческих существ, что можно сравнить с немецким *leute*. Оказывается, что корень слова является тем же, что и в греческом прилагательном *eleutheros* («свободный») ¹¹⁸. Смерд может быть рассмотрен в соотнесении с персидским *mard*, «человек»; по-армянски звучит также *mard*. Исчезновение изначального «s» в комбинации «sm» не является необычным в индоевропейских языках¹¹⁹. Согласно Мейе, *mard* подчеркивает смертность человека (по контрасту с «бессмертными», то есть богами) ¹²⁰. С этой точки зрения интересно сравнить персидское *mard* и славянское *смерть* (оба слова означают «кончину»).

В социальном развитии России каждый из вышеупомянутых терминов имеет свою собственную историю. Термин

«смерд» приобрел уничижительное значение в связи с глаголом «смердети», «вонять». Термин «муж» в смысле специфической социальной категории постепенно исчез, и из мужей в конечном итоге развился класс бояр. В своей уменьшительной форме термин *мужик* («маленький человек») применялся к крестьянам, подчиненным боярской власти. Отсюда — *мужик*, «крестьянин». Термин *людин* (в единственном числе) также исчез, за исключением комбинации *простолудин*.

Множественная форма *люди* до сих пор используется; ей соответствует в современном русском языке слово *человек*, используемое лишь в единственном числе. Первая часть этого слова (чел-) представляет тот же корень, что присутствует в древнерусском слове *челядь* («домашние рабы»). Изначальное значение корня — «род»: сравним гальское *clann* и литовское *keltis*¹²¹.

3. Высшие классы

Высшие классы киевского общества имели гетерогенный источник. Их становой хребет состоял из выдающихся людей (мужей) основных славянских родов и племен. Как нам известно, даже в период антов существовала племенная аристократия — старейшины. Некоторые из этих старейшин, должно быть, имели аланское происхождение. С подъемом княжеской власти в Киеве окружение князя (дружина) стало основным катализатором для формирования новой аристократии — бояр. Дружина в киевский период была сама по себе плавильным тиглем¹²². При первых киевских князьях ее ядро состояло из шведов племени русь. Скандинавский элемент нарастал, когда князья нанимали новые варяжские отряды из Скандинавии. Однако княжеское окружение также вобрало в себя славянских мужей, равно как и разнородных искателей приключений иностранного происхождения. Осетины, косоги, мадьяры, турки и другие упоминаются в различных ситуациях как члены дружины. К одиннадцатому столетию она уже славянизировалась.

Социально она состояла из различных элементов. Некоторые из ее членов занимали высокое положение даже до присо-

единения к ней; другие находились внизу по рождению, а некоторые были даже рабами князя. Для этих служба в дружине не только открывала путь к доходному месту, но также давала возможность вскарабкаться до самого верха социальной лестницы.

Свита состояла из двух групп, которые могут быть названы старшей и младшей дружиной соответственно. Среди высших приближенных в одиннадцатом веке упоминаются судебный пристав (*огнищанин*), занимающийся конюшней (*конюший*), дворецкий (*тиун*) и адъютант (*подвездной*). Все они первоначально были просто служащими князя в деле управления двором и имениями, но позднее также использовались в государственной администрации. Термин *огнищанин* произведен от *огнище*, *очаг*. Итак, огнищанин — член княжеского «очага», то есть хозяйства. Термин *тиун* — скандинавского происхождения; в старосведском *тиун* означает «слуга». В России он означал сначала дворецкого, но позднее начал в основном использоваться в значении «судья». Следует, кстати, упомянуть, что аналогичный процесс трансформации слуг князя в государственных чиновников имел место в Англии, Франции и Германии в раннее Средневековье.

Младшие вассалы были коллективно обозначены как *гридь*, термин скандинавского происхождения, изначальным значением которого было «жилище», «дом». Отсюда древнерусское слово *гридница* — «дом» или «большое помещение». Сначала они являлись пажам князя и младшими служилыми людьми в доме, а также слугами дружинных офицеров. Член гриди иногда называется в источниках *отроком*, *детским* или *пасынком*, что, видимо, указывает на то, что их воспринимали как членов княжеской семьи, как оно и обстояло на самом деле. В Суздале в конце двенадцатого века появился новый термин для обозначения младших вассалов — *дворянин*, дословно «придворный», от «двор» в смысле княжеский (а также просто «двор»). В имперской России восемнадцатого и девятнадцатого столетий термин *дворянин* приобрел значение «человек благородного происхождения».

С 1072 г. старшие члены дружины князя были защищены двойным штрафом.

За оскорбление достоинства старшего вассала обидчик должен был платить князю штраф в четыре раза больший, нежели

за ранение смерда. Квалифицированная защита за оскорбление вассалов князя существовала также и в немецком законодательстве этого периода.

Не весь русский высший класс служил в дружине. В Новгороде, где власть князя и длительность его пребывания на этом посту были ограничены условиями контракта, его вассалам открыто чинились препятствия для постоянного поселения на новгородской земле. Итак, в дополнение к служилой аристократии в Киевской Руси существовала аристократия по праву. Ее члены называются по-разному в источниках раннего периода; например, *мужи нарочитые* («выдающиеся люди») или *лучшие люди*, также во многих случаях *старейшины градские* («городские старейшины»). Некоторые из них были потомками племенной аристократии, другие, в особенности в Новгороде, стали выдающимися вследствие своего богатства, в большинстве случаев полученного от зарубежной торговли.

В конце концов княжеская и местная аристократии стали известны как боярство. Некоторые из местных бояр были потомками торговцев, а княжеские бояре изначально создали свое богатство от содержания и наград, полученных от князя, и от своей доли в военной добыче; с течением времени все бояре стали землевладельцами, а сила и социальный престиж боярства как класса опирались на обширные земельные владения.

Можно добавить, что к началу тринадцатого века, вследствие расширения дома Рюрика, увеличилось количество князей и владения каждого князя — за исключением правящих в больших городах — уменьшились до таких размеров, что меньшие князья этого периода более не отличались социально от бояр. Итак, князья к этому времени могут рассматриваться социально и экономически лишь как верхний слой класса бояр.

В действительности некоторые из крупных бояр наслаждались большим богатством и престижем в большей степени, нежели меньшие князья, и этот факт особенно очевиден, если мы увидим, что каждый из наиболее богатых бояр имел собственную свиту и некоторые старались подражать князьям, заводя собственные дворы. Уже в десятом веке полководец Игорь Свенельд имел собственных вассалов (*отроки*), а боярские вассалы упоминаются в источниках одиннадцатого и двенадцатого столетий многократно. Жизнь боярского тиуна (дво-

рецкого или судьи) была защищена законом наряду с княжеским тиуном.

При всем выдающемся политическом и социальном положении боярства оно не представляло в киевский период какой-либо особый слой с правовой точки зрения. Прежде всего, это не была исключительная группа, поскольку простолюдин мог войти в нее по каналу службы в свите князя. Во-вторых, она не имела каких-либо правовых привилегий как класс. В-третьих, в то время, как бояре вместе с князьями являлись владельцами больших земельных угодий в силу своей исключительности, они не были единственными землевладельцами в этот период на Руси, поскольку земля могла продаваться и покупаться без запретов и человек любой социальной группы мог ее приобрести. Более того, для боярина этого периода было обычным делом не порывать связи с городом. Каждый из крупных бояр княжеской свиты имел свой двор в городе, в котором правил князь. Все новгородские бояре не только были жителями Новгорода, но также принимали участие в собраниях городского органа управления.

4. Средние классы

Неразвитость средних классов обычно рассматривается как одна из основных черт русской социальной истории. Верно, что как в московский, так и в имперский периоды вплоть до девятнадцатого столетия пропорциональное соотношение людей, вовлеченных в производство товаров и торговлю, и жителей городов в целом в сравнении с крестьянством было низким. Однако даже применительно к этим периодам любое обобщающее утверждение об отсутствии в России средних классов требует оговорок. В любом случае подобное обобщение не подойдет к киевскому периоду. Как мы видели (гл. V, 3), городского населения в Киевской Руси было не меньше тридцати процентов. Дабы оценить значение этой цифры, следует подойти к ней не с точки зрения социальной стратификации Нового времени, а по сравнению с современными условиями той поры в Центральной и Восточной Европе. Хотя не суще-

ствует точных демографических данных относительно Европы этого периода, общепринятым является, что по крайней мере до четырнадцатого столетия пропорция городских жителей в Европе по отношению ко всему населению была очень низка.

Большинство городского населения России, вне сомнения, принадлежала к слою, который может быть обозначен как низшие классы, и нет данных, которые дали бы нам возможность установить с достаточной точностью процент людей, относящихся к среднему классу. Однако, зная о распространении торгового класса Киевской Руси, мы можем быть уверены, что, по крайней мере в Новгороде и Смоленске, торговый люд как социальная группа был пропорционально более велик, нежели в городах Западной Европы этого времени.

Можно также говорить о среднем классе сельского общества. Процветающие хозяева, имеющие достаточно земли для удовлетворения своих потребностей, могут быть охарактеризованы как составляющие сельский средний класс при сопоставлении с владельцами крупных поместий, с одной стороны, и безземельными и малоземельными крестьянами — с другой. Люди, организованные в гильдии (вервь) и упомянутые в «Русской правде», кажется, составляют именно такого рода средний класс¹²³. Важно, что плата за жизнь людина, как и человека высших классов (мужа), равнялась сорока гривнам; в случае его принадлежности к свите князя штраф удваивался (восемьдесят гривен).

Хотя существование людей, организованных в классы, бесспорно, применительно к десятому и одиннадцатому векам, обычно утверждается, что в течение двенадцатого столетия старый социальный режим сельской Руси был опрокинут стремительным ростом больших поместий князей и бояр, с одной стороны, а также пролетаризацией и феодальным подчинением людей — с другой. Это утверждение справедливо лишь до определенной степени. Верно, что владения князей и бояр быстро расширялись в двенадцатом веке, но это было также результатом эксплуатации земли, до того не затронутой обработкой, а не только поглощением уже существовавших хозяйств.

В той же мере справедливо, что процесс пролетаризации малых землевладельцев шел с конца одиннадцатого века. В ходе ее до того формально независимые и свободные люди ста-

новились связанными договором работниками. И вновь, однако, возникает вопрос: можно ли эту часть рассуждения применять к нашему случаю без оговорок? В источниках нет свидетельств относительно того, из какой первоначальной социальной группы вышли связанные договором работники двенадцатого века. Некоторые могли быть бывшими членами группы людей, но, конечно, не все. Что же касается крестьян, более или менее связанных с крупными земельными поместьями, каковыми были *смерды* и *изгои*, кажется, между ними и людьми если и есть связь, то весьма малая. Уже в двенадцатом веке смерды существовали как отдельная группа. Большинство изгоев были вольноотпущенниками.

Итак, нет прямых свидетельств предполагаемого полного исчезновения людей в течение двенадцатого столетия. Их число могло уменьшиться, в особенности в Южной Руси, по разным причинам. Значительное количество их, видимо, было разорено рейдами половцев и княжескими междоусобицами, после которых они, без сомнения, должны были или перебираться в города, или становиться сельскохозяйственными работниками, либо — оставаясь лично свободными — как наемные работники, либо принимая зависимость по договору. Во многих случаях сельские гильдии должны были дезинтегрироваться. Мы знаем из условий «Русской правды», что людину разрешалось на определенных условиях покинуть гильдию. Но даже в случае отпуска гильдии ее прежние члены могли по праву сохранять свое хозяйство или же создавать меньшие ассоциации по типу сябров.

Вслед за завоеванием Новгорода московскими великими князьями в конце пятнадцатого века последовал приказ о переписи сельского населения на всех типах земель. Она выявила существование многочисленного класса так называемых *своеземцев* («обладателей земли по праву»). Ими должны были быть выходцы из класса людей.

Вновь обратившись к городам, мы обнаруживаем тот же термин *люди* как изначально применяемый к большинству городского населения¹²⁴. Позднее в Новгороде можно было выделить две группы: *житьи люди* («состоятельные люди») и *молодшие люди* («младшие люди»), которые иногда называются в новгородских источниках *черные люди*. Житьи люди со-

ставляли значительную часть новгородского среднего класса. Шкала групповых отличий в новгородском обществе яснее всего видна по перечню штрафов за неуважение суда, содержащихся в одном из параграфов городской хартии. Согласно этому перечню, боярин должен заплатить 50 рублей, житьи — 25 рублей, младший — 10. Эта новгородская хартия была принята в 1471 г., но для ее списка были частично использованы старые правила и регулятивы, а взаимосвязь указанных в ней классов предположительно представляет древнюю традицию. *Купцы* упоминаются в новгородских источниках как группа, отличная от житьи, но находящаяся на том же социальном уровне. Оказывается, что житьи не были купцами. Каков же был источник их доходов? Некоторые, возможно, владели земельными угодьями вне города. Другие могли быть владельцами разного типа промышленных предприятий, подобно плотницким мастерским, кузницам и т. д.

Состав средних классов в иных русских городах должен был быть схож с новгородским.

5. Низшие классы

Как мы только что видели, люди низших классов в русских городах киевского периода назывались «младшими людьми» (младшие люди). Они были в основном рабочими и ремесленниками различного рода: плотниками, каменщиками, кузнецами, сукновалами, кожевниками, горшечниками и т. д. Люди одной и той же профессии обычно жили в одной части города, носившей соответствующее имя. Так, в Новгороде упоминаются Горшечный район и Плотницкий район; в Киеве — Кузнецкие Ворота и т. д.

Для этого периода не существует свидетельств относительно существования ремесленных гильдий как таковых, но каждая часть большого русского города этого времени составляла самостоятельную гильдию; «уличная гильдия» или «гильдия ряда» в ремесленной части должна была быть не только территориальной общиной, но в определенном смысле также профессиональной ассоциацией.

К низшим классам киевского общества принадлежали также наемные рабочие или работники. В городах ремесленники, не имеющие своих собственных мастерских, и младшие члены ремесленных семей, видимо, предлагали свои услуги любому, кто в них нуждался. Если для крупной работы собиралось вместе много рабочих, как при строительстве церкви или большого дома, то в большинстве случаев они создавали кооперативные ассоциации.

В этот период мало что известно о наемных рабочих в сельских районах. Они, однако, упоминаются в некоторых источниках; предположительно наибольшую нужду в их помощи испытывали в период урожая.

Становой хребет низших классов в сельских районах составляли смерды¹²⁵. Они лично были свободны, но их правовой статус ограничивался, поскольку они подчинялись специальной юрисдикции князя. То, что они были свободными, может быть в наилучшей мере очевидно при сравнении статьи 45 А расширенной версии «Русской правды» с последующей статьей 46. В первой сказано, что смерды могут быть оштрафованы князем за агрессивные действия, совершенные ими. В последней, что рабы не подвержены этим выплатам, «поскольку они несвободны».

То, что власть князя над смердами была более специфична, нежели над свободными, ясно из «Русской правды», равно как и из летописей. В «Правде» Ярославичей смерд упоминается среди людей, зависимых от князя в той или иной степени. Согласно расширенной версии «Русской правды», смерд не мог подвергнуться аресту или ограничениям каким-либо образом в своих действиях без санкции князя. После смерти смерда его имущество наследовалось его сыновьями, но если не оставалось сыновей, то собственность переходила к князю, который, однако, должен был оставить долю для незамужних дочерей, если таковые оставались. Это похоже на право «мертвой руки» в Западной Европе.

Представляется важным, что в городах-государствах Северной Руси — Новгороде и Пскове — высшая власть над смердами принадлежала не князю, а городу. Так, например, в 1136 г. новгородский князь Всеволод подвергся критике веча за угнетение смердов. В новгородском договоре с королем Польши

Казимиром IV прямо утверждается, что смерды находятся в юрисдикции города, а не князя. Этот договор — документ более позднего периода (подписан около 1470 г.), но его условия базировались на древней традиции.

Принимая во внимание статус смердов в Новгороде, мы можем предположить, что на юге, где они были подчинены князю, последний скорее реализовал свою власть в качестве главы государства, нежели землевладельца. В таком случае смерды могут быть названы государственными крестьянами, принимаемая должные оговорки. Имея в виду, что термин *смерд*, вероятнее всего, появился в сарматский период, мы можем отнести к этому периоду появление смердов как социальной группы. Предположительно первые смерды были славянскими «людьми», платившими дань аланам. Позднее, с эмансипацией антов от иранской опеки, власть над ними могла перейти к антским вождям. В восьмом веке смерды должны были подчиняться власти хазарского и мадьярского воевод; с эмиграцией мадьяр и поражением хазар от Олега и его наследников в конце концов контроль над ними установили русские князья. Этот очерк истории смердов, конечно же, является гипотетическим, но, на мой взгляд, согласуется с фактами; в любом случае он не противоречит каким-либо известным данным.

Принадлежала ли обрабатываемая ими земля им самим или же государству, является спорным вопросом. В Новгороде, по крайней мере, смерды занимали государственные земли. На юге существовало, должно быть, нечто наподобие совладения князя и смерда на земле последнего. На встрече 1103 г. Владимир Мономах упоминает «хозяйство смерда» (село его). Как мы уже видели, сын смерда наследовал его владение, то есть его хозяйство. Однако, принимая во внимание, что смерд владел обрабатываемой им землей, следует отметить, что это было не полное владение, поскольку он не был свободен завещать землю даже своим дочерям; когда после его смерти не оставалось сыновей, как мы видели, земля переходила к князю. Поскольку смерд не мог завещать свою землю, то он, возможно, также не мог ее продать.

Земля находилась в его постоянном пользовании, и это же право распространялось на его потомков мужского пола, но это не была его собственность.

Смерды должны были платить государственные налоги, в особенности так называемую «дань». В Новгороде каждая их группа регистрировалась на ближайшем *погосте* (центре сбора налогов); очевидно, они были организованы в общины, с тем чтобы упростить сбор налогов. Другой обязанностью смердов была поставка лошадей для городского ополчения в случае большой войны.

На княжеской встрече 1103 г. обсуждалась кампания против половцев, и вассалы князя Святополка II говорили, что не стоит начинать военные действия весной, поскольку, забирая своих коней, они разорят смердов и их поля, на что Владимир Мономах ответил: «Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пашут, а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд, и, приехав, половец поразит смерда стрелю, а лошадь его заберет, а в село его приехав, захватит жену его и детей, и все имущество его возьмет? Лошадь его вы жалеете, а самого почему не жалеете?»

Низкий уровень социального положения смерда наилучшим образом демонстрирует такой факт: в случае его убийства лишь пять гривен — то есть одна восьмая штрафа — должны были быть выплачены князю убийцей. Князь должен был получить столько же (пять гривен) в случае убийства раба. Однако в последнем случае плата представляла не штраф, а компенсацию князю как владельцу. В случае со смердом компенсация его семье должна была быть выплачена убийцей в дополнение к штрафу, но ее уровень не оговорен в «Русской правде».

С течением времени термин *смерд*, как я упоминал, приобрел уничижительное значение человека, принадлежащего к низшему классу. Как таковой он использовался высокими аристократами для обозначения простолюдинов в целом. Так, когда черниговский князь Олег был приглашен Святополком II и Владимиром Мономахом для присутствия на встрече, где должны были быть представители духовенства, бояре и киевские граждане, он высокомерно ответил: «Не пристойно судить меня епископу, или чернецам, или смердам» (1096 г.).

В начале тринадцатого века термин «смерд» был в употреблении для обозначения сельского населения в целом. Опи-

сывая одну из битв в Галиции в 1221 г., летописец отмечает: «Боярин должен брать в качестве пленника боярина, смерд — смерда, горожанин — горожанина»¹²⁶.

6. Полусвободные

Крепостничество как правовой институт не существовало в Киевской Руси. В техническом смысле слова крепостничество — продукт феодального права.

Подчинение крепостного не было результатом свободной игры экономических сил, а являлось скорее итогом неэкономического давления. Феодализм может быть определен как слияние публичного и частного права, а природа власти сеньора была дуальной. Сеньор являлся как землевладельцем, так и правителем. Как владелец манора он обладал двойственной властью и над сервами, и над арендаторами в его имении.

Потенциально князь Киевской Руси имел тот же тип власти над населением своих владений. Однако социально-политический режим в стране в это время не способствовал развитию феодальных институтов, и процесс консолидации манориальной власти князей, не говоря уже о боярах, никогда не заходил столь далеко, как в Западной Европе того же периода. Несмотря на все посягательства со стороны князей, смерды, как мы видим, оставались свободными.

Кроме того, существовала социальная группа, куда входили те, кого можно назвать полусвободными. Они не были крепостными и в техническом смысле также, поскольку отсутствовал элемент «неэкономического давления» в процессе утраты ими свободы. Связь между ними и их господами была чисто экономической, поскольку это было отношение между кредитором и должником. Как только долг выплачивался с процентом, должник вновь становился полностью свободным.

Особенность отношений состояла в том, что долг этого типа должен был выплачиваться не деньгами, а работой, хотя не было возражений на его выплату деньгами, если должник неожиданно обретал достаточную для этого сумму.

Обязательство могло быть взято различными путями и по различным причинам. Должник мог быть крестьянином (обедневшим людином), торговцем или ремесленником, который, взяв деньги для улучшения своего дела, был не в состоянии заплатить деньгами и, таким образом, не имел иного выхода, как заплатить своим собственным трудом. Но он мог также быть наемным работником и, имея нужду в деньгах, попросить и получить свою сезонную или годовую оплату заранее; сделка оформлялась тогда как заем, покрываемый работой с процентом. Такой должник (закуп) был фактически контрактным работником, и такой работник мог быть нанят кредитором на любую работу, но большинство их, кажется, становилось сельскохозяйственными работниками (ролейный закуп). Сама по себе эта группа была достаточно многочисленной¹²⁷.

Условия «Русской правды» относительно закупа имели своей целью установить подобающий баланс между правами и долгом связанного договором работника, с одной стороны, и долгом и правами кредитора — «господина» — с другой. Итак, если закуп пытался убежать от своего господина, то становился рабом последнего; но если господин предательски продавал его в рабство, то восстанавливалась автоматически не только свобода закупа, но и приходил конец его обязательствам перед господином. Договорный работник был должен подавать в суд на господина за любую неспровоцированную обиду; господин, однако, мог наказать закупа даже побоями, если «для этого были хорошие основания», то есть если закуп небрежно относился к работе.

Согласно новым пунктам «Русской правды», господин не мог принудить работника по соглашению к выполнению любой работы; лишь работа по соответствующей специальности могла быть выполнена им. Поэтому, если закуп, например, наносил ущерб используемому на войне господскому коню, он не нес ответственности по очевидным причинам: уход за используемым в военное время конем князя или боярина — часто это был хороший конь — предполагал услуги специально обученного человека. Более того, конюх знатного человека обычно выбирался среди его рабов, и свободный человек — даже полусвободный — мог возражать относительно выполнения такой работы. Если, однако, ущерб наносился закупом ра-

бочему коню — «работавшему с плугом и бороной», как это объясняется в «Русской правде», — закуп должен был за это платить. То есть окончание его рабочих обязательств продлилось в зависимости от нанесенного ущерба.

Кроме наемных работников была еще одна социальная группа, которая также может рассматриваться, как состоящая из полусвободных, хотя и не в строго юридическом смысле. Это были так называемые *вдачи*, мужчины или женщины, которые «отдавались» (славянское слово для обозначения этого — *дати*) на временную службу господину. Это делалось в основном во времена отчаяния — в период голода или после опустошительной войны. В этом случае сделка заключалась скорее в терминах благотворительности, нежели юридических обязательств. Люди в состоянии отчаяния получали «милость» от господина; деньги или зерно, полученное от него, рассматривалось не как заем, а в качестве «подарка». Однако они должны были работать для этого по крайней мере год. Институт *дачи* был также известен среди балтийских славян; там, в особенности в тринадцатом веке, он приобрел совершенно иной характер, приближаясь к рабству¹²⁸.

Заключая эту часть, следует упомянуть еще одну категорию полусвободных — «отпущенники» (изгои). Их положение было ближе всего к крепостному среди социальных групп этого периода. Но поскольку они были под защитой церкви, их положение будет рассмотрено в связи с «церковными людьми».

7. Рабы

Древнейшее русское понятие для обозначения раба, как мы видели, — *челядин* во множественном числе — *челядь*. Термин встречается в старославянских церковных текстах и также используется в русско-византийских договорах десятого века¹²⁹. Другой древний термин — *роб* (иначе — *раб*; в женском роде — *роба*, позднее — *раба*) находится в связи с глаголом *роботати*.

В середине одиннадцатого века появляется новый термин — *холоп*, который можно сравнить с польским *хлон* (в польском написании *chlōp*) — «крестьянин», «крепостной». Протосла-

вянской формой было *холн*; в транскрипции, применяемой большинством славянских филологов, — *чолны*¹³⁰. По-русски термин *холоп* обозначал мужчину-раба. Рабыня постоянно именовалась *раба*.

Рабство в Киевской Руси было двух типов: временное и постоянное. Последнее было известно как «полное рабство» (*холопство обельно*). Основным источником временного рабства было пленение на войне. Первоначально не только солдаты вражеской армии, но даже гражданские лица, захваченные в ходе военных действий, обращались в рабство. С течением времени стали оказывать больше милосердия гражданским лицам и, наконец, ко времени заключения договора между Россией и Польшей, подписанного в 1229 г., была признана необходимость не затрагивать гражданское население.

К финалу войны пленники освобождались за выкуп, если таковой предлагался. В русско-византийских договорах устанавливался потолок выкупа, с тем чтобы исключить злоупотребления. Если не было возможности собрать выкуп, пленник оставался в распоряжении человека, захватившего его. Согласно «Закона судного людем», в подобных случаях работа пленника рассматривалась как уплата выкупа и после покрытия такового в полном объеме пленник должен был быть отпущен.

Правило должно было соответствующим образом соблюдаться по отношению к гражданам государств, с которыми русские заключали особые договора, как, например, с Византией. В иных случаях оно могло игнорироваться. В любом случае важно, что «Русская правда» не упоминает пленение на войне в качестве источника полного рабства.

Согласно параграфу 110 расширенного варианта, «полное рабство имеет три вида». Человек становится рабом: 1) если он по своей воле продается в рабство; 2) если он женится на женщине, не заключив перед этим специального соглашения с ее хозяином; 3) если он нанимается на службу в должности дворецкого или домоуправителя без специального соглашения, что он должен остаться свободным. Что касается самопродажи в рабство, следовало соблюдать два условия для того, чтобы сделка стала законной: 1) минимальную цену (не меньше половины гривны) и 2) плату городскому секретарю (одна нога-та). Эти формальности предписывались законом с тем, чтобы

предотвратить порабощение человека против его воли. В этой части «Русской правды» ничего не говорится о женщинах-рабынях, но можно предположить, что женщина могла продать себя в рабство, подобно мужчине. С другой стороны, женщина не была наделена привилегией сохранения своей свободы путем соглашения с господином, если она выходила замуж за мужчину-раба. Хотя это и не упоминается в «Русской правде», из позднейшего законодательства, равно как и из различных иных источников, мы знаем, что такой брак автоматически делал женщину рабыней. Это был древний обычай, и поэтому он не рассматривался как достойный упоминания в «Русской правде».

Очевидно, что те же формальности, что и в случае самопродажи, должны были соблюдаться в случае продажи раба. Таким образом устанавливалась минимальная цена на полных рабов. Не существовало минимальной цены на военнопленных. После победы новгородцев над суздальцами в 1169 г. пленные суздальцы были проданы по две ногаты за каждого. В «Слове о полку Игореве» сказано, что, если бы великий князь Всеволод принял участие в кампании против половцев, последние были бы разбиты и затем женщины-пленницы были бы проданы по одной ногате, а мужчины по одной резане.

Никакой верхней цены на рабов не устанавливалось, но общественное мнение — по крайней мере духовенства — было против спекуляции в работорговле. Считалось греховным купить раба по одной цене и затем продать за большую; это называлось «изгойством».

Раб не имел гражданских прав. Если его убивали, то компенсация должна была выплачиваться убийцей его хозяину, а не родственникам раба. В законах этого периода не существует регламентации относительно убийства раба его владельцем. Очевидно, что господин нес ответственность, если он убивал временного раба.

В случае, если раб «полный», хозяин подвергался церковному покаянию, но это была, очевидно, единственная санкция в подобной ситуации. Раб не мог выдвигать обвинений в суде и не принимался как полноценный свидетель в тяжбе. По закону он не должен был владеть какой-либо собственностью, за исключением своей одежды и иных личных принадлежностей, известных как *resulium* в римском праве (древнерус-

ский вариант — старица); не мог раб и принимать какие-либо обязательства или подписывать какой-либо контракт. Фактически же многие рабы Киевской Руси имели собственность и принимали обязательства, но в каждом случае это делалось от имени их владельца. Если в подобном случае раб не выполнял обязательства, его владелец оплачивал убыток, если человек, с которым имел дело раб, не был осведомлен, что противоположной стороной был раб. Если он знал о факте, то действовал на свой собственный риск.

Рабы использовались их владельцами как домашние слуги различного типа и как полевые работники. Случалось, что они были мужчинами и женщинами, искусными в ремесле, или даже педагогами. Оценивались они по способностям и оказываемым услугам. Согласно «Русской правде», размер компенсации князю за убийство его рабов варьировался от пяти до двенадцати гривен, в зависимости от того, какого рода рабом была жертва.

Что же касается окончания рабского состояния, оставляя в стороне смерть раба, временное рабство могло закончиться после совершения достаточного объема работ. Конец полного рабства мог наступить двумя путями: или раб выкупал себя (что, конечно же, могли позволить себе немногие), или хозяин мог отпустить своего раба или рабов волевым решением. К этому его постоянно побуждала церковь, и многие богатые люди следовали этому совету, освобождая рабов посмертно в специальном разделе завещания.

Существовал также, разумеется, незаконный путь самоосвобождения раба — бегство. Многие рабы использовали этот путь к свободе, поскольку в «Русской правде» есть несколько параграфов, говорящих о рабах-беглецах. Любой человек, давший приют такому рабу или каким-либо образом оказавший ему содействие, должен был подвергнуться штрафу.

8. Церковные люди

В Древней Руси под церковную юрисдикцию подпадали не только духовенство и члены их семей, но также и определенные категории людей, которые либо служили церкви тем

или иным образом, либо нуждались в ее поддержке. Все они были известны как «церковные люди»¹³¹.

Русское духовенство может быть разделено на две группы: «черное духовенство» (то есть монахи) и «белое духовенство» (священники и дьяконы). На основе византийской модели в Русской церкви установленным обычаем является то, что монахи полагаются в сан епископов и, в противоположность практике Римской церкви, священники выбираются из среды женатых мужчин.

В течение киевского периода митрополичья кафедра в Киеве занималась греками с двумя исключениями (Иларион и Климент). Около половины епископов были, однако, русского происхождения. Епископы стояли намного выше обычного духовенства по власти, престижу и богатству. В более поздние периоды стало обычным говорить о них как о «князьях церкви».

Что касается других «церковных людей», то первая категория среди них охватывает тех, кто каким-либо образом участвовал в церковном богослужении, но не принадлежал к духовенству: таковы церковные певцы, человек, ответственный за тушение свечей после службы (*свечегас*), а также женщина, выпекающая просвиры (*просвирница* или *просвирня*, от слова *просвира*). По случаю можно вспомнить, что поэт А. С. Пушкин советовал тем, кто желал познакомиться с изначально русским языком, поучиться у московской *просвирни*.

Вторая категория церковных людей состоит из тех, кто связан с благотворительными институтами, — подобных врачу (*лечец*) и другому персоналу лечебниц, домов для престарелых, гостиниц для паломников и т. д., равно как из людей, обслуживаемых этими институтами.

Третья категория — так называемые *изгой*¹³². Характеристики этой группы, равно как источник и значение термина, были предметом длительных споров между учеными. Основная трудность состоит в том, что этот термин используется в одном смысле в источниках двенадцатого столетия и, очевидно, совсем в ином смысле в «Русской правде» одиннадцатого столетия. С моей точки зрения, единственный путь для развязки этого гордиевого узла сформулирован в пословице: надо рубить его, то есть признать, что «Правда» одиннадцатого века

и источники двенадцатого века, используя те же слова, говорят о двух совершенно различных социальных группах. Это — не единственный известный случай подобного различия между «Правдой» и более поздними источниками. Например, термин *огнищанин* в «Правде» относится к княжескому судебному приставу, но в новгородских источниках он применяется к особой группе новгородских граждан, которые не имеют связей с княжеским двором.

Изгоев «Русской правды» рассмотрим ниже; здесь мы изучим лишь положение «церковных людей», именуемых подобным образом. Классическое определение этой социальной группы обнаруживается в «Уложении церковных дворов» (1125–1136 гг.) князя Всеволода: «Есть три типа изгоев: сын священника, оставшийся необразованным; раб, который выкупил себя из рабства; обанкротившийся торговец». Затем следует примечание позднего копииста: «И можно добавить четвертый тип изгоя — осиротевший князь»¹³³.

Общей характеристикой всех этих людей было то, что каждый из них потерял свой бывший статус и нуждался в приспособлении к новым обстоятельствам, для чего Русская церковь предлагала ему свою защиту. Сам термин *изгой* может быть объяснен в этом смысле, если мы согласимся вывести его из старославянского глагола *гои-ти*, что означает «жить», а также «позволять жить», «давать средства к существованию», «заботиться о». С этой точки зрения изгой — человек, лишенный заботы, а следовательно, «нуждающийся в опеке». В данной связи мы должны вспомнить, что термин *изгойство* или *изойство* имеет также значение незаслуженной выгоды, полученной от торговли рабами или в особенности выкупной цены раба. Из-за этого в более широком смысле *изгойство* иногда было синонимом «ростовщичества». Имея в виду значение этого термина, мы можем предположить, что наибольшей группой среди изгоев были вольноотпущенники, что термин первоначально применялся только к ним и только позднее другие похожие группы были включены в него по аналогии.

Согласно обычаю, отпущенник мог не оставаться со своим бывшим хозяином. Очевидной целью этого правила было предотвращение возможности его вторичного порабощения. В большинстве случаев у него не было средств существования

и места для жизни. Церковь предлагала ему и то, и другое, нанимая его каким-либо путем или поселяя на церковной земле. Таким образом, мы обнаруживаем группу изгоев в Новгороде под юрисдикцией городского епископа. Большинство их, однако, селились в сельской местности. В своей хартии 1150 г. смоленский князь Ростислав гарантировал епископу этого города среди иных вещей два места, одно — «с изгоями и землей», а другое — «с землей и изгоями»¹³⁴. В этом случае оказывается, что изгои рассматривались как принадлежность имения. Были ли они постоянно прикреплены к земле в сельских районах? Вряд ли. Предположительно они платили церкви деньгами и работой за помощь, оказанную им в обустройстве, но позднее, видимо, они могли уйти куда-либо, если хотели.

Если мы признаем, что сельский изгой сохранял свободу передвижения, то можем предположить, что им разрешалось переходить лишь раз в год — после окончания сельскохозяйственного сезона и после выплаты ренты.

9. Женщина

Положение женщины в Древней Руси часто представляется как полное подчинение мужчине. Женщины, видимо, были лишены какой-либо свободы и вынуждены жить в восточной изоляции. Верно, что московские царицы и княгини шестнадцатого и семнадцатого веков вели затворническую жизнь в их собственных апартаментах (*теремах*) в царском дворце и что тот же обычай также практиковался в боярских и купеческих семьях, хотя и менее жестко. Дело обстояло иным образом, однако, среди простых людей, и поэтому, даже относительно московского периода, традиционный взгляд на подчиненное положение женщины в России не может быть принят безоговорочно.

Применительно к киевскому периоду подобное воззрение будет абсолютно бесосновательным. Русские женщины этого времени пользовались значительной свободой и независимостью, как в правовом, так и в социальном плане, и демонстри-

ровали дух самостоятельности в различных аспектах жизни. Мы видим женщину, управляющую Русью в середине десятого века (княгиня Ольга), другую, основывающую школу для девочек в женском монастыре, который она заложила в одиннадцатом веке (Янка, дочь Всеволода I). Княгини посылают собственных представителей в зарубежные страны, и, как нам известно, два члена русской мирной делегации в Константинополь были женщины. Именно к женщине (неродной матери Владимира Мономаха) народ Киева обращается для восстановления мира между князьями (в случае нарождающегося конфликта между Святополком II и Владимиром Мономахом в 1097 г.).

Если мы обратимся к фольклору, женщина-воительница — популярная героиня древнерусских эпических поэм. *Поляница* («степная искательница приключений») русских былин напоминает нам амазонку в классической традиции. И разумеется, с географической точки зрения существует полная параллель, поскольку обе совершали свои подвиги в том же регионе — Нижнего Дона и района Азова. Как мы знаем, миф об амазонках отражает важный факт в социальной истории донских и азовских племен в скифский и сарматский периоды: преобладание матриархальных форм родовой организации.

Возможность того, что матриархат был базисом социальной организации у некоторых протославянских племен и в особенности антских родов, не следует сбрасывать со счета. Если это так, то относительно независимое положение женщины Киевской Руси может быть объяснено, по крайней мере частично, как последствия подобной традиции. Возможно, не случайно, что в наиболее раннем варианте «Русской правды» среди родственников, которые имеют право — и должны — отомстить за убийство соплеменника, «сын сестры» упоминается вместе с «сыном брата».

В целом же древнерусский род, по описанию «Русской правды» и иных источников, принадлежал с очевидностью к патриархальному типу. В то же время, однако, женщине гарантировались определенные права. Начнем с вергельда — символа социальной ценности человека того времени: женщина имела вергельд, но в количественном выражении штраф за ее убийство равнялся лишь половине выплачиваем-

мого за убийство мужчины, принадлежащего к среднему классу, — двадцать гривен вместо сорока¹³⁵.

Женщина, даже замужняя, имела право обладать собственностью на свое имя. Следуя византийскому примеру, русское гражданское законодательство признавало как приданое, в смысле денег, которые женщина приносит своему мужу в браке, так и «предбрачные подарки», то есть дарение женщиной собственности своей невесте. В русском языке используется два различных термина, а именно: *приданое* — в первом смысле и *вено* — во втором. Кроме этого замужняя женщина могла иметь любую другую собственность, завещанную ей родителями или приобретенную ею. Обычным источником дохода женщины, включая замужнюю, были результаты ее рукоделия. Согласно так называемому «Церковному уложению» Ярослава Мудрого, мужчина, крадущий пеньку или лен, выращенный его женой, или же любое белье и ткани, изготовленные ею, подвергался штрафу. По «Русской правде» после смерти своего мужа, если он умирал первым, жена имела права на оставленную ей собственность и на иную собственность, которой он мог обладать. Более того, вдова признавалась главой семьи, если были дети, и ей доверялось управление имением ее покойного мужа. Когда дети достигали совершеннолетия, каждый имел право потребовать свою часть имения, но если они поступали таким образом, то должны были отдать определенную часть владения своей матери до конца ее дней (*пожиток*). Говоря о детях, следует отметить, что дочери наследовали имущество вместе с сыновьями, за исключением семей смердов.

Вслед за обращением Руси в христианство брак и семейная жизнь были поставлены под защиту и наблюдение церкви. И вновь в киевский период права женщин не были забыты. Согласно процитированному «Церковному уложению», муж подвергался штрафу в случае прелюбодеяния. Права дочери были также защищены, по крайней мере до определенной степени. Если родители принуждали свою дочь к браку против ее воли и она совершала самоубийство, они считались ответственными за ее смерть.

В более широком плане христианство затронуло отношение русского общества к женщине двояким образом. С одной сто-

роны, христианская доктрина — по крайней мере в ее византийской интерпретации — полагала женщину ответственной, через Еву, за первородный грех. В кратком обзоре библейской истории, которая, согласно «Повести временных лет», преподавалась Владимиру греческими миссионерами, объяснялось, что «через жену была первоначальная победа дьявола, из-за жены первоначально был изгнан Адам из рая».

С другой стороны, одним из главных моментов византийского христианства было почитание Богоматери, Святой девственницы, которая защитила женское начало, дав жизнь Спасителю, а отсюда и имя «Мать Бога» или буквально — «Богоматерь». Как объяснялось Владимиру греческим миссионером, «через жену воплотился Бог и повелел войти в рай верным».

Итак, доктрина церкви и унижала, и возвеличивала женщину. Аскетическое монашество видело в женщине главный источник искушения мужчины. Для монахов и тех, кто находился под их влиянием, женщина была «дьявольским сосудом», а не чем-либо иным. При этом церковь, включая тех же монахов, распространяла почитание Богородицы на русской земле, и не только женщины, но также и мужчины возносили к ней постоянные молитвы.

Можно спорить, позитивные или негативные аспекты христианской доктрины относительно женщины оставили более глубокое впечатление в русской душе. Однако кажется правдоподобным, что русская женщина в конечном итоге выиграла больше, нежели потеряла.

10. Степные пограничники

С появлением печенегов в конце десятого века и еще более с вторжением половцев в середине одиннадцатого века степи закрываются для славянского земледелия. Лишь в промежуточной лесостепной зоне и в северном пограничье степей земля еще могла постоянно возделываться. Это пограничье русские князья старались защитить от вторжения кочевников фортификационными линиями, которые зачастую не пред-

ставляли непреодолимого барьера для половцев, но по крайней мере обеспечивали некоторую безопасность русскому населению. За границами этой фортификационной линии ни один земледelec не пытался организовать какое-либо хозяйство, и немногие русские проникали за нее; исключение составляли солдаты в походах или военнопленные половцев.

В определенном смысле степь может быть уподоблена морю. С достаточными силами она могла быть заблокирована, но ни для русских, ни для половцев невозможно было контролировать или охранять каждую ее часть. Половецкая орда совершала ежегодные объезды степи, люди следовали за их пастушими конями и скотом; пространство вблизи палаток кочевников было закрыто для любого постороннего, но вся остальная степь была ничейной землей, по крайней мере периодически.

Это было — поле древнерусских эпических поэм, сцена героических деяний Ильи Муромца и других русских легендарных богатырей, а также фактически происходивших сражений — подвигов тысяч реальных русских воинов — победоносных, подобных Владимиру Мономаху, или же побежденных, подобных новгород-северскому Игорю. Покрытые ковылем и богатые животной жизнью, но также и половецкими лучниками, степи отпугивали слабых и имели притягательную силу для искателей приключений. Это поэтически и сжато описано в «Слове о полку Игореве» в конце двенадцатого века и едва ли менее поэтично, но более утонченно в «Тарасе Бульбе» Н. В. Гоголя семь столетий спустя.

В течение пятнадцатого и шестнадцатого столетий эта ничейная земля стала местом обитания украинских и русских казаков, в конце концов организовавшихся в сильные военные общины — «войска», среди которых запорожское (выше днепровских порогов) и донское войска (последнее в регионе Нижнего Дона) были двумя наиболее важными.

В киевский период аналогичная община была основана на Нижнем Днепре. Ее члены были известны как *бродники*¹³⁶. Термин *бродник* должен ассоциироваться с глаголом *бродити*, изначальное значение которого в древнерусском — «переходить вброд»; отсюда слово *брод* — место перехода по воде.

С экономической точки зрения целью хождения вброд является ловля рыбы сетью. Итак, *бродник* означает «рыбак».

Бродники жили за границами как Киевского государства, так и сообщества половцев, хотя, возможно, временами они признавали власть некоторых половецких ханов как временное политическое орудие. Об организации их общины мало известно. Она могла появиться как ассоциация рыболовов и позднее приобрела некоторые военные черты. Предположительно подобные общины существовали также в регионах Нижнего Днестра и Дуная.

Выбор бродниками рек может отчасти объясняться тем фактом, что реки предоставляли им обильную пищу, и частично тем элементом защиты, который они давали им против кочевников. В своих походах армии кочевников старались следовать водоразделам.

11. Национальные меньшинства

С незапамятных времен протославянские и антские племена жили в контакте с иными национальными группами. Ни разу до киевского периода славяне не колонизировали всю территорию Западной Евразии, и даже в киевский период русские не смогли заселить всю политически подчиненную им территорию. Более того, «русские» девятого и десятого веков сами представляют этнически смешанную группу вследствие присутствия шведского элемента.

Тем не менее новые ватаги скандинавских воинов, нанимаемые время от времени русскими князьями, постоянно увеличивали скандинавский элемент; их поток иссяк лишь в конце одиннадцатого столетия. Некоторые из варягов оставались на Руси лишь временно и должны, таким образом, рассматриваться скорее как чужаки, нежели как национальные меньшинства. Другие, поселившиеся на Руси постоянно, следовали по стопам древнешведского племени русь и быстро растворились в славянском море. Итак, хотя в Киевской Руси было значительное количество людей скандинавского проис-

хождения, никакого национального меньшинства они никогда не составляли.

Наиболее крупным национальным меньшинством в киевский период были финны. Различные финские племена занимали северные и восточные регионы России с незапамятных времен¹³⁷. Некоторые из них были вытеснены процессом славянской колонизации, другие — совершенно русифицированы. Суздальское княжество в особенности стало плавильным тиглем, и из смешения славян и финнов сформировалось ядро так называемой «великорусской» ветви восточных славян, с тем чтобы принять лидерство над русскими в московский период. Многие национальные характеристики великоросса должны быть объяснены финским элементом в его крови¹³⁸.

В то время как некоторые финские племена исчезли в ходе славянской экспансии, многие другие оказались способны сохранить самобытность, хотя одно за другим они должны были присоединиться к русской федерации, за исключением западных финнов в Финляндии, в конце концов завоеванных шведами.

Согласно истории о «призыве варягов», последние были приглашены совместно «русскими» (русь), словенами, кривичами и тремя финскими племенами — чудью, меря и весь. В то время, в середине девятого века, существовала сильная славяно-финская федерация в Северной Руси. Чудь и меря также упоминаются как участники византийской кампании Олега в 907 г. Это последнее упоминание о меря, которые были полностью русифицированы в течение десятого века.

С обращением Руси в христианство финские племена, которые жили в теснейшей близости с русскими, были в конечном итоге крещены; другие, в основном малые, племена в более отдаленных районах оставались языческими длительное время, некоторые из них были необращенными даже ко времени революции 1917 г. Из-за власти шаманов среди финских племен христианство встретилось с наиболее сильной оппозицией именно в смешанных финско-славянских регионах Северной Руси. В результате обращения восточных финнов в греческую православную веру, а западных финнов к римскому католицизму (позднее к лютеранству), был установлен ре-

лигиозный и культурный барьер между двумя ветвями финнов, который просуществовал до настоящего времени.

Литовцы должны здесь быть упомянуты после финнов¹³⁹. Уже в одиннадцатом веке литовское племя голядь (галинды) обитало в Центральной Руси, в бассейне рек Угра и Протва, обе из которых были притоками Оки. Согласно «Повести временных лет», голядь были побеждены Изяславом I в 1058 г. После этого они постепенно слились с русскими. В десятом и одиннадцатом веках русские также пришли во взаимодействие с ятвягами (ятвинги), одним из основных литовских племен, жившим между русскими и поляками. Некоторые ятвяги были завоеваны Владимиром I и Ярославом I; другие были подчинены волынским князем Романом в конце двенадцатого столетия. Кажется, однако, что даже те ятвягские роды, которые должны были признать превосходство русских князей, сумели сохранить свое национальное своеобразие.

В то время как финны и литовцы составляли важную часть этнического фона Северной, Северо-Западной и Восточной Руси, евреи, хотя и значительно менее многочисленные, играли важную роль в жизни Южной Руси. Еврейские колонии существовали в регионе Закавказья, на Таманском полуострове и в Крыму по крайней мере с пятого века, если не раньше. В восьмом и девятом веках еврейские миссионеры были активны в Хазарии, и около 865 г. хазарский каган и многие из его знати были обращены в иудаизм. Таким образом, значительное число евреев, поселившихся в Южной Руси в этот период, должно было быть хазарского происхождения.

Не считая Таманского полуострова, с которого русские должны были уйти в конце одиннадцатого века, и Крыма, который они покинули столетием ранее, главным центром иудаизма Древней Руси был Киев. Еврейская колония существовала там¹⁴⁰ с хазарского периода. В двенадцатом веке одни из городских ворот Киева были известны как Еврейские ворота, что является свидетельством принадлежности евреям этой части города и значительного их количества в Киеве.

Евреи играли значительную роль как в коммерческой, так и в интеллектуальной жизни Киевской Руси¹⁴¹.

По крайней мере один из русских епископов этого периода — Лука Жидята из Новгорода был, как мы можем полагать,

еврейского происхождения. Иудаизм имел сильное влияние на русских в этот период, в результате чего русские епископы, Иларион Киевский и Кирилл Туровский, в своих проповедях уделяли значительное внимание взаимосвязи иудаизма с христианством.

В то время как присутствие евреев в Южной Руси было, по крайней мере частично, результатом хазарской экспансии, русские находились в прямой связи через Тмутаракань с народами Кавказа, в особенности с ясами (осетинами) и косогами (черкесами). Как нам известно, оба этих народа признавали сюзеренитет Святослава I и позднее Мстислава Тмутараканского (соответственно в десятом и одиннадцатом веках). Косоги составляли важный элемент в дружине Мстислава, и он поселил некоторых из них в районе Переяславля. Без сомнения, некоторые из воинов-ясов также присоединились к его свите. Именно на этом фоне мы можем интерпретировать термин «изгой» в «Русской правде»¹⁴². Термин встречается во вводной части кодекса, в перечне людей, достойных нормального вергельда. Очевидно, что упомянутый здесь изгой принадлежит к верхнему слою среднего класса и не имеет ничего общего с вольноотпущенником, находящимся под защитой церкви, хотя последний также именуется изгоем. Владимирский-Буданов рассматривает изгоя «Русской правды» как члена княжеской дружины, и он, конечно, прав; но он не объясняет источник либо этой категории княжеских вассалов, либо сам термин. Единственным ключом к значению этого термина является его место в перечне. Изгой упоминается между (киевским) русским и (новгородским) славянином. Термин в таком случае должен был иметь этническое значение, и, поскольку не существовало славянского племени под этим именем, изгой должен был иметь неславянское происхождение.

До настоящего времени мы были на твердой почве; далее следует лишь моя гипотеза. По моему мнению, термин *изгой* можно вывести из осетинского слова *изкаи*, что означает «чужой», «наемник» и также «наемный работник». Если это так, то изгой должен был быть княжеским «наемником» — членом дружины — осетинского или косогского происхождения.

После смерти Мстислава в 1036 г. его владение было унаследовано Ярославом, и предположительно большинство вас-

салов Мстислава были включены в свиту Ярослава, вследствие чего им гарантировался тот же вергельд, что и членам дружины. Как раз в 1036 г., вероятно, подверглась ревизии «Русская правда», и как раз в это время в нее должен был быть введен термин *изгой*¹⁴³.

С конца одиннадцатого века отряды тюркских воинов и целые тюркские племена нанимались русскими князьями как вспомогательные войска против половцев. Некоторые из этих тюркских групп, такие, как черные клобуки, берендеи, куи и многие другие, постоянно селились в Южной Руси. Их обычно называли «свои паганые»¹⁴⁴.

Среди всех их черные клобуки, поселившиеся в регионе реки Рос к югу от Киева, находились в наиболее тесном контакте с русскими. В середине двенадцатого столетия они даже играли важную политическую роль, поддерживая князя Изяслава II против его противников. Предположительно все эти тюркские племена сохраняли свою традиционную родовую организацию.

В дополнение к «верным тюркам» малые группы независимых тюркских народов — печенег и половцы — неоднократно приводились на Русь как военнопленные или наемники и рабы. Селения печенегов и половцев упоминаются в русских источниках и оставили топонимические следы. Именно в этой связи может быть рассмотрен термин *хон* в «Правде» сыновей Ярослава¹⁴⁵.

Термин упоминается в перечне различных категорий людей, подчиненных юрисдикции князя, за убийство или травму которых князю должны были выплачиваться штрафы. Параграф 26 краткой версии «Русской правды» гласит: «За смерда или хопа — пять гривен». В соответствующем разделе расширенного варианта «Русской правды» *холоп* («раб») читается вместо *хон*, и потому написание *хон* обычно рассматривается как ошибка копииста. Это объяснение вряд ли приемлемо. Эта часть «Правды» с очевидностью рассматривает стандартную социальную пару, упомянутую в византийских правовых учебниках: крестьянин (*смерд*) и пастух (*хон*).

Хоп — имя печенежского племени — хорошо известно со слов Константина Багрянородного. Русские обычно покупали у печенегов лошадей и скот. Когда покупались большие стада,

должны были наниматься или покупаться печенегские пастухи, с тем чтобы ухаживать за животными при перегоне и после прибытия на место. Предположительно большинство нанимаемых таким образом пастухов принадлежали к племени хоп, отсюда и термин *хон*, который сначала означал пастуха печенегского происхождения, а затем — пастуха вообще.

Как нам известно, в течение одиннадцатого столетия печенеги были изгнаны и их заменили половцы. Половецкие пастухи также нанимались русскими князьями. В двенадцатом веке термин *хон* более не использовался, и ко времени окончательного пересмотра «Правды», в конце двенадцатого века, он был заменен в определенном роде схожим с ним — *холоп* («раб»). По совпадению пастухи князя обычно были его рабами; таким образом, между *хопом* и *холопом* существует внутренняя связь через социальные значения двух терминов.

12. Заключительные вопросы

об «экономическом и социальном феодализме»
в Киевской Руси

Исследуя как экономические основания, так и социальную организацию Киевской Руси, мы можем теперь спросить себя, к какой же стадии социального и экономического развития принадлежит Киевская Русь.

Хронологически, как мы знаем, киевский период включал десятое, одиннадцатое и двенадцатое столетия. Эти три века видели восхождение и расцвет феодальных институтов в Западной и Центральной Европе; они представляют то, что может быть названо феодальным периодом по преимуществу. Вполне естественно стремление поместить Киевскую Русь в ту же категорию и охарактеризовать ее социально-политический режим как феодальный. Но все же до недавнего времени русские историки не спешили это сделать. Они не выдвигали каких-либо серьезных возражений относительно изучения феодализма в России: они просто игнорировали проблему.

Подобное отношение со стороны ведущих представителей русской исторической науки, таких, как С. М. Соловьев

и В. О. Ключевский, а также рядовых историков может быть частично объяснено ведущей идеей — сознательно или под-сознательно выношенной — базисного различия в развитии, с одной стороны, России и Европы — с другой. Каждый ученый имел свое собственное объяснение причин, лежащих в основе этого различия. Некоторые отмечали важную роль рода в русской социальной структуре (Соловьев, Кавелин), другие — *мира* или общины (К. Аксаков), третьи — чрезмерное разрастание централизованной власти (Милюков) или экспансию внешней торговли (Ключевский). В то время как славянофилы превозносили уникальность России как исторический дар, западники выражали сожаление по поводу такой склонности и — как мы видели — говорили о «замедленности» исторического процесса в России как главной причине ее «отсталости».

Важной причиной невнимания русских историков девятнадцатого столетия к проблеме феодализма была концентрация их усилий — применительно к монгольскому и постмонгольскому периодам — на изучении Восточной, или московской, Руси, где развитие феодальных или схожих с ними институтов было менее выражено, нежели в Западной, или литовской, Руси. С этой точки зрения появление работы М. К. Любавского «Провинциальное деление и местная администрация в литовско-русском государстве» (1893 г.) составило важную историографическую веху, которая открыла новые горизонты исторического исследования.

Н. П. Павлов-Сильванский был первым, поставившим изучение проблемы феодализма на повестку дня в русской историографии, но он исследовал в основном феодальные институты монгольского периода, не пытаясь утверждать их развитие в Киевской Руси. Лишь в советское время проблеме феодализма в Киевской Руси было уделено достаточное внимание.

В многочисленных «дискуссиях» советских историков, серия которых была начата докладом Б. Д. Грекова «Рабство и феодализм в Киевской Руси», представленным в 1932 г. в Академии истории материальной культуры, был сделан вывод, что киевское общество было не «рабовладельческим», а «феодальным». Появление Киевского государства стало рас-

сма­три­ваться советскими историками как выражение обще­европейского исторического процесса — перехода от рабства классической Античности к средневековому феодализму.

Терминология в конечном итоге не является делом центральной важности. Следует лишь соответствующим образом понять, что имеется в виду под таким-то и таким-то термином. Мы называем тигра большим котом или кота маленьким тигром; это безразлично до тех пор, пока человек, к которому мы обращаемся, знает, что мы имеем в виду под «котом» или «тигром». Но если мы видим пересекающего улицу кота и начинаем кричать «тигр», мы можем легко создать панику.

Фактически мое собственное возражение позиции советской школы в обсуждении проблемы феодализма в Киевской Руси носит не только терминологический характер. В определенном смысле рост маора может быть назван свидетельством роста феодализма. И можно согласиться с советскими историками, что власть князей и бояр постоянно увеличивалась в Киевской Руси. Я даже, более того, готов признать полностью новизну подхода советских историков к изучению экономического и социального развития Киевской Руси, равно как важные достижения в их исследованиях.

Однако остается вопрос, не слишком ли они минимизировали роль рабства в киевский период. Можно признать, что манор был важным институтом в Киевской Руси и что некоторые арендаторы находились на полукрепостном уровне, но все же я сомневаюсь, что манор и крепостничество были ведущими социально-политическими институтами и основанием русской национальной экономики этого периода. С тем чтобы определить особую значимость манора в русской социальной и экономической жизни этого времени, мы должны рассмотреть или пересмотреть следующие положения: 1) степень распространения крупных земельных владений в Киевской Руси; 2) их типы; 3) статус земли с юридической точки зрения; 4) степень манориальной власти над сельским арендатором; 5) социальный статус землевладельца; 6) общий тип национальной экономики в киевский период.

1. Нет сомнения, что крупные земельные владения существовали на Руси в киевское время. Однако рядом с ними существовали также поместья другого типа, как, например, хо-

зяйства людей, организованных в гильдии. Характерно, что расширенная версия «Правды» имеет дело с подобными гильдиями более детализированно, нежели краткий вариант. Это является важным свидетельством того факта, что люди все еще владели землей в двенадцатом столетии. Мы также знаем о существовании многочисленного класса мелких землевладельцев (*своеземцы*) в Новгородском регионе.

2. Относительно крупных земельных владений может быть задан вопрос, были ли они все манориального типа (используя этот термин в особом смысле феодальных владений). Существование крупных земельных владений само по себе не означает неизбежное преобладание феодального режима. Крупные земельные владения существовали в девятнадцатом и в начале двадцатого века в Англии, Франции и Германии при демократии или же в любом другом случае при капитализме.

Крупные владения существовали в Римской империи, и, хотя они иногда рассматриваются как одна из причин ее окончательного падения, их рост не превратил сразу же экономику римлян в феодальную. В Киевской Руси ситуация была схожей.

3. С юридической точки зрения земля в Киевской Руси была единственным типом частной собственности. Сделки относительно земли не встречали какого-либо феодального вмешательства. Она могла быть унаследована, подарена, куплена, продана и использована иным образом без препятствий.

Византийское законодательство — то есть, по сути, римское право — служило примером для русской практики в любых делах, касающихся земли. Два византийских учебника законодательства — «Эклога» (восьмого века) и «Прохирон» (девятого) были доступны в славянском переводе. Кроме того, могли использоваться законодательные кодексы в греческом оригинальном варианте.

В русской практике были введены определенные модификации византийского законодательства, подобные праву продавца или его родственников выкупить проданную землю, по крайней мере в границах определенного времени. Но такие ограничения исходили не из феодального закона, а из остатков родовой психологии, равно как и из общих понятий закона и справедливости, присущих русскому уму.

4. Хотя и справедливо, что владелец манора в Киевской Руси, как и в феодальной Европе, имел определенную власть над своими арендаторами, эта власть была менее определена в первом случае, нежели в последнем. И какой бы законной властью ни обладал владелец, она была делегирована ему князем. Мы знаем, что крестьяне (смерды) жили изначально на земле княжеского владения; некоторые из них могли впоследствии обнаружить себя под властью боярина через передачу имения этому боярину князем. Изгой, или вольноотпущенники, расселялись в основном в церковных владениях. Контрактные работники (закупы), равно как и получатели «дарения» (вдачи), были зависимы от владельца манора в значительной степени, но источник их подчинения был скорее финансовым, то есть «капиталистическим», нежели феодальным. Их невзгоды не были результатом «внеэкономического давления».

И еще одним важным обстоятельством было то, что даже если мы назовем изгоя полукрепостным (этого нельзя сделать без подобающих оговорок), то на его долю приходилась лишь часть сельскохозяйственного труда. В дополнение использовались нанятые свободные работники (*наймиты, рядовичи*). И каковыми бы ни были возражения Грекова и историков его школы против понятия киевского общества как «рабовладельческого», рабы были незаменимым фактором киевской экономики. Контрактные работники (закупы) и получатели дарений (вдачи) были фактически полурабам, и их роль должна быть связана скорее с рабовладельческой экономикой, нежели с крепостничеством.

Таким образом, в Киевской Руси не было универсального крепостничества, и социологическая значимость этого факта не может быть переоценена, поскольку именно крепостничество, а не рабство специфично для феодализма по свидетельству самих советских историков.

5. С социальной точки зрения владельцы больших земельных владений в Киевской Руси не могут быть отождествлены без оговорок с феодальными баронами. Как социальная группа они не представляли в киевский период исключительное звено, подобное феодальным владельцам Западной Европы. Владелец манора, русский боярин киевского перио-

да, был обычным гражданином за пределами своей земли. Он подчинялся тем же законам, что и другие свободные, и в городах-государствах, подобных Новгороду, по крайней мере официально, обладал не большим голосом в городском собрании, нежели какой-либо горожанин. Можно согласиться, что жизнь некоторых бояр была защищена двойным вергельдом, но они были лишь группой людей на княжеской службе; к тому же не все владельцы крупных земельных владений были в этот период служилыми людьми князя.

В своем доходе русский боярин киевского периода зависел не только от сельского хозяйства, но и от торговли — в основном внешней торговли. Он, вероятно, мог владеть долей киевской торговли. В этом отношении киевские бояре не отличались от киевского князя. Они сотрудничали — или даже временами соперничали — с обычным классом торговцев и имели ту же долю в речных караванах, что и собственно торговцы.

6. В Западной Европе феодализм появился в условиях так называемого «натурального хозяйства», противоположного «денежной экономике». В определенном смысле и с соответствующими оговорками можно охарактеризовать экономический режим феодальных стран Западной и Центральной Европы, по крайней мере в десятом и одиннадцатом веках, как «закрытые экономики» с экономической самодостаточностью каждого манора. Сельское хозяйство было основным источником национального дохода, и торговля как источник существования и поставок необходимого товара играла для большинства населения лишь незначительную роль. Мы знаем, что в Киевской Руси сельское хозяйство также являлось важной ветвью экономической жизни и что сельскохозяйственное производство было частично организовано на манориальном уровне. Однако нам также известно, что существовали и другие тенденции в управлении сельским хозяйством. Были меньшие, нефеодальные хозяйства; и, я повторяю, в крупных хозяйствах труд совершался в основном наемными работниками и рабами, а не исключительно полукрепостными. Таким образом, крупное земельное хозяйство в Киевской Руси имело, возможно, большее сходство с римской латифундией, нежели с феодальной сенььорией. Важно то, что зерно выращи-

валось в крупных земельных владениях киевского периода не только для потребления жителей имения, но также и для рынка. Суммируя эти замечания, можно сказать, что, хотя сельское хозяйство Киевской Руси было высокоразвитым, это не означает обязательно примата в национальной жизни «натуральной» или «закрытой» экономики.

Более того, сельское хозяйство составляло, как мы видели в большом количестве случаев, лишь один важный источник национального дохода. Торговля, и в особенности внешняя торговля, была не менее значимым фактором в русской экономической жизни. В этом отношении многие из блестящих обобщений Ключевского твердо выдерживают обрушивающуюся на них критику. Торговая экспансия нации сама по себе является важным свидетельством распространения «денежной экономики» (как противоположной «натуральному хозяйству»). Относительно Киевской Руси мы знаем, что деньги и торговля играли очень важную роль. Иностранная торговля была изначальным источником богатства высших классов, если даже впоследствии они оседали на земле. Деньги были доступны для торговых и иных сделок за относительно низкий процент.

Кредит, торговля, хранение товаров, банкротство — всему этому киевское законодательство этого периода уделяло значительное внимание. В области торговли и кредита, равно как и в обороте земли, киевское законодательство питалось византийскими (то есть, по сути, римскими) источниками.

Каким же должен быть ответ на вопрос, поставленный в начале раздела? К какой социально-политической формации должны мы отнести Киевскую Русь? Очевидно, что она не была феодальным государством, по крайней мере типично феодальным государством. Но если она не была таковым, то тогда что она собою представляла?

Мы видели, что первые киевские правители мечтали о создании широкой коммерческой империи, которая подхватит традицию гуннов и хазар и одновременно захватит накопленное Византией богатство. В определенном смысле Киевское княжество выросло на той же почве, что и все кочевые и полукочевые империи, которые контролировали по очереди территорию черноморских степей начиная со скифского периода.

Каждая из них пыталась создать связку между северной и восточной торговлей, с одной стороны, и средиземноморской торговлей — с другой. Хронологически последней среди этих западноевразийских коммерческих империй до формирования русского государства была хазарская. Именно в лоне Хазарского каганата родился первый русский каганат — Тмутараканский. Киевское княжество было создано Олегом и его преемниками с намерением продолжить и расширить торговую и политическую традицию первого каганата.

Именно на этом историческом фоне можно лучше всего понять истоки киевского «торгового капитализма». Но существовало также значительное различие между раннекочевыми и полукочевыми государствами и Киевским княжеством, поскольку большинство населения последнего имело определенное место поселения, вне зависимости от того, составляло ли его главное занятие сельское хозяйство или лесной промысел.

Следует также отметить, что Киевская Русь даже до обращения ее населения в христианство находилась под значительным византийским влиянием, и оно существенно увеличилось после крещения Руси.

В ряде случаев мы уже отметили зависимость киевского режима от римского законодательства. Национальная экономика Римской империи может быть названа в определенном смысле капиталистической; особенность римского капитализма состояла в том, что он, по крайней мере частично, базировался на рабском труде. Римская экономическая система, равно как и римское право, продолжала существовать при различных исторических обстоятельствах и со значительными видоизменениями в Византийской империи. С течением времени тенденции феодализации становились все более и более выраженными в византийском имперском режиме. Но до его первого падения во время Четвертого крестового похода (1204 г.) византийская экономика была, по сути, «денежной экономикой».

Культурно находясь под значительным византийским влиянием, Киевская Русь в экономическом отношении также имела много общего с Византией. Разумеется, мы не можем отождествить киевскую экономику с экономикой Рим-

ской империи или даже византийской без оговорок. Киевский «капитализм» не был столь хорошо сформировавшимся, как римский, и киевская цивилизация, хотя и была блестящей во многих отношениях, не соответствовала по уровню римской. В киевской цивилизации было гораздо больше первобытных элементов, нежели в римской. Оставляя в стороне тот факт, что в киевский период русская сельская жизнь находилась на гораздо более низком культурном уровне, нежели жизнь в городах, многие отдаленные районы Киевской Руси не были затронуты новой цивилизацией вообще.

Россия всегда была и остается страной контрастов, и киевская цивилизация с ее соединением рафинированности и первобытности в этом смысле представляет интересный случай. Мы обязаны связать Киевскую Русь социологически не только с торговой империей кочевников, но также с «капиталистической» формацией, базирующейся на рабстве, высшим выражением которой в классической Античности была Римская империя.

Конечно, элементы феодализма присутствовали и постепенно нарастали с начала двенадцатого столетия. Но, несмотря на определенное ограничение правового статуса некоторых крестьян, в киевский период не существовало всеобщего крепостничества. Этот процесс «запаздывания» крепостничества был, конечно, одной из характерных граней социального и экономического режима, превалирующего в Киевской Руси.

Мы, таким образом, приходим к заключению, что в десятом и одиннадцатом столетиях существовало значительное различие социальных и экономических устоев Киевской Руси, с одной стороны, и Западной и Центральной Европы — с другой. Это различие стало результатом отчасти различного исторического фона, отчасти — следствием несхожести социальных и экономических факторов развития; сказалось и византийское влияние в формировании киевских институтов.

Глава VII Правительство и управление

1. Предварительные замечания

«Повесть временных лет» начинается обещанием автора описать, «откуда пошла русская земля, кто в ней стал первым княжить, и откуда возникла русская земля». Термин «земля» употреблен здесь не в географическом смысле, а в значении «народ» или «государство». Термин «княжить» относится к форме правления. Терминология «Повести временных лет» типична для русской ментальности тех времен.

«Земля» была обычным термином для обозначения государства на протяжении всего киевского периода. Понятие правительства выражалось термином «волость», по-церковнославянски — «власть»; именно в этой форме это слово с соответствующим дополнительным значением употребляется в современном русском языке. Термин «княжение» обозначает правительство в его исполнительном аспекте; он более или менее соотносится с понятием «высшей исполнительной власти». Нужно отметить, что все три термина — «земля», «волость» и «княжение» — не только использовались в абстрактном значении, но и обозначали данное государство и его пра-

вительство. В этом конкретном смысле все три термина почти синонимичны.

К этому перечню основных древнерусских политических терминов можно добавить также «господин». Этот термин употребляли в различных значениях — для обозначения владельца земли, или владельца рабов, или хозяина поместья, а также монарха, носителя верховной власти.

Разнообразие терминов, обозначающих «государство» и «правительство», не случайно в киевский период. Это соответствует природе Киевского государства, которое состояло из нескольких «земель», сначала объединенных под властью киевского князя, а позднее управлявшихся собственными князьями. Каждая «земля» концентрировалась вокруг столицы — «города». Все остальные города в земле считались только «пригородами» — меньшими городами, так сказать. Сельские районы были известны как «волости». Этот термин, в его абстрактном значении обозначающий «власть» и «правительство», а более конкретно — государство или даже данное государство, страну, использовался для обозначения сельского района, потому что он управлялся столичным городом. «Володети» — глагол того же корня — обозначал как «править», так и «владеть».

Таким образом, по существу, каждая древнерусская земля была городом-государством в классическом смысле этого термина. Примечательно, что в скандинавских источниках Русь называется Гардарики («Страна городов»). Поскольку старославянское слово «град» (по-русски «город») обозначало как город, так и крепость, скандинавское название Руси часто толкуется как «Страна замков». С этой интерпретацией едва ли можно согласиться. Не «замки» на Руси должны были произвести впечатление на скандинавских гостей, а ее города. Несомненно, норманны видели больше замков в Западной Европе, чем на Руси, и они производили большее впечатление, поскольку были построены из камня. Но нигде в Центральной и Западной Европе того периода они не могли увидеть так много городов, как на Руси, и особенно нигде на Западе они не могли найти городов, столь влиятельных в политическом отношении.

С приходом Рюрика в Новгород, а позднее — Олега в Киев княжеское господство было наложено на подобную систему

городов-государств. Это внесло элемент индивидуальной власти в правление, но не только. Сила каждого князя заключалась в его личной армии — дружине. С помощью дружины он мог защищать город от любых нападений извне. В то же время, однако, он мог использовать дружину для навязывания своего господства какому-либо городу.

Княжеский двор при поддержке личной армии князя постепенно становился ядром нового управления. Оно представляло собой насаждение представления о наследственном управлении государством и в какой-то мере имело результатом некоторую степень слияния общественного «земельного» права с частным «княжеским» правом. Однако будет ошибкой полагать, что власть князя распространялась исключительно на земельные владения. У нее были также и государственные аспекты, особенно после обращения Руси в христианство и благословения княжеской власти церковью. Но представление о том, что князь является главой государства, а не только господином своих домашних, не было вовсе чуждым для русских даже до обращения. Представление о полновластии князя, должно быть, отчасти явилось следствием хазарского влияния, и примечательно, что хазарский титул верховного правителя — каган — был присвоен русским правителем Тмутаракани, а позднее использовался теми киевскими и черниговскими князьями, которые контролировали или пытались контролировать этот город.

В конце двенадцатого и начале тринадцатого века русские летописцы называли византийским имперским титулом «автократ» (в славянском переводе — самодержец) князя Всеволода III Суздальского и князя Романа Галицкого, но нет свидетельств о том, что кто-либо из них принял этот титул официально.

2. Земли и княжества

Первоначально «земли», из которых состояло Киевское государство, частично совпадали с племенными группами. Так, Киевская земля была населена главным образом поляна-

ми, Новгородская — словенами, а Рязанская — вятичами. Хорваты и дулебы составляли этническую основу соответственно Галича и Волыни. В иных случаях племя было разделено между двумя и более землями. Северяне составляли большую часть населения как в Черниговской, так и в Переяславской землях; кривичи — в Смоленской и Полоцкой землях; дреговичи, которые первоначально концентрировались вокруг города Турова, позднее распределились по Киевской, Полоцкой и Черниговской землям. Суздальская земля была сначала заселена словенами и кривичами. Древляне вошли в состав Киевской земли к концу одиннадцатого века.

Самотождественность каждой из земель, за исключением древлянской, не была утрачена и после включения в состав Киевского государства. Киевская земля находилась под непосредственным господством правящего князя; во всех других землях князь представлял его заместитель, обычно — один из его сыновей, реже — боярин.

После смерти Ярослава земли были распределены и перераспределены между его наследниками, и, вследствие падения авторитета киевского князя, сначала каждая группа земель, а затем и каждая земля стала отдельным княжеством. К концу двенадцатого века окончательно оформились десять земель: Киевская, Новгородская, Суздальская, Рязанская, Переяславская, Черниговская, Смоленская, Полоцкая, Волынская и Галицкая. В каждой из них укрепилась отдельная ветвь дома Рюрика, за исключением Новгорода, где князь избирался из членов княжеской семьи.

Даже после распада Киевского государства не все связи между землями были порваны, и можно сказать, что в целом они составляли нечто вроде свободного объединения — русской федерации.

Не лишним будет рассмотреть постепенное распространение названия «Русь». Происхождение этого названия уже подробно рассматривалось в другом месте¹⁴⁶. Достаточно будет повторить только, что, по мнению автора, оно происходит от иранского слова «рухс» («светлый»), откуда — название и народа рухс-асы, или роксоланы («великолепные аланы»), которые были известны как одно из иранских племен. Это название было позднее принято группой славянских антов. Еще

позднее это название было взято группой шведов, которые обосновались в Азово-Тмутараканском регионе в восьмом веке.

Так начал свое существование русский каганат. Поскольку поселения русо-антов существовали также в Киевском регионе (следует принять во внимание название реки Рось) и поскольку выходцы из старых шведских русов составляли большую часть дружины первых киевских князей, название «Русь» стало идентифицироваться с Киевской землей, а в одиннадцатом веке термин «русин» стал синонимичен понятиям «киевлянин» или «полянин».

С распространением господства киевских князей над всеми антскими и словенскими землями название «Русь» перешло за границы Киевской земли и стало прилагаться сначала к Черниговской и Переяславской, а затем и ко всем остальным землям. Характерно, что в договоре 1229 г. между Смоленском и немецкими городами повсюду упоминаются «русские», а не просто «смоленские люди».

Поскольку в Новгороде избирали князя из членов дома Рюрика, постольку Новгород также считался частью Руси в широком смысле этого слова. Однако сами жители Новгорода всегда называли себя только «новгородцами», а не «русскими», даже в международных договорах, как, например, в договоре 1195 г.

Как мы видели, первоначально каждая русская земля состояла из столичного города, малых городов и сельских районов. В большинстве случаев один и тот же столичный город неизменно сохранял свое главенство с девятого века вплоть до монгольского нашествия; в отдельных случаях, однако, возникло соперничество между двумя и более городами одной земли, усугубляемое, как правило, тяжбой между князьями, в результате чего столица переносилась из одного места в другое. Так, в Суздальской земле древний город Ростов со временем утратил свое главенство по отношению к Суздалию, который, однако, тоже не смог надолго удержать свое старшинство и вынужден был уступить его значительно более молодому городу Владимиру.

С увеличением княжеских семей и с обычаем правящих князей передавать город каждому из своих сыновей в качестве доли в наследстве некоторые из княжеств к началу трин-

дцатого века оказались разделенными на большое количество уделов, и единство земли сохранялось благодаря подчинению «меньших» князей «старшему» и пригородов — столице. Но вся эта структура была не очень устойчивой, и таким образом готовились предпосылки к раздробленности княжеств, достигшей своей высшей точки в монгольский период.

3. Три составные части правительства

В политической мысли эллинистического и римского периодов монархия, аристократия и демократия считались тремя основными формами правления.

Правление русскими землями в киевский период представляло собой смешение этих трех форм. Исторически, как мы знаем, древнерусское правление сочетало в себе город-государство и власть князя. Поскольку сила князя зависела от его дружины, последняя вскоре сама стала влиятельным политическим фактором.

Можно сказать, что князь представлял монархическое начало в Киевской Руси, дружина — аристократическое, а вече — демократическое. В правительстве каждой из русских земель были представлены все три начала, но степень важности того или иного из них варьировалась. В конце двенадцатого века монархическое начало стало доминирующим в Суздальской земле, а аристократическое — в Галицкой. В Новгороде, с другой стороны, демократия в этот период приобрела особо важное значение.

Рассмотрим все три составных части правления одну за другой, начиная с монархической.

Монархическое начало. Князь

«Князь» — это старославянское слово. Оно происходит от древнегерманского *kuning* (на древнескандинавском *koningr*), что означает «царь»¹⁴⁷. Скорее всего, антские и словенские князья шестого и седьмого веков, как и древлянский князь Мал десятого века, были старшинами кланов и племен. Ха-

рактик княжеской власти изменился с появлением скандинавов на Руси.

Олег и его наследники представляли собой иноземный элемент, доминирующий над древними племенами и городами. К середине десятого века в Киеве прочно утвердились новые князья, и постепенно дом Рюрика стал неотъемлемой частью всей русской политической жизни.

Правосудие и военная оборона были теми областями, в которых народ нуждался в князе. В исполнении обеих этих обязанностей князь опирался на помощь дружины, но высшая ответственность ложилась именно на него.

Князь был также главой исполнительной власти и после обращения Руси стал защитником церкви, хотя в тот период у него не было особых полномочий в церковной администрации, поскольку Русская церковь не была автокефальной и митрополит Киевский находился под властью патриарха Константинопольского. Однако некоторые князья готовы были оказывать поддержку той части русского духовенства, которая выступала за большую независимость от Византии. Так, Ярослав Мудрый взял на себя инициативу по созыву Собора русских епископов, который избрал Илариона митрополитом без предварительного подтверждения со стороны патриарха (1051 г.), а век спустя подобным образом поступил Изяслав II (1147 г.).

Представляется, что первые киевские князья считали Русь своей вотчиной, которую они могли завещать и передавать по наследству. Однако после смерти Ярослава Мудрого престолонаследие регулировалось двумя на первый взгляд противоположными принципами: старшинством по рождению и народным избранием¹⁴⁸. Из этих двух второй фактор не действовал, в то время как первый работал беспрепятственно, и так было до середины двенадцатого века. Вступление в престолонаследие каждого из киевских князей в тот период политического мира подтверждалось публичным одобрением как со стороны знати, так и городского населения, что было своего рода формальностью.

Однако даже в этот период население поднимало свой голос всякий раз, когда князь приводил страну к бедственному положению или тем или иным путем притеснял народ. Так,

когда стало ясно, что князь Изяслав I не в состоянии организовать защиту города от половцев, киевляне восстали против него и выбрали своим князем Всеслава Полоцкого (1068 г.). Однако когда последний не оправдал их ожиданий, они снова допустили на трон Изяслава.

Начиная с сороковых годов двенадцатого века киевское вече стало играть более активную роль в избрании князя, выражая поддержку или неодобрение тому или иному кандидату на великокняжеский стол. В целом киевляне отдавали предпочтение Мономашичам (потомкам Владимира Мономаха) против Ольговичей (потомков Олега Черниговского), но в ряде случаев они готовы были признать Ольговича на своих условиях.

Каждый киевский князь в этот период должен был прийти к согласию с вечем. Обе стороны затем «целовали крест», обещая соблюдать условия соглашения. К сожалению, не сохранилось ни одного экземпляра подобного документа, а в летописях есть только краткие упоминания условий таких соглашений. Один летописец записывает, что князь Святослав, сын Олега, который подписал договор за своего больного брата Игоря в 1146 г., согласился сделать должность тиуна (главного судьи) выборной.

Принцип старшинства по рождению как фактор в престолонаследии основывался на волеизъявлении Ярослава, и за ним стоит представление о династических интересах. Управлять Русью считалось не столько прерогативой отдельного князя, пусть даже могущественного, сколько всего дома Рюрика. Каждому из членов дома было дано право на долю в наследстве и на стол в отдельном княжестве, которые распределялись среди князей в соответствии с местом каждого на генеалогическом древе.

Чем выше генеалогическое положение князя, тем более важный и прибыльный стол он мог требовать. Старшему князю давалось право на киевский стол, Чернигов считался вторым по значимости, затем шли Переяславль, Смоленск и Владимир Волынский — именно в таком порядке, согласно воле Ярослава. К концу двенадцатого века некоторые древние города, такие, как Переяславль, утратили свое прежнее значение, а ряд новых, таких, как Владимир Суздальский, возвысились, в результате чего потребовалась корректировка.

Смерть любого князя затрагивала тех, кто владел меньшими городами, а смерть киевского князя затрагивала их всех, служа сигналом к общему перераспределению столов, каждый князь хотел подняться на ступеньку выше на политической лестнице; черниговский князь надеялся переместиться в Киев, переяславский — в Чернигов, и так далее. С увеличением числа князей и разветвлением дома Рюрика эта система постепенно рухнула, поскольку с каждым новым поколением все сложнее и сложнее было устанавливать генеалогическое старшинство, особенно ввиду такого факта, что племянник мог быть, а часто и был, старше некоторых из его дядей. Правда, несколько смягчало ситуацию правило, сформулированное, чтобы предотвратить раздоры, согласно которому старший сын первого брата в княжеском роду генеалогически приравнялся к его третьему дяде (то есть четвертому брату).

При этом, хотя в конце двенадцатого века еще было возможно установить старшинство для каждой ветви дома Рюрика, решить, кто из старших в каждой ветви генеалогически являлся главой всего дома в целом, стало задачей непомерно сложной, а в конечном итоге — бесполезной, поскольку генеалогическое старшинство часто не совпадало с политической силой.

Дом Рюрика, который под властью Владимира, а затем снова под властью Ярослава состоял из единой семьи, теперь стал многолюдным кланом. Социологически укрепление отдельных княжеских ветвей может быть описано как дезинтеграция клана и его распад на отдельные семьи. Что касается дома в целом, то этот процесс оказался затянувшимся и не был завершен даже после монгольского нашествия. Несмотря на реальную эмансипацию отдельных семей, представление о единстве клана, как целого, не исчезло.

Таким образом, к концу двенадцатого века принцип общего генеалогического старшинства вряд ли играл какую-либо роль в наследовании киевского стола, и даже в других княжествах он был заменен родовыми инстинктами и стремлением каждого могущественного князя обеспечить княжение своим наследникам. Запутанность княжеских требований и взаимных претензий вела к распрям и, конечно, междоусобным раздорам и братоубийственным войнам, которые были характерны

для Киевской Руси и серьезно истощали жизнеспособность нации.

В качестве средства против бедствия гражданской войны, как мы видели раньше, время от времени собирались княжеские советы с целью прояснить обоюдные требования и претензии. Самые первые встречи подобного рода собирались по инициативе Владимира Мономаха (в 1097 и 1100 гг.). В конце двенадцатого века несколько подобных советов состоялись в Киеве.

Помимо совета, еще один подход был испробован в конце двенадцатого века на Суздальской земле: установление межкняжеских отношений на основе политического старшинства вместо генеалогического. Как Андрей Боголюбский, так и его брат Всеволод III считали меньших князей, по крайней мере в Суздальской земле, своими «подручниками». Подручники должны были давать обещание быть послушными тому, кто старше их. Поначалу эта тенденция была встречена бунтом со стороны меньших князей, но позднее некоторые из них вынуждены были принять новое установление.

Всеволод III на деле намеревался стать сюзереном меньших князей, к которым он относился как к своим вассалам. Примечательно, что он присвоил себе титул «великий князь», которым пользовались московские князья в четырнадцатом и пятнадцатом веках. Как уже упоминалось, Всеволод выражал готовность принять даже титул «автократа». Это было началом конца социального и политического равенства, на которое первоначально претендовал каждый член дома Рюрика.

При таком положении дел не лишним будет упомянуть, что, хотя название «дом Рюрика» использовалось для обозначения княжеского клана и обычно употребляется историками в этом значении, само название не относится к киевскому периоду. Князья Киевской Руси любили подчеркивать единство клана, говоря, что они «внуки общего деда», но имя Рюрика никогда не упоминалось в этой связи. Обычно прародителем клана считался Ярослав Мудрый. Только в ранний московский период Рюрик был признан основателем династии, давшим ей имя.

Русские князья киевского периода имели общую геральдическую эмблему — трезубец. Он представлен на монетах как

Владимира I, так и Ярослава I, и им пользовались все ветви дома, за исключением суздальских князей, которые заменили трезубец на льва¹⁴⁹.

Аристократическое начало.

Боярский совет

Существует установленная традиция в русских исторических писаниях называть совет бояр «боярской думой». Этот термин, конечно, вполне подходящий, и нет поводов к тому, чтобы его не употреблять, но в то же время следует прояснить то, что он не использовался в Древней Руси, и в этом смысле он оказывается искусственным. С существительным «дума» соотносится глагол «думати», который в современном русском языке означает «думать», а в древнерусском языке имел особое дополнительное значение «совещаться», особенно — обсуждать государственные дела или какие-либо еще серьезные проблемы. Одной из функций князя было совещаться со своими боярами, и «думающий» стало обычным эпитетом того боярина, который являлся членом совета.

Боярский совет был существенным дополнением княжеской власти¹⁵⁰. Ни одно важное решение не могло быть принято князем или исполнено им без согласования с боярами. Именно оппозицией дружины по отношению к новой вере Святослав мотивировал свой отказ принять христианство. С другой стороны, обращение Владимира было одобрено боярами. Бояре также принимали участие в законотворчестве и в кодификации законов. Примечательно, что во вступлении к «Правде» сыновей Ярослава упоминаются имена ведущих бояр наряду с именами князей. Боярское одобрение требовалось также и для заключения международных договоров; например, в соглашении Игоря с Византией (945 г.) подчеркнуто обращение к боярам. Князь советовался с боярской думой по вопросам внутреннего управления.

В определенных случаях дума действовала как верховный суд. Так, когда жена Владимира Рогнеда покушалась на его жизнь, он созвал бояр и предоставил выносить решение им. Между прочим, они посоветовали проявить милосердие. В 1097 г. князь Святополк II советовался с боярами по поводу

подозрения князя Василько в измене. Бояре представительствовали также на межкняжеских советах конца одиннадцатого и двенадцатого веков.

Хотя боярская дума была постоянным институтом, ее компетенция, как и ее функции определялись в большей мере обычаями, нежели законом. Однако если князя выбирало вече, бояре были обычно стороной, выражающей согласие, и, когда подписывался договор между князем и вечем, бояре также давали присягу. Не ясно, подписывался ли в таких случаях отдельный договор между князем и боярами.

В других случаях известно, что князья должны были заключать особые соглашения с боярами. После смерти князя Святослава Черниговского (1164 г.) его вдова хотела сделать так, чтобы их сын наследовал ему. Поэтому она стала совещаться с епископом и старшими членами дружины Святослава. Была достигнута договоренность и дана клятва. Сам факт того, что подобные особые соглашения между князем и боярами были необходимы, является свидетельством отсутствия какой-либо нормативной хартии, благодаря которой прерогативы боярской думы были бы обеспечены раз и навсегда.

Состав боярской думы был столь же неопределенным, как и ее компетенция. Обычай требовал, чтобы князь держал совет только со старыми и опытными людьми. Если князь нарушал это правило, он подвергался суровой критике со стороны, так сказать, общественного мнения. Составитель «Повести временных лет» приписывал трудности последнего периода княжения Всеволода I тому факту, что Всеволод стал «любить образ мыслей младших, советуясь с ними; они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою старшую». Хотя летописец возмущается Всеволодом, которого он извиняет только потому, что тот был стар и болен, но в его поведении летописец не усматривает разрыва какого-либо договора. Очевидно, в тот период никакого договора и не было.

В функционировании боярской думы можно различить внутренний круг и более широкое собрание. В деятельности внутреннего круга принимали участие только ведущие члены дружины («мужи передние»). Этот внутренний совет включал в себя от трех до пяти членов, в его состав входил и тысяцкий. Этот состав был постоянно действующим. Владимир Моно-

мах наставлял своих детей, чтобы те «сидели и советовались» со своими приверженцами каждое утро; несомненно, в этом случае он имел в виду внутренний совет. В каком-то смысле это учреждение было кабинетом князя.

Хотя кабинет считался компетентным для рассмотрения текущих вопросов как законодательства, так и управления, для обсуждения основных государственных дел нужно было созывать пленарное заседание думы. В нем принимали участие не только члены княжеской дружины, но также и бояре со стороны. Группа этих последних состояла из выходцев из семей прежних вождей кланов и племен, а также из новой городской торговой аристократии. В тех городах, которые сохраняли самоуправление, выборные старшины также приглашались на общие заседания, и в десятом и одиннадцатом веках эта группа в думе была известна под названием «старцы градские».

В двенадцатом веке эти две группы смешались под одним названием — «бояре». По-видимому, каждому боярину, связанному со столицей земли, давалось право заседать на пленарном собрании думы, но не известно, всегда ли их всех приглашали. Нет свидетельств, что определенное количество членов думы было ограничено законом, но, возможно, так было по обычаю. Следует заметить, что, в отличие от князей, бояре не образовывали внутренне замкнутого слоя. Благодаря службе в княжеской дружине доступ к боярству был открыт каждому способному человеку, по крайней мере теоретически. В действительности, вероятно, сыну боярина было проще достичь высокого положения в дружине, чем выходцу из простого народа.

У боярина не было обязанности служить князю, и он в любое время мог свободно оставить одного князя и перейти на службу к другому. Даже если ему за службу даровали земли, то земельный надел, который он получал — за исключением Галича в тринадцатом веке, — становился его личной собственностью и не влек за собой обязательств исполнять службу. Таким образом, боярин, будь он членом княжеского совета или несущим службу у князя, не был его вассалом. Это важный момент различия между социальным укладом в Киевской Руси и на Западе в один и тот же период.

Только на Западной Украине проявляли себя определенные феодальные обычаи и установления, что частично было результатом иностранного влияния. В Ипатьевской летописи записано, что князь Болеслав Польский во время его приезда в Волынь в 1149 г. «опоясал многих боярских сыновей» — то есть посвятил их в рыцари.

В Галиче бояре прилагали усилия к тому, чтобы добиться политического равенства с князьями, и в 1212 г. боярин Владислав даже провозгласил себя князем Галича, это единственный известный случай в домонгольской Руси, когда человек, не принадлежащий к дому Рюрика, присвоил себе титул князя. Примерно в то же время некоторые из бояр были назначены правителями галицких городов со всей полнотой княжеской власти, хотя и без присвоения титула князя. В источниках также упомянуты случаи дарования галицким боярам земель в «держание». Все это является ясным свидетельством процесса феодального раздробления Галицкого княжества в этот период. Галицкие бояре пытались утвердить себя в качестве феодальных аристократов.

Демократическое начало. Вече

Городское собрание было всеобщим учреждением в Древней Руси как в больших городах, так и в сельской местности. В крупных городах население каждой из окружающих общин встречалось, чтобы обсудить общинные дела, но помимо этого были также и собрания населения всего города. В этом смысле у каждого древнерусского города было свое собственное вече. Однако собрание в столице земли представляло собой вече в специальном смысле этого термина, то есть вполне развитый политический институт¹⁵¹.

Слово «вече» буквально означает место, где народ говорит о государственных делах. Русское слово «совет» происходит от того же корня, что и «вече». Все свободные горожане имели право принимать участие в собраниях веча. Хотя собрание созывалось всегда в столичном городе, представители пригородов имели право присутствовать там и голосовать. В действительности немногие из них имели возможность это делать из-за удаленности и отсутствия практики оповеще-

ния «малых городов» о таких собраниях. Собрания созывались, как только возникала необходимость; народ собирался на рыночной площади, заслушав глашатаев или звон городского колокола.

Таким образом, по практическим соображениям вече можно определить, с небольшими оговорками, как генеральную ассамблею населения лишь стольного города. Право голосовать имели одни мужчины, и только главы семей. Это не значит, что холостяки принципиально исключались, но голоса неженатых сыновей, живших в отцовском доме, не подсчитывались. Холостяк, живущий сам по себе, являлся членом собрания.

Обычай требовал, чтобы решение было единогласным. Небольшое меньшинство должно было подчиниться большинству. Когда не было четкого большинства, две разошедшиеся во взглядах партии спорили часами и часто развязывали драки. В таких случаях либо не приходили ни к какому решению, либо наконец одна сторона брала верх, и меньшинству приходилось неохотно принимать неизбежное.

Обычно на собрании председательствовал городской глава, но иногда возглавить собрание просили митрополита (как это было в Киеве в 1147 г.) или местного епископа — по-видимому, в тех случаях, когда влиятельная группа горожан находилась в оппозиции главе. Князь мог присутствовать на собраниях, как обычно и бывало, когда он сам созывал собрание. Нередко, однако, оно могло быть созвано группой горожан, недовольных политикой князя. В подобных случаях князь воздерживался от какого-либо участия в собрании. Такие собрания протеста, как правило, собирались на рыночной площади. В обычные времена вече проходило либо на площади перед княжеским дворцом, либо перед кафедральным собором.

Как мы уже видели, вече имело свой голос в решении вопроса о престолонаследии, поддерживая или выступая против кандидата с точки зрения интересов города, и в определенных случаях даже требовало отречения князя, уже находящегося у власти. В обычные времена оно сходилось во мнениях с князем и боярской думой по всем главным вопросам законодательства и общего управления. Реже оно действовало как

верховный суд. В городах, где управление не было во власти князя, вече избирало главу и других представителей городского управления, а также глав пригородов.

Степень влиятельности веча варьировалась в разных городах. Вершин власти это учреждение достигло в Новгороде.

Проблема представительской власти

Русские демократические институты киевского периода относились к классическому греческому типу — к типу непосредственной демократии. Предполагалось участие всех граждан в собрании, и это привело к тому, что граждане стольного города находились в привилегированном положении, поскольку только они физически могли участвовать в вече. Таким образом, стольный город политически доминировал над пригородами. Население последних собиралось для обсуждения местных дел, но такие собрания не имели политической важности. Не было попыток организовать вече на представительской основе, через делегатов как из столицы, так и из пригородов. Не предпринималось также усилий для улучшения функционирования веча столицы, создав городской дом представителей.

Метод непосредственной демократии подходит только для маленьких общин. Аристотель считал, что население города, которым можно хорошо управлять, в норме должно быть около пяти тысяч человек. Население Новгорода было намного больше, и неудобство, о котором предостерегал Аристотель, чувствовалось очень остро, особенно во времена резких политических кризисов.

Если мы обратимся к аристократическим институтам Киевской Руси, то обнаружим ту же невозможность использовать метод представительства. Кабинет князя — тот самый внутренний круг боярской думы — не избирался пленарным собранием. А в общем собрании участвовали не все бояре данной земли, а только те, что связаны со столицей.

В 1211 г. Всеволод III с целью стабилизировать межкняжеские отношения в Суздальской земле созвал собрание, которое ряд русских историков считают прототипом будущих консультативных ассамблей Московского царства, так назы-

ваемый Земский собор. Согласно летописцу, князь призвал к совещанию «всех своих бояр, и живущих в городах, и тех, что живут в сельской местности; епископа Иоанна, и настоятелей, и священников; и купцов, и дворян, и весь народ»¹⁵². Текст довольно туманный, но можно полагать, что «купцы, и дворяне, и весь народ» не были приглашены для участия все вместе, а только через выбранных ими самими представителей. Иначе совещание должно было бы включить в себя все мужское население Суздальской земли, что, конечно же, невысказано. И все же утверждение летописца слишком расплывчато, чтобы позволить вывести из него сколько-нибудь отчетливое заключение.

4. Княжеская администрация

В силу разнородного происхождения древнерусского правительства администрация каждого княжества имела двойственную природу¹⁵³. Некоторые должностные лица получали свои полномочия исключительно от князя, в то время как предполагалось, что другие представляют народ, хотя в действительности тоже назначались князем. Первоначально должностные лица второй категории избирались народом. Эти служащие располагались по рангу в соответствии с математическим принципом. Это были: тысяцкий — глава тысячи, сотский — глава сотни, десяцкий — глава подразделения в десять человек. Происхождение такой системы и ее отношение к организации власти в клане и племени остаются спорным вопросом.

Десятичная система в группировании населения и территориальном делении существовала среди многих народов, включая англосаксонские. Она, вероятно, возникла в связи с примитивной военной организацией. В кампании, привлекавшей к совместным действиям много кланов и несколько племен, она оказывалась предпочтительней с военной точки зрения, поскольку предполагала разделение армии на отряды, равные по составу. При таком порядке задача планирования и проведения военных операций намного облегчалась. Более того,

чтобы проще проводить военную мобилизацию, целесообразно было сохранять разделение живой силы на десятичные отряды и в мирное время. Затем такие десятичные подразделения стали и территориальными делениями, что было удобно для взимания налогов.

Десятичная система подразделений на Руси, возможно, возникла в сарматскую эпоху, но более вероятно, что начало этой системы связано с гуннской империей. Гунны были тюрками с некоторой примесью монголов, а десятичная система представляется старой традицией как тюрков, так и монголов. Название города Тмутаракани может быть использовано в качестве подходящей иллюстрации. Это название, должно быть, происходит от титула тюркского военачальника, разбившего лагерь на Таманском полуострове в 568 г. Тма-Тархан — значит «глава десяти тысяч». Позднее армия Чингисхана была сформирована в соответствии с той же самой десятичной системой. Еще позднее казаки организовывались в отряды по десяткам и по сотням.

И хазары, и мадьяры, видимо, тоже применяли десятичную систему разделения в управлении своими асо-славянскими подданными — как в распределении их войск, так и в сборании с них дани. Не ясно, как эта система была приспособлена к клановому и племенному делению у славян. По-видимому, племя исчислялось как тысяча, клан — как сотня, а семейная община (задруга) — как десяток.

В киевский период в каждом главном городе, то есть в каждой столице княжества, был тысяцкий. Эта должность первоначально являлась выборной, и со временем везде, за исключением Новгорода, князь взял на себя прерогативу выдвижения на нее кандидата. Обычно это положение занимал кто-то из влиятельных бояр, и постепенно среди них возникла тенденция сделать эту должность передающейся по наследству. Так, при Ярославе тысяцким в Киеве сначала был Вышата, а затем его сын Ян. В общем правило это, однако, возведено не было, и системе наследования должности не удалось пустить прочные корни в Киевской Руси.

Хотя тысяцкий и получал должность от князя, он всегда считался командующим городским ополчением («тысячей»), которое противопоставлялось княжеской свите. В некото-

рых случаях он выступал от лица народа, выражая несогласие с князем. К примеру, когда князь Всеволод II Киевский, который принадлежал к ветви Ольговичей в киевской княжеской семье, намеревался завещать киевский стол своему брату, тысяцкий Глеб выразил протест от лица киевлян и настоял, чтобы следующим правителем стал Мономахич¹⁵⁴.

Если тысяцкий пренебрегал мнением народа, горожане призывали его к ответственности за действия, направленные против их интересов, и в некоторых случаях выражали свое недовольство достаточно сильно. Во время киевского восстания 1113 г. простой народ разграбил дом тысяцкого. Между прочим, в тот раз были разграблены и дома сотских, и это указывает на то, что бунтовщики считали их доверенными лицами тысяцкого. Этих городских сотских, находившихся в подчинении тысяцкого, не следует путать с сотскими в сельской местности, которые всегда избирались.

Княжеский двор был собственно центром княжеской администрации. Любой управляющий княжеским имуществом (тиун) также имел право занимать должность в государственной администрации. Главный управляющий (тиун дворский) со временем стал главой финансовой администрации в каждом княжестве. Другие управляющие служили судьями, и сам термин «тиун» постепенно приобретал дополнительное значение «судья».

В местной администрации князь был представлен своим заместителем — посадником. Следует заметить, что термин «посадник» означал также «городской глава»; не следует путать эти два типа посадников. Княжеские заместители выбирались или из числа младших членов дома Рюрика, или из бояр. Они имели право на долю с той дани, которую собирали для князя; собирался также особый налог с населения для обеспечения их существования. Позднее, в ранний московский период, такая система стала известна как «кормление». В этом термине есть доля иронии, потому что в древнерусском языке у него было дополнительное значение — «правление».

Местные общины, как городские, так и сельские, под наблюдением посадника вели свои собственные дела через выборных должностных лиц.

5. Отрасли управления

Финансы

Как мы видели, княжеский двор в Киевской Руси был тесно связан с государственным управлением и главный управляющий князя исполнял обязанности министра финансов. Князь имел право на одну треть годового дохода или, во всяком случае, с дани, которую платили завоеванные племена. Так, княгиня Ольга присвоила одну треть дани, уплачиваемой древлянами; Ярослав, когда он был заместителем своего отца в Новгороде, имел право на одну треть годового дохода; и так далее.

Между прочим, вся княжеская семья в целом — дом Рюрика — должна была обеспечиваться из государственного дохода, и каждый член семьи требовал свою долю в этом доходе. Например, из грамоты, дарованной князем Ростиславом Смоленским епископу этого города (1150 г.), мы узнаем, что определенная часть «дани», собранной в Смоленской земле, принадлежит княжеской жене. Несомненно, подобные соглашения имели место и в других княжествах.

Обычным способом удовлетворения требований членов княжеской семьи было закрепление за каждым определенного района или города для обеспечения их существования («кормления» или «утешения»). Весь годовой доход (или его определенная часть из собранного в том районе) поступал в распоряжение владельца. Именно в этом смысле нам следует толковать замечание летописца, что Вышгород был собственным городом княгини Ольги. Вдобавок к недвижимости, которой подобным образом пользовались члены княжеской семьи, каждый из них мог — а большинство так и поступало — владеть частными земельными наделами по его или ее собственному праву.

В этот период было три основных источника государственного дохода: прямые налоги, доходы с суда и штрафы с преступников за совершение преступления, а также таможенная пошлина и другие налоги на торговлю¹⁵⁵.

Прямые налоги развились из дани, накладывавшейся на завоеванные племена первыми киевскими князьями. Как мы

знаем, в десятом веке князь обычно каждый год вместе со свитой приезжал в завоеванные земли для собирания дани. Это было известно как полюдь. Ольга заменила этот военный способ собирания государственных доходов тем, что установила сеть местных пунктов для сбора дани. Дань таким образом превратилась в постоянный налог, но древнерусский термин «дань» сохранился, и поэтому я буду продолжать пользоваться словом «дань».

Дань собиралась в несельскохозяйственных районах с каждого «дыма» (то есть очага), а в сельскохозяйственных районах — с каждого плуга. Постепенно первоначальные значения обоих терминов утратились, и каждый из них использовался в условном значении как статья налогообложения. Не будет ошибкой указать здесь, что в монгольский и послемонгольский периоды термин «дым» в техническом смысле слова — как статья налогообложения — широко использовался в Западной (литовской) Руси. В Московии эта статья называлась «соха».

В двенадцатом веке общая сумма дани была распределена по платящим налогу районам (погостам), и в каждом из них сам народ через своих сборщиков подсчитывал сумму, которую необходимо собрать с каждого «очага».

Дань налагалась только на сельское население. Большие города были свободны от уплаты каких-либо прямых налогов. Жители мелких городов платили налог, значительно меньший, чем дань, известный как «погородье». В дальнейшем освобождение от налогов имело социальный характер: люди из высших классов («мужи») не платили дани, где бы им ни случилось жить. То же самое представляется верным и по отношению к представителям средних классов («люди»).

С другой стороны, не было освобождения ни территориального, ни социального от уплаты судебных издержек и штрафов. Эти штрафы, особенно за пролитие крови (вира), составляли важный источник государственного дохода, так же как и дань. Вира и остальные штрафы собирались особым должностным лицом — вирником, который вместе с несколькими помощниками объезжал порученный ему район по крайней мере раз в год. Местное население должно было обеспечить этих чиновников пищей и фуражом для их лошадей. Пере-

чень таких продовольственных поставок включен в «Русскую правду».

Налоги на торговые сделки были многообразными. Во-первых, это мыто¹⁵⁶, которое можно в определенном смысле называть «таможенной пошлиной», хотя оно собиралось не на государственной границе, а при подъезде к каждому городу, особенно на мостах — с товара, который везут в повозках, и на речных набережных — с товара, перевозимого на кораблях. По всей видимости, не делалось различия между иностранными и просто иногородними товарами.

Во-вторых, это «перевоз» — пошлина за пересечение реки на переправе или за транспортировку товара по волоку между двумя реками. Был также налог на склады, которые использовались иностранными купцами на рыночной площади («гостинное»), и общий налог купцов, пользующихся рыночной площадью, для содержания последней («торговое»). В дополнение особые платы взимались за взвешивание и измерение товаров на рыночной площади. Наряду с торговыми налогами здесь можно также упомянуть налог на гостиницы («корчмита»).

Армия

Русская армия в киевский период состояла из двух отдельных частей: дружины князей и главных бояр и городского ополчения¹⁵⁷. Дружина не была многочисленной, но зато очень действенной, поскольку это был мобильный корпус, состоящий из крепких, хорошо вооруженных и тщательно подготовленных всадников.

Городское ополчение собиралось только для больших кампаний или в случае опасности, такой, как необходимость отражения внезапного набега вооруженных врагов, как это обстояло с половцами на юге Руси, набега которых можно было ожидать в любое время, несмотря на существовавшие мирные договоры. Горожане не имели достаточного количества оружия и лошадей, и обязанностью князя было снабжать их и тем, и другим. Что касается лошадей, то каждый большой князь держал табун, но эти лошади главным образом предназначались для обеспечения собственных княжеских слуг. Для нужд

городского ополчения лошади реквизировались у сельского населения, особенно у смердов.

У войск ополчения не было определенного состава. По-видимому, каждый крепкий молодой человек, обеспеченный оружием и конем, мог служить в нем, особенно в случае опасности. Согласно доступной информации двенадцатого века, в составе войск ополчения большого города было от пятнадцати до двадцати тысяч человек. В некоторых крупных кампаниях принимали участие также и крестьяне (смерды).

Судя по всему, дружина служила ударной бригадой в бою, и исход кампании часто зависел от ее маневренности и тактического искусства. С другой стороны, некоторые князья использовали городское ополчение в качестве пушечного мяса, если это выражение можно применить по отношению к допушечному времени, — чтобы уберечь своих подчиненных. Типичным явилось объяснение князя Мстислава Тмутараканского после боя, в котором он разбил войско своего брата. Когда он осматривал поле боя на следующий день, он воскликнул с ликованием: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела».

Поскольку основными врагами русских в одиннадцатом и двенадцатом веках были такие превосходные наездники, как половцы, и ввиду того, что войну приходилось вести в степи, кавалерия считалась главным родом войск в русской армии. Однако горожане, даже если их и обеспечивали лошадьми, были плохими наездниками, а дружина была немногочисленна. В связи с этим появилась необходимость использовать тюрок в качестве вспомогательных кавалерийских войск. В южнорусских землях проживало несколько групп разнообразных тюркских племен, которые по той или иной причине находились во враждебных отношениях с половцами. Лучше организованными и заслуживавшими наибольшее доверие среди них были так называемые «черные клобуки» (по-тюркски — «каракалпак»), расселившиеся в регионе реки Рось в Киевском княжестве (см. Гл. VI, 2).

Что касается снаряжения русского воина того периода, то его доспехи состояли из шлема, панциря и щита; обычным оружием были меч и копье; использовались также луки со стрелами, особенно во вспомогательных войсках.

Система снабжения армии была недостаточно хорошо разработана. За войском на марше следовал обоз с повозками, на которые были нагружены палатки, штандарты, тяжелые доспехи и оружие, а также провиант. Однако его было не так много, поскольку, как правило, армия находила себе пропитание в тех землях, через которые проходила.

Охрана правопорядка

В Киевской Руси не было регулярных войск, охраняющих правопорядок. Порядок в княжеском дворце и вокруг него поддерживался младшими членами дружины, в поместьях князей и бояр — управляющими и сторожами. В больших городах, по всей видимости, предотвращать серьезные преступления и бунты вверялось тысяцкому и его подручным. В сельской местности было слишком мало должностных лиц, и задача предотвращения преступлений и ареста преступников, таким образом, ложилась на самих людей. Согласно «Русской правде», если члены местной общины (верви) не в состоянии были опознать или захватить убийцу, они обязаны были совместно заплатить виру, которую тот должен государству за свое преступление.

Средства сообщения

Недостаток хороших дорог всегда был и до определенной степени остается большим местом в русской жизни и народном хозяйстве. Огромные расстояния, суровые климатические условия и нехватка камня объясняют тот факт, что постоянные дороги появились в России незадолго до железных. В Северной России проще было путешествовать зимой на санях, чем летом по дороге, испорченной выбоинами и ямами. Весной и осенью пресловутая русская распутица делала путешествие, по крайней мере на месяц в каждый сезон, почти невозможным, будь то в Северной России или на Украине. По этой причине торговые и прочие путники в Киевской Руси предпочитали путешествовать на кораблях по рекам. Здесь, однако, серьезную проблему представляли во многих случаях пороги и водопады, а волоки, соединяющие один речной путь с другим, являли собой все тяготы сухопутного путешествия.

То немногое, что могли сделать князья в киевский период для улучшения дорог и речных путей, они пытались делать честно. Строились и ремонтировались мосты, когда это было необходимо, волоки выстилались бревнами. Строительство мостов и мощение дорог считались столь важным государственным делом, что ему был посвящен особый раздел в «Русской правде».

Низкий технический уровень того периода давал киевским князьям слабую надежду на то, чтобы сделать днепровские пороги пригодными для плавания. Тем не менее в Северной Руси предпринимались некоторые усилия для того, чтобы улучшить речные пути. В 1133 г. новгородский посадник Иванко Павлович взялся за то, чтобы прорыть канал возле озера Стержа, чтобы улучшить навигацию в бассейне Верхней Волги. Во второй половине двенадцатого века полоцкие князья расчистили Западную Двину и убрали большое количество камней, мешавших навигации¹⁵⁸.

В Киевской Руси не существовало общественной почтовой службы. Когда возникала необходимость, князья посылали свои приказания и письма с гонцами.

Общественное благосостояние

Образование, так же как и забота о больных и бедных, считались в киевский период делом и князей, и церкви. В этой области вряд ли что делалось до обращения Руси в христианство. О политике в области образования речь пойдет в связи с другими вопросами. Здесь же мы кратко остановимся на социальном попечении. В первую очередь следует заметить, что киевское общество было достаточно сплоченным. Каждая семейная община (задруга) и каждая профессиональная община (вервь), по обычаю, брала на себя заботы о своих членах, если они в этих заботах нуждались. Однако с постепенным распадом общин и отделением семьи от задруги новая социальная единица — семья, став меньше, оказалась более уязвимой перед лицом таких бедствий, как война или голод, и поэтому в меньшей степени могла защитить своих членов. Одновременно рост городов и постепенная пролетаризация мелких землевладельцев также имели результатом появление

мужчин и женщин, лишенных постоянных средств существования. Все они нуждались в помощи, и до какой-то степени эту помощь им оказывали князья.

Как мы знаем, Владимир Святой был пионером в этой области, как и во многих других. Даже допуская то, что летописец и биограф преувеличивает христианское усердие князя-неофита, нам следует признать, что именно он положил основание институту общественного милосердия в Киевской Руси. По крайней мере некоторые из его наследников последовали его примеру, и раздача пищи бедным стала неотъемлемой чертой любого важного государственного и религиозного праздника, даже если это и не было продолжительным. По случаю переноса мошей князей-мучеников Бориса и Глеба (1072 г.) больных и бедных, например, кормили на протяжении трех дней. В 1154 г. князь Ростислав Киевский раздал все завещенное ему наследство дяди церквям и бедным людям.

То, что вообще князья считали заботу о бедных частью своих обязанностей, можно увидеть из слов уже упоминавшегося «Почтения» Владимира Мономаха, в котором он советует своим детям: «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу». Церковь, в свою очередь, также много содействовала социальному обеспечению, основывая больницы, дома для престарелых, приюты для странников. Примечательно, что в Киевской Руси врач (лечец) считался одним из «церковных людей», и это означало, что он находился под защитой церкви.

6. Город-государство

Каждое русское княжество киевского периода представляло собой, по политической сущности, комбинацию города-государства и княжеской системы управления. В большинстве случаев власть князя, распространявшаяся на город, постепенно стала ведущей. В Новгороде, однако, исторический процесс шел в противоположном направлении, и роль князя там со временем свелась к функциям посредника и мирного судьи, привлекаемого городом¹⁵⁹. Если история о «при-

звании варягов» заслуживает доверия, то роль, которую новгородцы первоначально предназначали Рюрику, носила именно такой характер. Однако как он, так и его ближайшие преемники явно перешли предназначенные им рамки. На какое-то время Новгород оказался подчиненным княжеской власти.

С перемещением княжеского престола в Киев положение Новгорода еще более ухудшилось. Новгородцы, конечно же, возражали против господствующего положения Киева, отсюда возникло их стремление помогать Ярославу вести войну против его брата Святополка. Помощь новгородцев была неоценимой для Ярослава, и после победы он должен был вознаградить их, даровав им целый ряд грамот, одна из которых представляется первоначальной версией «Русской правды». Примечательно, что уже в самой первой статье этого кодекса провозглашается равенство славян (то есть новгородцев) и русских (то есть киевлян).

После смерти Ярослава стало обычным для киевского князя как главы русского государства назначать старшего сына своим наместником в Новгород. Поскольку этот город был связан грамотой Ярослава, новгородцы сначала не возражали против такого назначения. Позднее, однако, с упадком авторитета киевского князя и усилением соперничества между разными ветвями дома Рюрика новгородцы оказались в том положении, когда они могли делать выбор между несколькими кандидатами на княжение.

В 1095 г. возник раздор между новгородцами и их князем Давыдом, сыном Святослава, в результате чего Давыд на время покинул город. Новгородцы запретили ему возвращаться и сами пригласили на его место другого князя из Ростова. Семь лет спустя, когда князь Святополк II Киевский заявил о своем намерении посадить сына на новгородский стол, к нему явились новгородские посланники с резким сообщением: «Вот мы, княже, присланы к тебе, и сказали нам так: “Не хотим ни Святополка, ни сына его. Если же две головы имеет сын твой, то пошли его...”». В 1136 г., как мы знаем (см. Гл. IV, 7), новгородское вече предприняло решительный шаг к отстаиванию суверенных прав города: и князь, и его новгородская свита были лишены права владеть земельными наделами в границах новгородского государства.

К середине двенадцатого века должность новгородского князя фактически стала выборной, а в 1196 г. привилегия новгородцев избирать себе князя по собственной воле была признана Собором русских князей на том условии, что кандидаты будут отбираться только из числа членов дома Рюрика.

Четыре года спустя, однако, после сурового поражения, нанесенного им князем Всеволодом III Суздальским, новгородцы, обращаясь к нему «господин великий князь», просили его прислать своего сына в качестве князя и, если доверять утверждению суздальского летописца, даже согласились признать Новгород его «отчиной и дединой». Во всяком случае, с того времени большинство новгородских князей избиралось из числа наследников Всеволода. Этот факт, однако, характеризует независимость новгородских прав, которые к тому времени были прочно закреплены, и в 1211 г. Всеволод сам подтвердил старые свободы новгородцев.

Каждый новый избранник, вступающий на княжеский престол, должен был подписывать особый договор с городом Новгородом. К сожалению, от киевского периода не сохранилось ни одного экземпляра подобного соглашения; самый ранний из известных текстов относится к 1265 г. Однако из летописных свидетельств киевского периода можно восстановить по крайней мере четыре важных пункта типичного договора. Один — это запрет (с 1136 г. и далее) на владение земельными наделами в новгородском государстве, наложенный на князя и его свиту. Вторым важным пунктом являлась свобода новгородцев избирать городских должностных лиц без вмешательства со стороны князя (что подтверждено Всеволодом III в 1211 г.). С этим связано и третье положение: у князя не было права увольнять городских должностных лиц без решения веча или судебного разбирательства. Согласно летописям, в 1218 г. князь Святослав объявил на собрании веча, что он решил освободить от должности городского главу Твердислава. Его тут же спросили, какие обвинения он выдвигает против главы. Князь мог только сказать, что тот не нравится ему. Тогда вече вынесло решение, что если на главе нет никакой вины, то его нельзя сместить. И он остался. Четвертый пункт гарантировал вече функции высшего судебного органа; по словам Всеволода III, новгородцы вольны были наказывать преступников.

Государственный суверенитет Новгорода зависел от города, а не от князя. О городе говорили, как о «Господине Великом Новгороде». Высшим органом, через который осуществлялся суверенитет, было вече. У него была своя канцелярия, расположенная в городской «избе», и собственная печать.

Как и в Киеве, в Новгороде вече собиралось либо на площади перед княжеским дворцом («Ярославово подворье»), либо — перед собором Св. Софии. На вече созывали звоном городского колокола, который поэтому и стал символом новгородских свобод. После захвата города великим князем Московским в конце пятнадцатого века его первым же распоряжением был приказ убрать вечевой колокол.

Вече сочетало в себе верховную исполнительную, законодательную и судебную власть. Фактически только главные проблемы исполнительной власти выдвигались на рассмотрение веча, а текущими вопросами управления занимались князь и городской глава. Точно так же судам давались широкие полномочия для исполнения их текущих дел, а вече действовало как верховный суд только в наиболее серьезных случаях, таких, как суд над князем или высокопоставленным городским должностным лицом. Поэтому, вообще говоря, вече было главным образом законодательным учреждением.

Как и в других русских городах этого периода, новгородский гражданин имел право голоса на собраниях веча, и — как и повсюду — для принятия всех решений веча требовалось единогласное одобрение. Чтобы избежать возобновления яростных столкновений между двумя партиями, когда не было подавляющего большинства, в Новгороде появился особый совет, главной задачей которого была подготовка документов для рассмотрения на вече. Этот совет собирался под председательством архиепископа и состоял из трехсот членов, а именно: заместителя князя, высших городских должностных лиц и бояр. Немецкие купцы называли этот совет *Herrenrath* («Совет господ»). По-русски он назывался «Господа»¹⁶⁰.

Со строго юридической точки зрения это учреждение не было высшей палатой, поскольку полномочия веча были неделимы, а только комиссией городского собрания. В практических целях «Господа» оказывали смягчающее воздействие, как это свойственно верхней палате, но их пожелания все-

гда могли быть отклонены вечем. Политическое устройство новгородского государства можно охарактеризовать как демократию, до определенных пределов ограниченную интересами высших классов. Не следует забывать, что отдельные категории населения, такие, как смерды и, конечно, рабы, были полностью лишены избирательных прав.

Двумя главными городскими должностными лицами являлись посадник и тысяцкий. Оба они избирались на вече на короткий срок, точно не установленный, и могли быть переизбраны. Следует заметить, что любой прежний посадник, даже если он не был переизбран, считался значительным лицом и продолжал принимать некоторое участие в управлении новгородскими делами. Все входили в состав «Господ». С начала двенадцатого до середины тринадцатого века пять поколений одной и той же семьи удерживали, с некоторыми интервалами, должность посадника в Новгороде. В начале двенадцатого века этот пост занимал некто Журята. С 1126 по 1134 г. эта должность была у его сына Мирослава, с 1137 по 1175 г. — у сына последнего Якуна, с 1211 по 1219 г. — у сына Якуна Димитрия и на протяжении нескольких лет после 1220 г. — у сына Димитрия Иванко¹⁶¹.

Обязанности посадника заключались главным образом в руководстве городской администрацией. Он также был главным судьей в тяжбах по поводу земли. Что касается тысяцкого, то он являлся командиром городского народного ополчения и главным судьей в коммерческих тяжбах.

Город Новгород можно было бы назвать содружеством, состоящим из пяти автономных общин, каждая из которых находилась в одном из пяти «концов», на которые город был поделен. Эти «концы» назывались следующим образом: Словенский, Плотницкий, Загородский, Гончарский и Наревский. Община каждого «конца» выбирала своего собственного главу, известного как староста; каждый «конец», в свою очередь, составляли «улицы», а те состояли из «рядов». Новгород был, однако, не просто городом; он являлся метрополией государства и распоряжался обширной территорией, простирающейся от Финского залива до Урала и от озера Ильмень до Белого моря и Северного Ледовитого океана. За исключением зерна, эти земли были богаты природными ресурсами и мог-

ли обеспечивать купцов метрополии многими видами товаров для внешней торговли.

Сама метрополия была выгодно расположена с коммерческой точки зрения. Младшим партнером в новгородской торговле был город Псков, добившийся независимости в монгольский период. В киевский период Псков считался находящимся в зависимости «пригородом». Как и любой другой новгородский «пригород», Псков имел местное самоуправление под надзором посадника, назначавшегося новгородским вечем. Жителям Пскова давалось новгородское гражданство, но фактически они участвовали в собраниях столичного веча.

Население других «пригородов» Новгорода находилось в том же положении. В сельских районах было немного людей, имевших новгородское гражданство, и даже те, кто имел — особенно жившие в отдаленных местах, — обычно не могли воспользоваться своим правом голоса. Таким образом, практически люди Новгорода управляли не только самим городом, но и всей новгородской державой. В Новгороде, как и в Риме периода республики, сам город был государством.

Что касается административного деления, то территория новгородского государства была разделена на две части. Западная часть, наиболее близко расположенная к столице, состояла из пяти волостей, которые в более поздний период стали называться пятнами (от слова «пять»). Северная и восточная земли государства, состоявшие из обширных и редко населенных территорий, где жило много коренных племен лапландского и финно-угорского происхождения, были новгородскими колониями.

Пятичастная организация новгородских областей не случайна. Каждая из пяти областей была приписана к одному из концов, а именно: Бежецкая — к Словенскому, Обонежская — к Плотницкому, Шелонская — к Загородскому, Деревская — к Гончарскому и Водская — к Наревскому. Среди обязанностей населения каждой пятны был ремонт уличных мостовых в том «конце», к которому эта пятна относилась. Для этого дела либо набирались рабочие, либо собирались деньги.

Северная и восточная земли, подчиненные Новгороду, состояли из нескольких поселений, из которых наиболее богатой и важной была Двинская земля к северу от города Вологды;

она была известна также как Заволочье (то есть территория за волоком, по которому можно было добраться до реки Северной Двины). Эта колониальная часть новгородской державы управлялась не «концами», а всем городом Новгородом через наместников и других представителей власти, назначавшихся князем по согласованию с посадником. Этим должностным лицам оказывали помощь в исполнении их обязанностей сотники, представлявшее местное русское население, и племенные вожди местных народностей.

Иногда бывало, что население колоний выказывало возмущение по поводу безжалостной эксплуатации его богатств метрополией, а также деспотического поведения представителей новгородских властей. Так, во второй половине двенадцатого века от Новгорода отделился колониальный город Хлынов (известный позднее как Вятка; сейчас — Киров).

Новгород был не единственным городом-государством на Руси в тот период. В случае с Хлыновом, например, точно известно, что после отделения от Новгорода он стал городом-государством в своем праве. Он был организован как демократическая республика¹⁶².

7. Местная община

Местная община («мир») была основной ячейкой в системе древнерусского управления и администрации, как в городе, так и в сельских районах. Но уличные общины не были первичной ячейкой, поскольку в свою очередь они состояли из «рядов». Каждая новгородская уличная община выбирала своего старосту. В Пскове местная община городского района была известна как «сотня», с выборным сотником во главе ее. По всей видимости, подобные местные общины существовали в каждом крупном русском городе в киевский период. Меньшие города составляли отдельную общину каждый.

Об организации местных общин в сельских районах известно менее, поскольку сведения, касающиеся этого вопроса, скудны. По-видимому, такие общины были разного типа. В «Русской правде» упоминается вервь. Этот тип, вероятно,

представлял собой соединение двух или более соседских семейных общин.

С постепенным распадом как семейной общины, так и верви, должно быть, образовывались новые типы сельских объединений; некоторые из них основывались на экономическом сотрудничестве (община сябров), другие были сформированы для распределения и сбора налогов, для чего избирались должностные лица, такие, как сборщики («добрые люди»), сотники и десятники, в качестве ответственных.

8. Поместье

В феодальной Европе поместье было не только экономической единицей, но и важным социополитическим институтом вообще, поскольку хозяин поместья — сеньор — держал в своих руках как административную, так и судебную власть над населением своих владений. В Киевской Руси, где город играл столь важную роль в политической жизни, а прерогативы князя, за исключением Западной Украины, исключали любые попытки части бояр захватить политическую власть, роль поместья, по сравнению с Центральной и Западной Европой, была невелика.

Впрочем, хотя поместье не стало основным институтом в русской социополитической жизни, нельзя отрицать, что к концу двенадцатого и началу тринадцатого века власть хозяина поместья, особенно на Западной Украине, приобрела значительно большие размеры, нежели раньше.

Когда речь заходит о княжеских владениях, то феодальное господство хозяина можно считать не чем иным, как отражением княжеской власти в целом. Поэтому, чтобы лучше уяснить развитие поместья как такового, более целесообразно рассмотреть сперва боярское поместье.

Боярское хозяйство было копией княжеского двора в уменьшенном масштабе. Служащие у бояр, такие, как управляющие (тиуны), упоминаются в источниках. Мы уже видели, что княжеский тиун со временем приобрел административную и юридическую власть даже за пределом двора. Также

и боярский тиун стал, по прошествии времени, чиновником или судьей, поставленным боярином, чтобы вершить правосудие среди жителей боярского владения.

Широкое развитие поместного управления относится, однако, к монгольскому периоду, когда великими князьями предоставлялись неприкосновенные дары многим малым князьям, боярам и монастырям. Принимающий такой дар наделялся юридической и административной властью над населением своих владений, а чиновникам великого князя не позволялось вмешиваться в дела поместных судов. Согласно С. В. Юшкову, боярские имения, видимо, пользовались подобной неприкосновенностью еще в киевский период¹⁶³. Однако ни одной жалованной грамоты подобного характера, относящейся к киевскому периоду, не известно. Сохранилось немного грамот, дарованных епископам и монастырям, но их вряд ли можно назвать дарами с полной неприкосновенностью. Один из таких даров — дар князя Мстислава I новгородскому монастырю Св. Георгия озера Буйцы, видимо, с прилегающей полоской земли (1130 г.). Местность была дарована «с данью, вирой и штрафами»¹⁶⁴.

Последняя цитата требует разъяснения. Вопрос заключается в том, дано ли было монастырю право взимать виру и штрафы, то есть судить людей, или монастырь мог только собирать доход, получаемый из этого источника. По моему мнению, следует принять как раз второе объяснение. Дар со всей очевидностью имел финансовый характер, и грамоту Мстислава следует сравнить с грамотой Ростислава, выданной епископу Смоленска (1150 г.), которая подтверждает дарование церковной десятины от дохода из разных местностей Смоленской земли. В грамоту включен длинный список этих местностей, и указана точная доля епископа от дохода с каждой из них. Источником прибыли являлась главным образом дань, но по крайней мере в одном случае это была вира¹⁶⁵.

Исходя из всего сказанного, можно заключить, что поместная власть боярина над населением его владений была очень ограничена. Юридически она распространялась только на рабов.

Верно то, что, согласно «Русской правде», господина не призывали к ответственности за битье полусвободного работника (закупа), работающего на него, если у хозяина были до-

статочные основания для наказания. Это можно объяснить как право господина вершить суд над его наемными работниками. Однако закон добавляет, что «если господин, будучи пьян, бьет наемного работника без какого-либо проступка со стороны последнего, он [господин] должен заплатить за обиду, нанесенную закупу, столько же, сколько и за оскорбление, нанесенное свободному человеку».

Вольнонаемные работники, конечно же, находились вне поместной юрисдикции господина. Обратившись к княжескому поместью, мы обнаруживаем иную картину, поскольку все население во владениях князя находилось под юрисдикцией князя и назначавшихся им судей. Однако в таком случае князь проявлял свою власть не просто как хозяин поместья, а именно как князь.

В личности князя представляются неразрывно связанными два источника его власти, и бывает непросто определить в том или ином случае, в каком качестве он действует. Характер его господства над рабами, несомненно, тот же, что и у бояр, — собственническое владение. В случае дурного обращения с наемными работниками со стороны княжеских чиновников работники не могли обратиться с жалобой ни к кому, кроме как, видимо, к самому князю, так что их положение в княжеских имениях было с юридической точки зрения еще менее прочным, чем в боярских имениях.

Власть князя над смердами вытекала, как мы уже видели (Гл. VI, 5), из его положения главы государства, но в практическом применении эта правительственная власть сливалась с поместной, и управляющих княжескими имениями, вероятно, мало заботили юридические тонкости. Фактически не только рабы и полусвободные, но также и категория свободных людей подчинялись поместной власти князя.

9. Церковь

С 1037 г. Русская церковь была организована как епархия Константинопольского патриархата. Хотя некоторые русские выступали против такого положения, оно было в неко-

торой степени выгодно церкви, делая ее менее зависимой от местных государственного правительства и политики. Под таким углом зрения Русская церковь в киевский период являлась автономной организацией, своего рода государством в государстве; у нее даже были свои «подданные», поскольку определенные категории людей находились под ее исключительной юрисдикцией. В то же время не только в соответствии с византийской теорией «симфонии» между церковью и государством, но и в качестве действующего организма церковь являлась важным фактором в развитии русского государства и народа в целом, а также и русской экономики. В определенной степени церковная администрация, основанная на принципе строгой субординации, послужила моделью для укрепления княжеской администрации, как, например, в Суздальской земле. Церковь способствовала распространению византийского права на Руси и, заинтересованная в защите собственных прав на дарованные ей земли, способствовала более точному определению понятия собственности. С другой стороны, она внесла некоторые феодальные элементы в русскую социальную организацию, возражая против открытого рабства и поддерживая новую социальную группу — «изгоев», чье положение имело некоторое сходство с крепостными (см. Гл. VI, 8).

Наконец, что не менее важно, церковь через своих руководителей — епископов и настоятелей монастырей — обладала умиротворяющим влиянием на политическую жизнь, имея целью установление мира в межкняжеских раздорах и — особенно в Новгороде — примирение противоборствующих родовых партий.

В тот период главой Русской церкви был митрополит Киевский. Как правило, он был греком, которого назначал константинопольский патриарх.

Епископы номинально назначались митрополитом. Фактически же киевский князь, а позднее и князь каждой из земель, где располагалась резиденция епископа, оказывал значительное влияние на назначение епископа¹⁶⁶. Также и в Новгороде обращались за советом к вечу каждый раз, когда новгородский епископский престол оказывался вакантным. При Владимире на Руси было основано восемь епархий (см. Гл. III, 4).

С уменьшением авторитета киевского князя каждый из местных князей стремился к тому, чтобы обосновать епископство в собственном княжестве. Накануне монгольского вторжения на Русь уже было пятнадцать епархий. С 1165 г. епископ Новгорода носил титул архиепископа. Каждый епископ обладал значительной властью над священниками и другим духовенством в своей епархии. Однако приходской священник часто назначался прихожанами, и епископ обычно подтверждал это назначение.

Русское монашество следовало византийскому образцу¹⁶⁷. На Руси, как и в Византии, не существовало специализации в деятельности монахов, и все монахи образовывали как бы один орден. Что касается их организации, то некоторые из византийских монастырей строились по общинному типу. Братья жили в одном здании, получали от монастыря одежду, питались вместе и трудились под наблюдением настоятеля. В других монастырях каждый монах жил в своей собственной келье.

Первые русские монастыри, очевидно, были именно последнего типа, а общинный устав — такой, как в монастыре Студион в Константинополе, — был впервые введен на Русь в Печерской лавре в Киеве в одиннадцатом веке. Этот монастырь играл важную роль в поддержке христианской морали и образования, и в его стенах была написана первая киевская летопись. Под покровительством князей монастыри быстро распространились по Руси в киевский период, к концу которого их число достигло пятидесяти восьми, к чему нам следует еще прибавить двенадцать женских монастырей. За единственным исключением все мужские и женские монастыри располагались в городах. Это является ярким контрастом по отношению к ситуации, сложившейся в монгольский период (с тринадцатого по пятнадцатый век), во время которого большинство новых монастырей было основано в «пустыне» (то есть в девственных лесах), и, таким образом, им было предназначено сыграть важную роль в колонизации Северной Руси.

Что касается церковного права, то епископ являлся верховным судьей в каждой епархии. Все находящиеся в подчинении церкви люди были под его юрисдикцией по всем вопросам судопроизводства. Тяжбы между представителями церкви и ми-

рянами рассматривал смешанный суд епископа и князя или соответственно их чиновников.

Кроме того, были особые случаи, когда даже люди, не являющиеся представителями церкви, подчинялись юрисдикции епископа. К этой категории относились преступления против церкви и религии, семейные конфликты, а также случаи, связанные с моральными провинностями. Списки подобных дел были включены в так называемые «Церковные уставы», большинство из которых известно только в более поздних и неофициальных списках¹⁶⁸. Мы обнаруживаем в них упоминание о таких преступлениях, как ограбление церкви, срезание крестов (по-видимому, на кладбищах и на перекрестках), кража одежды с тел усопших, а также то, что современному читателю может показаться значительно меньшим преступлением, — привод в церковь собаки или какого-то другого животного, и так далее. Что касается семейных конфликтов и преступлений против морали, то в список занесены следующие случаи: ссора между мужем и женой по поводу собственности; избиение родителей детьми (но не наоборот); супружеская измена; изнасилование женщины или девушки (а если монахини, то это требовало самых высоких штрафов); оскорбление, особенно когда женщину называли «шлюхой», и так далее.

10. Право

В предыдущих главках были кратко рассмотрены некоторые аспекты правозащитной организации в Киевской Руси, такие, как поместная власть князя и бояр, а также епископский суд. Теперь нам следует рассмотреть древнерусскую юриспруденцию в целом (см. также Гл. IX, 10).

Важным фактором в развитии древнерусского права был свойственный ему дуализм¹⁶⁹. Каждое русское племя устанавливало определенные правила социального поведения задолго до утверждения в Киеве князей из династии Рюрика. Князья, в свою очередь, стремились наложить на народ новые, выгодные им правовые обязательства. Социальная единица — об-

шина, клан, город, — с одной стороны, и князь — с другой, таким образом, являлись двумя основными факторами в развитии русского права и законодательства. С обращением Руси в христианство появился и третий фактор: церковь, которая имела в качестве руководства разработанную систему канонического права.

Можно почувствовать влияние всех этих трех факторов, в разной степени каждого, как в организации суда, так и в судопроизводстве. В древнейшей части «Русской правды» — в «Правде» Ярослава — мы обнаруживаем определенное сотрудничество между княжескими судами и народными правовыми институтами. В «Правде» Ярославичей, а также в расширенной редакции «Правды» княжеский суд со всей очевидностью представлен доминирующим учреждением. В Новгороде и Пскове, что засвидетельствовано грамотой каждого из городов, судебная власть князя была ограничена городскими чиновниками.

В русском судопроизводстве киевского периода элемент индивидуальной воли тяжущихся сторон играл очень важную роль, в то время как судья ограничивался наблюдением над спором и уравниванием средств и возможностей спорящих. У процесса не было следственной системы.

Государственные власти не вмешивались в расследование того или иного случая до его слушания. Местная община оказывала поддержку истцу в тех случаях, когда ему трудно было установить личность ответчика. Каждый, потерявший что-либо или ставший жертвой воровства, мог объявить об этом на рыночной площади города. Если пропавшее не обнаруживалось на протяжении трех дней, то любой, у кого обнаруживалось пропавшее по истечении этого срока, считался ответчиком. Если хозяин находил пропавшее в чьем-либо доме, то владеющий этой вещью мог отказаться от обвинения в краже, утверждая, что честно купил ее у третьего лица. Однако он обязан был помогать хозяину в установлении личности продавца. Это осуществлялось посредством так называемого «свода», являвшегося важной чертой средневековой русской досудебной процедуры. Истец и ответчик вместе с достойными доверия гражданами шли к продавцу; если тот не мог объяснить, как ему досталась вещь, его признавали ви-

новным, и он обязан был заплатить за нее. Если он настаивал на том, что честно получил эту вещь от еще одного человека, то все они шли к тому человеку, и так далее, пока не находили виновного. Однако если расследование приводило в другие города, ответчик мог идти только к третьему «своду»: эта третья сторона должна была заплатить убытки, а затем могла самостоятельно продолжать расследование.

Стороны на суде имели в своем распоряжении три способа доказательства: свидетели, обращение к Божьему суду и — для гражданских тяжб — акты, расписки и прочие документы.

1. Согласно «Русской правде», было два рода свидетелей: «видок» и свидетель, объявляющий, что все знает о настоящем деле, — «послух». Более поздние тексты ведут речь только о втором роде свидетелей.

2. В Средние века было несколько способов, посредством которых люди — как считалось не только на Руси — могли открыть Божью волю. Привычным путем приближения к Богу в судебной процедуре была клятва (по-древнерусски — рота), которую давал один из участвующих в тяжбе или свидетель. Еще одним путем обращения к Божьему суду было тяжкое испытание: водой или железом. Клятвы, а также «суды Божьи» известны не только в русском, но также и в немецком праве. Вдобавок немецкое право в отдельных случаях предлагало судебный поединок. Такое установление не упоминается в «Русской правде». Оно составляло, однако, важную черту новгородского и псковского права в более поздний период. На русской почве оно впервые упоминается в договоре, заключенном между Смоленском и немецкими городами в 1229 г. Вероятно, это установление заимствовано из немецкого права. Судебный поединок вовсе не обязательно должен был заканчиваться смертью одного из соперников; как только один из них был сброшен на землю, он признавался побежденным.

3. Что касается актов и прочих документов, они считались абсолютно правомочными, только когда удостоверялись ответственными лицами. В Пскове образцы актов и прочих документов должны были заполняться в архивной конторе собора Святой Троицы.

Несколько слов следует добавить по поводу древнерусского уголовного права. В «Русской правде» зафиксирован переход

от кровной мести к наказанию преступника. Наказание в период «Правды» состояло в наложении на преступника князем денежной суммы в виде штрафа. Примечательно, что «Правда» не приговаривает к смертной казни, а телесное наказание предлагает лишь один раз, и только для рабов. Вероятно, введение смертной казни в русское законодательство четырнадцатого века было результатом влияния, с одной стороны, немецкого права в Западной Руси и, с другой стороны, монгольского права в Восточной Руси.

11. Заключительные вопросы:

о «политическом феодализме» в Киевской Руси

Мы уже приходили к заключению (см. Гл. VI, 12), что в Киевской Руси не было развитого феодализма в западном смысле этого слова, да и не могло быть, поскольку Русь в то время относилась к иной социополитической формации, представляющей собой торговый капитализм, частично базирующийся на рабстве.

Однако даже в киевский период на Руси были определенные элементы, которые можно назвать «экономическим феодализмом»; наиболее важным проявлением в этом смысле был рост поместий.

Теперь рассмотрим проблему «политического феодализма». Существовала ли тенденция со стороны верховной политической власти в Киевской Руси аннексировать земли, сохраняя за прежним владельцем титул и некоторые права? Существовала ли феодальная лестница правителей (сюзерен, вассалы, подвассалы)? Была ли взаимность в соглашениях между большими и меньшими правителями?

Как мы знаем, русскую политическую историю киевского периода можно разделить на две части: период владычества киевского князя над всеми остальными и период разложения Киевского государства. В начале первого — чтобы быть более точным, в первой половине десятого века можно зафиксировать определенные черты политического феодализма в русской политической истории. Русско-византийские догово-

ры 911 и 945 гг. были заключены с русской стороны от имени великого князя русских и всех «славных князей под его рукой». Некоторые из этих подчиненных князей, возможно, были племенными вождями, которые признали сначала Олега, а потом Игоря своими сюзеренами. Позднее власть местных князей ослабла, и со времени правления Владимира I мы не слышим об их существовании, за исключением наследников Владимира. Несомненно, первоначальные местные князья сошли с исторической сцены в процессе укрепления власти единого киевского князя.

Как мы знаем, Ярослав I перед смертью поделил княжескую власть между своими сыновьями, но он старался предотвратить полный распад державы, включив в свое «Завещание» принцип старшинства, которому должны были следовать его преемники. Это был в большей мере генеалогический, нежели феодальный принцип. Действительно, сначала вместо индивидуального главенства старшего брата был установлен триумvirат трех старших братьев; но продлилось это недолго. Затем последовала попытка сохранить, по крайней мере, федеративное единство посредством периодических встреч главенствующих князей. Владимир Мономах, а затем его сын Мстислав были последними из киевских князей, которым удавалось поддерживать единство Киевской державы. После них Киевское государство рухнуло.

Вслед за его распадом некоторые местные князья, а особенно князья Суздаля и Галича, продолжали выдвигать свои претензии на общерусский сюзеренитет, но фактически в тот период любая попытка установить сюзерено-вассальные отношения между князьями могла повлиять на княжеские отношения только внутри отдельных ветвей семейства Рюрика или внутри отдельных княжеств. Тенденция заключалась в том, чтобы использовать семейные взаимоотношения для установления политического понятия о старшинстве среди князей. Так, князь Изяслав II сказал своему дяде Вячеславу, предоставляя ему киевский престол: «Ты мой отец; бери Киев и всю землю; имей все, что тебе любо, а мне дай отдых» (1150 г.).

В Северо-Восточной Руси — чтобы быть более точным, в Суздале — принцип сюзеренитета развился более полно. В 1171 г.

Андрей Боголюбский, князь Владимиро-Суздальский, водворил в Киеве и близлежащих городах трех братьев Ростиславичей, понимая, что они будут следовать его политической линии. В 1174 г., не удовлетворенный их преданностью, он приказал им: «Поскольку вы не послушны моей воле, ты, Роман, убирайся из Киева; ты, Давид, из Вышгорода; а ты, Мстислав, из Белгорода; идите все в Смоленск и делите эту землю, как захотите». Ростиславичи выразили резкий протест, жалуясь, что Андрей обращается к ним не как к независимым князьям, а так, будто они были его вассалами («подручниками»). Достаточно показательно, что брат Андрея и его наследник на владимиросуздальском престоле Всеволод III принял титул великого князя. При таком положении дел мы обнаруживаем прибавление политических определений к генеалогическим. «Ты наш господин и отец», — так обращались князья Рязани к Всеволоду III в 1180 г. И даже князь Владимир II Галицкий писал ему: «Мой отец и господин, помоги мне удержать Галич, и я буду Божьим и твоим со всем Галичем, всегда послушным твоей воле». Можно вспомнить в связи с этим, что дед Владимира II Владимирко признал над собой господство византийского императора в качестве своего сюзерена. Это не означало в известном смысле введение принципа вассалитета в русскую политическую жизнь, но отделяло Галицкое княжество от русской конфедерации, по крайней мере — юридически.

В целом ясно, что с середины двенадцатого века принципы сюзеренитета и политического вассалитета доминировали как в Суздале, так и в Галиче. Здесь нам нужно согласиться, что межкняжеские отношения как в Восточной, так и в Западной Руси развивались в направлении установления феодальной лестницы правителей. Однако нет свидетельств о существовании двусторонних договоров между сюзереном и вассальными князьями. Более того, федеративная идея равенства всех правящих князей не исчезла полностью. Все князья продолжали думать друг о друге как о «братьях». Идея княжеской солидарности была достаточно сильной, чтобы ее сразу вытеснили новые понятия о сюзеренитете и вассалитете. Никто из них не мог забыть, что все они были «внуками одного деда».

Но что еще более важно, ввиду особенностей русской правительственной системы в киевский период княжеское гос-

подство было лишь одним из элементов власти, и никакие перемены в межкняжеских отношениях не могли повлиять на основные принципы города-государства или полностью упразднить авторитет веча. Не только в Новгороде, но также и в Киеве народ в этот период никогда не забывал, что он был наделен основными политическими правами.

«Мы не хотим, чтобы нами распоряжались, как будто бы мы часть имущества покойного князя», — так выражали свой протест киевляне, когда они восстали против князя Игоря Ольговича (1146 г.).

«Ты — наш князь, — сказали киевляне князю Изяславу II, — нам не нужны никакие другие князья из рода Ольговичей».

В Главе VI (12) я рассматривал вопрос о характерных чертах социальной и экономической формации, к которой относилась Киевская Русь, и пытался ответить на него, указывая на определенные сходства между Киевской Русью и Византийской империей, а также — Римской империей. Сейчас мы можем поднять еще один вопрос, а именно: к какой политической категории следует отнести Киевскую Русь? И здесь опять нашим ответом будет то, что есть значительно большее сходство между Киевской Русью и Византией и классической Античностью, чем между Русью и феодальной Европой. Причем сходство у Руси наблюдается прежде всего с республиканским Римом и греческими демократиями. Там, как и на Руси в киевский период, город-государство был центром в политическом отношении. В Италии Рим возвысился до исключительного господства и со временем стал ядром мировой империи. На Руси Киеву не удалось даже в период политического единства занять столь выдающееся положение.

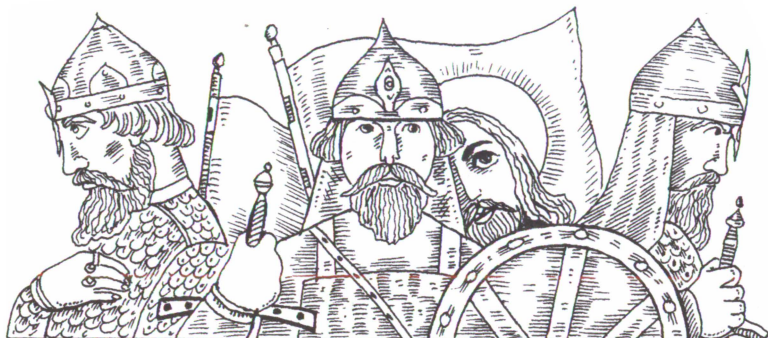
В каком-то смысле каждая из русских земель в киевский период была городом-государством сама по себе, и, таким образом, ее можно сравнить с греческим полисом. И в конце концов один из таких русских городов-государств — «Господин Великий Новгород» — сумел создать собственную колониальную империю, имеющую некоторое сходство с Римской.

В определенном смысле мы считаем нашу собственную цивилизацию наследием классической Античности. Хронологически, однако, в Западной и Центральной Европе вклинивается феодальная эпоха. Только в Византии мы можем видеть

нечто вроде исторического моста от Римской империи к современным государствам, учитывая, конечно, что этот мост постепенно разрушался под феодальным натиском еще задолго до того, как он рухнул: сначала под напором крестоносцев, а затем, после недолгого восстановления, под мощью оттоманов.

По моему мнению, Киевскую Русь можно считать, как в экономическом, так и в политическом отношении, наряду с Византией еще одним продолжением капиталистического строя Античности, противостоящим феодальной эпохе, с той разницей, что, в отличие от Византии, Русь в политическом смысле также следовала греческим демократическим традициям классического периода. Но, как известно, как нет «чистых» рас, так нет и «чистых» экономических и политических формаций: Киевская Русь подобно Византии была открыта для феодализирующих влияний еще до ее крушения, вызванного нападением восточных орд.

Что касается особенностей социополитической и экономической эволюции Киевской Руси — если сравнивать с Западной и Центральной Европой, — можем ли мы назвать это «развитостью» или «отсталостью»? Было ли «отставание» или преждевременное «ускорение» исторического процесса на Руси? Ответ будет зависеть от индивидуальной точки зрения каждого читателя. На взгляд автора, достаточно подчеркнуть тот факт, что в этот период была существенная разница в экономическом и политическом развитии между Русью и Европой.

1. Предварительные замечания

Единство Киевской державы, поддерживавшееся всемерными усилиями, но с умеренным успехом таким выдающимся правителем, как Владимир Мономах, и его первыми двумя преемниками, окончательно рухнуло со смертью Ярополка II в 1139 г. Теперь каждая княжеская ветвь дома Рюрика пыталась обеспечить себе главенство, но ни одна из них не была достаточно сильна или популярна в национальном масштабе, чтобы достичь своей цели. Каждой удавалось контролировать только свое собственное княжество, ресурсов которого никак не доставало, чтобы стать основой для восстановления национального единства. Время от времени князья образовывали временные союзы — одна группа против другой; реже делались попытки создать национальную коалицию для противостояния опасности, такой, как вторжение степных народов. Однако подобные коалиции существовали недолго, и немногие из них добивались тех целей, для которых были сформированы. С реалистической точки зрения Русь этого периода состояла из нескольких разных государств¹⁷⁰.

И тем не менее, несмотря на княжеское соперничество и постоянные междоусобные войны, оставалось слабое ощущение изначального единства Руси как таковой. Постоянно настороженные по отношению друг к другу, князья никогда полностью не утрачивали традиции династического единства и, бывало, время от времени вспоминали, что они были «не мадьярами и не поляками, а внуками общего деда». В том же духе автор великой эпической поэмы «Слово о полку Игореве» призывал к единству русских людей — «русичей», «потомков Дажьбога». Более того, нельзя упускать из виду и роль церкви как объединяющего начала. Даже после того, как княжеский престол в Киеве утратил свой прежний престиж, митрополит Киевский оставался главой над русскими епископами. Также примечательно, что, согласно средневековому русскому закону, когда граждане различных княжеств оказывались не на своей русской земле, то их относили к особой категории, отличной от иностранцев. Их называли в каждой из земель «иногородними» или «иноземными», нерусских же иностранцев — «чужеземцами»¹⁷¹.

Таким образом, с точки зрения психологической даже в этот период очевидного разъединения Руси оставалось нечто вроде федерации, очень непрочной федерации, конечно, но тем не менее это было не просто механическое скопление совершенно независимых государств. Несмотря на это, несомненно, что в то время, как при Ярославе Мудром и даже при Владимире Мономахе центростремительные силы преобладали над центробежными, теперь отношение между ними стало обратным. Каковы были причины этой перемены?

Если мы будем рассматривать только политическую историю этого периода, то у нас, возможно, возникнет соблазн усмотреть первостепенную причину дезинтеграции в межкняжеской борьбе. Однако такой подход будет поверхностным. Как мы знаем, князь в то время не был абсолютным монархом. Его власть ограничивали как боярская дума, так и городское вече. Уместно будет сказать, что его реальная сила имела опору в дружине и самих городах. Без опоры на дружину и финансовой поддержки купцов он был бессилён; а это значило, что если горожане оказывали князю свою поддержку, то они были заинтересованы в его инициативах. Таким образом, не

один только князь нес ответственность за свои войны против любого другого князя. За князем стояли другие, более могущественные силы. Чаще всего межкняжеское соперничество было внешним выражением куда более глубокого соперничества между городами и княжествами.

Мотивы этого соперничества были многочисленны и разнообразны. Прежде всего, не следует упускать этнические разногласия. Это был зачаточный период формирования украинской и белорусской национальностей. Разумеется, различия в языке между разными группами все еще были незначительными, но тенденция вела скорее к расхождению, нежели к объединению. И в этом случае, как и во многих других, язык являлся не чем иным, как символом культурных традиций и обычаев. Противостояние киевского населения суздальским боярам, привезенным в Киев князем Юрием Долгоруким в 1154 г., можно считать одним из первых проявлений русско-украинского соперничества.

С экономической точки зрения важным фактором среди других факторов, подрывающих единство Киевской державы, был рост региональной торговли. В десятом веке Киев играл ведущую роль в торговле с Византией. Однако чтобы удержать первенство в западноевразийской внешней торговле, ему необходимо было контролировать и приазовские земли. С потерей Тмутаракани в конце одиннадцатого века Киев был полностью изолирован от торговли с Востоком. Одновременно половцы угрожали отрезать Днепровский речной путь от Византии. Еще более важно то, что сама Византия стала теперь менее заинтересована в торговле с Киевом. После договора 1082 г. между Византией и Венецией львиная доля морской торговли с Византией стала принадлежать венецианцам, которые со временем организовали свои «фактории» на Черном море.

Захват Константинополя рыцарями во время Четвертого крестового похода и возникновение Латинской империи (1204—1261 гг.) знаменовали конец нормальных торговых отношений между Византией и Киевом. Сухопутная торговля с Богемией и Центральной Германией через Галич частично возместила византийскую торговлю в киевской экономике двенадцатого и начала тринадцатого века. Но теперь другие региональные центры и торговые пути вышли на передний план:

в Смоленске и Новгороде процветала балтийская торговля; Рязань и Суздаль пытались расширить свою торговлю с Востоком через посредничество волжских булгар и половцев. Еще одним важным фактором в распаде Киевской державы стал рост боярского слоя (класса землевладельцев) в каждом из княжеств. Б. Д. Греков вместе с некоторыми другими советскими историками готов даже придать главное значение этому процессу — тому, что они называют развитием феодализма на Руси¹⁷². В сепаратистских тенденциях среди феодальной верхушки они усматривают основную причину падения Киева. Здесь можно возразить, как и во многих случаях, по поводу неверного употребления термина «феодал». Бояре в этот период были почти так же сильно заинтересованы в развитии торговли, как и купцы, и основы сельскохозяйственной экономики оставались в большей мере капиталистическими, нежели феодальными.

С другой стороны, конечно, надо признать, что социальное и политическое развитие отдельных княжеств было важным фактором в новом политическом устройстве. Провинциальное общество быстро развивало свою материальную и духовную культуру, и каждый город и княжество теперь считали себя самостоятельными как в экономическом, так и в культурном отношении. Таким образом, как это ни парадоксально, политическая слабость Руси в этот период явилась частично результатом ее экономического и культурного развития. Если это была болезнь, то она сопутствовала развитию возрастающей демократии. Возможно, что со временем Русь могла бы достичь нового политического и экономического единства на демократической основе, но монгольское вторжение положило конец любым возможностям для разрешения кризиса.

2. Борьба за Киев (1139–1169 гг.)

Тридцатилетний период, последовавший за смертью Ярополка II, был богат драматическими событиями как политического, так и личного характера. Менее бросающимися в глаза, но не менее важными были экономические и культурные изменения за политической сценой.

В экономическом отношении в центре борьбы было удержание торговых путей. Одна группа князей была заинтересована в контролировании центрального сухопутного пути с запада на восток — из Галича в Суздаль. Другая группа неистово пыталась восстановить старый речной путь в Византию — из Новгорода через Смоленск и Киев к Черному морю.

В культурном смысле серьезное значение имела автономия Русской церкви, вопреки ее подчинению Константинополю.

В политическом отношении раздоры между князьями усугублялись вмешательством византийской дипломатии и тесными связями князей каждой из враждующих групп с определенными иностранными силами, такими, как половцы, Венгрия, Византийская и Священная Римская империи.

Русские войны конца сороковых — пятидесятих годов двенадцатого века вписались в общую картину дипломатического и военного конфликта в Европе этого периода, и без этого их значение не может быть понято должным образом. Это был период так называемой «Лиги двух империй», альянса между византийским императором Мануилом Комнином и германским императором Конрадом Гогенштауфеном. Союз был направлен в первую очередь против Венгрии и сицилийских норманнов. Точкой пересечения интересов Византии и Венгрии стал контроль над сербскими делами, в то время как норманны, укрепившись на Сицилии, угрожали подорвать стратегические и коммерческие интересы в Центральном Средиземноморье. Что касается конфликта между Конрадом Германским и Рожером Сицилийским, то он явился результатом вмешательства Рожера в борьбу между гвельфами и гибеллинами в Италии на стороне первых; Конрад, как Гогенштауфен, был патроном гибеллинов, и ему в Германии противостоял дом Вельфов (откуда и произошло итальянское название гвельфов). Обе стороны стремились обеспечить себя максимально возможным количеством союзников. Король Владислав Богемский, как и русские князья Владимирко Галицкий и Юрий Суздальский, поддерживал стороны Лиги двух империй; Владимирко, как уже говорилось, даже признал себя вассалом византийского императора. С другой стороны, Людовик VII Французский поддерживал Рожера Сицилийского, а князь Изяслав II Киевский заключил со-

юз с венгерским королем Гезой. Таким образом, в этот период Киев был дипломатически связан и с Парижем, и с Палермо, хотя и не прямо¹⁷³.

Что касается русской почвы всех этих запутанных событий, то старая вражда между домом Мономаха (Мономашичами) и домом Олега (Ольговичами) усугубилась из-за раскола между самими Мономашичами, из-за чего Ольговичу князю Всеволоду удалось захватить киевский престол вскоре после смерти Ярополка II. Всеволод II (1139–1146 гг.) был искусным и смелым политиком; однако он находился в невыгодном положении, поскольку киевское население считало его самозванцем. Они терпели его на определенных условиях, всегда готовые к тому, чтобы ограничить его власть. В церковной политике он ставил перед собой цель добиться большей автономии Русской церкви и, когда возникла вакансия, попытался устроить так, чтобы епископом был назначен исконно русский, а не грек. В конце концов митрополит Киева Михаил — сам грек — уехал в Константинополь, запретив кому-либо из русских епископов проводить службы (1145 г.).

После смерти Всеволода киевское вече отказалось принимать князей из дома Олега, снова отдав предпочтение Мономашичам. Но среди последних не было единства, и несколько человек из них вступили в соперничество за киевский престол. Главный конфликт возник между Изяславом II (сыном Мстислава I) и его дядей Юрием из Суздаля.

Юрий основывал свои требования на генеалогическом старшинстве; Изяслав — на своей популярности у киевского населения, а также на поддержке тюркских союзников Киева — черных клобуков. Из этих двух князей Изяслав, конечно, был лучшим правителем. Приди он к власти при других обстоятельствах, он мог бы завоевать для себя положение подобное тому, что занимал его отец Мстислав I или его дед Владимир Мономах. Однако он родился слишком поздно для выполнения задачи восстановления главенства Киева. Изяслав II правил с 1146 по 1154 г. с небольшими перерывами, но большая часть его усилий уходила на то, чтобы препятствовать нападениям со стороны Юрия и его союзника Владимира Галицкого. Дважды Юрию удавалось захватить город с помощью половцев (в 1149 и 1151 гг.) лишь для того, чтобы вся-

кий раз быть вытесненным Изяславом, которого поддерживали венгры. Лишь после смерти Изяслава Юрий окончательно вошел в Киев, где он правил три года (1155–1157 г.) до своей кончины.

Изяслав получил в наследство от своего предшественника церковный конфликт с Константинополем. Поскольку он противостоял Константинополю в политическом отношении, у него не было намерений отправиться в Каноссу. Вместо того он совершил смелый шаг, созвав всех русских епископов в Киев для избрания нового митрополита. В то время в Русской церкви было десять епископов: шесть коренных и четверо греков. Последние бойкотировали собор, который, несмотря на их оппозицию, состоялся. Митрополитом был избран Климент Смоленский (1147 г.) — один из наиболее образованных церковных лидеров средневековой Руси. Его, однако, не признал патриарх Константинопольский, и он был со временем отстранен, когда Юрий, как союзник византийского императора, взшел на киевский престол после Изяслава. Было восстановлено полное господство патриарха в делах Русской церкви, и только не ранее середины пятнадцатого века Русская церковь смогла освободиться от опеки Константинополя.

Юрий и его суздальские бояре не были популярны среди киевских горожан, которые после его смерти разграбили его и боярские дворцы. Вслед за ним на короткое время в городе воцарился потомок Давыда Черниговского, но киевляне снова отдали свое предпочтение дому Мономаха — в 1159 г. был приглашен занять престол Ростислав (брат Изяслава II). В своей политике Ростислав I (1159–1167 гг.) скорее следовал Юрию, чем своему брату, стремясь достичь прочного взаимопонимания с Византией как по церковным, так и по политическим вопросам. Родственник византийского императора посетил Киев в 1164–1165 гг. в качестве чрезвычайного посла, и среди обсуждавшихся проблем был вопрос об очищении Днепровского речного пути от половецких отрядов и о возобновлении торгового водного сообщения из Киева в Константинополь. В 1166 г. сам князь во главе нескольких объединившихся князей сопровождал торговый караван вниз по Днепру, и такая же экспедиция повторилась в 1168 г. под предводительством его преемника Мстислава II.

Вероятно, Ростислав был заинтересован в днепровской торговле еще до того, как стал править Киевом, — в те времена, когда он был князем Смоленска. Когда Ростислав стал князем Киева, он был готов соединить смоленские и киевские деловые интересы. По всей вероятности, именно во времена его правления был закончен пересмотр расширенной версии «Русской правды», где так много внимания уделяется торговому праву.

Период процветания Киева длился недолго, и политическое равновесие вскоре нарушилось из-за агрессивной политики князя Андрея Суздальского (сына Юрия). С экономической точки зрения Суздаль находился в положении связующего звена между восточной и балтийской торговлей; этим и объяснялся интерес суздальских князей к контролю за Новгородом. В то же время город был отправной точкой речного пути с севера на юг, от Балтийского к Черному морю, и киевские князья столь же надеялись курировать этот путь, как и суздальские. К несчастью для Киева, единство княжеской семьи разрушилось после смерти в 1167 г. Ростислава, чьи сыновья возражали против правления их двоюродного брата Мстислава II. Андрей Суздальский усмотрел здесь для себя удачный случай и предложил свою поддержку Ростиславичам. 8 марта 1169 г. его мощная армия захватила «мать городов русских», как называли Киев, и беспощадно разграбила его.

3. Равновесие между Восточной и Западной Русью (1169–1222 гг.)

Завоевав Киев, Андрей стал наиболее могущественным из русских князей. Он был надменным человеком, одержимым монархической идеей. Он попытался ввести принцип византийского абсолютизма в русскую политическую жизнь, с одной стороны подрывая институт веча и подчиняя своему сюзеренитету всех остальных князей — с другой. Что касается бояр, то он относился к ним скорее как к своим подчиненным, нежели советникам. Чтобы избавиться от мешавшего ему веча в Суздале, он перенес столицу княжества в новый и меньший

по размерам Владимир; а затем, не желая полагаться и на Владимира, выстроил себе роскошный дворец в ближней деревне Боголюбово, в честь чего и стал называться Боголюбским. Андрей был талантливым и сильным правителем, но он родился на два века раньше, чем следовало; московские летописцы позже восхищались им, но современники Андрея не были готовы разделять его идеи. Он был убит в 1174 г.¹⁷⁴

Очень характерно для Андрея, что он не пошел в Киев после захвата города его войсками, но сделал так, что киевский престол занимали его меньшие князья, которых он считал своими вассалами. Это также было ярким свидетельством конца выдающегося положения Киева.

С точки зрения суздальских интересов более важным было контролировать Новгород, чем владеть Киевом. В 1170 г. Андрей направил армию против северной метрополии. Но это нападение было отражено новгородцами. Легенда приписывает их успех чудесному вмешательству Богородицы. Новгород, однако, в продовольственном отношении зависел от поставок зерна с юга, а поскольку Андрей владел как Суздальем, так и Киевом, он наложил, как мы бы сейчас сказали, «экономические санкции» на непокорный город, который вынужден был запросить мира.

Новгород можно считать северным рынком сбыта для суздальской торговли; южный путь вниз по Волге к Каспийскому морю контролировался булгарами, которые служили посредниками в торговле с Кавказом. Время от времени суздальские князья, вероятно, подумывали о том, чтобы пробить болгарский заслон. Персидский поэт Хакани (ум. 1194 г.) рассказывает историю о дерзком русском набеге на Ширван на Кавказе около 1174 г.¹⁷⁵ Вполне вероятным представляется, что эти русские спустились вниз по Волге из Суздальской земли, прорвавшись через тот участок реки, который удерживали волжские булгары. В связи с этим можно указать на то, что автор «Слова о полку Игореве» около 1185 г. говорит, что князь Всеволод III Суздальский мог «Волгу веслами раскропить». Очевидно, что это намек на речные кампании, предпринятые суздальскими князьями, одной из которых мог быть поход на Ширван в 1174 г.

Несмотря на контроль над Новгородом и Киевом, Андрей не мог распространить свою власть по всей Руси. Чернигов-

ское княжество оставалось независимым, так же как Волынь и Галич. После ухода Андрея с политической сцены во всей стране установилось нечто вроде баланса сил. В центре было достигнуто соглашение между Ольговичами и Ростиславичами, по условиям которого Святослав Черниговский занял киевский престол (как Святослав III) с Ростиславичами в качестве его помощников. На западе могущественный князь Ярослав Осмомысл (сын Владимирко), которым так восхищался автор «Слова о полку Игореве», правил в Галиче до 1187 г. В Волыни прочно утвердились потомки Изяслава II, а в 1199 г. его внук Роман захватил также и галицкий стол, после чего стал хозяином всей Западной Руси.

В Суздальской земле после тревожного периода брату Андрея Всеволоду III в качестве великого князя Владимирского удалось постепенно восстановить политическое единство.

Внимание киевских и черниговских князей в этот период было главным образом сосредоточено на борьбе с половцами. В 1184 г. Святослав III и Рюрик Ростиславич удачно сорвали попытку половцев напасть на Киев. На следующий год один из меньших черниговских князей, Игорь Новгород-Северский, еще с несколькими младшими князьями предпринял смелый набег на кочевников с целью достичь территории Нижнего Дона. Поход кончился катастрофой. Этот эпизод послужил сюжетом знаменитой эпической поэмы «Слово о полку Игореве». В следующие годы борьба против половцев продолжалась с переменным успехом. Между тем Роман Волынский и Всеволод Суздальский соперничали за владение киевским престолом, и каждый пытался посеять недоверие к сопернику среди меньших князей Киевского региона. Однако в 1200 г. Роман — к тому времени уже князь Волыни и Галича — перенес свое внимание на половцев, которые угрожали византийским интересам на Балканах. Князь согласился прийти на помощь византийскому императору, и кочевникам был нанесен суровый удар.

Эффект от победы Романа, однако, был подорван из-за новых распрей среди русских князей. Видимо подстрекаемые князем Всеволодом Суздальским, некоторые из киевских и черниговских князей с Рюриком во главе восстали против сюзеренитета Романа. В союзе с половцами, чьим заклятым

врагом он являлся десять лет назад, Рюрик напал на Киев, который был безжалостно разграблен его союзниками (1203 г.). Согласно летописям, «такое горе еще не постигало Киев за все время с обращения в христианство». Роман отомстил, проведя удачную кампанию против половцев (1204—1205 гг.). Однако он вынужден был пойти на компромисс со Всеволодом Суздальским, и в Киев был посажен новый князь под их совместной опекой. Смерть Романа в битве с поляками (1205 г.) оставила Всеволода самым могущественным из русских князей. Вовлеченный в укрепление своего собственного Суздальского княжества, Всеволод мало вмешивался в киевские дела, позволив своему тезке Всеволоду IV из дома Ольговичей править с 1206 г. Оба Всеволода умерли в один и тот же год (1212 г.).

После этого в Киеве сел Ростиславич Мстислав III, и киевскому народу была дана краткая мирная передышка. И для Суздаля, и для Галича это было тревожное время, поскольку в Суздальской земле возникли распри между сыновьями Всеволода III, а в Галиче — противостояние бояр и князей и интервенция венгров и поляков. С другой стороны, отношения между русскими и половцами отчасти улучшились, и половцы даже помогли Мстиславу Удалому (внуку Ростислава I) изгнать поляков и венгров из Галиции (1221 г.).

4. Защита границы

В период, последовавший за распадом Киевского государства, было бы неверно, в строго юридическом смысле, говорить о границах Руси в целом, поскольку каждое княжество было практически независимым. Однако, как уже было сказано, с более широкой исторической точки зрения есть основания говорить об объединении русских государств в некую этническую и культурную общность, хотя это был и не вполне определенный политический организм. С такой точки зрения пограничная линия между каждым отдельным русским княжеством и иностранным народом могла считаться только частью общерусской границы. Именно под таким углом зрения я собираюсь рассмотреть историю защиты своих границ рус-

ским народом во второй половине двенадцатого и первой трети тринадцатого века¹⁷⁶.

На севере новгородская экспансия рано достигла Белого моря и Северного Ледовитого океана, и, за исключением некоторых локальных стычек между русскими и норвежскими рыбаками, в этом районе не было проблем с защитой границы. На северо-востоке новгородское коммерческое продвижение по направлению к Уральской горной гряде не встречало серьезного сопротивления со стороны местных финских племен. В районе Средней Волги суздальские русские находились лицом к лицу со сравнительно сильным и хорошо организованным государством волжских булгар, с которыми они поддерживали тесные торговые отношения. В военном и политическом смысле положение здесь было стабильным вплоть до начала тринадцатого века, когда суздальские князья заняли агрессивную позицию по отношению к булгарам. Вскоре, однако, монголы решили эту проблему по-своему.

Таким образом, не на севере и северо-востоке, а на юго-востоке и западе русские в киевский период находились перед реальной опасностью опустошительных набегов и временами вынуждены были сражаться за само свое существование.

Юго-восток

С середины одиннадцатого века вплоть до монгольского вторжения в южнорусских степях господствовали половцы. Как и их предшественники печенеги, они не делали попыток создать централизованную империю, которая контролировала бы как степную, так и лесную зоны, вероятно удовлетворяясь пастбищным образом жизни¹⁷⁷. Разведение лошадей и скота составляло основу их национальной экономики, но ханы были не прочь обеспечить себе дополнительные доходы как торговлей, так и войной. В торговле роль половцев оставалась довольно пассивной; они получали доход главным образом с таможенных пошлин и транзитной торговли. Хорезмские купцы в этот период играли ведущую роль в караванной сухопутной торговле, а византийские и венецианские купцы использовали морскую торговлю через крымские порты. По всей вероятности, значительная часть иностранного товара,

попадавшая в половецкие степные земли как с Востока, так и по Черному морю, предназначалась для Руси.

Война в большей мере, нежели коммерция, была свойственна половцам. Однако у них вряд ли была определенная программа далеко идущей военной экспансии. Важной целью борьбы против русских было установление полного контроля над степями, заняв их северную оконечность — то есть лесостепную зону, чтобы предотвратить строительство там русских поселений, таким образом удерживая открытыми для себя ворота на Русь.

Главной целью их постоянных набегов на Русь была добыча. Сначала их интересовало получение живого товара — пленников, которых они обращали в рабов, а потом продавали восточным и венецианским купцам. Хотя их набеги не представляли реальной опасности для независимости Руси, но все вместе они приводили к утечке русских ресурсов и русского народа.

Как мы знаем, сами русские князья из-за их междоусобной вражды облегчали половцам эксплуатацию Руси. В начале двенадцатого века, главным образом благодаря политике Владимира Мономаха, русским удалось нанести поражение основным силам половцев и, по крайней мере на время, ограничить опасность. Однако во второй половине двенадцатого века половцы вновь сконцентрировали свои силы и, пользуясь межкняжескими раздорами, вновь укрепили свои позиции. В 1203 г., как мы знаем, они совершили набег на Киев. На следующий год князь Роман Волынский организовал мощный поход против них, который имел серьезный успех, но смерть Романа в 1205 г. не дала возможности русским должным образом закрепить их победу. В 1210 г. кочевники совершили набег на Переяславскую землю.

В целом, однако, после 1203 г. позиция половцев стала менее враждебной, и их ведущие ханы начали склоняться к тому, чтобы вступить в переговоры с русскими. Князь Мстислав Удалой поддерживал политику дружбы с половцами и опирался на них в качестве союзников против венгров и поляков. В начале тринадцатого века русские были готовы к тому, чтобы установить стабильные отношения с половцами. Монгольское вторжение полностью изменило всю ситуацию.

Запад

Три народа жили на западной границе с русскими в киевский период: венгры, поляки и литовцы. В конце двенадцатого века немцы появились в литовских землях, и вскоре им удалось вытеснить или завоевать часть литовцев, а также их северных соседей — латышей и эстонцев.

Мы вкратце рассмотрим развитие политических и военных событий на русской западной границе. Венгрия принимала активное участие в борьбе между русскими князьями в середине двенадцатого века. Тогда она была союзником Киева и врагом Галича. Поскольку из всех русских княжеств Галич находился к ней ближе всего, вполне естественным было то, что русско-венгерское соперничество возникло из-за проблемы контроля над Галицким княжеством. Во время правления Ярослава Осмомысла (1152–1187 гг.) княжество было достаточно сильным, чтобы отразить любую попытку агрессии со стороны Венгрии, но после его смерти начались раздоры между двумя его сыновьями, один из которых был незаконно-рожденным, в которые вмешался князь Роман Волынский. Законный сын Ярослава Владимир, распутный по натуре, бежал в Венгрию, где король Бела обещал ему всемерную помощь. После этого венгры захватили Галицию, но вместо того, чтобы вернуть ее Владимиру, Бела объявил своего собственного сына Андраша королем княжества. Владимира привезли обратно в Венгрию и заключили в тюрьму.

Сначала король Андраш пытался завоевать расположение своих новых подданных спокойным и справедливым правлением. Однако после попытки второго двоюродного брата Владимира вторгнуться в Галич характер венгерского правления переменился к худшему. Согласно летописцам, в Галиче наступило время террора; русских женщин насиловали, а коней держали в боярских домах и церквях. Тем временем Владимиру удалось бежать из темницы и скрыться в Германии, где он просил покровительства у императора Фридриха Барбароссы. Он обещал Фридриху платить ему ежегодную дань в размере двух тысяч гривен, если тот поможет ему вернуть галицкий стол. Вовлеченный в жестокую борьбу за Палестину, Фридрих не мог оказать действенной помощи, но рекомендовал Влади-

мира князю Казимежу Краковскому, который послал в Галич польские войска для поддержки требований изгнанника. При подходе этой экспедиции галицкий народ восстал против венгров и изгнал короля Андраша (1190 г.). Владимир еще раз занял галицкий стол, но и Андраш не отказался от своих притязаний. С тех пор название этой земли включалось в число владений венгерских королей.

После смерти Владимира князь Роман Волынский захватил Галич с помощью поляков (1199 г.). Роман умер в 1205 г.; его сыновья Даниил и Василько были еще детьми, и правление княжеством взяли в свои руки их мать, вдова Романа, и боярская дума. При таком стечении обстоятельств свою власть на галицкой земле попытался установить киевский князь Рюрик в союзе с черниговскими Ольговичами. Вдова Романа обратилась к Андрашу, теперь уже королю Венгрии, за защитой. С помощью венгерских войск галицкие бояре оттеснили киевские и черниговские отряды.

Однако Ольговичи не сочли дело законченным и заключили союз с поляками. Король Андраш снова вмешался в галицкие дела, и поляки согласились удалиться. В конце концов один из Ольговичей — Владимир, сын князя Игоря Новгород-Северского (известного по «Слову...»), — был приглашен галицкими боярами, чтобы занять стол. Тем временем вдова Романа с двумя сыновьями искала убежища в наследственной вотчине Романа — Владимире-Волынском. Первое, что сделал новый князь, — он послал вестника к старшинам города Владимира с требованием выдать ему всех членов семьи Романа. Несчастливая семья вынуждена была бежать в Польшу, откуда Даниил был отослан в Венгрию, где оказался под покровительством короля Андраша.

Но неприятности в Галиции не закончились из-за продолжавшегося раздора между русскими князьями, а также из-за пересечения интересов поляков и венгров. Каждый из этих двух соседних народов домогался галицкой земли, и, поскольку ни один из них не обладал достаточной силой, чтобы отвергнуть притязания другого, оба удовлетворились политической отделением Галиции от Волыни и удержания этих русских земель в ослабленном состоянии. Игоревичи (сыновья Игоря Новгород-Северского), Владимир и его братья представля-

лись теперь более опасными для венгров, чем сыновья Романа, и венгры помогли ведущему галицкому боярину Владиславу занять Галич от имени Даниила Романовича. Все Игоревичи, кроме Владимира, были взяты в плен и казнены.

Около 1212 г. боярин Владислав был провозглашен князем Галиции — это единственный известный в киевский период случай, когда княжеский титул в одной из русских земель оказался у человека не из династии Рюрика. Даниил и его мать искали теперь покровительства у герцога Лешека Белого в Польше, недовольного приходом Владислава к власти, поскольку он считал его венгерским ставленником. В конце концов Лешек втайне от Владислава решил пойти на сговор с венграми. Было решено, что сын короля Андраша Коломан женится на дочери Лешека Саломее и станет князем Галицким. Город Перемышль отходил к полякам; Владимир-Волынский отдавался Романовичам; Любачев даровался поляку — Сандомирскому воеводе. Боярин — князь Владислав был депортирован в Венгрию и заключен в тюрьму (1214 г.).

Мир в Галиче восстановился, но ненадолго. В результате обращения короля Андраша к папе последний короновал Коломана королем Галиции на том условии, что народ будет обращен в римский католицизм. В результате этого возникло противостояние венгерскому правлению. Затем Андраш нанес Лешеку оскорбление, отобрал у него Перемышль; герцог возмутился и попросил князя Мстислава Удалого Новгородского — впоследствии одного из ведущих русских князей — вмешаться в галицкие дела.

Как только Мстислав подошел к Галичу, местное население приветствовало его как своего спасителя. Венграм не оставалось ничего иного, как бежать. Мстислав был провозглашен галицким князем, и, чтобы узаконить свою власть, он отдал свою дочь Анну замуж за Даниила. Новый правитель готов был считать Лешека своим другом; Даниил, однако, взял на себя обязательство вернуть все волыньские и галицкие города, занятые поляками. Ответом Лешека было возобновление союза с Андрашем Венгерским против двух русских князей. Последние вынуждены были отступить, и Галич в очередной раз оказался оккупированным поляками и венграми.

Зная боевой дух Мстислава, союзники лихорадочно готовились к предстоящей борьбе. Король Андраш послал в Галич мощное подкрепление, состоящее из венгерских и чешских войск под командованием венгерского военачальника Филе, которого галицкая летопись характеризует как «надменного». Филе рассчитывал на легкую победу над русскими. Согласно летописи он нередко говорил: «Много горшков можно разбить одним камнем», «Острый меч и добрый конь — этого достаточно, чтобы победить Русь»¹⁷⁸. Между тем Мстислав заключил соглашение с половцами и подкрепил свои силы их войсками.

Противники встретились у берегов реки Днестра. Битва была жестокой, и сначала казалось, что венгры и поляки берут верх, но в критический момент Мстислав со своими ближайшими сподвижниками и половцами атаковал врага с тыла. Окруженные венгры и поляки храбро сражались до конца; Филе потерял почти всю свою армию, а половцы рассыпались по полю боя, грабя трупы и отлавливая лошадей.

Победивший Мстислав проявил себя предусмотрительным политиком и согласился пойти на компромисс с королем Андрашем. Младший сын последнего, тоже Андраш, был помолвлен с дочерью Мстислава, которой князь назначил Галицкое княжество в приданое. Выясняется, что, идя на это, Мстислав принял во внимание совет галицких бояр (1222 г.).

На следующий год монголы нанесли русским князьям суровый урон на Калке. Это поражение сильно подорвало престиж Мстислава, и его самоуверенность была поколеблена. Он решил умиротворить венгров и позволил Андрашу взять во владение Галич, оставив себе управление Понизьем — районом в Галиции на Нижнем Пруте. Однако после его смерти (1228 г.) подлинный галицкий князь Даниил, сын Романа, предъявил свои претензии на княжество. После продолжительной борьбы с венграми и поляками за контроль над Волынью и Галицией Даниил смог полностью возратить себе отцовскую вотчину. Его усилия в конце концов были увенчаны в 1237 г. установлением своего правления в Галиче.

История русско-венгерских отношений, как это видно из вышеизложенного, тесно переплетена с польской политикой. Поскольку некоторые эпизоды русско-польских отношений уже упоминались в связи с венгерскими событиями,

нам сейчас нужно рассмотреть отношения с Польшей как отдельную проблему¹⁷⁹. История этих отношений в киевский период может быть поделена на два временных отрезка: первый — с конца десятого до середины двенадцатого века, а второй — с середины двенадцатого века до монгольского нашествия. В первый период как Русь, так и Польша были едиными государствами; во второй — каждое из них являлось свободной федерацией без централизованного правительства. В результате в первый период борьба между киевскими князьями и польскими королями была столкновением двух народов; во второй период она носила более локальный характер, и ее наибольшее воздействие испытывали на себе только Волынь и Галиция. В отношении первого периода, как мы знаем, дважды на протяжении одиннадцатого века польские короли пытались завоевать Киев, пользуясь междоусобными раздорами между русскими князьями. Король Болеслав I вошел в город в 1019 г. в качестве союзника князя Святополка I, а Болеслав II захватил его в 1069 г., как покровитель князя Изяслава I. Ни в одном из этих случаев полякам не удавалось надолго установить свою власть в Киеве; оба раза оккупация длилась недолго.

Единству польского государства пришел конец в 1138 г., когда король Болеслав III перед смертью разделил Польшу на уделы между своими сыновьями. Его завещание подобно завещанию Ярослава Мудрого. Во время последовавшей затем борьбы между братьями краковский трон, наделенный национальным престижем, играл ту же самую роль в польской политике, что и киевский — в русской. Из всех сыновей последнего короля Мешко Старый проявил себя наиболее сильным правителем в своем собственном княжестве. Он попытался обуздать аристократию и поддерживал княжескую казну. Его социальная и финансовая политика вела к постоянным столкновениям со знатью. Его младший брат Казимеж Справедливый, наоборот, пытался потакать аристократам и был среди них более популярен, в результате чего ему удалось распространить свой контроль на большее количество городов и провинций, чем кому-либо из его братьев. Но в каждом случае его влияние было слабым.

Как Мешко, так и Казимеж, благодаря бракам их сыновей и дочерей, установили тесные семейные связи со многи-

ми русскими князьями. В силу дружеских отношений в этот период между польскими и западнорусскими княжескими семьями западнорусские бояре не всегда считали поляков иноземцами, а в некоторых случаях готовы были отдать им предпочтение перед русскими князьями. Когда в 1199 г. Роман наконец захватил Галич с помощью поляков, бояре направили депутацию к сыну Казимежа Лешекку Белому, предлагая ему галицкий престол. В этом случае очевидно, что они в большей степени были заинтересованы в своих социальных привилегиях, чем в национальных аспектах правления. Романа боялись из-за его безжалостного урезания привилегий волинских бояр.

Отношения между Романом и Лешекком, дружественные на первых порах, впоследствии испортились по религиозным и личным причинам. Лешек был убежденным католиком, и, вероятно, по его предложению папа направил своих посланников к Роману в 1204 г., которые убеждали его принять римский католицизм и обещали ему покровительство под мечом св. Петра. Ответ Романа, как это было записано в летописях, был достаточно характерным: *«Неужели меч папы похож на мой? Я так долго ношу свой, что мне не нужен никакой другой»*¹⁸⁰. Его высокомерие, должно быть, сильно оскорбило Лешека. Помимо того было и личное непонимание. Лешек помог Роману утвердиться в Галиции для того, чтобы сделать того своим вассалом. Однако здесь он просчитался; Роман, один из ведущих русских князей того периода, не был расположен к тому, чтобы считать кого-либо из правителей своим сюзереном. В конце концов Лешек при поддержке своего брата Конрада из Мазовии предпринял внезапную кампанию против Романа. Последний был застигнут врасплох и погиб в первом же бою (1205 г.).

Как я уже говорил выше, после смерти Романа венгры опять захватили Галицию. Не имея достаточно сил, чтобы противостоять им, Лешек снова обратился к русским, пригласив Мстислава Удалого прийти в Галич. Когда же тот стал достаточно сильным, поляки снова, в свою очередь, выступили против него на стороне венгров, однако, как мы видели, безуспешно. Не смогли поляки помешать и князю Даниилу сесть на галицкий престол в тридцатые годы тринадцатого века.

В целом можно сказать, что в этот период поляки не имели больших возможностей установить постоянный контроль над Западной Русью из-за силы русских и постоянного вмешательства венгров. В этом политическом треугольнике русские смогли сохранить свою землю, несмотря на ряд временных неудач.

Международное соперничество в литовских и восточнобалтийских землях было не менее сложным, нежели в Галиции. Поляки были столь же заинтересованы в литовских делах, как и русские, а вскоре немцы начали свой «дранг нах остен» в Восточную Прибалтику; одновременно как датчане, так и шведы делали попытки проникнуть в Эстонию. В отличие от русских и поляков литовцам не удалось установить у себя политического единства в киевский период. Каждым племенем руководил его вождь, и, хотя иногда два (или более) племени объединялись против иностранного врага, такие союзы были только временными. В двенадцатом веке большая часть литовцев оставалась языческой.

Рассматривая русско-литовские отношения в киевскую эпоху, нам опять следует различать русскую политику в период верхоравенства Киева и во времена федерации. В первый период русские кампании против литовцев (как, к примеру, под командованием Владимира I) имели общенациональные цели; во второй — борьба была локализованной, и только западные русские земли, такие, как Волынь, Полоцк, Псков и Новгород, были непосредственно заинтересованы в литовских и восточноприбалтийских делах.

В целом русские сначала были более агрессивны, нежели литовцы, латыши и эстонцы. Новгородские князья прочно удерживали свое господство над восточной частью Эстонии и северной частью Ливонии (сейчас — Латвии), где, как мы знаем, в одиннадцатом веке был основан русский город Юрьев. Полоцкие князья постепенно расширили сферу своего контроля вниз по Западной Двине вплоть до ее устья. Волыньские князья были не менее активны в подчинении себе соседних литовских племен. Князь Роман, в чьей непреклонной решимости в отношении поляков и венгров мы убедились, известен по летописям своим жестоким отношением к литовским пленникам, которых, согласно легенде, он запрягал вместо быков, чтобы они тянули плуг в его угодьях¹⁸¹.

Однако когда в Восточной Прибалтике появились немцы, литовцы и латыши стали более опасными для русских. В ряде случаев они действовали как вспомогательные войска у немцев. Иногда, не желая подчиняться немцам, они уходили на восток и таким образом в конце концов сталкивались с русскими.

Восточная Прибалтика сначала привлекала немцев с точки зрения коммерческих интересов (с 1158 г.). Вскоре, однако, пришли миссионеры, а за ними и солдаты — для защиты немецкой торговли и немецкой веры. Следует заметить, что первоначальной целью миссионеров было обратить в христианство язычников — латышей и литовцев; позднее, однако, немецкие «крестовые походы» были направлены как против язычников, так и против греко-православных. Около 1186 г. немецкий миссионер Мейнхардт, сопровождавший группу купцов в Ливонию, спросил позволения у полоцкого князя обратить латышских язычников в христианство. Разрешение было получено, и Мейнхардт построил церковь — а со временем и крепость вокруг нее — в Икшкиле в низовьях Западной Двины¹⁸².

Этот первый аванпост германизма в Ливонии первоначально находился под властью Бременского ордена. К концу двенадцатого века на этой территории поселилось уже много немецких паломников. Для того чтобы поддержать быстрое завоевание Ливонии, ее третий епископ Альберт фон Буксхуден посетил правителей Швеции и Дании, а также разных немецких властителей, прося их о помощи. Имея поддержку датского флота, он основал в 1201 г. Ригу. На следующий год он основал орден меченосцев, известный как Ливонский. Его символами были крест и меч, конечно же знаменовавшие немецкую агрессию в Ливонии. В 1207 г. германский император даровал Ливонию епископу Альберту в качестве ленного владения. Епископ, в свою очередь, отдал треть страны меченосцам.

Когда полоцкие князья заявили свои права на всю территорию бассейна Западной Двины, епископ Альберт сначала действовал осторожно, настаивая на том, что его интересы ограничиваются только обращением в христианство местного населения, а не завоеванием территории. У русских на этой реке было две твердыни: Кукенойс, примерно двадцатью пятью

милями выше Икшкиля по течению, и Герцике, приблизительно на полпути между Ригой и Полоцком. Однако русский контроль над соседними литовскими и латышскими племенами был слабым. Предполагалось, что туземцы должны были платить дань, а большим им не докучали. Теперь же как русские, так и немцы требовали от них преданности, и положению местного населения можно было только посочувствовать. Согласно летописям, в некоторых случаях они по жребию решали, какую веру им принять — русскую или немецкую.

Время от времени местные русские князья, находившиеся под властью полоцкого князя, сами были готовы к компромиссу с немцами. В 1207 г. Вячко, князь Кукенойса, прибыл в Ригу и предложил епископу Альберту половину своего города для защиты от коренного населения. Епископ с радостью принял предложение, однако он не смог защитить Вячко от своих собственных последователей — немецких рыцарей, один из которых совершил набег на Кукенойс и взял князя в плен. Хотя по настоянию епископа его вскоре освободили, он потерял доверие к немцам и убил тех, которых послал Альберт в Кукенойс. При подходе немецкой армии Вячко поджег свой город и скрылся в лесу, откуда он на протяжении некоторого времени совершал партизанские вылазки против немцев. Тем временем князь Герцике Всеволод проводил политику согласия с соседними литовскими племенами. Он женился на литовской княжне и помогал литовцам в их набегах на немецкие поселения. В 1209 г. епископ Альберт направил против него экспедицию, которая штурмовала и сожгла Герцике. После этого Всеволод решил признать епископа своим сюзереном и вновь был водворен в эту твердыню в качестве заместителя Альберта.

В 1212 г. епископ одержал свою главную дипломатическую победу, заключив соглашение с полоцким князем, по которому последний отказывался от требования дани с латышских и литовских племен в бассейне Нижней Западной Двины. Вдобавок епископ и князь заключили союз против эстонцев. В том же году псковский князь отдал свою дочь замуж за брата Альберта. Это, однако, стоило ему его стола, поскольку псковский народ, более дальновидный, нежели их князь, не одобрял его миротворческую политику.

Новгородцы, как и псковитяне, осознавали немецкую опасность. В 1212 г. князь Мстислав Удалой осадил литовскую крепость Оденпе к югу от Юрьева и наложил дань на соседние племена. В 1221 г. новгородская армия совершила набег на немецкие поселения на реке Гауя к северо-востоку от Риги. Согласно немецким хроникам, русские разрушили много немецких церквей, сожгли пшеницу в полях и взяли в плен мужчин, женщин и детей¹⁸³. Однако им не удалось захватить крепость Уесес (Венден). Война продолжалась несколько лет, и каждая из сторон причиняла противоположной столько неприятностей, сколько могла. В 1224 г. немцы завоевали город Юрьев и переименовали его в Дерпт. Довольно характерно, что каждая из сторон использовала местное население в качестве вспомогательных войск: в тот период литовцы поддерживали русских, а латыши — немцев.

Одновременно шведы и датчане стали проявлять интерес к Эстонии. С 1219 г. датский король построил крепость Ревель, и, хотя через четыре года он был побежден эстонцами, некоторое время спустя Эстония стала датским владением (1237 г.).

В то время, когда меченосцы и датчане продолжали свое завоевание Ливонии, в Пруссии был создан новый центр германской агрессии — Тевтонский орден¹⁸⁴. Пруссаки, одно из наиболее яростных литовских племен, противостояли любым попыткам со стороны поляков как христианизировать, так и завоевать их. Почти каждый год они предпринимали разорительные набеги на соседние польские земли, особенно на Мазовию. Наконец князь Мазовии Конрад, брат Лешека Белого, решил обратиться к помощи рыцарей Тевтонского ордена, который сначала был организован в Палестине, но затем утратил там свое влияние. Его ставка была перенесена в Венецию, откуда гроссмейстер ордена начал вести переговоры сначала с королем Венгрии, а затем с князем Мазовии, предлагая им помощь в борьбе против врагов каждого из них. Конрад отдал ордену район Хелмно как базу для будущих операций против пруссаков.

Первый отряд тевтонских рыцарей появился в Мазовии в 1229 г. За ним пришли и другие, и вскоре Тевтонский орден был готов начать беспощадную агрессию против пруссаков. Орден был очень умело организован, а дух рыцарей был

чрезвычайно воинственным. Заранее был подготовлен четкий план ведения кампании. Каждый год предполагалось захватывать небольшой район Пруссии. После его оккупации крестоносцами местное население должно было либо уничтожаться, либо выселяться, должны были строиться замки и церкви и селиться немецкие колонисты. Перечень районов, предполагавшихся для завоевания, был составлен в соответствии с общими стратегическими соображениями. Завоевание всей Пруссии потребовало более тридцати лет, и, когда оно было завершено — около 1285 г., — страна оказалась полностью германизирована. Первым из районов Пруссии должен был быть завоеван Торн (Торунь); его захватили в 1231 г.

В 1234 г. папа даровал Тевтонскому ордену район Кульм (Хелмно) и Торн в постоянное владение. Это сделало рыцарей юридически независимыми от князя Мазовии. В 1237 г. был заключен союз между Тевтонским и Ливонским орденами, в котором власть принадлежала первому. Это соглашение сделало Тевтонский орден главной военной силой в Восточной Прибалтике почти на два столетия. Как только завоевание Пруссии подошло к концу, рыцари обратили свою агрессию против других соседей: Руси, Литвы и Польши. Конечно, поступок князя Конрада, пригласившего тевтонских рыцарей в Пруссию, был самой большой ошибкой из всех, когда-либо совершавшихся польскими правителями.

5. Первое появление монголов: битва на Калке (1223 г.)

В начале тринадцатого века отношения между русскими и половцами заметно улучшились. Вскоре, однако, перед половецким ханством встали новые неприятности международного характера, идущие как с юга, так и с востока. Опасность с юга представляли собой сельджуки, которые появились в восточной части Малой Азии в конце одиннадцатого века. Во второй половине двенадцатого века они оттеснили византийцев из центральной части Анатолии. Их положение стало особенно выгодным после Четвертого крестового по-

хода и образования Латинской империи в Константинополе (1204 г.); вслед за этими событиями на окраине Малой Азии возникли два греческих государства локального значения — Никейская и Трапезундская «империи». Ни одна из них не могла служить препятствием для амбиций сельджукских султанов. Трапезундский «император» признал себя вассалом сельджукского султана и согласился платить ему ежегодную дань. Главенствуя над византийцами политически, сельджуки собирались также воспользоваться выгодами греческой торговли и даже расширить ее. В 1214 г. они захватили порт Синоп и стали вести через него анатолийскую торговлю с Крымом, для которой раньше основной базой являлся Трапезунд.

Вскоре султан, возможно по совету византийских и осетинских купцов, решил расширить свой контроль над Черным морем вплоть до крымских портов. Поводом послужили жалобы некоторых купцов, арестованных в Крыму, и в 1221 г. флот с сельджукскими солдатами был послан в Судак (Сугдея). Согласно летописцу Ибн-аль-Биби, жители города выразили свою преданность султану без какого-либо сопротивления и проявили готовность выступить вместе с сельджуками против половцев и русских. Русско-половецкая армия в десять тысяч человек атаковала Судак, но была разбита сельджуками. После этого русский князь направил посланника в ставку командира сельджуков, и между русскими и сельджуками было заключено соглашение. Согласно вполне правдоподобному предположению Якубовского, русский князь, о котором идет речь, видимо, был одним из рязанских князей¹⁸⁵.

Болезненное впечатление, произведенное на половцев захватом Судака, вскоре сменилось новым страхом, вызванным появлением значительно более грозного врага — монголов. Они не были непосредственными соседями половцев на востоке; для того чтобы вторгнуться в половецкие степи, монголам нужно было сначала прорваться сквозь Хорезмскую империю. В двенадцатом веке отношения между Хорезмом и половцами были мирными. Уже говорилось о роли хорезмских купцов в половецкой торговле. В начале тринадцатого века Хорезм стал мощной империей во главе с шахом Мухаммедом (1200—1220 гг.). К концу его правления власть шаха признали большая часть Туркестана, Северная Персия

и Азербайджан. Вполне можно было ожидать, что он со временем попытался бы расширить свою империю до Черного моря. Однако прежде, чем он смог это сделать, появились монголы и стали причиной падения самого шаха и его державы.

Истоки Монгольской империи и причины монгольской экспансии будут рассмотрены в следующем томе настоящего труда*. Достаточно будет сказать здесь, что монгольский союз впервые был образован общим собранием монгольских кланов (курултай) в 1206 г. После этого один из монгольских клановых вождей, Темучин, был провозглашен верховным владыкой (Чингисханом). Его первый поход был направлен против Китая; Пекин сдался в 1215 г. В 1218 г. Чингисхан предложил договор о дружбе и свободной торговле Мухаммеду, шаху Хорезма. Ответом последнего стало убийство монгольских посланников. На следующий год Чингисхан сам повел свои армии в Туркестан, и Хорезмская империя развалилась на куски.

При таких обстоятельствах Чингисхан не намеревался вести какие-либо постоянные завоевания земель к западу от Туркестана. Однако он послал сильный кавалерийский корпус под командованием двух своих наиболее одаренных военачальников Джэбе и Субэдея провести разведку в «западных землях». Они прошли по южному берегу Каспийского моря, проникли в Закавказье, разбили грузинскую армию, а затем, продвигаясь на север вдоль восточного берега Каспийского моря, нанесли поражение осетинам на Северном Кавказе и вошли в землю половцев, после чего направились в Крым. На Дону бродники дали монголам клятву верности.

Половцы обратились за помощью к русским.

Несколько ханов, среди них и Котян, тесть Мстислава Удалого, явились сами просить о помощи. «Сегодня татары (монголы) захватили нашу землю, — убеждал Котян, — завтра они возьмут вашу»¹⁸⁶. Под влиянием Мстислава несколько русских князей согласились на союз с половцами против монголов. На военном совете русских князей было решено не ждать прихода татар, а атаковать их глубоко в половецких степях. Помимо Мстислава Удалого следующие крупные князья согласились принять участие в кампании: Мстислав III Киевский,

* См.: Г. Вернадский. Монголы и Русь. — М., Ломоносовъ, 2014.

Мстислав Черниговский и молодой Даниил Волынский. Могушественный великий князь Суздаля отказался сам явиться на помощь южнорусским князьям, но с некоторым запозданием прислал своего племянника, ростовского князя, с отрядом войск.

Объединенные силы южнорусских князей спустились вниз по Днепру к острову Хортица, который был избран в качестве базы для ведения степной кампании; здесь половцы присоединились к русским. На этом начальном этапе экспедиции русских встретили монгольские посланники, предложившие князьям монгольско-русский союз против половцев. К тому времени русские определенно находились во взаимодействии с половцами и не могли принять предложения монголов. Вопреки всем военным традициям князь приказал казнить посланников, даже несмотря на то, что они были (по моему мнению) христианами несторианского вероисповедания¹⁸⁷.

Первая стычка произошла на берегах Днепра. В этом авангардном бою Мстиславу Удалому удалось разбить отряд монгольских войск. Результат этой победы оказался неблагоприятным, поскольку дал русским преувеличенное представление о собственных силах. Переправившись через Днепр, их армии шли по степям восемь дней, прежде чем встретились с основными монгольскими силами на берегах реки Калки. Не было единства в командовании русско-половецкой армии и даже в самой русской армии. Не посоветовавшись с киевскими и черниговскими князьями и не дождавшись того, чтобы их армии подготовились, Мстислав Удалой и половцы атаковали монголов. Последствия были губительными. Согласно летописям, монголы первыми разбили половцев, и их паническое бегство внесло замешательство в ряды русских. В любом случае силы Мстислава Удалого и остальных русских князей, включая Даниила Волынского, были полностью дезорганизованы; Даниил был ранен в бою. Мстислав и Даниил поскакали назад к Днепру с небольшим количеством воинов. Несколько других князей, включая Мстислава Черниговского, погибли во время этого бегства. Тем временем третий Мстислав — киевский князь — решил остаться в своем прочно укрепленном лагере. На протяжении трех дней монголы атаковали лагерь, но так и не смогли взять его. Затем они предложили Мстисла-

ву отпустить его за выкуп невредимым вместе с армией в Киев. Воевода из бродников Пლოსкия, который присоединился к монголам, поклялся от их имени, что условия соглашения будут строго соблюдаться. Вместо того, как только русские потеряли бдительность, монголы обрушились на них и истребили всех, кого могли. Мстислав и два других князя были захвачены живьем, их положили на землю, настелили на них доски, на которые монгольские военачальники сели за победный пир. Злосчастные князья были задушены. Следует помнить, что, согласно монгольской традиции, царская кровь священна и ее нельзя проливать. Печальная ирония в том, что русским князьям в этом случае были оказаны должные «почести».

Узнав о несчастье, приближающиеся ростовские войска повернули обратно на север, радуясь хотя бы тому, что избежали кровопролития. После своей победы монголы стали преследовать остатки русских армий, двигаясь на запад к Днепру, разрушая города и деревни, убивая и захватывая в плен жителей. Однако монгольским военачальникам не было дано приказа остаться на Руси, и вскоре они были отозваны назад Чингисханом, который посчитал, что задача разведывательного похода на запад удачно решена. Монгольская армия возвращалась на восток через земли волжских булгар. Последние отказались признать над собой власть Чингисхана и даже нанесли серьезное поражение войскам Джэбе и Субэдея на их марше. Этого монголы не смогли забыть, и тринадцать лет спустя перед тем, как напасть на Русь, они завоевали булгар.

Внезапное появление монголов в 1223 г. и их не менее внезапное исчезновение прибавили загадочности к горечи русского поражения. Как записал летописец: «Мы не знаем, откуда эти злые татары пришли, и куда они ушли; только Бог знает»¹⁸⁸.

6. Время истекло (1223–1237 гг.)

Если мы оглянемся на четырнадцатилетний временной промежуток между битвой на Калке и вторжением Батыя, то, будучи на девятьсот лет мудрее, не сможем скрыть того чув-

ства, что Русь жила на время, как бы взятое в займы, не вполне отдавая себе в этом отчет. Мы не знаем, предпринималась ли русскими князьями какая-нибудь попытка провести разведку за Волгой и Каспием, зато известно, что русские интересовались азиатскими делами и пытались почерпнуть информацию об Азии из книг. Именно в этот период на русский язык была переведена история о «Пресвитере Иоанне»¹⁸⁹. Книга рассказывает о некоем христианском царстве в Центральной Азии, откуда Европа ожидала помощи против левантских мусульман. Легенда основывалась на реальном факте обращения в несторианство ряда монгольских и тюркских племенных вождей в двенадцатом веке. Конечно, никто не был достаточно силен, чтобы сдержать прилив монгольского вторжения. Если русские поверили в эту легенду, то им вскоре пришлось испытать горькое разочарование.

Новость о поражении, которое нанесли монголам волжские булгары, должна была подбодрить русских, показав им, что пришельцы с Дальнего Востока не были непобедимыми. На самом деле волжские булгары и половцы представляли собой тонкий заслон, едва ли способный защитить Русь от недавних пришельцев, но представляется, что русские и не думали о том, что им нужен такой заслон, по крайней мере — в лице волжских булгар, против которых суздальские князья вели упорную борьбу в этот самый период. Однако отношения с половцами продолжали оставаться дружественными.

Так как киевский и черниговский князья погибли в битве на Калке, на их престолах произошли изменения. Новые князья, Владимир III Киевский и Михаил Черниговский, следовали руководству князя Галицкого, Мстислава Удалого. Таким образом был основан союз Киева, Чернигова и Галича, хотя это и был свободный альянс, который также имел поддержку от половцев, руководимых ханом Котяном.

Северо-Восточная Русь сформировала самостоятельный политический организм, особенно с того времени, когда суздальским князьям удалось держать Новгород под своим контролем. Двое сыновей Всеволода III тесно взаимодействовали друг с другом: Юрий II был великим князем Владимира (с 1217 г.), а Ярослав — князем Новгорода (с 1222 г.). Совместными усилиями они пытались осуществить общий план эконо-

номической политики, целью которой было обеспечить использование торгового пути от Балтийского моря к Средней Волге. Юрий взял на себя заботу о юго-восточном конце этого пути, пытаясь разрушить барьер, которым являлось государство волжских булгар. В качестве предварительной меры он попытался отделиться от булгар и завоевал финское племя — мордву. Он выстроил важную крепость на месте слияния Волги и Оки и назвал ее Нижний Новгород, что достаточно характерно. Одновременно князь «верхнего» Новгорода Ярослав сосредоточил свое внимание на усилении контроля над Прибалтикой. Он совершил набег на землю Ям (то есть северное побережье Финского залива) и в 1227 г. установил свое господство в Карелии, обратив ее население в христианство. Он также проявлял бдительность в отношении немецкого вторжения.

Тем временем политическое равновесие в Западной Руси было временно нарушено из-за смерти Мстислава Удалого (1228 г.). Но вскоре молодому князю Даниилу (сыну Романа) удалось восстановить порядок на Волыни, а затем и установить свое господство в Галиции (1237 г.). Таким образом, накануне монгольского вторжения политическая ситуация на Руси вполне стабилизировалась. Хотя между князьями и не было полного единства, существовало два региональных альянса — северо-восточный и юго-западный. Была также исключена опасность половецких набегов, по крайней мере на тот момент, благодаря дружеским соглашениям с половецкими ханами.

Таким образом, представляется, что полностью была подготовлена почва для постепенного восстановления всерусского союза; во всяком случае, политическая ситуация выглядела значительно лучше, чем в конце двенадцатого века. Однако надпись уже была на стене, хотя русские и не видели ее. Вскоре монгольское вторжение разбило на куски всю политическую и экономическую структуру Киевской Руси.

1. Предварительные замечания

В истории каждой нации существуют периоды, когда национальная культура является в определенном смысле общей и однородной, поскольку основы духовной жизни едины во всех классах общества. Такие периоды можно назвать монистическими стадиями в истории культуры.

Монистические стадии чередуются с периодами перемен, когда старые культурные основы заменяются новыми, в результате чего на первый план выходят внутренние противоречия и возникает дуализм или даже плюрализм. Чаше всего этот процесс усугубляется социальным размежеванием, так как культурная жизнь высших и низших классов нации следует разным тенденциям. Такие периоды можно назвать дуалистическими или плюралистическими стадиями истории культуры. Они скорее динамичны, чем статичны.

В истории русской цивилизации перемежающаяся последовательность монистических и плюралистических стадий видна так же ясно, как и в истории любой другой нации, если не яснее. Московский период — до раскола в Русской церкви в сере-

дине семнадцатого века в связи с движением староверов — совершенно очевидно является периодом культурного монизма. Православие, в его особой московской форме, являлось тогда основой основ для всех классов общества. Церковный раскол семнадцатого века и последующая европеизация страны, столь категорично осуществлявшаяся Петром Великим, разрушили старую культурную стабильность и начали эру плюрализма. В его основе на протяжении всего периода Империи лежали дуализм европеизированной культуры высших классов и московские культурные традиции, в которых продолжали духовно жить низшие классы общества. Советский период есть опять-таки период культурного монизма, поскольку духовная жизнь всей нации формируется марксистской диалектикой.

Если мы подойдем к русской цивилизации киевского периода с этой точки зрения, мы без всяких колебаний определим ее как эпоху культурного дуализма. Причиной тому было введение на Руси христианства. В социальном плане прослеживаются яркие параллели между влиянием на русскую культуру и общество, оказанным христианизацией в киевский период, и подобным влиянием европеизации в период Империи. Оба процесса были длительными, оба сначала затронули высшие классы общества и подчеркнули культурное расхождение между элитой и массами.

Было бы ошибкой говорить о русском народе киевского периода как о неразвитой и варварской нации, не проводя должного различия между образованной верхушкой нации и народной массой. На самом деле уже в середине одиннадцатого века русские интеллектуалы — такие, как митрополит Иларион, — были высокообразованными людьми на уровне своих византийских и западноевропейских современников.

Хотя верхний культурный слой и был тонок, он составлял среду, достаточную для развития таких выдающихся личностей, как тот же Иларион. Он и сам чувствовал поддержку в существовании подобной среды и недвусмысленно обращал свои проповеди не к обычным людям, а к «напоенным благодатью книжной мудрости».

Введение на Руси христианства привело не только к религиозному дуализму (он существовал, пока новая вера не была принята всей нацией), но и к культурному дуализму в целом.

Соответственно, говоря о киевской цивилизации, мы должны различать литературу и искусство книжников, с одной стороны, и фольклор и народное искусство — с другой. Разумеется, два культурных мира не были изолированы друг от друга, да и христианство постепенно все больше и больше овладевало различными социальными слоями.

Новое церковное искусство, претворенное в архитектуре и живописи, своим великолепием привлекало даже язычников; с другой стороны, мотивы дохристианского народного искусства, воплощенные в вышивках и резьбе по дереву, вызвали восхищение образованных людей. Так же и в области литературы: византийские дидактические сказки, особенно апокрифы, оказали влияние на русский фольклор, а русские народные былины одинаково ценились и низшими, и высшими классами, подготавливая почву для развития эпической поэзии книжников, лучшим образцом которой является «Слово о полку Игореве».

2. Язык и письменность

Незадолго до своей смерти писатель Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883) нашел утешение в размышлении над красотой русского языка — «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Нельзя верить, что такой язык не был дан великому народу!».

Столетием раньше Тургенева знаменитый ученый Михаил Ломоносов (1711–1765) превозносил русский язык в еще более высоком стиле: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что гишпанским языком — с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие гишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Этот русский язык, столь высоко оцененный Тургеневым и Ломоносовым, каким он был в раннем Средневековье? Любой современный язык — продукт долгой эволюции; в определенном смысле каждое поколение говорит на своем собственном языке. Различия между веками, конечно, еще более заметны. Язык Ломоносова казался устаревшим современникам Тургенева, многое в языке Тургенева кажется старомодным нам.

Различия между русским языком времен Ломоносова — восемнадцатый век, — и времен митрополита Илариона — одиннадцатый век, — естественно, даже более значительны, чем между языком Ломоносова и Тургенева. Однако стиль Илариона уже сложен и гармоничен, поэтому мы уверенно можем сказать, что славянский русский язык его времени, в свою очередь, являлся продуктом долгой эволюции.

Иларион был образованным монахом, его «Слово о законе и благодати» — образец литературного русского стиля своего времени. Разговорный язык — живой русский язык простых людей киевского периода — мы находим в эпических поэмах, и прежде всего в прекрасном «Слове о полку Игореве» конца двенадцатого столетия. Взятые вместе, эти два документа Древней Руси — проповедь Илариона и «Слово» — убедительно свидетельствуют о зрелости, достигнутой языком уже за семь столетий до Ломоносова.

С момента введения христианства на Руси русский язык подвергся сильному воздействию так называемого «церковнославянского», языка церковной службы и религиозных книг. Церковные книги были сначала переведены на славянский св. Кириллом и Мефодием во время их моравской миссии (863—885 гг.). Хотя филологи все еще спорят о природе славянского языка, на котором говорили и писали «славянские апостолы», можно уверенно утверждать, что основой для них послужил македонский диалект. Во время пребывания в Моравии их язык, несомненно, испытал влияние западного славянского диалекта, а затем, после переезда последователей Кирилла и Мефодия в Болгарию, как еще один элемент в древний церковнославянский вошел болгарский язык¹⁹⁰.

В целом церковнославянский сыграл в развитии русского литературного языка роль, подобную роли латинского в фор-

мировании французского и роли французского в формировании английского языка. Различие в том, что болгарский и русский — языки одной семьи, а в девятом веке сходство между отдельными славянскими языками, несомненно, было более значительным, чем сейчас. Связь, таким образом, между двумя этими языками была куда более тесной, чем между латинским и кельтским или между французским и англосаксонским. Не боясь преувеличения, можно сказать, что церковнославянский составлял в веках и составляет по сей день основу русского литературного языка.

Но, несмотря на близкое родство церковнославянского и древнерусского языков, в них существовали также определенные различия. Для первого были характерны носовые звуки, подобные французским *on* и *en*. В древнерусском, по крайней мере с десятого столетия, не было носовых гласных. Другим фонетическим различием являлась русская тенденция относительно сонорности: так, вместо церковнославянских сочетаний *pa*, *la* и тому подобных в русском находим *оро*, *оло* и т. д. В результате: церковнославянская *брада* — в русском *борода*, *глава* — *голова*¹⁹¹.

Современный русский язык — это один из трех языков восточнославянской группы, другие два — белорусский и украинский. Разделение восточнославянской группы на эти три языка было результатом длительного процесса, определяющим фактором которого явились политические и культурные различия — различия, выступившие на первый план во время монгольского периода (с тринадцатого по пятнадцатое столетие). До этого на Руси было два основных фонологических района: южнорусская и севернорусская группы диалектов. Внутри первой развились украинский и белорусский языки и южное великорусское наречие, внутри второй — северное великорусское наречие. Последние два соединились и образовали основу великорусского языка, теперь известного как просто русский¹⁹².

Как известно, с незапамятных времен русские жили в тесном контакте с различными персидскими и тюркскими племенами. Поэтому абсолютно естественно, что в русском лексиконе должны быть персидские и тюркские слова. Количество тюркских заимствований, как и монгольских терминов, за-

метно увеличилось после монгольского нашествия тринадцатого века, но некоторые вошли в русский язык еще в киевский период и даже ранее¹⁹³.

Кроме этого русский лексикон того периода содержал слова, заимствованные из разных европейских языков: греческого, латинского, норвежского и немецкого. Эти заимствования отражают различные стадии торговых и культурных взаимоотношений между Русью и ее соседями.

Русские получили из Болгарии так называемую «кириллицу» — алфавит¹⁹⁴, который с того времени используется в России с некоторыми изменениями. Поскольку носовые звуки давно исчезли из русского языка, буквы, обозначающие их, постепенно перестали употребляться.

В начале восемнадцатого века, при Петре Великом, русским буквам придали своего рода латинизированную форму, которая стала известна как «светский алфавит»; старый церковнославянский алфавит, однако, продолжали использовать в религиозных книгах. После революции 1917 г. «светский» алфавит еще больше упростили, исключив несколько устаревших букв. В киевский период, конечно, все книги были рукописными. До четырнадцатого столетия на Руси использовали шрифт *устав*, а с четырнадцатого века появилась его упрощенная форма *полуустав*. В неофициальном письме он скоро уступил место *скорописи*. В секретной переписке использовали различные формы *тайнописи*. До монгольского периода все книги писали на пергаменте, в четырнадцатом веке стали использовать бумагу и затем постепенно полностью на нее перешли.

Пергамент был очень дорогим, а письмо *уставом* медленным. Изготовление книги, даже нескольких копий или единственной копии, требовало больших расходов. В определенном смысле книги были роскошью. Тем не менее Древняя Русь располагала большим количеством книг. Несмотря на частые пожары и полное уничтожение книг во время войн, особенно в течение монгольского нашествия, сохранилось более пятисот манускриптов и тысяча грамот и документов, написанных в период с одиннадцатого по четырнадцатое столетие, в основном в монастырских библиотеках. Кроме этого много книг киевского периода известны в поздних списках. Общее

количество дошедших до нас рукописных книг, написанных и переписанных на Руси с одиннадцатого по семнадцатый век, равняется примерно пятидесяти тысячам¹⁹⁵.

3. Фольклор

Язык — это прежде всего средство общения между людьми. Он связывает личность с социальной группой: и с ближайшим окружением — семьей или задругой, и с более широкой социальной группой — родом, племенем, нацией. В обществе язык выполняет различные официальные функции, обслуживая религию, государство, правосудие. На стадии «литературного языка» он становится инструментом образования, науки, литературы.

До достижения этой финальной культурной стадии язык переживает длительный процесс внутреннего развития, являясь средством самовыражения отдельных личностей и групп во время работы и отдыха. Продукты подобного самовыражения мы обычно называем фольклором. Отголоски этой древней поэтической традиции сохранились преимущественно в крестьянской среде, по крайней мере в России, и поэтому термин «фольклор» стал почти синонимичным понятию «народная литература», обозначая литературные произведения низших классов. В древний период ситуация была иной, так как развитие творческих способностей в области литературы основывалось на сотрудничестве всех социальных групп. В киевский период, после введения на Руси христианства и появления письменных текстов, в литературном искусстве сформировался своеобразный дуализм. Как мастерски формулирует это Роман Якобсон: «На протяжении многих столетий русская письменная литература почти полностью оставалась прерогативой церкви: при всем его богатстве и высокой художественности древнерусское литературное наследие почти все состоит из жизнеописаний святых и благочестивых людей, религиозных сказаний, молитв, проповедей, богословских рассуждений и летописей в монастырском стиле. Древний русский народ обладал богатейшей, оригинальной, разнооб-

разной и высокохудожественной литературой, но единственным средством ее распространения было устное изложение. Идея использовать буквы для светской поэзии была абсолютно чужда русской традиции, и выразительные средства этой поэзии были неотделимы от устного наследия и устной традиции»¹⁹⁶.

Главной составной частью русского фольклора является песня — в ней тесно переплетаются язык и ритм, слово и мелодия. Русская пословица достаточно характерно говорит: «Из песни слова не выкинешь». Также было сказано, что «песня — живая летопись русского народа». С незапамятных времен русские запечатлевали в песне весь ход своей жизни: работу и развлечения, радость и печаль, малозначительные происшествия и великие исторические события.

Русский фольклор сопровождал русский народ на протяжении всей его истории, и только в самое последнее время источники фольклора начали пересыхать под воздействием индустриализированной и механизированной цивилизации. В деревнях, особенно на севере России, сказители древних *былин* до сих пор в большом почете¹⁹⁷.

Не считая «Слова о полку Игореве», которое, безусловно, создал не «народ», а отдельный творец, принадлежавший к классу аристократии, первый письменный текст русской фольклорной поэмы, *духовный стих*, датируется пятнадцатым столетием¹⁹⁸. Самая древняя из известных рукописей русских народных баллад, видимо, создана в 1619 г. для Ричарда Джеймса, выпускника Оксфорда, который служил капелланом у английских купцов в России¹⁹⁹. Англичанину, таким образом, принадлежит честь первопроходца в изучении русского фольклора. В рукописи Джеймса содержится шесть песен.

Большинство нам известных произведений русского фольклора, в том числе народной прозы, такой, как волшебные сказки, зафиксированы письменно или, в последнее время, в звуковом варианте в течение восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого веков²⁰⁰. Таким образом, нет формальных свидетельств для датирования этих материалов, кроме даты записи, которая в большинстве случаев сравнительно свежа.

Для некоторых эпических песен самую раннюю дату создания можно установить по контексту. Так, песня о гибели вое-

воды Скопина-Шуйского, одна из записанных для Джеймса, безусловно, не могла появиться раньше 1610 г. — даты смерти воеводы. В большинстве случаев, однако, этот способ ненадежен. Некоторые эпические песни, воспевающие князя Владимира, могли быть созданы в его время, но нельзя быть уверенными, что мы располагаем первоначальным текстом.

Таким образом, попытаться выбрать из общего фонда древнего русского фольклора часть, которую можно уверенно отнести к киевскому периоду, в высшей степени трудная задача. Мы можем быть уверенными, что та или иная народная песня очень древняя, но вряд ли нам удастся доказать это в каждом конкретном случае. Тем не менее очевидно, что корни фольклора, в том числе русского народного искусства, уходят глубоко в историю — во многих случаях гораздо дальше киевского периода. Следовательно, картина цивилизации того периода будет неполной, если оставить вне рассмотрения фольклор, и даже гипотетическая датировка некоторых песен лучше игнорирования предмета.

Очевидно, что некоторые *обрядовые песни*, первоначально сопровождавшие или символизировавшие различные стадии сельскохозяйственного цикла, очень древние²⁰¹. Следы языческих верований, поклонения Солнцу и Земле, просматриваются во многих из них. К этой группе относятся песни, исполнявшиеся во время празднеств по случаю дня зимнего солнцестояния (*коляды*), весеннего равноденствия (*масленица*), летнего солнцестояния (*семик* или *русалья*) и осеннего солнцестояния. После введения на Руси христианства прежние языческие праздники были совмещены с христианскими, и тексты некоторых песен соответственно изменились, старые колядовые песни теперь играли роль рождественных гимнов. Во многих случаях свидетельством древнего происхождения песни, кроме ее содержания, является древняя мелодическая форма. В целом существует достаточно косвенных доказательств, что многие русские обрядовые песни сложились в киевский период, если не раньше. Важную часть обрядовых песен составляет цикл свадебных песен, который соответствует сложным церемониям, сопровождавшим древний свадебный обряд, до сих пор исполняемый в крестьянской среде. Каждому действию обряда соответствует специальная песня. Не-

которые очень жизнерадостные, другие грустные и даже печальные.

Эпические песни (*старины, былины*), которые по содержанию можно датировать киевским периодом, довольно многочисленны²⁰². Они обычно посвящаются славным подвигам могучих богатырей, защищавших русскую землю от степных кочевников. В некоторых случаях противник богатыря — *жидовин* (еврей). Безусловно, здесь имеется в виду борьба русских с хазарами. Во многих случаях, однако, враг в разночтениях сохранившихся текстов — татарин, что для киевского периода, конечно, было бы анахронизмом, поскольку татары — как на Руси называли монголов — появились только в тринадцатом веке.

Богатыри, воспеваемые в эпических поэмах, — в основном дружинники Владимира Святого. Хотя они всегда готовы защитить князя и его государство, в них нет подобию страстия, они по-дружески общаются с ним, иногда даже ругают князя и его жену. Они были не дисциплинированными солдатами, а грубыми индивидуалистами, и действительно каждый из них изображается как личность со своим собственным характером. Старший из них — Илья Муромец, большой могучий человек крестьянского происхождения, целеустремленный и бесстрашный, но без следов цивилизации. Его главный сподвижник — Алеша Попович, сын священника, который полагается на свою хитрость. Добрыня Никитич — боярин, благородный великодушный человек. Другой популярный персонаж из галереи портретов богатырей — Чурило Пленкович, перед которым не могла устоять ни одна девушка.

К Владимирскому циклу былин позднее были добавлены другие эпические поэмы, среди которых сказание о Волхе Всеславиче, описывающее приключения князя Всеслава Полоцкого, и поэма о Дюке Степановиче, которая была сложена в Галиции в двенадцатом веке и отражает тесные связи этого княжества с Византийской империей. Знаменитая поэма «Садко», ранний вариант которой тоже, видимо, был создан в двенадцатом веке, типично новгородское произведение. Ее герой не степной богатырь, а купец-путешественник; богатство, а не военная доблесть придает колорит истории.

Другая новгородская былина — о Василии Буслаеве — совсем другого рода. Василий — необузданный молодец; он всегда ищет приключений и не признает никаких авторитетов. Свободомыслящий, он не благоговеет перед церковью, не суеверен и, как говорит поэт, «не верит ни в сон, ни в чох».

Возвращаясь к «степным былинам», следует подчеркнуть, что в некоторых из них прослеживаются параллели с персидским и тюркским фольклором²⁰³. Так, например, некоторые эпизоды истории об Илье Муромце напоминают великий персидский эпос «Шахнаме». Возможно, черкесы были связующим звеном между русской и персидской поэзией, собственно черкесские влияния тоже прочитываются в отдельных русских эпических песнях. Примечательно, что героя одной из древних русских былин зовут Святогор («князь святых гор»). Под этими горами, видимо, имелась в виду Кавказская гряда²⁰⁴.

В заключение необходимо сказать несколько слов о русской сказке. Сказка была необычайно популярна в русском народе на протяжении всей истории страны. Как составная часть русского фольклора, она богата и разнообразна. Существует два главных жанра сказки: волшебная и сатирическая. Волшебные сказки, с их коврами-самолетами, скатертями-самобранками и т. п., корнями, возможно, уходят к языческому колдовству. Их популярность объясняется мечтой людей о вещах, которые сделали бы жизнь легче.

Сатирические сказки дают выход народному недовольству политической и социальной несправедливостью. Интересно, что некоторые сказочные персонажи, например Баба-Яга, упоминаются в летописи, что свидетельствует о популярности сказок в киевский период.

4. Музыка

Изучение древнерусского фольклора так же важно для понимания исторической основы русской музыки, как и для адекватного подхода к русской поэзии²⁰⁵.

Русская песня имеет свои мелодические, гармонические и ритмические особенности. Некоторые древнерусские песни

сложены в так называемом пентатонном звукоряде, за самый короткий интервал в котором принят «тон» или «полный интервал». Как заметил Н. С. Трубецкой, подобный звукоряд встречается в народной музыке тюркских племен бассейнов Волги и Камы — башкир, сибирских татар, тюрков Центральной Азии, а также у аборигенов Сиама, Бирмы и Индокитая²⁰⁶.

В этом смысле музыку по крайней мере одной группы древнерусских народных песен можно назвать скорее евразийской, чем европейской. На Украине пентатонный звукоряд обнаруживается только в небольшом количестве очень древних песен, среди других славян его использование еще более редко. С другой стороны, интересно отметить, что пентатонный звукоряд сохранился также в кельтской народной песне, у шотландцев, ирландцев и в Британии. Другие русские песни, кажется, следуют традициям древнегреческой музыки.

Можно добавить, что русская народная песня преимущественно диатоническая, элементы хроматизма очень редки. Большинство русских песен многоголосные. Каждая партия самостоятельна и по-своему красива, но все служат целому. Песня начинается запевалой, который исполняет тему. Другие певцы модулируют и украшают ее, создавая самобытный контрапункт. В этом отношении русская народная песня заметно отличается от народных песен восточных народов, большинство из которых поют в унисон.

Ритм русской песни частично определяется природой живого языка, но также в значительной степени зависит от художественной интуиции создателя и исполнителя. Типичные размеры $5/4$ и $7/4$ ²⁰⁷.

Кроме хорового пения в Киевской Руси любили и сольное, особенно на княжеских пирах, где исполняли героические баллады, такие, как «Слово о полку Игореве». В большинстве случаев певец сам аккомпанировал себе на гусях. В «Слове» есть поэтическое описание такого представления: «То не десять соколов пускал Боян на стаю лебедей, то он пальцы свои искусные на живые струны накладывал. А те струны, будто сами, славу князьям пели».

Профессиональных певцов, по-видимому, было много. Они переходили с одного народного праздника на другой,

выступая не только в княжеских хорах, но и на городских торговых площадях и сельских ярмарках. Они в основном были известны как скоморохи. Скоморохи работали группами, и как классу им нужно отдать должное за сохранение в веках традиций древнего народного искусства в России.

Кроме гуслей в Древней Руси использовали другие разные музыкальные инструменты: сопели, бубны. Последние были также обязательной частью военных оркестров, вместе с суренками и трубами. Несомненно, хорошо известны были некоторые восточные инструменты, например сурка (зурна) и домра. Помимо военных оркестров князя содержали специальные ансамбли для дворцовых пиров и празднеств.

Что касается религиозной музыки, то о языческих обрядах нам известно немного. Масуди упоминает музыкальные мелодии, которые мог слышать путешественник, приближаясь к определенным языческим капищам в земле славян. Известно, что языческие священнослужители балтийских славян использовали трубы²⁰⁸. Возможно, в языческий ритуал также входило какое-то пение и музыка.

После крещения Руси церковное пение стало существенным элементом русской музыкальной культуры. В соответствии с византийской традицией Русская церковь избегала инструментальную музыку, если не считать таковой церковные колокола²⁰⁹. С другой стороны, вокальная музыка — а конкретно хоровое пение — рано достигла высокого уровня. Основой православного церковного пения послужила византийская система напевов. Эта система содержит восемь *гласов*, четыре основных («автентических») и четыре дополнительных («плагальных»). Система построена для церковной музыки св. Иоанном Дамаскином (ум. в 760 г.) на основе древнегреческой гармонии.

Сначала русское церковное пение было унисонным. Его нотации сохранились в небольшом количестве рукописей, самая древняя из которых — новгородская церковная книга одиннадцатого века. В ней содержится *знаменная* нотация. Кроме нее на Руси в период с одиннадцатого по четырнадцатый век существовала и другая система нотации, известная как *кондакарная*²¹⁰.

5. Театр

Театр — один из важнейших видов современного русского искусства, и говорят даже, что русские имеют врожденные способности к сцене. Однако театр в современном смысле появился в России только в конце семнадцатого века. В московский период — эпоху Шекспира — театра в России не было.

Ситуация киевского периода не совсем ясна. Прежде всего, мы должны рассмотреть фольклорные основы. Ритуал народных праздников, с его танцами, ритмизированным диалогом и т. п., содержал значительный элемент театрального искусства. То же самое можно сказать о свадебной церемонии и обряде похорон²¹¹.

Сложный цикл древнерусской свадебной церемонии представлял собой действие, в котором не только жених и невеста, но и их родственники и друзья — все имели собственную роль. Спектакль состоял из нескольких действий и начинался с прихода родственников жениха в дом отца невесты, обычно ночью, как того требовал древний ритуал. Представление происходило несколько дней в домах родственников каждой стороны по очереди. Как уже отмечалось, разнообразные песни были существенной частью церемоний, каждому дню и каждой сцене соответствовала своя песня.

Примечательно, что русские крестьяне и сейчас, говоря о свадьбе, употребляют глагол «играть». Похороны тоже совершались по установленному ритуалу, важная роль в котором принадлежала профессиональным плакальщицам. В «Слове о полку Игореве» плакальщица Карна оплакивает судьбу всей Руси, истерзанной степными кочевниками.

Именно на этом фольклорном фоне нужно рассматривать деятельность бродячих артистов — скоморохов²¹². Предполагается, что большинство скоморохов были площадными актерами и музыкантами, типа жонглеров и шутов. Однако следует иметь в виду, что информация о них исходит преимущественно из церковных источников.

Русское духовенство считало представления скоморохов проявлением язычества и безуспешно пыталось препятствовать им. В этом духовенство руководствовалось решением Константинопольского церковного собора 692 г., в котором

осуждались все виды театральные представления. Но сама Византийская церковь отказалась от своего ригоризма во время иконоборчества (восьмой век) и пошла в этом еще дальше в период Македонской династии (с девятого по одиннадцатый век). Византийский театр, который вырос из римской пантомимы, просуществовал до последнего дня Империи²¹³.

Принимая во внимание тесные культурные связи Киевской Руси с Византией, можно предположить, что византийские артисты бывали на Руси и познакомили местных скоморохов с началами театрального искусства. Как мы увидим, на фресках Софийского собора в Киеве византийские актеры изображены на фоне ипподрома, но пантомимы были различны по содержанию, и кроме площадных представлений в Константинополе разыгрывались более серьезные спектакли.

Византийские артисты в некоторых случаях носили маски²¹⁴, маски были и у скоморохов. Именно с представлениями скоморохов нужно связывать появление в средневековой Руси кукольного театра. Первое известное упоминание о нем находится в рукописи пятнадцатого века²¹⁵.

В дополнение к светскому театру в Византии, как и в Западной Европе Средних веков, развивалась религиозная драма (мистерия). В определенном смысле византийская служба сама по себе является духовной драмой, и сложная церемония в Софийском соборе осуществлялась с театральными эффектами. Именно театральный момент византийского обряда привлек послов Владимира в христианстве больше, чем что-нибудь иное. Согласно летописи, во время службы в Софийском соборе Константинополя они не знали, где находятся, на земле или на небесах. Позже подобное чувство, должно быть, испытывали сельские жители Руси, посещая службы в Софийском соборе Киева и других больших церквях русских городов. Стенные росписи, мозаики и иконы, размещенные по всей церкви, создавали необходимую обстановку для духовной драмы церковной службы, глубокий символизм которой в обратном случае не воспринимался бы прихожанами.

В Византии с самого раннего периода ее истории были разработаны специальные торжественные службы со сложными ритуалами для празднования главных церковных событий: Вербного воскресенья, Пасхи, Рождества Богородицы. По-

степенно вокруг каждой из этих служб были построены церковные процессии и мистерии, и в конце концов из них выросла византийская религиозная драма. Знаменательно, что на приеме в честь русской княгини Ольги (957 г.) в императорском дворце разыгрывалась религиозная пьеса.

Таким образом, мы можем быть уверены, что даже до официального введения христианства на Руси русские были знакомы с театрализованными частями византийской церковной службы. Свидетельств нет, что религиозная драма, как таковая, существовала в России раньше шестнадцатого или семнадцатого веков, но специальные службы по торжественным дням и на Страстной неделе проводились уже в киевский период, хотя, возможно, и не так великолепно, как впоследствии.

6. Архитектура и изобразительное искусство

Большинство известных нам памятников древнерусской архитектуры и живописи представляют церковное искусство. Поскольку Русская церковь входила в лоно Византийской, русское церковное искусство, безусловно, должно было следовать византийским канонам, по крайней мере в начальный период распространения христианства на Руси. Поэтому часто говорят, что с точки зрения истории искусства Киевская Русь была частью Византии.

Невозможно отрицать сильное византийское влияние в древнерусской архитектуре и живописи. Но однако, реальный процесс русского художественного развития был чересчур сложным, чтобы его можно было описать в рамках теории «византизации» Руси или какой-либо другой строгой доктрины подобного рода. Во-первых, наше знание о древнерусском искусстве неполно. Если некоторые церковные сооружения сохранились, то памятники светской архитектуры — нет, так как большинство жилищ строилось из дерева и поэтому было менее долговечно, чем церковные здания. Более того, за исключением немногих фундаментов до нас не дошли постройки дохристианского периода, и, таким образом, у нас нет возмож-

ности проследить связь между языческой и христианской архитектурой. К тому же само понятие «византийское искусство» требует толкования. В нем было несколько школ, и необходимо разделять, например, между архитектурным стилем Константинополя и византийских провинций, таких, как Фракия и Македония, с одной стороны, и Анатолия — с другой.

Начнем с проблемы дохристианской архитектуры на Руси. Приблизительно в 1908 г. в Киеве археологи обнаружили овалный фундамент постройки, который сочли остатками языческого капища, хотя тому и нет прямого доказательства. На этом основании было высказано предположение, что языческие капища на Руси имели овальную форму²¹⁶. Нет конкретных свидетельств для такого общего заключения. Если рассмотреть параллели в других славянских странах, увидим, что, например, капище Святовита на острове Рюген квадратной формы.

Очевидно, первые христианские церкви были построены для русских не ими самими вскоре после их первого крещения в 866 г. Вероятно, одна находилась в Тмутаракани. В 1022 г. князь Мстислав Тмутараканский возвел там другую церковь, послужившую образцом для собора в Чернигове, заложенного тем же князем. К моменту его смерти, в 1036 г., собор был еще не закончен, но позже его достроили²¹⁷.

Хотя черниговский собор несколько раз перестраивали, его первоначальные архитектурные особенности были сохранены. Он организован по византийскому плану — базилика с пятью нефами; в нем также очевидно определенное влияние архитектурного стиля закавказских храмов²¹⁸.

Первым из роскошных киевских храмов была так называемая Десятинная церковь, заложенная Владимиром Святым и законченная в 1039 г. Согласно К. Дж. Конант, эту церковь начали строить по плану византийской базилики с тремя нефами, но позже план изменили, и появилось двадцать пять отдельных объемов, предназначенных для возведения свода, но не двадцати пяти куполов, как считают некоторые²¹⁹.

Еще раньше, приблизительно в 989 г., Владимир повелел построить собор в Новгороде. Из летописи мы узнаем, что первая Св. София Новгородская, построенная из дерева, была «о тринадцати верхах». Некоторые археологи готовы видеть

в этом термине купола, но более правдоподобным кажется, что «верхи» можно объяснить просто как элементы крыши²²⁰.

По Конант, один из архитекторов этого собора, видимо, был из Азии. Этот стиль, несомненно, повлиял на стиль других ранних русских церквей и в Новгороде, и в Киеве.

Два самых впечатляющих памятника русской архитектуры одиннадцатого века — Софийский собор, построенный в Киеве в 1037—1100 гг., и второй новгородский собор того же имени, заложенный в 1045 г. Киевский собор дошел до нас в плохом состоянии, искаженным пожарами и перестройками. Новгородский несколько лучше сохранился до немецкого нашествия, но был страшно поврежден немцами перед отступлением в 1944 г.

Судя по всему, Св. София Киевская в ее первоначальном виде была величественным собором. В плане она представляла собой квадрат, внутренний объем делился колоннами на нефы. Собор имел пять апсид — все на восточной стороне — и тринадцать куполов; огромный — в центре и двенадцать, поменьше, — вокруг него. Собор был великолепно украшен внутри стенными росписями, мозаиками и иконами.

Как целое, Св. София Киевская — выдающееся произведение византийского стиля, но она не была простой копией какого-либо храма, существовавшего тогда в Византии. Считается, что так называемая Новая церковь в Константинополе, законченная в 881 г., послужила исходным образцом для создателей Софии и некоторых других киевских храмов, построенных при Ярославе Мудром. Однако Киевская Св. София значительно сложнее по своей архитектуре, чем ее прототип. В ней заметны также художественные мотивы византийских провинций (в этом случае Анатолии). Не исключается и возможность определенного влияния новгородского деревянного зодчества, особенно если принять во внимание количество куполов, совпадающее с количеством новгородских «верхов».

Вторая Св. София Новгородская была возведена на месте первой, деревянной, уничтоженной пожаром 1045 г. Новгородская Св. София более строга и менее роскошна, чем киевская, но прекрасна по-своему. Ее пропорции совершенно другие, апсиды вытянуты, и, хотя главный объем храма пря-

моугольной формы, она не квадратная. У собора шесть куполов.

Согласно А. И. Некрасову, некоторые архитектурные черты этого храма принадлежат романскому стилю²²¹. В течение двенадцатого века с ростом местных культурных центров большинство столиц удельных княжеств украсились церквями, каждая из которых если и была меньше киевского Софийского собора, но имела свой собственный особый стиль²²².

Показательно, что в художественном стиле церквей как Западной Украины (Галиция и Волынь), так и Восточной Руси (Суздаль и Рязань) переплетаются и романские, и закавказские (грузинские и армянские) стилистические влияния. Как показывают последние археологические изыскания, рязанская церковь начала двенадцатого века имела форму так называемого «армянского креста»²²³.

Вторая половина двенадцатого и начало тринадцатого века были периодом расцвета суздальской архитектуры²²⁴. Как мы знаем, в это время Владимиро-Суздальское княжество, руководимое такими одаренными правителями, как Андрей Боголюбский и Всеволод III, вышло на первый план. Оба были увлеченными строителями. Из летописей известно, что Андрей приглашал в Суздаль архитекторов из разных стран. Историк В. Н. Татищев утверждает, что император Фредерик Барбаросса посылал Андрею мастеров-строителей из Германии. Татищев не указывает источник этого сообщения, но обычно его информация достоверна. Нам известно, что суздальские князья поддерживали дружественные отношения и с Византией, и со Священной Римской империей. Возможно, Андрей Боголюбский нанимал некоторых грузинских и армянских архитекторов, а также строителей из Западной Руси (Галиции).

Присутствие такого большого количества иностранных архитекторов в пятидесятые—шестидесятые годы двенадцатого века, видимо, стимулировало художественную активность местных суздальских мастеров, и в 1194 г. летописец замечает, что Всеволод пригласил только русских мастеров подновлять соборы Суздаля и Владимира.

Два выдающихся архитектурных памятника периода княжения Андрея — Успенский собор во Владимире (построен в 1158—1161 гг., восстановлен в 1185—1189 гг., перестро-

ен в 1194 г.) и изумительная миниатюрная церковь Покрова Богородицы на берегу реки Нерль недалеко от Боголюбова (1165 г.). В княжение Всеволода во Владимире возвели Дмитриевский собор (1194–1197 гг.), известный декоративной отделкой внешних стен. Не менее замечателен Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, построенный сыном Всеволода Святославом (1230–1234 гг.). Его фасады тоже украшены резьбой, даже более эффектной, чем на Дмитриевском.

Хотя каждая из этих церквей отличается индивидуальностью, все они принадлежат одному общему архитектурному стилю — «суздальскому», для которого характерны гармоничная композиция и изящество линий и отделки. В архитектурных и декоративных деталях прослеживаются поразительные параллели между суздальскими, армянскими и грузинскими церквями, суздальскими и западными романскими. Однако едва ли было бы правильным без оговорок называть суздальский стиль и церкви романскими, как это часто делается. По справедливому замечанию Н. П. Кондакова, романское искусство само развивалось под влиянием Византии, и в византийском искусстве одиннадцатого и двенадцатого веков можно найти много «романских» элементов. Искусство некоторых восточноевропейских стран, таких, как Западная Украина, Сербия и Венгрия, принадлежит к этому романо-византийскому типу, и, с точки зрения Кондакова, именно к Западной Украине (Галиция и Волынь) мы должны обращаться в попытках обнаружить источники суздальского искусства²²⁵.

В любом случае если и существуют романские элементы в суздальских церквях, то сами они выглядят совсем не так, как романские церкви Богемии, Германии и Франции. В общем, трудно отрицать, что, соединяя различные элементы византийского, закавказского и романского искусства, архитекторы — и иностранные, и русские, приглашенные суздальскими князьями, — создали новый и совершенный стиль в русском искусстве. К. Конант называет его «подлинно классическим» и «достойным эллинистического духа вместе с чувством чистоты и покоя, которые всегда присутствуют в самых великих произведениях искусства»²²⁶. Впоследствии суздальские храмы, в свою очередь, послужили образцом для москов-

ских церквей пятнадцатого столетия, построенных итальянскими мастерами.

Кроме церквей и Андрей, и Всеволод возвели для себя роскошные дворцы. Согласно летописцу, и иноземцы, и русские съезжались в Боголюбове, чтобы полюбоваться палатами Андрея. Ничего не осталось от этого дворца на земле, но его фундаменты, недавно раскрытые археологами, дают некоторое представление об этом грандиозном архитектурном ансамбле, который включал в себя палаты, несколько теремов и собор, все соединенное галереями.

В то время как и церковь, и князья финансировали развитие архитектуры, церковь выступала против скульптуры, считая ее языческим искусством. Предубеждение против скульптуры в Древней Руси было столь велико, что не только в церковном, но и в светском искусстве для нее не было места. В результате скульптура в Киевской Руси самостоятельно не развивалась, и даже барельефы использовались в основном в декоративных целях²²⁷. Среди немногих образцов русской скульптуры этого периода можно упомянуть мраморные саркофаги в Софийском соборе в Киеве, один из них — саркофаг Ярослава Мудрого — богато украшен. Из каменных барельефов святых можно назвать барельефы св. Георгия и св. Михаила на стене монастыря Св. Михаила, датируемые двенадцатым веком, они хотя и грубой работы, однако не лишены определенной выразительности. Резьба по камню и декоративные украшения на стенах Димитриевского собора во Владимире и Георгиевской церкви в Юрьеве-Польском исключительно разнообразны и декоративны. Кроме разнообразных изображений Христа и святых в них присутствуют фигуры реальных и фантастических животных и птиц, включая кентавров и грифонов.

Живопись, как и архитектура, пользовалась поддержкой церкви, и ее развитие не ограничивалось искусственно, как это случилось со скульптурой. С другой стороны, произведений русской живописи киевского периода сохранилось не так много, как образцов архитектуры, поэтому наше знание о ней неизбежно страдает неполнотой²²⁸.

Первые живописцы, работавшие на Руси, были «греки», то есть византийцы. Большинство из них, вероятно, приехали из Анатолии. К счастью, сохранилась по крайней мере часть

стенных росписей Софийского собора в Киеве. Эти фрески иллюстрируют жизнь Богоматери, Христа, св. Георгия — покровителя Ярослава Мудрого.

На стенах лестницы, ведущей на хоры, изображены сцены из жизни Константинополя. Из них до нас дошли изображения возниц и колесниц на ипподромных бегах. Сохранились также цирковые сцены с акробатами, охотниками, музыкантами и жонглерами. В работе над фресками двенадцатого века (такими, как росписи в церквях двух киевских монастырей — Св. Михаила и Св. Кирилла, а также в так называемой церкви на Нередице недалеко от Новгорода), безусловно, вместе с греками принимали участие и русские живописцы. На Нередице, возможно, работали и армянские художники. Церковь на Нередице стала одной из самых болезненных потерь, понесенных во время немецкого нашествия.

История иконописи сходна с историей фресковой живописи. Сначала иконы или привозили готовыми из Византии, или на Руси писались греческими мастерами. Позже были обучены свои художники. Первым прославился у современников некий Алимпий, упоминаемый в «Патерике» Печерского монастыря. Византийские иконы исключительной красоты время от времени привозили в течение всего двенадцатого столетия. Видимо, именно Юрий Долгорукий привез из Константинополя знаменитую икону Богоматери, которую его сын Андрей поместил в Успенский собор Владимира и которая под именем иконы Владимирской Божьей Матери стала одним из священных символов Древней Руси.

Мозаики использовались в убранстве Софийского собора и некоторых других церквей Киева и Чернигова²²⁹. Искусство эмали стало чрезвычайно популярным — русские художники киевского периода достигли высочайшего технического уровня в изготовлении перегородчатой эмали. В кладях, подобных найденным в Рязани в 1822 г. и Киеве — в 1889 г., найдены несколько замечательных ювелирных изделий из золота и эмали, датируемых двенадцатым столетием. Расцвет этого вида прикладного искусства свидетельствует о художественной зрелости киевской цивилизации²³⁰.

Нет никаких сомнений, что искусство вышивки Киевской Руси тоже было высоко развито, хотя до нас дошло совсем не-

много его образцов. И в монастырях, и в княжеских дворцах обучались искусные вышивальщицы, а княгини особо покровительствовали этому искусству, распространение которого, однако, ни в коем случае не ограничивалось княжескими палатами. Почти каждая хозяйка и в городах и в деревнях, очевидно, была знакома по крайней мере с азами вышивания, которое, таким образом, можно считать видом народного искусства в самом широком смысле этого слова. Корни искусства вышивания уходят в глубь веков. Примечательно, что основные мотивы русской крестьянской вышивки датируются скифским и сарматским периодами²³¹.

В этой связи несколько слов необходимо сказать о роли орнамента в русском искусстве. Популярными были и «растительный» и «звериный» стили. Первый, по-видимому, пришел на Русь из Византии. Последний, как нам известно, был характерен для скифского и сарматского искусства. В раннем Средневековье он распространился по всей Европе. Судя по всему, распространение звериного орнамента в средневековом русском искусстве было результатом как традиций сарматского периода, так и влияния западных образцов, которые, по сути дела, были вариантом тех же традиций. Видимо, следует признать также значительное влияние на русское искусство декоративного искусства исламского Ближнего Востока. Разнообразие орнаментальных форм характерно для всех проявлений русского художественного духа, особенно в прикладных искусствах. Он проявляется в украшении рукописей, вышивки, в эмалях, в резьбе по дереву и так далее. Он влияет не только на искусство высших классов, но также и на народное искусство; те же традиции сохраняются и в русском крестьянском искусстве более современных периодов.

7. Религия

Русское язычество уже обсуждалось нами. Хотя языческий культ был запрещен с конца десятого века, искоренить язычество было не так легко. Сначала только городские жители приняли христианство более или менее серьезно, в от-

даленных сельских районах под тонким покровом христианских обрядов язычество долго сохраняло свои позиции. Результатом было так называемое «двоеверие». Люди могли носить кресты и ходить в церковь, но они продолжали отмечать и языческие праздники.

Постепенно два обряда слились при победе христианства, по крайней мере внешней. Христианские святые заняли в сознании людей место древних божеств. Илья Пророк отождествился с громовержцем Перуном; древний бог Велес трансформировался в святого Власа; святой Трифон ассоциировался с соколиной охотой и так далее²³². Древние языческие праздники были приурочены к христианским святым дням; так традиционный Семик (дни летнего солнцестояния) совместился с Троицей (Пятидесятница).

Сначала приспособление было механическим. Однако постепенно старые верования слабели, а новые укоренялись. По сути дела, язычество не имело шанса противостоять христианству, которое не только было более развитой религией, но и представляло более развитую цивилизацию в целом. Будучи принятой элитой русского общества уже в одиннадцатом веке, новая вера дала ряд истинно просвещенных лидеров.

Именно «культ» — то есть совокупность церковных богослужений и молитв — наилучшим образом раскрывает суть греческого православия, а отправление службы составляет суть православного культа. Преимущественно через богослужение (или через церковный обряд в целом) жители Киевской Руси получали представление о христианстве. Наверняка символизм церковного обряда сначала могли оценить только немногие. Однако в церковном богослужении было много элементов, которые, в меньшей или большей степени, трогали большинство прихожан. Таковыми были, например, чтения из Нового и Ветхого Завета, составлявшие часть богослужения: гимны, исполняемые по так называемому «канону», прославляющие Христа и Деву Марию, молитвы о заступничестве, обращенные к ним, хоровые псалмы особого рода (известные как *кондак*), объясняющие значение церковных праздников, и так далее. Все это исполнялось не только на латинском и греческом, но и на славянском языке и поэтому было доступно аудитории. Иконы и фрески, изображаю-

шие библейские сцены, иллюстрировали содержание чтений и гимнов и, несомненно, очень помогали прихожанам. В заключение дальнейшие объяснения предлагались в проповедях. Проповеди, особенно когда их читали выдающиеся священнослужители, обычно записывались и распространялись среди грамотных людей, количество которых значительно увеличилось к концу одиннадцатого века. Кроме проповедей, выдержки из работ византийских Отцов Церкви и жизнеописания святых также были в распоряжении читателей, помогая им укрепляться в новой вере.

Каково было общее влияние православного «культа» и дидактической литературы на умы первых поколений прихожан на Руси? Возможно, самым главным результатом было новое чувство моральной ответственности каждого человека за свои дела и даже мысли; это чувство поддерживалось идеей будущей жизни и Страшного суда. Хотя категория будущей жизни существовала и в славянском язычестве, вряд ли с ней связывалась ответственность за жизнь на земле. Как бы далеки ни были русские неопиты от христианского идеала в своей реальной жизни, этот идеал стал важным фактором их сознания. Если он грешил, то он и раскаивался, а новый элемент внутренней борьбы за лучшее обогащал его духовную жизнь и религиозный опыт. Таким образом, в русском характере произошла важная психологическая трансформация.

Трансформация коснулась не только личности, но и общества в целом. Новое отношение сделало возможным для законодателя ликвидировать старый обычай кровной и родовой мести. Говоря шире, понятие индивидуальной ответственности шло рядом с понятием ответственности социальной. От церковных лидеров ждали указания народного пути, и некоторые из них исполняли свой долг со всей ответственностью, выступая, например, против института рабовладения. Монастыри превратились в центры того, что можно назвать социальной работой; в них организовывались больницы, приюты для престарелых, они также занимались благотворительностью. Многие князья следовали этому примеру. Образование тоже финансировалось как князьями, так и церковью, и именно церковь первой приняла на себя задачу написания истории нации.

В древнерусских исторических летописях подчеркивается идея ответственности за свои дела и правителей и народа, а несчастья, такие, как голод и войны, во многих случаях тракуются как Божья кара людям за их грехи.

Теперь проанализируем некоторые литературные документы киевского периода — псалмы, молитвы, жития святых и т. п., — которые могут раскрыть для нас религиозное сознание русских того времени. Примечательно, что, неудовлетворенные содержанием традиционных псалмов, полученных из Византии, некоторые образованные русские сами писали новые гимны и молитвы. Епископ Кирилл Туровский — автор покаянного канона (не сохранился), а также нескольких псалмов и молитв, проникнутых характерным для него представлением о суровом Божестве и беспомощном человечестве²³³. Митрополит Иларион написал «молитву за Русь» — еще одно проявление его мощного литературного стиля и величия ума²³⁴.

Молитва, приписываемая мирянину — князю Владимиру Мономаху, в некотором смысле продолжает традицию Илариона, но является более личностной по содержанию. Она обращена к Христу и Деве Марии. Как правитель Владимир молит Пресвятую Деву охранить город, где он княжит, как в ее городе. По-человечески князь заботится о собственной душе: «Смирись, о моя душа, и осмотри все, что ты сотворила; утри слезы с моих глаз, откройся Христу во всех делах и мыслях, и очистишь».

С религиозной точки зрения появление святых — показатель уровня религиозности народа, и недавно обращенная Русь нуждалась в святых, чтобы убедить себя и окружающий христианский мир в своей духовной зрелости. Тогда как большинство византийских святых епископы и монахи, первыми русскими канонизированными святыми стали, что весьма красноречиво, миряне, а не представители духовенства: это были князья Борис и Глеб, сыновья Владимира Святого, который сам был канонизирован значительно позже. Третий русский святой — Феодосий, настоятель Печерского монастыря. В целом в киевский период было причислено к лику святых одиннадцать русских²³⁵.

Канонизация требует написания биографий святых, и жизнеописания составляли важный вид византийской литерату-

ры. Среди бесчисленных византийских жизнеописаний одни — чистый вымысел, другие основаны на реальных фактах биографий, которые, однако, часто искажались последующими редакторами и составителями. Постепенно установился общепринятый стандарт написания «жития». Несмотря на то что авторы ранних русских жизнеописаний старались следовать византийскому образцу, их работы менее формальны и ближе к жизни, чем у их наставников.

Житие Феодосия было написано Нестором, образованным монахом Печерского монастыря. Цель Нестора состояла в сборе материала, достаточного для канонизации покойного настоятеля, которой тогда добивались старейшины монастыря. Несмотря на это, работа Нестора представляет не просто официальный панегирик, а честное изложение жизненного пути, хотя и написанное в правилах византийского жизнеописания. Нестор не был лично знаком с Феодосием, так как вступил в монастырь вскоре после смерти великого настоятеля, но он жил в атмосфере свежих воспоминаний об ушедшем руководителе и имел прекрасную возможность беседовать с учениками Феодосия. Таким образом, для Нестора Феодосий в определенном смысле живой человек, а не просто идеал, что и делает его работу скорее личностной, чем абстрактной. О св. Борисе и Глебе до нас дошли два произведения: их «Житие» того же Нестора и «Сказание», автор которого не известен. Оба написаны в конце одиннадцатого или в самом начале двенадцатого века²³⁶.

Святые Борис и Глеб, как мы видели, были убиты в 1115 г. сразу после смерти их отца Владимира по приказу их брата Святополка I, который хотел устранить всех возможных соперников на киевский стол.

Убийство двух братьев потрясло весь русский народ. Хотя они не были в прямом смысле мучениками за веру, их считали невинными «страдальцами», которые принесли себя в жертву идеалу братской любви. Стоит отметить, что первый чешский святой — Вацлав — тоже убиенный князь; очевидно, Нестор был знаком с его «Житием».

Поведение Бориса, непотворение злу, явилось результатом его буквального восприятия слов Христа. Именно за безвинные страдания большинство русского народа сочло Бориса и Глеба святыми.

Сострадание было одним из главных проявлений христианского чувства в Древней Руси — можно сказать, действительно одним из столпов народной религиозности в сравнении с официальной теологией, особенно в интерпретации монахов типа Кирилла Туровского. Даже если человек был преступником или еретиком, с точки зрения народной религии страдание очищало его.

Зная это, мы прекрасно можем понять популярность в Древней Руси одного из византийских апокрифов, так называемого «Хождения Богородицы по мукам»²³⁷. Здесь Дева Мария идет через преисподнюю с архангелом Михаилом. Легенда проникнута глубоким религиозным чувством и состраданием к мукам. Потрясенная страданиями грешников, Дева Мария молит Господа простить их. Сначала Он непреклонен, но потом соглашается послать Христа поговорить с проклятыми, а Спаситель обещает тем освобождение от мук каждый год с Великого четверга до Пятидесятницы. Показательно, что по легенде Дева Мария находит в аду не только мирян, но и духовенство, включая епископов и монахов.

Очевидно, что легенда не родилась в официальных религиозных кругах, а отражает, скорее, чувство простого мирянина. Это видно и в отношении Девы Марии к еретикам, которых она осуждает, но сдержанно; единственные, кого она, как мать, не может простить, — это виновники страданий и смерти Христа.

Величайший представитель раннего русского монашества св. Феодосий, судя по его «Житию», по духу был ближе к народному христианству, чем ко взглядам просвещенных теологов.

Основу монашества, как проповедовал Феодосий²³⁸, составляли молитва, смирение, работа и благотворительность. Даже став игуменом, он носил ветхую одежду и не уклонялся от ежедневных работ. Он выступал против аскетических крайностей, за что его осуждали ученики основателя монастыря отшельника Антония, настаивавшие на жизни в подземных пещерах. Именно Феодосий вывел монастырь из-под земли на холм. Хотя он и пытался ввести византийский монашеский устав, Феодосий не был педантом, предпочитая руководить, подавая братии пример собственным поведением.

Результаты часто были неутешительными, и оппоненты Феодосия жаловались на падение монастырской дисциплины во время его игуменства. Он и сам осознавал это, но продолжал верить в совет и нравственное самосовершенствование больше, чем в дисциплинарные меры.

О том, что истинный дух христианства в Киевской Руси жил не только в монастыре, но и в мирской среде, лучше всего свидетельствует «Поучение» Владимира Мономаха.

До сих пор, чтобы не усложнять, я говорил только о греческом православном христианстве, которое на Руси в 988 г. стало официальной религией и которое исповедовало большинство обращенных русских. Но в дополнение к официальной церкви русские люди киевского периода испытывали влияние других различных течений религиозной мысли.

Прежде всего, здесь необходимо упомянуть о так называемой «богомилской ереси». Она была течением манихейства, дуалистической религии, зародившейся в Персии в третьем столетии н. э. В десятом и одиннадцатом веках часть болгарского духовенства и значительное количество мирян в Болгарии подпали под ее влияние. Согласно манихейской теории две силы управляют миром: зло и добро, или, как богомилы формулируют это, Бог и Сатана. Бог воплощает духовный элемент, а Сатана — материальный. Этот дуализм отражается в человеке, поскольку его тело создал Сатана, а Бог — только душу.

Лидером движения богомилов в Болгарии был некий Еремия, которому приписывается собрание апокрифов; и, действительно, в некоторых апокрифах — например, об Адаме и Еве — прослеживаются следы манихейства. Теория богомилов получила распространение среди бедных и угнетенных, так как она предлагала объяснение происхождения социального неравенства.

Считая все материальное злом, богомилы ненавидели богатство и объявляли богатых служителями сатаны. Они также были против официальной церкви с ее богатствами. В двенадцатом и тринадцатом веках эта ересь распространилась на запад, в Северную Италию и Южную Францию, где ее последователи стали известны как катары и альбигойцы соответственно. В связи с тесными отношениями между Болгарией

и Русью движение богомилов легко могло проникнуть также и на Русь, и, действительно, существуют некоторые свидетельства знакомства русских с манихейством.

Удобный канал для распространения богомильских идей на Русь представляли апокрифы, но можно предположить, что были доступны и непосредственные изложения теории манихейства. Противники известного русского монаха св. Авраамия Смоленского обвиняли его в чтении еретического произведения, известного как «Глубинная книга», которая могла быть манихейским трактатом.

То, что богомильские идеи проповедовались на Руси, можно видеть по истории боярина Яна, сына Вышаты, записанной в «Повести временных лет». В 1071 г. Ян приехал на Белозеро, район Северной Руси, собирать дань и там имел беседу с неким колдуном, который объявил, что «сотворил дьявол человека, а Бог душу в него вложил».

Необходимо заметить, что Болгария была не единственным возможным источником появления манихейства в Киевской Руси. Принимая во внимание оживленные торговые отношения с восточными странами, можно предположить, что легко мог быть установлен контакт со сторонниками манихейства Центральной Азии.

Из других религий и конфессий в Киевской Руси имели своих последователей римский католицизм и иудаизм. О влиянии иудаизма уже упоминалось в другой связи (Гл. VI, 11). Что касается римского католицизма, то его сторонниками были преимущественно немецкие купцы, жившие на Руси. Римско-католическая церковь была в Смоленске и две в Новгороде. В западных источниках упоминается доминиканский монастырь в Киеве²³⁹. Несмотря на то что в 1054 г. произошел окончательный разрыв между Греческой и Римской церквями, отношение русских к римскому католицизму в этот период не было агрессивным, и люди не избегали контактов с католиками; в любом случае, конечно, не делали этого ни князья, ни купцы.

Показательно, что все полемические антикатолические трактаты, известные на Руси в киевский период, были переведены с греческого либо написаны греками на Руси²⁴⁰.

8. Литература

Художественная литература, особенно беллетристика, в Средние века еще не выделилась в самостоятельный род. Средневекового читателя привлекали в книгах не столько их художественные достоинства, если они вообще имели значение, сколько возможность извлечь из повествования нравственное наставление и образование. Церковь, в свою очередь, поощряла моралистическую тенденцию, чтобы использовать ее для распространения христианского мировоззрения, и поэтому поддерживала все виды дидактической поэзии и прозы соответствующего направления.

В связи с этими обстоятельствами, говоря о русской литературе киевского периода, мы должны рассматривать не только непосредственно художественную литературу, но и переходные виды, такие, как дидактическая литература, и даже религиозные произведения, если они представляют художественную ценность.

Библия в Киевской Руси, как и в средневековой Европе, являлась главным источником и религиозного и эстетического вдохновения. Влияние Библии на Руси было даже более значительным, чем на Западе, так как русские могли читать ее на языке, близком к родному.

С точки зрения развития литературы воздействие Ветхого Завета оказалось более сильным, чем Нового. Русские того времени читали Ветхий Завет преимущественно в сокращенном варианте (Палея), составитель которого не отделял канонические тексты от апокрифов. Это, однако, делало книгу еще более привлекательной для читателя. Кроме Библии в распоряжении читателей имелись переводы разнообразных произведений религиозной литературы и византийской литературы вообще. С точки зрения истории литературы церковные гимны, жития святых и дидактические легенды разного рода были наиболее важными среди образцов византийской религиозной и полурелигиозной литературы, ставших доступными русским.

Следует отметить, что ни одного произведения греческой художественной литературы, ни классической, ни византий-

ской, за исключением единственной византийской эпической поэмы, написанной на «вульгарном» греческом, не было переведено на русский язык в Средние века. Видимо, это результат руководящей роли церкви, если не непосредственно ее цензуры.

Смог бы русский человек киевского периода оценить Софокла и Еврипида — другой вопрос. Но он, скорее всего, получил бы удовольствие от Гомера, как, несомненно, митрополит Климент, читавший Гомера по-гречески. Эротическая новелла позднего эллинистического и раннего византийского периодов, возможно, нашла бы отклик по крайней мере у части читающих русских, и мы прекрасно можем себе представить автора «Даниила Заточника», с удовольствием читающего «Дафниса и Хлою», хотя он и клеймил «дьявольских женщин».

Обращаясь теперь к апокрифам, следует указать, что некоторые из них родились на Востоке — в Сирии, Египте и даже Индии. Византия служила их хранилищем, откуда они впоследствии были заимствованы Русью и Западной Европой. Только с оговорками христианские и псевдохристианские легенды апокрифического типа можно называть византийскими, за исключением совсем немногих. Из христианских апокрифов особенно популярным на Руси, как я уже сказал, было «Хождение Богородицы по мукам».

Образцом нехристианских апокрифов является «Сказание о Соломоне и Китоврасе». Это одна из легенд о строительстве башни Соломона. Камни для башни нужно было обтесывать без помощи железных орудий, и, чтобы выполнить эту работу, Соломон хитростью приручил волшебника по имени Китоврас (кентавр). Последний изображается как прорицатель будущего и толкователь снов. На Западе та же тема появляется в легенде о Мерлине и легенде о Соломоне и Морольфе²⁴¹.

Из дидактических биографических легенд самый горячий отклик у части русских читателей встретила «Повесть о Варлааме и Иосафе». Родившись в Индии, она представляет собой вариант жизни Будды. В восьмом веке эта легенда была переосмыслена в христианской традиции и переписана по-гречески Иоанном Дамаскином — согласно общепринятому мнению, которое, правда, надежно не обосновано²⁴². Ее цен-

тральная тема — тщета земной жизни, герой — принц, который оставляет свой трон, чтобы стать отшельником.

К этому же жанру дидактической литературы принадлежит и «Повесть об Акире Премудром», тоже любимая русскими²⁴³. Судя по всему, ее родина — Вавилон седьмого века до н. э., легенду переделали на византийский вкус примерно в то же время, что и «Повесть о Варлааме и Иосафе». Герой, Акир, изображается как вельможа, которого обвинил в краже клеветник — его собственный племянник. Царь приказывает казнить Акира, от этой ужасной участи его избавляет старый друг. Впоследствии царству угрожают враги, и именно Акир спасает всех своей мудростью; он не держит зла на царя, но наказывает своего племянника. Мораль: «Не рой другому яму, сам в нее попадешь». Совершенно другая природа у вымышленной биографии Александра Великого, одной из самых популярных повестей позднего эллинистического и раннего средневекового периодов. Русский перевод «Александрии» появился, видимо, в одиннадцатом или двенадцатом веке; полной рукописи до нас не дошло, но части повести были включены в древнерусскую компиляцию всемирной истории, известную как «Греко-римские хроники»²⁴⁴.

Совершенно отдельно от книжной византийской традиции стоит греческая народная поэма — эпос о византийском воине из Анатолии, защищающем христианство от ислама. Поэма была создана в десятом веке, в русском переводе она появилась в двенадцатом под названием «Девгениево деяние». Перевод выполнен в великолепном стиле, напоминающем стиль «Слова о полку Игореве»; можно предположить, что автор «Слова» был хорошо знаком с «Деянием»²⁴⁵.

Как показывают славянские переводы, оригинальная русская литература в значительной степени следовала византийскому образцу. Однако было бы ошибкой заключить из этого, что русские авторы не показали собственной творческой силы. Напротив, некоторые из них достигли самых вершин литературного искусства.

В жанре дидактической церковной литературы и гимнографии одним из самых популярных авторов был епископ Кирилл Туровский. И в гимнах, и в своих поучениях он проявил незаурядное литературное мастерство, несмотря на его прене-

брежение традиционной риторикой. Но возвышается над всеми не только по содержанию своих произведений, но и по их форме митрополит Иларион. В своем «Слове о Законе и Благодати» (см. Гл. III, 5) он показал себя выдающимся мастером риторики. «Слово» великолепно по композиции, а каждая деталь в нем — драгоценный камень высокого достоинства. Иларион использует самые разнообразные средства художественной выразительности: символический параллелизм, метафоры, антитезы, риторические вопросы и т. п., — все это с прекрасным чувством меры.

В светской литературе русские проявили склонность к историческому жанру. «Повесть временных лет» — это и исторический научный труд, и собрание исторических рассказов. Каждый из этих рассказов имеет целью подробное изложение описываемого события, и многие из них, конечно, таковы и есть. Но в то же время многие рассказы имеют и высокую художественную ценность, а в некоторых вымысел, без сомнения, превалирует над фактом. Среди исторических и псевдоисторических сообщений, включенных в «Повесть», находим, например: повествования о походе Олега в Византию; о мести Ольги древлянам за убийство мужа; так называемую «корсунскую легенду» о крещении Владимира; историю ослепления князя Василько; рассказ о гибельной кампании князя Игоря Новгород-Северского против половцев и много других.

Некоторые из этих историй, видимо, основаны на разных эпических поэмах, которые создавались в среде княжеских дружинников; другие представляют собой правдивые изложения факта, как, например, история Василько — она, очевидно, написана священником, который утешал несчастного князя после нанесения ему жестокого увечья. Часть историй, судя по всему, записывалась летописцами со слов очевидцев. Бывало и так, что разные интерпретации одного и того же события распространялись независимо друг от друга. Так произошло в случае с кампанией князя Игоря: две записи были включены в разные варианты летописей; кроме того, об этом событии повествует героическая поэма — знаменитое «Слово».

«Слово» очень динамично; в его основе прославление военной доблести. Однако в поэме есть и лирические эпизоды, как, например, страстное увлечение пленного русского юно-

ши половецкой княжной, на которое только намекается, или плачи жены Игоря. За личной драмой побежденного Игоря встает национальная трагедия Руси, страдающей в то время от княжеских усобиц и постоянных набегов степных кочевников. Портреты русских князей, упоминаемых в истории, полны жизни и убедительны. Степь, через которую русские идут к своему поражению, жизнь животных вокруг движущегося войска, оружие, доспехи (русские и половецкие) — все описывается не только с истинным духом поэзии, но и с замечательным знанием деталей.

«Слово» проникнуто языческим мироощущением. Значат ли что-либо для автора имена славянских божеств, которые он упоминает, или он взывает к ним лишь по поэтической традиции — сказать трудно. В любом случае дух поэмы не христианский, в религиозном смысле, и если автор и был христианином, то, очевидно, плохим. Он, вероятно, принадлежал к дружине князя Черниговского, был хорошо знаком с русским фольклором и прекрасно начитан в исторической и эпической литературе, включая «Историю Иудейской войны» Флавия и «Девгениево деяние».

Во вступительных строфах автор обращается, как к идеалу, к древнему певцу Баяну, хотя он и не будет следовать стилю Баяна, а утверждает свободу писать по-своему. Этот Баян, по-видимому, был современником князя Мстислава Тмутараканского, тоже упоминаемого в «Слове»; ни одно из его произведений не дошло до наших дней. Единственная известная рукопись «Слова о полку Игореве» была копией, сделанной во Пскове в XV веке. Ее обнаружил Мусин-Пушкин в 1795 г., тогда же была сделана копия для императрицы Екатерины II. «Слово» было опубликовано в 1800 г., а в 1812 г. рукопись Мусина-Пушкина погибла в московском пожаре наполеоновского нашествия. Копия Екатерины и первое издание (для которого использовалась рукопись Мусина-Пушкина) — все, что сохранилось из документальных свидетельств. Поскольку оба полны ошибок переписчиков и типографских опечаток, интерпретация «Слова» — чрезвычайно трудная задача.

Однако, несмотря на то, что до 1812 г. дошла только одна рукопись — или по крайней мере только одна была обнаружена, — мы знаем, что «Слово» читали и восхищались им в три-

надцатом и четырнадцатом столетиях. Отрывок из него цитировался в начале тринадцатого века в варианте «Моления Даниила Заточника», а в конце четырнадцатого века «Слово» послужило образцом для «Задонщины», исторической поэмы, прославляющей победу русских над монголами в 1380 г.

«Моление Даниила Заточника» — еще одно замечательное произведение древнерусской литературы²⁴⁶. Как и в случае со «Словом», автор нам не известен. Судя по содержанию произведения, он, видимо, был небогатым дворянином — возможно, бывшим рабом одного из суздальских князей. *Заточник* на древнерусском значит «заключенный», и поэтому было высказано предположение, что «Моление» написал опальный слуга, которого князь посадил в тюрьму. Подобное объяснение обстоятельств, в которых было написано произведение, весьма уязвимо. «Моление» не биографический документ, а сатира. В вычурном риторическом стиле автор умоляет князя использовать его (автора) таланты. Он представляет себя как гонимого бедняка и признает свое отвращение к военной службе, но похвальноется своим умом и образованием и предлагает себя на должность княжеского советника. В качестве свидетельства собственной мудрости он включает в свое моление огромное количество цитат из «Библии», «Физиолога», «Пчелы», «Повести об Акире Премудром» и так далее. Его тон то смиренный до подобострастия, то высокомерный или даже революционный. Временами он жаждет богатства, затем высмеивает тех, кто прельщается красивыми одеждами и богатой едой. Он отвергает саму возможность княжеского предложения жениться на богатой девушке и на этот случай изошряется в оскорбительных речах против женщин. Но, представляя себя женоненавистником, он также отказывается стать монахом и находит достаточно выразительные слова, чтобы объяснить свое отвращение к монашеству; действительно, в одном из вариантов «Моления» горячие высказывания автора против «черного духовенства» и бояр приобретают политическое значение.

В определенном смысле «Моление» — это сочинение, направленное против человеческой тупости и социального неравенства, яркая апология мудрости. Автор был, безусловно, хорошо образованным человеком острого ума.

Не менее замечательным светским документом, хотя и абсолютно другим по содержанию и тону, является автобиография Владимира Мономаха, которая составляет главную часть его «Поучения»²⁴⁷. Тогда как автор «Моления Даниила» — один из немногих книжников того времени, Владимир Мономах — солдат и государственный деятель, который просто описывает свои дела, но делает это с несомненным литературным талантом, который он, видимо, развил интенсивным чтением. Его автобиография не только проникнута высокими идеями, но и обнаруживает вкус к здоровой жизни с ее простыми удовольствиями, а также восхищение красотой природы.

В заключение этого раздела следует сказать, что наше знание русской литературы киевского периода лишь фрагментарно. Так много рукописей того времени погибло (и в течение монгольского нашествия, и впоследствии), что мы, видимо, никогда не узнаем, что потеряли с ними. Кроме того, большинство из дошедшего до нас было обнаружено в церковных архивах, а духовенство было мало озабочено сохранением произведений светской литературы — особенно с языческими «отклонениями», такими, как в «Слове». Возможно, это объясняет тот факт, что сохранилась только одна копия этого произведения.

По-видимому, не только количество произведений, но также и разнообразие стилей в литературе киевского периода было значительно больше, чем мы обычно готовы допустить.

9. Образование

Подобно искусству, образование в Киевской Руси финансировалось церковью и князьями. Церковь нуждалась в обученном духовенстве, князья — в служащих для своей администрации. Но в этой поддержке было и нечто большее, чем просто практические соображения. После введения на Руси христианства князь Владимир и церковные лидеры столкнулись с задачей распространения на Руси христианской культуры, задачей, к которой они отнеслись с истинно миссионерским энтузиазмом. К чести Владимира и его советников, они

строили не только церкви, но и школы. За обязательным крещением последовало обязательное образование.

Насколько мы можем судить по летописям и отдельным упоминаниям в других источниках, школы открывали не только в Киеве, но и в других городах. Из «Жития Св. Феодосия» мы знаем, что приблизительно в 1023 г. существовала школа в Курске. Ко времени правления Ярослава (1019–1054 гг.) образование укоренилось, и его польза уже не подвергалась сомнению.

Приблизительно в 1030 г. Ярослав открыл богословскую школу в Новгороде для наставления в «книжном учении» трехсот детей духовенства и мирян. Вероятно, духовные семинарии планировалось открыть в каждой епархии под надзором соответствующих епископов.

Не желая ограничиваться школами, Ярослав задумал грандиозный план распространения образования на Руси на широких основаниях (см. Гл. IV, 3). Неизвестно, как долго просуществовала Академия Ярослава, но вряд ли она смогла пережить разграбление Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г.

Пример Владимира и Ярослава по руководству образованием, несомненно, вдохновил других русских князей одиннадцатого и двенадцатого веков. Но к сожалению, информация (в сохранившихся летописях и других источниках) об образовании в период после смерти Ярослава (1054 г.) очень скудна. Нашим знаниям по этому вопросу мы обязаны в основном видному русскому историку восемнадцатого века В. Н. Татищеву, который располагал некоторыми летописями, с тех пор утерянными, в результате чего его «Русская история» содержит массу разнообразной информации, иначе нам недоступной. Правда, многие сверхтребовательные историки отказываются признавать информацию Татищева надежной; в частности, Голубинский считает недостоверными данные Татищева по образованию в Киевской Руси в конце одиннадцатого и двенадцатом веке²⁴⁸. Такое полное отрицание, безусловно, несправедливо; кроме того, почти в каждом случае достоверность татищевской информации можно подтвердить, рассматривая доступные косвенные свидетельства.

Возьмем сначала случай с княжной Янкой, дочерью Всеволода I Киевского. Известно, что в 1086 г. Всеволод осно-

вал монастырь, в котором Янка приняла постриг. По Татишеву, она организовала там школу для девочек, где обучали чтению, письму, рукоделию и пению. Голубинский высмеивает возможность женской инициативы в образовании на Руси того периода²⁴⁹. Однако известно, что другие русские княжны получили хорошее образование и интересовались науками. Тетка Янки, королева Анна Французская, в любом случае была способна подписаться своим именем (см. Гл. XI, 4). Княжна Ефросиния Полоцкая (1001–1073), которая подобно Янке стала монахиней, прославилась не только своей красотой, но и своей ученостью. Поскольку Янка и Ефросиния, судя по всему, были проникнуты тем же миссионерским духом, что Владимир Святой и Ярослав Мудрый, описываемая попытка Янки организовать обучение девочек, безусловно, не должна казаться нам экстравагантной.

Выдающимся организатором образования, по Татишеву, был князь Роман Смоленский (сын Ростислава I Смоленского и Киевского). Ему приписывается открытие в Смоленске нескольких школ, в которых кроме других предметов преподавали греческий и латинский языки. Все свое состояние Роман потратил на эти школы, и, когда он умер (в 1180 г.), жители Смоленска собирали деньги, чтобы его похоронить²⁵⁰.

В Суздальском княжестве князь Константин (сын Всеволода III), пишет Татишев, собрал библиотеку из греческих и славянских книг, заказал переводы с греческого на русский и завещал в 1218 г. свой дом во Владимире и часть доходов от имения школе, в которой должны были обучать греческому языку²⁵¹.

Достоверность информации Татишева по обоим этим случаям подвергается сомнению. Но согласно другим доступным источникам, Смоленск и Суздальское княжество в конце двенадцатого и начале тринадцатого века являлись важными интеллектуальными и художественными центрами; было бы трудно объяснить их культурный расцвет, не допуская, что в тот период в обоих местах существовали хорошие школы; следовательно, данные Татишева прекрасно соответствуют общей исторической картине.

Хотя мы можем полагать, что в Киевской Руси были как начальные, так и высшие школы, немного известно об их

учебных планах. «Часослов» использовался в качестве первой учебной книги, затем учились по Псалтырю. Школьная дисциплина, очевидно, была суровой. В «Житии св. Авраамия Смоленского» (тринадцатый век) можно видеть, что ученики временами впадали в отчаяние, а в так называемой «Пчеле», собрании греческих афоризмов, школа упоминается как одно из «трех несчастий», другие два — бедность и злая жена. По-видимому, некоторые дети из княжеских и боярский семей отправлялись для образования в Константинополь. Автор «Даниила Заточника» вставляет среди других своих шпилек: «Я не ездил за моря брать уроки у философов», — откуда следует, что кто-то ездил.

Хотя мы и не располагаем статистикой учебного дела этого периода, можно с уверенностью допустить, что Русь в то время имела значительное количество школ, по крайней мере в городах, и процент грамотных, по крайней мере среди людей высших классов, был высоким. В любом случае все князья и духовенство были грамотными. Также следует признать, что в киевском обществе сформировалась настоящая элита; немногочисленная, возможно, но элита, достигшая высокого культурного уровня.

10. Гуманитарные науки

Теология и философия

Теология была краеугольным камнем средневековой духовной культуры как в Западной, так и в Восточной Европе — философия считалась лишь «служанкой теологии». В этом отношении развитие философской мысли в Киевской Руси следовало тому же общему пути, что и в Византии, и на Западе.

Судя по трудам некоторых русских священнослужителей киевского периода (таких, как митрополиты Иларион и Климент, епископ Кирилл), русская элита находилась тогда на таком же интеллектуальном уровне, как византийская и западная. Однако русские книжники того времени не оставили систематических работ ни по богословию, ни по философии. Их произведения — по крайней мере те, что дошли до нас, —

состоят из проповедей и коротких поучений. С необходимыми оговорками следует согласиться с преподобным Георгием Флоровским, что древнерусская теологическая культура оставалась «немой» на протяжении нескольких столетий; хотя, как подчеркивает тот же автор, из отсутствия письменного философского самовыражения киевских русских не стоит заключать, что их интеллект не был развит достаточно для философского размышления²⁵². Показателем того, что люди думали, может служить то, что они читали; следовательно, уместным здесь будет краткий обзор произведений греческой теологической литературы, доступной русским того периода в славянских переводах²⁵³. Следует отметить, что известны также русские переводы с латинского²⁵⁴.

К моменту крещения Руси Новый Завет был полностью переведен на славянский. Евангелие имелось в двух формах. Некоторые рукописи содержали полные тексты четырех Евангелий («Тетра»). В других выдержки из Евангелий давались в том порядке, в котором их читали в церкви, в соответствии с годовым циклом богослужений. Это называлось «Апракосом». «Деяния Апостолов» и «Притчи» составляли отдельную книгу, под названием «Апостол». Книги Ветхого Завета распространялись по отдельности, и, когда в конце пятнадцатого века епископ Геннадий Новгородский приказал их все собрать, чтобы подготовить полный свод, некоторые оказались утраченными, поэтому их пришлось перевести заново. Первое печатное славянское издание полной Библии появилось в 1581 г.

Из книг Ветхого Завета наибольшей популярностью у русских читателей пользовался «Псалтырь». Его читали во всех слоях общества и часто цитировали. Книги пророков тоже были широко известны. Из исторических книг Ветхого Завета был составлен сокращенный сборник, известный как «Палея». В сборник вошли не только канонические тексты, но и апокрифы.

Необходимо заметить, что термин «апокриф» мы употребляем здесь не в протестантском его понимании, а так, как он трактуется в Греческой и Римской церкви: таким образом, так называемые деутероканонические книги (не входящие в иудейскую Библию) апокрифами не признаются. Списки запрещенных книг существовали в Византии, и один из них по-

явился в славянском переводе в 1073 г., но, поскольку их было несколько, причем разного содержания, некоторая путаница была неизбежна, особенно в недавно обращенной стране. Не только миряне, но даже и епископы иной раз не могли уверенно отличить «истинную» книгу от «подложной».

Среди апокрифов были так называемые «Евангелия» от Иакова, Никодима и Фомы, варианты истории об Адаме и Еве, двенадцати библейских патриархах, Давиде и Соломоне и так далее. Один из популярных эсхатологических апокрифов «Хождение Богородицы по мукам» уже упоминался выше. Кстати, в русском переводе «Хождения» есть интересное дополнение. Поклонение Солнцу, Луне и Земле приводится в истории как причина, по которой некоторые узники Преисподней в нее попали; в этом месте русский текст продолжает: «и те, кто поклоняется Хору, Велесу и Перуну» — то есть славянским языческим божествам²⁵⁵.

На славянский язык были переведены два основных изложения православной христианской теории: «Катехизические проповеди» св. Кирилла Иерусалимского и «Точное изложение православной веры» Иоанна Дамаскина. Сокращенный перевод «Изложения» сделал экзарх Иоанн Болгарский в десятом веке. Среди других работ патриархов и отцов Византийской церкви в славянских рукописях болгарского и древнерусского происхождения представлены некоторые трактаты Афанасия Александрийского, Василия Великого и Григория Нисского. Фрагмент из «Богословских вопросов и ответов» св. Анастасия Синаита и два отрывка из работ Максима Исповедника включены в «Изборник» Святослава в 1073 г.

Совсем немного свидетельств в этот период о самостоятельной работе русских в области догматики. Хотя митрополит Иларион тщательно изучил принципы христианской философии и богословия, его подход — по крайней мере, судя по «Слову о законе и благодати» — больше философско-исторический, чем схоластический.

Проповеди Кирилла Туровского ближе к догматическому рассуждению, но, хотя они и раскрывают его творческие возможности, вряд ли добавляют что-либо важное к византийскому запасу богословского знания. Кирилл подчеркивает пропасть между Богом и человеком и не пытается ее преодо-

леть. Его Христос скорее неумолимый судья, чем «Сын Человеческий». Покаяние и смирение — главные добродетели человека, но, если он и отличается ими, все равно у него мало надежды на спасение души.

Климент Смоленский (Смолятич), киевский митрополит с 1147 по 1155 г., почитался современниками как главное светило русского богословия. Летописец говорит: «Никогда раньше не было на Руси такого философа, как Климент». Этот прелат, судя по всему, читал Гомера, Платона и Аристотеля. Во всяком случае, его критиковали за цитирование их работ ограниченные христианские ригористы, такие, как священник Фома Смоленский. Кстати, здесь можно указать, что в византийских школах одиннадцатого и двенадцатого веков чтение Гомера было обязательным, и византийские теологи того времени любили обращаться к Гомеру за аллегорическими параллелями при толковании Библии²⁵⁶. К сожалению, сохранилась рукопись только одного послания Климента, да и то это не оригинальный текст, а отредактированный учеником, неким Афанасием. Послание адресовано вышеупомянутому Фоме, перед которым Климент защищает свой метод аллегорического и символического толкования²⁵⁷.

Обратимся теперь к философской литературе как отдельному от богословия виду (насколько такое разделение возможно для рассматриваемого нами периода). «Диалектика» Иоанна Дамаскина основана на Аристотеле; самая ранняя из известных рукописей этой важной работы на славянском языке датируется пятнадцатым веком, однако небольшой отрывок из «Диалектики» включен в «Изборник» Святослава 1073 г. О Платоне русский читатель киевского периода мог, если он не знал греческого, получить общую информацию — как и дезинформацию — из «Хроникона» Георгия Мниха и «Хронографии» Иоанна Малала²⁵⁸. Неоплатонизм в византийской христианской литературе ярче всего представлен в трактате Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесной иерархии». Но не существует свидетельств о каком-либо славянском переводе этой работы до конца пятнадцатого столетия.

Таким образом, простой русский читатель киевского периода мог познакомиться с мыслью классических и эллинистических философов только через небольшие фрагменты их

работ, включенные в различные сборники афоризмов, чрезвычайно популярные как в Византии, так и на Руси. Одним из наиболее известных таких сборников является так называемая «Мелисса», которая была составлена на греческом языке в одиннадцатом веке и переведена на славянский, вероятно, в двенадцатом столетии под названием «Пчела»²⁵⁹. Она содержит выдержки из произведений Демокрита, Платона, Аристотеля, Эпиктета и других. Понятно, что ни эти выдержки, ни краткие пересказы классической и эллинистической философии в произведениях Отцов Церкви не могли заменить оригиналы, но нельзя забывать, что средневековый читатель был способен извлечь из этих источников куда больше, чем мы можем ожидать. Этот читатель — по крайней мере типичный читатель — не просматривал книгу. Его метод чтения можно назвать статическим: он читал по параграфу и размышлял над каждым предложением. Узнав основные идеи философа, он был в состоянии реконструировать по меньшей мере часть его доказательств, если не все оригинальное построение.

Вышеизложенное относится к читателю, владевшему только славянским языком. Но, как я уже указывал по разным поводам, в Киевской Руси была также и элита, которой были доступны греческие оригиналы. Более того, многие русские епископы и игумены были греками по происхождению и образованию и, таким образом, служили посредниками между византийской и русской наукой.

История

В трудах по истории русские ученые этого периода проявили значительно большую зрелость и достигли большей самостоятельности, чем в области богословия и философии. Сначала, конечно, они искали для себя образец в византийской исторической литературе, но, однажды начав, они скоро пошли своим путем.

Инициатива в описании исторических событий принадлежала духовенству, а конкретнее — монашеству. Первая русская летопись, по-видимому, была написана в Новгороде в начале одиннадцатого века, а первая общая история Руси

появилась в Киеве столетием позже. Она называлась «Повесть временных лет».

В некоторых позднейших копиях «Повести» ее авторство приписывается монаху Киево-Печерского монастыря Нестору, который является автором двух житийных повестей: «Чтения» — о князьях-мучениках Борисе и Глебе и «Жития Феодосия», игумена этого монастыря. Нестор родился примерно в 1056 г. и умер вскоре после 1112 г. Его авторство «Повести временных лет» отрицается многими видными учеными. Авторство «Повести» — спорный вопрос. До конца девятнадцатого века ее считали единым произведением, написанным одним человеком в одно время. Дальнейшие исследования, особенно труды А. А. Шахматова, показали, что в своей окончательной форме «Повесть» представляет собой компиляцию, созданную на основе нескольких более ранних летописей²⁶⁰.

Первую киевскую летопись, по всей видимости, начали в 1039 г.; ее начало, судя по всему, следует связывать с созданием в том же году Киевской епархии, а также с образовательными реформами Ярослава Мудрого. Вероятно, написание летописи было организовано митрополитом Киевским. Впоследствии ее копию отправили в Печерский монастырь, где монахи продолжили запись последующих событий.

Примерно в 1073 г. Никон Великий, тогда игумен монастыря, отредактировал оригинальную летопись и дополнения к ней.

Предполагается, что в 1095 г., после смерти князя Всеволода, киевскую летопись еще раз переработали, добавив некоторые новые материалы. Затем, приблизительно в 1110 г., возможно по инициативе князя Святополка II, монахами Печерского монастыря был предпринят еще более грандиозный проект — написание, на основе ранних летописей, общей истории Руси. Это был первый вариант «Повести временных лет».

По Приселкову, Нестор являлся главным редактором этой работы²⁶¹. Однако С. А. Богуславский показал, что «Повесть временных лет» отличается по литературному стилю, а также по интерпретации некоторых событий от двух «Житий», написанных Нестором²⁶². В любом случае первый вариант «Пове-

сти» не был «опубликован», в том смысле, в каком это выражение может относиться к рукописи.

Со смертью Святополка II и восшествием на великокняжеский стол Владимира II авторитет Печерского монастыря понизился. По приказу нового правительства рукопись «Повести временных лет» передали из Печерского монастыря в другой, более почитаемый Владимиром монастырь — Св. Михаила в Выдубичах. Там игумен Сильвестр (1114—1116 гг.) переработал рукопись. В 1118 г. неизвестный редактор создал новый вариант «Повести». Следы всех этих вариантов и сейчас различимы в дошедших до нас рукописях, самыми знаменитыми из которых являются Лаврентьевская — конца четырнадцатого века и Ипатьевская — начала пятнадцатого. Главное отличие первого (Нестора) варианта «Повести» от двух последующих (Сильвестра и неизвестного редактора) состоит в отношении их редакторов к княжеской политике. Нестор критически настроен к Всеволоду I и сочувствует Святополку II, тогда как Сильвестр и неизвестный редактор являются недоброжелателями Святополка II и поклонниками сына Всеволода — Владимира Мономаха. В определенном смысле мы сталкиваемся здесь со случаем борьбы между «византинофилами» (Всеволод и его сын Владимир) и «западниками» (Святополк II).

Исключая различия редакторской правки, в основном «Повесть временных лет» — результат трудов ее первого редактора (Нестора). Это не просто запись событий, а всеобъемлющий научный трактат о происхождении и становлении Киевского государства; сочетание того, что Гегель называет «первоначальной историей» и «рефлексивной историей». «Повесть» начинается с географического и этнографического обзора славянского мира, на фоне которого затем описываются образование Киевского государства и главные события русской истории до 1110 г.

Крещение Руси и ее борьба со степными кочевниками составляют две главных темы. Философия истории составителя близка философии византийских и западных историков того времени. Он обладает тонким чувством Промысла Божьего и поэтому склонен извлекать уроки из истории и политики. С его точки зрения, несчастья человечества суть наказания Бога за грехи людей. Составитель, или составители, работая над

«Повестью», использовали самые разнообразные материалы: некоторые произведения византийских историков, переведенные на славянский язык; архивные документы, например русско-византийские договоры; предыдущие русские летописи и записи и т. п. Также использовались рассказы очевидцев событий, как, например, рассказы тысяцкого Яна и священника Василька. Во многих случаях, однако, повествование летописца основано на менее надежных источниках — народной поэме или легенде. Такие изложения легко отличить, и они вряд ли могут ввести в заблуждение современного читателя.

Кроме «Повести временных лет» в киевский период было создано несколько других летописей. Среди них здесь можно упомянуть Новгородскую летопись, Киевскую летопись середины двенадцатого столетия, Волынские и Галицкие летописи конца двенадцатого и начала тринадцатого века и Суздальскую летопись того же периода. Кроме работ своих книжников русский читатель располагал славянскими переводами некоторых трудов византийских историков, таких, как Иоанн Малала («Греко-римские хроники», шестой век), Георгий Синкелла (конец восьмого и начало девятого века) и Георгий Мних (девятый век). В одиннадцатом веке на славянский язык перевели «Историю Иудейской войны» Флавия, которая также завоевала значительную популярность в средневековой Руси.

Политическая мысль

После Крещения Руси политическая мысль русских книжников — тех, кого мы можем назвать русской интеллигенцией киевского периода, — определялась христианскими идеалами. Как и в Западной Европе, Библия для русских того времени была источником не только религиозной мудрости и литературного вдохновения, но также политической и социальной философии. Византийские философские и политические труды составляли другой источник русской политической мысли. Но политическая философия Библии и византийских авторов не была монолитной. В разных частях Ветхого и Нового Завета, как и в византийских произведениях, высказываются различные идеи. Так, например, в Ветхом Завете можно найти

цитаты, поддерживающие монархическую власть (Втор., XVII, 14–20) и направленные против нее (1 Цар., VIII, 10–18). В византийских политических сочинениях тоже наблюдается значительное разнообразие взглядов на природу монархической власти. Там существовали две философские школы, по-разному рассматривающие отношения между императором и церковью²⁶³. Таким образом, ясно, что, хотя русские располагали массой материала в библейской и византийской политической литературе, а также в классической философии, они должны были делать свой выбор при построении собственной системы политических идей²⁶⁴.

Хотя в Киевской Руси не появилось ни одной обобщающей работы о государственной власти, много интересных наблюдений и замечаний по этому вопросу можно найти в разных проповедях и посланиях русских епископов и монахов, а также в «Повести временных лет». Анализ этих извлечений может дать ясное представление об основных течениях политической мысли этого периода. Все русские писатели принимают институт монархии; никто, однако, не приемлет абсолютизма. Показательно, что ни в одном русском произведении киевского периода нет ссылок на принцип римского императорского права: «Нет законов для правителя» (*Princeps legibus solutus est*). Напротив, почти в каждом русском рассуждении о государственной власти подчеркивается, что правитель связан законом. Так, монах Иаков в своем послании князю Дмитрию (христианское имя Изяслава I), написанном приблизительно в 1072 г., настаивает на том, что правитель не должен «отказываться от главных принципов» даже под угрозой силы и не должен допускать никакого произвола в управлении делами.

Под «законом» и «главными принципами» русские писатели понимали главным образом христианский нравственный закон, а также установившуюся практику справедливого управления. Они не выступают за какие-либо конкретные правовые ограничения княжеской власти. В этой связи можно отметить, что только к концу этого периода были приняты первые европейские конституции: английская Великая хартия в 1215 г. и венгерская Золотая булла в 1222 г. С другой стороны, город Новгород даже в киевский период ограничил княжескую власть специальными хартиями, и эти хар-

тии можно считать элементами основного конституционного закона. К сожалению, новгородские грамоты домонгольского периода не дошли до наших дней. Впрочем, новгородские традиции тоже не пропагандировались в политических размышлениях русских книжников того периода. В этом отношении русская политическая теория отставала от политической реальности. Не отстаивая конституционных гарантий, решение проблемы писатели усматривали в нравственных и интеллектуальных качествах князя. В этом смысле русские следовали идее Платона о царе-философе. «Тот, кто принимает большую власть, должен иметь большой ум», — говорит цитата из Платона в «Пчеле».

Соответственно «Повесть временных лет» одобряет хороших князей и порицает плохих. Хороший князь почитает закон и справедливость и устанавливает правление по этим принципам. Плохой князь — как человек может быть и не плохим — сам не занимается управлением и позволяет своим представителям грабить людей. Чтобы предотвратить беспорядок в государстве, князь должен прислушиваться к советам опытных людей — то есть дружинной думы. Если он нарушает обычай и окружает себя молодыми неопытными советниками — как, согласно «Повести временных лет», поступал к концу жизни Всеволод I, — результатом будет упадок в делах и разорение людей.

Такая позиция означает мягкое одобрение аристократического элемента в государственном управлении. Что касается демократического элемента, вече, то ему не уделяется внимания в дошедших до нас политических размышлениях. Однако знаки демократических тенденций русской политической жизни можно видеть в летописях. Так, в Лаврентьевской летописи обнаруживаем следующую запись: «С незапамятных времен новгородцы, смоленские, киевские, полоцкие жители и народы других земель собирались на вече, чтобы обсуждать дела»²⁶⁵. Это не столько констатация факта, сколько изложение законных политических прав новгородских демократов.

Хотя подобным специальным правам и не отдается предпочтения в известных нам политических рассуждениях книжников, в некоторых из них мы находим выражение общей идеи о нравственном договоре между князем и народом. Плохой

князь, нарушающий этот договор, навлекает на себя гнев Божий. Бедствия, такие, как голод и войны, — это наказания Божьи за людские грехи. Князь и народ связаны нитью истории, и каждый в ответе за грехи другого. Об этом русский того периода мог прочесть в «Пчеле»: «Государство погибает по вине людей или от Божьего наказания». Первая часть фразы основана на Платоне, вторая добавлена христианским составителем. Отношение русского книжника к этой проблеме было каким угодно, только не пассивным. Если народ извратился, князь должен исправлять его. Если князь плох, народ должен заменить его на другого. Наставление в духе подобного активного сопротивления злу русский мог найти в другом приписываемом Платону афоризме, помещенном в «Пчеле»: «Тот, кто не делает зла, достоин уважения; но тот, кто не позволяет другим делать зло, достоин уважения вдвойне; если первый заслуживает короны, то второй — нескольких».

Филология

Великий труд св. Кирилла и Мефодия, который вначале имел единственную цель — приспособить славянский язык к потребностям церкви, в результате дал мощный толчок развитию славянской культуры и цивилизации в целом. Сами славянские апостолы с истинным энтузиазмом отнеслись к своей культурной миссии.

К своему переводу Евангелия философ Константин (св. Кирилл) написал прекрасное поэтическое вступление²⁶⁶. Оно начинается следующими вдохновенными строками:

Засим внемли, понимая!
 Так внемли, Славянский народ!
 Внемли Миру, питающему души человеческие,
 Миру, укрепляющему сердце и разум,
 Этот Мир готов принять Бога!

Константин затем подчеркивает важность для славянского народа — как любого другого — услышать Евангелие и иметь книги на своем родном языке. «И учил Святой Павел: пять слов на родном языке скорее научат людей, чем тысяча чужих

слов». Идеи Константина развил митрополит Иларион Киевский, который сказал, что новая вера требует нового языка, как новое вино — новых мехов²⁶⁷. Принимая во внимание увлеченность славянских книжников того периода языком и литературой, можно предположить, что по крайней мере некоторые из них интересовались тем, что теперь мы называем славянской филологией.

Свидетельством такого интереса является сочинение «О [славянских] буквах», написанное Храбром, болгарским монахом десятого века²⁶⁸. Это замечательное исследование о происхождении славянского алфавита. Самая ранняя из известных рукописных копий этого исследования, список бывшей Синодальной библиотеки в Москве, датирована 1348 г. Нет сомнений, однако, что эта работа была известна на Руси и в исследуемый нами период.

Хотя новая славянская литература уже родилась, так сказать, пуповина, соединяющая ее с матерью — византийской литературой, не была отрезана сразу. Работу по переводу с греческого на славянский, начатую св. Кириллом и Мефодием в Моравии в девятом веке и продолженную их учениками в Болгарии в десятом веке, с успехом возобновил в одиннадцатом веке Ярослав Мудрый в Киеве. Зависимость славянской науки от византийской литературы предполагает наличие в тот период значительного количества профессиональных переводчиков, образованных людей, которые знают оба языка. Некоторые были греками, другие — болгарами; однако были среди них и русские.

Совершенно очевидно, что в работе они использовали какие-то ранние грамматики и словари. И действительно, существуют доказательства, свидетельствующие, что русские книжники того времени были знакомы с так называемой «скедографией» — искусством правильного употребления слов. Византийские скедографические труды обычно содержали и основные грамматические правила, и комментарии о значениях слова. Такие труды составлялись в алфавитном порядке. В своем полемическом послании священнику Фоме митрополит Климент допускает, что учитель Фомы, некий Григорий, знает «альфу и бету и грамматику на все двадцать четыре буквы [греческого алфавита]», но добавляет (не говоря о се-

бе), что среди людей под его руководством тоже есть хорошо знающие свои альфы и беты. Ссылка, несомненно, на изучение скелетнографических сочинений²⁶⁹.

Некоторые из переводчиков, приглашенных Ярославом I, возможно, преподавали греческий язык в киевских школах. В смоленских школах второй половины двенадцатого века, вероятно, преподавались и латинский, и греческий. То, что в Киеве в одиннадцатом веке были учителя и других языков, следует из упомянутого выше «Поучения» Владимира Мономаха, в котором он говорит, что его отец, Всеволод I, сидя в Киеве, знал пять языков (русский, разумеется, в это число не входит).

Поскольку первая жена Всеволода была византийской принцессой, а вторая — половецкой княжной, мы можем быть уверены, что он знал греческий язык и язык половцев. Каковы же три других изученных им языка, можно только предполагать. Вероятнее всего, это были латинский, норвежский и косожский.

Юриспруденция

В Западной Европе в Средние века две правовые системы соперничали между собой: германское и римское право. Поскольку германские племена завоевали одну за другой бывшие провинции Римской империи, они принесли с собой собственные обычаи и традиции, имевшие для них обязательную силу. Постепенно тевтонское право восторжествовало над римским почти на всем Западе. Однако в Южной Европе римское право не было забыто полностью, а с конца одиннадцатого века интерес к нему возрождается благодаря работе так называемых «глоссаторов», или комментаторов, «дигестов» Юстиниана. Юридическая школа в Болонье являлась главным центром исследований глоссаторов в двенадцатом столетии. Это течение в юриспруденции в конце концов привело к так называемому «принятию римского права» в большинстве стран континентальной Европы. Процесс принятия продолжался несколько веков; в Германии, например, это произошло только в конце пятнадцатого столетия.

На Руси юриспруденция развивалась по другому пути. Русь никогда не входила в состав Римской империи. Поэтому славянское обычное право, во многих отношениях сходное с германским, составило собственную основу русского права. Но поскольку Русь была связана географически и экономически с Византийской империей, она испытывала влияние византийской юриспруденции еще до принятия христианства. В этом отношении особенно важны русско-византийские договоры десятого века.

Византийское право, исключая, конечно, церковное право, было прямым историческим продолжением римского права. Именно в ранний византийский период, в правление Юстиниана, произошла окончательная кодификация римского права. Таким образом, через Византию русские рано познакомились с римским правом. Византийские собрания церковных канонов и указов императоров относительно церкви известны как Номоканоны. Существует несколько их вариантов. Из «Церковного устава» св. Владимира мы знаем, что он обращался к одному из этих собраний. По-русски Номоканон называли «Кормчей»²⁷⁰.

Что касается византийского гражданского права, то наиболее популярные монографии, такие, как «Эклога», «Прохирон» и «Номос Георгикос» (Земледельческий закон), были хорошо известны в средневековой Руси. Выдержки из «Эклоги» и «Прохирона» — если не полные их тексты — появились в славянском переводе в киевский период. «Земледельческий закон» был переведен, вероятно, в конце двенадцатого или начале тринадцатого века.

В десятом веке в Болгарии было составлено славянское руководство по праву, известное как «Закон судный людем». Оно преимущественно основывалось на «Эклогге» и было чрезвычайно популярно на Руси.

В результате переводов упомянутых выше сводов законов и руководств русский юрист одиннадцатого и двенадцатого веков, даже если он не знал никаких других языков, кроме славянского, располагал целой полкой юридических книг. Тем, кто знал греческий, разумеется, были доступны все оригинальные своды. Нужно отметить, однако, что, несмотря на знакомство русских юристов с византийским правом, первая

редакция «Русской правды», записанная в начале одиннадцатого века и известная под названием «Правда Ярослава», основана на славянском обычном праве.

Второй русский свод, известный как «Правда Ярославичей» и датированный примерно 1072 г., посвящен преимущественно защите княжеских служащих и имений. Его источниками являются различные княжеские указы; однако содержание свода позволяет нам предположить определенное влияние германского княжеского права и византийского права. Так называемая пространная редакция «Русской правды», кодифицированная, вероятно, в шестидесятых годах одиннадцатого века, значительно более разработанный свод, чем две предыдущие редакции, и в ней чувствуется рука юриста, сведущего в византийском праве²⁷¹.

Хотя и знакомые с византийским правом, русские юристы двенадцатого века не перенимали безоговорочно все его нормы. Напротив, они продемонстрировали завидную независимость от византийских учителей, что само по себе свидетельствует о высоком уровне юридической мысли в Киевской Руси. Русские приняли то, что казалось им полезным для русского права, и отказались или модифицировали все, что сочли несовместимым с русской жизнью. Так, они последовали принципам византийского права — или скорее в этом случае римского права — в легализации процента по займам. Как хорошо известно, западное право этого периода, под влиянием церкви, не признавало законности процента по займам, который считался «ростовщическим». Но, следуя византийской линии в вопросе о займах, русские не взяли из византийской традиции ни смертного приговора, ни телесных наказаний. Во всех случаях, когда византийский закон предписывает порку или другие формы телесного наказания, «Правда» заменяет их денежными штрафами: такое-то количество гривен вместо такого-то количества плетей.

Сравнение разных редакций «Правды» может помочь охарактеризовать методы кодификации, применявшиеся русскими юристами. Начиная с конкретного случая, они постепенно строят общие нормы права. Так, когда жители Дорогобужа убили старого конюха князя Изяслава I, последний вынес решение, что убийцы должны заплатить восемьдесят гривен

в качестве виры. Это было должным образом зафиксировано, и в «Правде Ярославичей» установлена вира в восемьдесят гривен за убийство любого княжеского конюха, со ссылкой на случай в Дорогобуже; однако в следующей редакции «Правды» (так называемая «пространная редакция») даже эта ссылка опущена.

Возьмем другой случай. «Правда Ярославичей» содержит статью, в которой устанавливается пеня за убийство княжеского пастуха, или *хола* (называемого так, потому что в десятом и начале одиннадцатого века многие пастухи происходили из печенегов и принадлежали, по-видимому, к хопскому племени; см. Гл. VI, 11). Княжеские пастухи чаще всего были рабами князя. И в соответствующей статье пространной редакции слово «хоп» заменено на «холоп»; содержание статьи, таким образом, становится общим.

Другим интересным примером редакционных методов русских юристов того периода является объединение «Правды» с «Законом судным людем» десятого века, общая редакция которых появилась в конце двенадцатого или начале тринадцатого века.

11. Естественные и технические науки

Развитие современной науки соединяется в нашем сознании с Западной Европой. Подобное восприятие относительно начала Средних веков было бы неправильным. Научные традиции греческих ученых эллинистического периода с восьмого века были подхвачены арабскими учеными, и в течение нескольких столетий арабские страны лидировали в науке и медицине. Византия служила своего рода посредником между Востоком и Западом. Однако именно благодаря прямому контакту с арабскими учеными в Испании, Сицилии и Южной Италии наука и медицина начали с двенадцатого века развиваться на Западе. Школа медицины в Салерно стала в конце двенадцатого и тринадцатом веке одним из важных факторов ассимиляции арабской учености Западом, но толь-

ко в четырнадцатом и пятнадцатом веках научный прогресс на Западе приобрел размах и высокие темпы.

Поскольку Русь получила христианскую цивилизацию из Византии и имела контакты с некоторыми восточными странами, можно подумать, что она была в благоприятной ситуации для развития науки. На самом деле, однако, особое внимание в русской средневековой цивилизации оказывалось искусствам и гуманитарным наукам, а не естественным и прикладным. Нет свидетельств, что в киевский период на Руси проводились какие-либо систематические научные исследования; в древнерусских школах не изучали никакие науки, кроме элементарной математики. На славянский язык были переведены некоторые устаревшие византийские руководства по космографии и естественной истории, такие, как «Христианская топография» Козьмы Индикоплова и «Физиолог», но за исключением одной математической работы оригинальных русских научных исследований не появилось или, по крайней мере, не сохранилось. Однако русские были тонкими наблюдателями природы и, по крайней мере некоторые из них, обладали острым пытливым умом, насколько мы можем судить по отдельным замечаниям в разных русских сочинениях того периода, а также по некоторым техническим устройствам. Можно добавить, что наше знание о прогрессе прикладной науки в Древней Руси не полно, поскольку не существует какого-либо систематического описания технических изобретений.

Начнем с математики. К моменту принятия христианства русские были уже знакомы с использованием десятичной системы исчисления в пределах 1–10 000, дробями двоичной системы, а также некоторыми другими простейшими дробями вроде $1/3$, $1/5$, $1/7$ и их подразделениями по двоичной системе. К двенадцатому веку исчисление распространилось до 10 000 000.

Церковь была заинтересована в развитии математических исследований для пасхальных вычислений, которые необходимо было делать заранее. Хронологические вычисления зависели от определенного знания математики. В своей работе о хронологических и пасхальных вычислениях «Наука знания о числах всех годов» (1134 г.) новгородский монах Кирик ис-

пользовал пятеричные дроби и довел подразделения до единицы седьмого разряда, то есть до дроби $1/78125$.

Знание математики и особенно начал геометрии было важно для архитекторов, но нам не известно ни одной русской работы того периода по этому вопросу. Хотя до нас не дошло ни одного русского исследования по астрономии, астрономические данные в русских летописях весьма точны²⁷².

Информация по зоологии, которую можно было извлечь из «Физиолога», была абсолютно ненаучной; однако в Киевской Руси было широко распространено практическое знание о животном мире, поскольку охота тогда являлась средством к существованию для значительной части русского народа. То, что русские хорошо знали повадки животных и птиц, показывают точные замечания о животных в «Поучении» Владимира Мономаха, а также в «Слове о полку Игореве».

Ботаника, скорее всего, ограничивалась изучением лечебных трав, которые использовали как профессиональные врачи, так и «знахари» из народа. Это приводит нас к вопросу о древнерусской медицине. Уровень медицины в Киевской Руси, по всей вероятности, был выше уровня знаний по естественным наукам. Во-первых, из летописей мы знаем, что на Руси практиковали сирийские и армянские врачи. Сирия входила в сферу арабской науки, армянская медицина тоже была высоко развита. Во-вторых, можно предположить, что каждый хороший врач, русский и иностранный, распространял медицинские знания, обучая своих ассистентов. Из «Русской правды» мы знаем, что в случае нанесения увечий в драке обидчик должен был не только выплатить компенсацию пострадавшему, но и оплатить услуги врача. Очевидно, практика обращения за помощью к врачу была широко распространена, и количество докторов должно было быть значительным. В некоторых княжеских указах и церковных уставах упоминаются больницы, организованные церковью. Мало известно о медицинских знаниях волхвов и знахарей. Видимо, многие их средства и рецепты составили основу так называемой народной медицины последующих периодов. Следует отметить, что волхование строилось не только на предрассудках. В медицинской практике волхвов были также элементы настоящей интуиции и здравого рассудка, особенно в ис-

пользовании лечебных свойств трав, массажей, припарок и так далее.

Русский вклад в географическое знание был значительнее, чем в другие области науки. У русских того периода, кажется, было больше интереса и склонности изучать историю и географию, чем другие отрасли как гуманитарных, так и естественных наук. Первая история Руси — «Повесть временных лет» — в определенном смысле и географическое исследование, а не только историческое.

В то время как общее географическое вступление в «Повесть» построено на общепринятых библейских и христианских понятиях, конкретная информация о районах расселения славянских племен поразительно точна и обнаруживает мастерство составителя в трактовке вопросов географии²⁷³.

Знаменательно, что мы находим чрезвычайно точные географические данные даже в русских поэтических произведениях того периода, особенно в знаменитом «Слове». Понимание русскими важности точной информации в географических исследованиях демонстрирует измерение князем Глебом в 1068 г. глубины Керченского пролива²⁷⁴.

Из русских путевых заметок сохранились две работы, обе описывают паломничества в Святую землю. Первая — «Хождение отца Даниила Киевского», посетившего Иерусалим в 1106—1107 гг., вторая принадлежит Добрыне Новгородскому, который совершил паломничество в 1200—1201 гг. Даниил начинает свое повествование с Константинополя, а не с Киева, что огорчительно с точки зрения изучающего русскую историю и географию. Он прошел через Мраморное море и пролив Дарданеллы к острову Родос, затем двигался вдоль берегов Ликии к Кипру и Яффе и так достиг Иерусалима. На обратном пути у берегов Ликии он подвергся нападению пиратов, но спасся, возвратился в Константинополь и затем на Русь.

Описание Даниила в целом точное и честное. Когда он повторяет слова других, то говорит об этом. Он пишет: «Если я и написал что, не зная, то нигде не лгал; потому что я не описывал того, чего не видел собственными глазами». Особый интерес вызывает встреча Даниила в Иерусалиме с императором Балдуином. Показательно, что у путешественника нет какой-либо враждебности в отношении «латинян» — то

есть римских католиков. С другой стороны, заметен его горячий русский патриотизм; он спрашивает и получает разрешение императора Балдуина поставить у Гроба Господня свечу «во имя всей Русской Земли». Добрыня Новгородский больше известен под своим христианским именем Антоний. В его записках мы имеем, по правде говоря, просто краткое описание константинопольских церквей и хранимых в них реликвий. Они, однако, бесценны для археолога, поскольку Добрыня побывал в столице Империи за четыре года до ее захвата крестоносцами и был, таким образом, последним из путешественников, видевших Св. Софию и другие византийские церкви во всем их блеске²⁷⁵.

Теперь обратимся к древнерусским технологиям, анализ которых выявляет значительный объем практических знаний в области прикладной химии и физики. Так, новгородских мастеров по серебру можно считать высококвалифицированными специалистами своего дела²⁷⁶. Стоит также отметить, что русские мастера по эмали в то время умели добиваться температур от 1000 до 1200 градусов по Цельсию²⁷⁷. Новгородские солевары, несомненно, были знакомы с принципом концентрированных растворов; они также знали, как регулировать осаждение соли при помощи изменения температуры²⁷⁸. Интерес русских архитекторов к прикладной физике подтверждает использование в новгородских и суздальских храмах *голосников* (резонаторов или усилителей звука). Голосниками служили глиняные горшки, вмурованные в стены горлышками внутрь церкви²⁷⁹.

Нельзя не отметить здесь, что русские в то время также были знакомы, хотя и в негативном смысле (как с элементом вооружения врага), с военным применением химического огня. Так, например, в 941 г. флот князя Игоря был уничтожен «греческим огнем». В двенадцатом веке хорезмские техники, приглашенные половцами, использовали против русских огнеметы²⁸⁰. В этом случае главной составляющей огня, очевидно, был азербайджанский лигроин. По-видимому, от хорезмцев русские получили представление о гигантских механических стрелометателях, называемых по-персидски *чир-и-чахр*, а по-русски *шерешир*²⁸¹. Автор «Слова о полку Игореве», рассказывая о верховенстве Всеволода III над рязанскими

князьями, говорит, что он использовал их как множество живых шереширских стрел.

В морском вооружении князю Изяславу II Киевскому приписывается изобретение нового типа военного судна, использованного им на Днепре. Внешний вид судна в Киевской летописи описывается следующими словами: «Изяслав построил лодки искусно: гребцов не видно, видно только весла, потому что на лодке палуба. И воины стояли на палубе в доспехах и пускали стрелы. И было два рулевых, один на носу и один на корме; они могли править лодку, куда хотели, не поворачивая ее»²⁸². В Радзивилловской летописи есть схематичное изображение подобной лодки. Хотя летопись была написана в пятнадцатом веке, предполагается, что по крайней мере часть миниатюр в ней скопирована из более ранних оригиналов. В этом конкретном случае художник, скорее всего, просто старался следовать описанию в тексте; в результате миниатюру вряд ли можно считать точным изображением судна Изяслава. Из индустриальных технологий в летописи под 1195 г. упоминается лесопильная рама в Корсуни (Киевская земля). Она приводилась в действие энергией воды водопадов на реке Рось. Безусловно, она была не единственным экземпляром²⁸³. Об углублении некоторых рек, для того чтобы улучшить фарватер, я уже упоминал.

Мы не должны забывать, что имеющиеся данные только фрагментарны и не дают нам полной картины реального развития русской техники того периода. Такую картину составить невозможно из-за недостатка материала, в том числе и потому, что летописцы были в основном монахами и техникой не интересовались.

1. Городская и сельская жизнь

С точки зрения социологии существует много сходства между Киевской Русью и царской Россией позднего периода: контраст между городской и сельской жизнью представляет одну из важных параллелей между этими двумя эпохами. Русские города всегда первыми испытывали влияние новых культурных тенденций, в то время как деревни сильно отставали от них. Пропасть между аудиторией Илариона — людьми, «напоенными благодатью книжного учения», — и жителями отдаленных сельских уголков, которые все еще были неграмотными язычниками, была так же велика, как между городской элитой и «темными людьми» деревень в конце двенадцатого века.

Экономически города Киевской Руси жили в эпоху торгового капитализма и высоко развитого гражданского права, в то время как сельские жители в отдаленных районах не знали никаких экономических или финансовых сделок, кроме выплаты наложенной на них дани. Города были великолепны с их пышными соборами и роскошными дворцами, а деревням бы-

ло нечего показать, кроме своих бревенчатых изб. В сельских районах церковей было мало. Хотя количество княжеских и боярских сельских усадеб росло, их владельцы проводили там только часть своего времени, будучи более тесно связаны с городами, нежели со своими поместьями; в результате последние едва ли могли в тот период стать центрами культуры, за исключением того, что в некоторых случаях они имели экономическую значимость.

Таким образом, говоря о быте русских в киевский период, необходимо разделять между городами и сельскими районами. Мы знаем лучше городскую жизнь, потому что она оставила больше следов в наших источниках информации. О сельской жизни известно мало, за исключением того, что можно извлечь из фольклора. Кстати сказать, устное народное творчество было одним из связующих звеньев между городами и деревнями, как, впрочем, и между высшими и низшими классами. Эпические поэмы и волшебные сказки высоко ценились как в княжеских и боярских хоробах, так и в деревнях, и, насколько мы знаем, скоморох был желанным гостем и на городском пиру, и на сельском празднике.

2. Жилища и мебель

Суровость русской зимы, особенно на севере, заставляла русских людей обращать больше внимания на прочность своих домов, чем это было необходимо жителям Южной или Западной Европы. Основным назначением дома на Руси было обеспечить человека теплом зимой, а не что-либо иное. И тем не менее в эпоху Киевской Руси не строили ни каменных, ни кирпичных зданий, за исключением церковей и княжеских дворцов. Двумя основными типами русского жилья являются бревенчатая постройка на севере и каркасный дом на юге, которые соответственно назывались избой и хатой. Поскольку дерево менее долговечный материал, чем камень, до нас не дошло ни одного образца деревянных домов Древней Руси, но мы можем получить о них представление по бревенчатым избам русских крестьян северной части страны, по-

строенным в XVIII и XIX веках. В отличие от жалких хат Белоруссии и Центральной России, северная русская изба обычно представляет собой просторный дом, добротен построенный, и теплый, и чаще всего украшенный снаружи деревянной резьбой. Именно таким, видимо, был древний новгородский дом, в то время как в Центральной России и Белоруссии уже тогда бревенчатые избы, судя по всему, были меньшего размера. На севере даже небольшая изба обычно состояла из трех частей: основной комнаты с печью, коридора и неотопливаемой комнаты рядом с коридором, которую использовали как дополнительную комнату летом или как кладовую (*клеть*)²⁸⁴. Дом, состоящий из нескольких комнат, назывался *хоромы*. Рядом с домом строили амбары, хлевы, конюшни, а также бани. Двор огораживали частоколом. Боярская усадьба, по-видимому, отличалась от жилища простолюдина только размерами. Княжеский дворец, разумеется, был намного просторнее и более искусно построен. Его двумя характерными чертами были *грядница* и *терем*. В киевском дворце эти два здания были каменными уже в десятом веке. Грядница служила штаб-квартирой княжеской дружины. В тереме жила женская половина княжеской семьи. Слово «терем», вероятно, происходит от греческого *room* (комната); сравните с персидским *tarem* (шатер, галерея)²⁸⁵.

Теперь спустимся вниз по социальной лестнице. Смерды жили в меньших бревенчатых избах или, на юге, в хатах. Печки изначально делались из обожженной глины, позднее их стали класть из кирпича. Зачастую печь была довольно обширной. В доме она служила для обогрева, кипячения воды, приготовления пищи и других целей. В Центральной России крестьяне использовали ее иногда для мытья, как своего рода маленькую баню.

Вместо стекла в окна вставляли слюду. Для освещения использовали глиняные светильники, в которых горел жир или какое-нибудь растительное масло. Использовали также медные подсвечники с восковыми свечами. В более бедных домах лучина, вероятно, была популярным средством освещения, как это было в крестьянских домах и в царскую эпоху до появления керосина. Мебель состояла из кроватей, столов, скамей и стульев, изготовленных из дерева. В боярских и купе-

ческих домах часть мебели, особенно кресла, была украшена искусной резьбой. Столы покрывали домоткаными или кружевными скатертями ручной работы. К умывальникам прилагались кувшины и тазы, сделанные из меди. Именно в таком кувшине епископ Новгородский Иоанн поймал однажды дьявола, если верить его «Жизнеописанию».

3. Одежда

Мужская одежда летом состояла из льняной рубахи и льняных штанов. Именно в таком одеянии появился великий князь Святослав перед императором Иоанном Цимисхием в 971 г. (см. Гл. II, 5). Святослав был ригористом; уже во времена его правления, тем более позже, в XI и XII веках, князья и бояре предпочитали пышные одежды, сшитые из заморского шелка и парчовых тканей (*поволоки* и *аксамита*). В холодное время года льняные и шелковые одежды служили нижним бельем, поверх которого носили шерстяную одежду. Для обозначения последней использовали несколько терминов, такие, как *свита*, *мятелия*, *коч* и т. д. Вероятно, свита была самым распространенным видом одежды, которую носили как князья, так и крестьяне, что-то вроде кафтана. Мятилия — плащ или мантия, упоминается в западноукраинских и новгородских источниках. Коч, вероятнее всего, служил чем-то вроде пальто. Княжеская мантия называлась *корзно*²⁸⁶. Зимой, особенно во время путешествий, надевали овчинные и меховые шубы. Они были двух фасонов: приталенное пальто с рукавами и свободное пальто, тоже чаще всего с рукавами (*шуба*). Обычный кожух изготавливали из овчины. Для шуб широко использовался мех медведя, волка и куницы.

Княжеская одежда изображена на знаменитой миниатюре «Изборника» Святослава 1073 г., на ней мы видим князя Святослава II, его жену и пять их сыновей²⁸⁷. По словам Н. П. Кондакова, вся одежда, кроме головного убора и воротников, типично византийская²⁸⁸. Князь одет в кафтан темно-фиолетово-синего цвета с облегающими рукавами, заканчивающимися золоченой парчой; нижняя кайма красная. Поверх

кафтана темно-синяя мантия с широкой золотой каймой, застегнутая рубиновой пряжкой. Его сапоги — из зеленого сафьяна. Княгиня одета в легкое красное платье, с широкими свободными рукавами, что-то вроде долматика, перетянутое широким золотым поясом. На голове у нее большой платок, скорее шаль, один конец которой покоится на правом плече. Головной убор Святослава состоит из соболиной шапки с низкой тульей из золоченой ткани. Его сыновья — в высоких меховых шапках. Интересной деталью одеяния молодых княжичей является низкий воротник, по-видимому, своеобразное ожерелье на шее (*торк, гривна*).

Другую иллюстрацию княжеской одежды одиннадцатого века можно найти в миниатюрах, помещенных в «Кодексе Гертруды», списке Псалтыря, сделанном по заказу архиепископа Эгберта Трирского (977–993 гг.). Миниатюры датируются концом одиннадцатого века и изображают князя Ярополка (сына Изяслава I), его жену и мать. Одежда, в которую они одеты, выполнена в традиционном византийском стиле²⁸⁹. По мнению Кондакова²⁹⁰, эти миниатюры были написаны каким-либо польским или западноукраинским (галицким) иконописцем.

А теперь обратимся к одежде русских женщин. Летом она состояла из льняной рубашки и шерстяной юбки (*поневы*). В северной части Руси вместо юбки носили платье без рукавов, наподобие фартука. Это так называемый сарафан, но необходимо отметить, что в Древней Руси этим словом называли также и мужскую одежду. Мужской сарафан был легким летним пальто²⁹¹. Это слово иранского происхождения. Богатые женщины, особенно горожанки, предпочитали одеваться в шелка и парчу еще больше, чем мужчины. Зимой сельские женщины носили овчинные полушубки, но достойной одеждой для уважаемой женщины была меховая шуба. Женщины из богатых семей носили соболиные и бобровые меха. В «Слове о полку Игореве» Ярославна, жена несчастного князя Игоря, оплакивая судьбу своего мужа, выражает желание погрузить рукав своей бобровой шубы в воды Дуная, чтобы им обмыть Игоревы раны. Женщины не с такими большими запросами довольствовались шубами из куницы или даже белки. Меха также использовались для зимних шапок, как мужских, так и женских.

Наиболее подходящими для этого считались соболь и бобер. Летом мужчины носили войлочные шляпы с высокой тульей, называемые «греческими шляпами». Женский головной убор, повязка в форме открытой короны, был известен как *кика*, или, если он был высоким спереди, как *кокошник*. Богатая женщина обычно носила кокошник, украшенный драгоценными камнями.

На ногах мужчины носили высокие сапоги (*черевы*). Сапоги богатых людей шились из тонкой кожи, они были зелеными, желтыми или красными. Шеголи, такие, как легендарный Чурило Пленкович, заказывали себе сапоги с длинными загнутыми носами. Носили также, особенно женщины, низкие кожаные башмаки (тоже называемые *черевы*). В лесной полосе деревенские жители носили *лапти*, сплетенные из лыка или коры ивы, березы или дуба.

Полное официальное одеяние не считалось завершенным без драгоценных камней и всякого рода украшений, что, разумеется, особенно любили женщины²⁹². Однако и мужчины не чурались украшений из золота и серебра. Святослав I носил золотую серьгу. Княжеские дружинники часто носили шейные ожерелья (*торки*) и цепи. Однако они были скорее символами служебного положения, нежели простыми украшениями. Некоторые аксессуары одежды богатых людей, такие, как пряжки и пуговицы, также изготавливали из золота и серебра и чаще всего украшали драгоценными камнями или жемчугом. Пояс считался самым лучшим мужским украшением. Золотые и серебряные пояса были по преимуществу атрибутами княжеского гардероба. Шелковые и кожаные пояса обычно украшали серебряными пластинами и пряжками, художественно оформленными²⁹³. Ассортимент драгоценностей и украшений богатых женщин включал в себя разнообразные, искусно сделанные предметы, такие, как золотые и серебряные серьги, височные подвески, ожерелья из жемчуга или золотых или серебряных монет (*монисто*), украшенные эмалью золотые короны, браслеты и всевозможные кольца.

4. Еда

Хлеб и мясо были двумя основными продуктами питания в рационе русских князей Киевской Руси²⁹⁴. На юге Руси хлеб пекли из пшеничной муки, на севере был более распространен ржаной хлеб. В голодные годы к муке иногда добавляли сухие листья растения гусиные лапки. В богатых домах, а также в монастырях по праздничным дням в дополнение к обычному хлебу подавался слобный, выпекаемый с медом и маком. Что касается мяса, то обычными были говядина, свинина и баранина, а также гуси, куры, утки, голуби и журавли. Конину иногда ели воины во время походов и гражданские в голодные годы. Употребляли также мясо диких животных и птиц. Как указывается в современных источниках, это были олени, кабаны, зайцы, даже медведи. В пищу шли куропатки, рябчики и другая дичь. После обращения в христианство новая церковь, внимательно относящаяся к древним канонам, возражала против того, чтобы люди ели мясо диких животных, таких, как медведь и даже заяц, считая их «нечистыми». Более того, следуя Ветхому Завету с его осуждением употребления в пищу мяса с кровью, она возражала против того, чтобы ели птиц, задушенных в силках²⁹⁵. Однако очевидно, что в этом отношении увещевания духовенства были напрасными, так как многовековые традиции прихожан преобладали над новыми ритуалами. В эпоху Московской Руси этим церковным предписаниям следовали строже.

Церковь поощряла употребление в пищу рыбы. Среды и пятницы были объявлены постными днями, и, кроме того, были установлены три поста, включая Великий пост. Разумеется, рыба уже была в рационе русских людей до Крещения Владимира, и икра, должно быть, тоже, хотя первое упоминание о ней обнаружено в источниках двенадцатого века. Яйца, молочные продукты и овощи дополняли список съестных припасов. В дополнение к животному маслу иногда употребляли растительное, получаемое из семян конопли или льна, главным образом во время постов. Из-за границы импортировали оливковое масло.

Мало что известно о русской кухне этого времени. Мясо варили или жарили на вертеле, овощи ели вареными или сырыми. Также упоминаются в источниках солонина и тушенка. Пироги, которые позднее стали любимым русским кулинарным изобретением, упоминаются в источниках этого периода только дважды²⁹⁶. Пшенная и овсяная каши, судя по всему, были распространёнными блюдами. В княжеском хозяйстве главный повар осуществлял контроль над огромным штатом кухонных работников, и все повара, вероятно, были хорошо обучены и искусны. А поскольку некоторые из них были иностранного происхождения (упоминаются турецкие и венгерские повара), то их кухня могла включать в себя и иностранные рецепты. Ассортимент кухонной посуды включал в себя медные чайники, таганы и сковородки, а также всевозможные ножи.

Теперь давайте перейдем к напиткам. В те времена, как и в наши, русские люди не избегали выпивки. Согласно «Повести временных лет», основной причиной отказа Владимира от ислама была трезвость, предписываемая этой религией. «Руси есть веселие пить, — сказал он, — не можем без того быть». Русская выпивка для современного читателя неизменно ассоциируется с водкой, но в эпоху Киевской Руси не гнали спирта. Употребляли три вида напитков. Квас, безалкогольный или слегка хмельной напиток, изготавливали из ржаного хлеба. Это было нечто напоминающее пиво. Вероятно, он был традиционным напитком славян, так как его упоминают в записях о путешествии византийского посланника к вождю гуннов Аттиле в начале пятого века наряду с медом. Мед был чрезвычайно популярен в Киевской Руси. Его варили и пили как миряне, так и монахи. Согласно летописи, князь Владимир Красное Солнышко заказал триста котлов меда по случаю открытия церкви в Василеве. В 1146 г. князь Изяслав II обнаружил в погребях своего соперника Святослава пятьсот бочек меда и восемьдесят бочек вина. Было известно несколько сортов меда: сладкий, сухой, с перцем и так далее. Пили и вино: вина ввозились из Греции, и, кроме князей, церкви и монастыри регулярно импортировали вино для отправления литургии.

Что касается сервировки стола, то в княжеском хозяйстве пользовались золотой и серебряной посудой, особенно в случаях государственной важности. Использовали также золотые и серебряные ложки. «Повесть временных лет» содержит характерную историю о дружинниках Владимира Красное Солнышко, которые жаловались на то, что едят деревянными, а не серебряными ложками. Владимир сразу же приказал выдать им серебряные. Вилочек не было, и предполагалось, что все должны пользоваться собственными ножами, чтобы отрезать хлеб или мясо. Для питья вполне подходили золотые или серебряные кубки и чаши. Простолюдины должны были довольствоваться оловянной или деревянной посудой, деревянными ложками, оловянными кубками и чашами.

5. Здоровье и гигиена

В эпоху Киевской Руси, по сравнению с более поздними временами, дома и пища у русских были лучше. Вне всякого сомнения, в те времена средний русский человек ел больше мяса, нежели крестьянин в царской России. В результате русские люди, кажется, были более здоровыми и крепкими, чем их потомки в девятнадцатом веке. Несмотря на рост городов, они еще не были так перенаселены, как в наше время. С другой стороны, медицина того времени, и не только на Руси, была не в состоянии справиться с эпидемиями, и, когда они возникали, люди были беспомощны и рассматривали их как знак гнева Господня. При обычных заболеваниях люди ожидали помощи или от ученых докторов или, особенно в сельских районах, от знахарей и волхвов. Однако основы гигиены поддерживались больше здравым смыслом и народной традицией, нежели ведовством или наукой. Коснемся одного важного пункта. Элементарная чистота тела достигалась регулярным использованием парных бань, во всяком случае в северной части Руси, где баня была обязательной принадлежностью каждой усадьбы. На юге парная баня была менее популярна. В «Повести временных лет» есть характерная история о легендарном путешествии апостола Андрея в Новгород.

«Диво видел я в Славянской земле... — говорит он. — Видел бани деревянные, и напоят их сильно, и разденутся и будут наги, и обольются мытелью, и возьмут веники, и начнут хлестаться, и до того себя добьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это постоянно, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то творят не мыть себе, а мученье». Это сатирическое, но совершенно точное описание русской парной бани является одним из ранних проявлений насмешливого отношения киевлян к новгородцам — правдивый эпизод в иронической войне между двумя племенами, где высмеивание великоросса (москаля или кацапа) со стороны украинца и, наоборот, насмешка первого над последним (хохлом) оказываются не чем иным, как историческим продолжением.

В 1090 г. один из русских епископов греческого происхождения, Ефрем Переяславльский, который был великим строителем, украсил город многими зданиями, а среди прочего воздвиг «строение банное каменное, чего не было на Руси». Вероятно, это была римская баня.

Кроме пользования банями существовала еще одна здоровая традиция — русская забота о хранении пищи, в особенности хлеба и воды, в исключительной чистоте, вне досягаемости животных, особенно собак. Есть что-то религиозное в почтительном отношении древних русских к хлебу и воде. Без сомнения, его происхождение может быть обнаружено в определенных тенденциях славянского язычества: в праздниках урожая, чтобы выразить уважение к хлебу, и *русалии* — к воде. Христианство добавило свое благословение к старинной религиозной почтительности, предлагая специальные службы в день Преображения (день Спасителя, 6 августа), который совпадал со старинным праздником урожая, и в день Богоявления (6 января), когда благословлялась вода. Кроме этого церковь ввела, или скорее постаралась ввести, понятие нечистоты некоторых видов животной пищи, как это было отмечено выше, что, однако, едва ли имело какое-то гигиеническое значение. Посты, предписанные церковью, могли изменить рацион русских людей, что в конце концов и случилось (оставим врачам решать, было ли это полезным для здоровья), но в Киевской Руси посты строго не соблюдались. В своих указах относитель-

но пищи и половых отношений церковь, разумеется, руководствовалась древними канонами, а не соображениями гигиены. Половая распущенность считалась грехом, поэтому священнослужители осуждали ее. Они пошли еще дальше в попытках регулировать половые аспекты брака. Так, запрещалось сожительствовать по субботам и воскресеньям, а тем, кто делал это, не разрешалось в эти дни входить в церковь.

6. Цикл жизни

Цикл человеческой жизни вечен в том смысле, в каком он предопределен природой. Человек рождается, растет, женится или выходит замуж, рождает детей и умирает. И вполне естественно, что ему хотелось бы должным образом отмечать основные вехи этого цикла. В наши дни обряды, имеющие отношение к каждому звену жизненного цикла, сведены до минимума. Не так обстояли дела в древности, особенно в эпоху родовой организации общества, когда основные вехи жизни индивидуума считались частью жизни рода. Древние славяне, как и другие племена, вехи жизненного цикла отмечали сложными обрядами, отраженными в фольклоре. Сразу после принятия христианства церковь присвоила себе организацию некоторых древних обрядов и ввела свои собственные новые ритуалы, как, например, обряд крещения и празднование именин в честь святого заступника каждого мужчины или женщины.

Одновременно с этим средневековая церковь, хотя и проникнутая библейскими понятиями, унижала женщину на самом пороге этого цикла. По физиологическим причинам мать считалась нечистой в течение сорока дней после рождения ребенка, и ей не разрешалось входить в церковь в этот период. Ей не разрешалось присутствовать при крещении своего ребенка.

В эпоху Киевской Руси в русских княжеских семьях существовал обычай давать ребенку два имени: первое было славянским (или славяно-норвежским), второе — христианским. Первое было известно преимущественно как «княжеское

имя». Известно, что Владимир получил при крещении христианское имя Василий; его сын Ярослав — имя Юрий (Георгий). Оба эти князя были крещены взрослыми, но обычай давать два имени сохранился и у их потомков, чьи дети были крещены через несколько дней после рождения. В конечном итоге некоторые князья, например Владимир, были канонизированы под их славянскими именами, и, таким образом, древние славянские имена вошли в список христианских личных имен.

В возрасте между двумя и четырьмя годами юному княжичу выбривали тонзуру в знак его высокого ранга, и по этому случаю он получал особое благословение церкви. Существовал обычай совершать обряд в день имени мальчика. Согласно обряду мальчика сажали верхом на лошадь, что было предвосхищением его воинской карьеры. Оба события отмечались пышными пирами во дворце его отца²⁹⁷. Затем мальчика вверяли заботам наставника (*кормильца*), и примерно в возрасте семи лет его обучали читать, а потом писать. Княжеские дети явно получали образование у своих домашних учителей. По всей видимости, так же обстояли дела и с детьми бояр, хотя при Владимире и Ярославе боярам было приказано отсылать своих детей во вновь открывшиеся публичные школы. Детей простолюдинов отправляли в школу тоже, если они вообще получали образование. В сельских районах большинство людей, по-видимому, оставались неграмотными.

Свадебные обычаи в эпоху язычества были различными у разных племен. У радимичей, вятичей и северян жених должен был похитить невесту. У других племен считалось нормальным платить за нее выкуп роду. Этот обычай, вероятно, развился из выкупа за похищение. В конце концов откровенная плата была заменена подарком невесте со стороны жениха или ее родителям (*вено*). Среди полян существовал обычай, который требовал, чтобы родители или их представители привозили невесту в дом жениха, а ее приданое должно было быть доставлено на следующее утро. Следы всех этих старинных обрядов можно отчетливо разглядеть в русском фольклоре, особенно в свадебных обрядах даже более позднего времени.

После обращения Руси в христианство помолвка и свадьба санкционировались церковью. Однако сначала только князь

и бояре заботились о церковном благословении. Основная же масса населения, особенно в сельских районах, довольствовалась признанием брака соответствующими родами и общинами. Случаи уклонения от свадьбы в церкви простыми людьми были частыми вплоть до пятнадцатого века.

По византийскому законодательству в соответствии с обычаями народов юга были установлены самые низкие возрастные требования к будущим супружеским парам. Эклога восьмого века позволяет вступать в брак мужчинам в возрасте пятнадцати лет, а женщинам — тринадцати. В «Прохиرون» девятого века эти требования даже ниже: четырнадцать лет для жениха и двенадцать для невесты. Известно, что «Эклога» и «Прохирон» существовали в славянском переводе и законность обоих руководств признавалась русскими юристами. В средневековой Руси даже самые низкие возрастные требования «Прохирона» не всегда соблюдались, особенно в княжеских семьях, где браки чаще всего заключались по дипломатическим соображениям. Известен по крайней мере один случай, когда княжеский сын женился в возрасте одиннадцати лет, а Всеволод III отдал свою дочь Верхуславу в жены князю Ростиславу, когда ей было только восемь лет.

Развод разрешался византийским законом в случае отсутствия одного из супругов в течение более трех лет без всяких известий о нем (или о ней), а также за прелюбодеяние и по некоторым другим причинам. В средневековой Руси развод можно было получить, если один из супругов или оба имели желание уйти в монастырь²⁹⁸. Монах и монахиня считались умершими для света. Князей иногда принуждали уйти в монастырь их соперники. Постепенно у князей, когда они чувствовали приближение смерти, складывался обычай принимать схиму, означающую полное отчуждение от мира ради соединения с Богом.

Погребальные обряды в языческие времена включали в себя поминальные пиры, происходившие на месте захоронения. Над могилой князя или какого-нибудь выдающегося воина насыпали высокий холм (курган) и нанимали профессиональных плакальщиц, чтобы оплакать его смерть (см. Гл. IX, 5). Плакальщицы выполняли свои обязанности и на христианских похоронах, правда, форма плача менялась соответствен-

но христианским понятиям. Христианские погребальные обряды, подобно другим церковным службам, были, конечно, заимствованы из Византии. Славянский перевод православной «погребальной» службы, сочиненной Иоанном Дамаскином, вполне достоин оригинала. Христианские кладбища создавались недалеко от церквей. Тела выдающихся князей клали в саркофаги и помещали в соборах княжеской столицы.

Смерть завершает земную жизнь человека, но для христиан земная жизнь является только подготовкой к загробной жизни. И существование души в той будущей жизни должно обеспечиваться молитвами. Чтобы обеспечить себе продолжение молитв, богатый человек обычно завещал часть своей собственности монастырю. Если по каким-то причинам ему не удавалось сделать это, то об этом должны были позаботиться его родственники. Тогда христианское имя покойного будет внесено в синодик — список поминаемых имен в молитвах на каждом богослужении или, по крайней мере, в определенные дни, установленные церковью для поминовения усопших. Княжеская семья обычно хранила свой собственный синодик в монастыре, чьими жертвователями традиционно были князья этого рода.

7. Ход жизни

Ход повседневной жизни русского человека эпохи Киевской Руси легче воссоздать для князей, нежели для простых людей, поскольку в источниках им уделяется больше внимания. Владимир Мономах советовал своим сыновьям вставать до восхода солнца и начинать день с молитв в церкви (если там шла ранняя служба) или дома. Считалось, что после завтрака правящий князь должен заниматься государственными делами. Это означало преимущественно председательствовать на заседании боярской думы или верховного суда. Обед был около одиннадцати часов. Члены думы и другие приближенные обычно обедали вместе с князем. Иногда приглашали священников и монахов, во всяком случае во время Великого поста²⁹⁹.

В полдень все отправлялись почитать. По словам Владимира Мономаха: «Это время, установленное для отдыха самим Богом». Во второй половине дня князья должны были заниматься управлением своими дворцами, конюшнями и прочими делами. Ужин подавался примерно в шесть часов. Вечером правитель, если он был любителем книжного учения, мог заниматься чтением. Княжеские сыновья, если они достигли возраста, но не имели собственных жен и уделов, должны были принимать участие в трудах своего отца. Предполагалось, что его жена и дочери должны заниматься главным образом рукоделием, однако некоторые из них тоже любили книги.

Распорядок дня боярской семьи, по-видимому, был очень похож на распорядок княжеской. Купцы проводили большую часть своего времени на рынке, а ремесленники — в своих мастерских. В сельских районах повседневные дела были разнообразными, они зависели от времени года и соответственно от сельскохозяйственных работ. Зимой, когда на земле не работали, крестьяне, как это было и в более поздние времена, должно быть, занимались ремеслами или работали в городах. Женщины всех социальных слоев, кроме самых высших, занимались приготовлением пищи и другими всевозможными домашними делами, а также шитьем и вязанием.

Повседневная жизнь часто прерывалась праздниками и другими общественными событиями. Древние праздники языческих времен постепенно вытеснялись церковными праздниками, но в том, как отмечались эти праздники, долгое время еще были заметны языческие обычаи, несмотря на все возражения священнослужителей. Каждый большой церковный праздник, такой, как Рождество, Пасха, Троица и Преображение Господне, отмечался не только специальными церковными службами, но и общественными собраниями, песнями, танцами и особым угощением. По таким случаям князь обычно открывал двери своего дворца городскому люду и устраивал пышные пиры, на которых гостей развлекали музыканты и скоморохи. В дополнение к княжеским пирам устраивались и более узкие встречи различных сообществ и братств, члены которых обычно принадлежали к одной и той же социальной или профессиональной группе. Такие братства играли важную

роль в общественной жизни больших городов, особенно Новгорода и Пскова.

В каком-то смысле княжеская охота походила на общественные праздники. В большой охоте принимали участие не только князь, но и его бояре и приближенные, включая женщин³⁰⁰. Время от времени два или более князей устраивали совместную охоту. В таких случаях дружба в развлечениях могла способствовать семейному согласию или политическому взаимодействию. Конные состязания упоминаются в источниках той эпохи гораздо реже, нежели охота. Рыцарские турниры были практически неизвестны на Руси, разве что их устраивали иностранцы. Очень сложные конные состязания, которые в конце концов закончились турниром, были организованы венграми в 1150 г.³⁰¹

8. Национальные бедствия

Не только радостные, но и печальные события нарушали время от времени повседневную жизнь жителей Древней Руси. В Средние века человечество страдало от четырех бедствий: эпидемий, голода, пожаров и войн. Киевская Русь не была в этом смысле исключением. Эпидемии, охватывающие все население или носящие местный характер, упоминаются в летописях несколько раз. В 1092 г. полоцкие и киевские земли были поражены некой разновидностью чумы. В Полоцке многие люди, сраженные болезнью, падали на землю прямо на улицах. Ходили слухи, что мертвые невидимыми летали по улицам и нападали на живых. В 1158 г. в Новгороде разразилась страшная эпидемия и эпизоотия. Согласно летописи, погибло так много людей, лошадей и коров, что их не могли закопать в течение долгого времени, и из-за зловония невозможно было добраться до рыночной площади. В 1187 г. вспышка какой-то эпидемической болезни произошла в Суздальском княжестве. Болезнь отметила каждый дом, а в некоторых домах она поразила всех домочадцев, так что некому было дать глоток воды страдающим людям. В 1203 г. эпизоотия вновь поразила Новгород³⁰².

В летописях также упоминаются голодные годы. Неурожай в Ростовских землях упоминается под 1070 г. В 1127 г. ранние морозы погубили урожай в Новгородской земле. Нехватка зерна и непомерно высокие цены на хлеб привели к голоду: люди ели липовые листья, березовую кору, солому и мох. Смертность была высокой, и трупы лежали на улицах и рыночной площади Новгорода. Родители продавали своих детей чужеземцам. В Новгородских летописях отмечается голод в 1137, 1161, 1188, 1215 гг. В 1230 г. голод в Новгороде достиг такого уровня, что в летописях даже зафиксированы случаи каннибализма. В плодородной Южной Руси временами тоже бывали скудные урожаи, например в 1193 г.

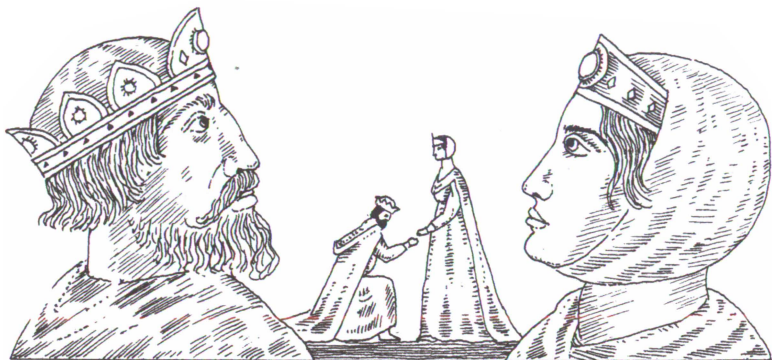
Пожары случались еще чаще, чем эпидемии и голод. Тот факт, что кроме церковных все здания в русских городах той эпохи были деревянными, делал их особенно уязвимыми. В 1124 г. город Киев был почти полностью уничтожен пожаром; и если верить летописцу (а у нас нет причин не верить ему), то во время этого пожара сгорели шестьсот церквей. В Новгороде за период с 1054 по 1228 г. зафиксировано одиннадцать страшных пожаров. В 1211 г. в огне погибло пятнадцать церквей и 4300 домов. В Суздальском княжестве Владимир с 1183 по 1198 г. горел трижды. В 1194 г. частично выгорели Старая Русса, Ладога и Городище. В 1211 г. сгорел Ростов, а в 1221 г. — Ярославль.

Тогда как эпидемии, голод и, хотя бы частично, пожары возникали по естественным причинам — или, скорее, являлись следствием неспособности человека контролировать силы природы, — войны начинали сами люди, а из всех четырех бедствий война была, вероятно, самым ужасным. В Киевской Руси — вдобавок к постоянным набегам тюркских кочевников на южные русские княжества — венгры, поляки и литовцы разоряли западные приграничные районы, а когда в конце двенадцатого и начале тринадцатого века у русских границ появились германцы, они принесли с собой новые способы опустошения.

Не менее губительными, однако, были и княжеские распри. С 1055 по 1228 г. отмечается восемьдесят междоусобных столкновений: значит, война происходила практически через год. Большинство из них, правда, затрагивали только часть Ру-

си. В центре княжеских баталий находились земли Центральной Украины (Черниговское, Киевское и Волынское княжества). На Западной Украине (Галицкое княжество) за это время зафиксировано шесть случаев внутренних войн; в Смоленской земле — шесть; в Рязанском княжестве — семь; в Суздальском — одиннадцать³⁰³. И народ в целом, и лучшие представители правящего класса хорошо понимали безумие этих войн, в которых гибло достояние нации — «потомков Дажьбога», в формулировке автора «Слова о полку Игореве». Как мы видели раньше (Гл. IV, 5), предпринимались некоторые попытки предотвратить войны посредством соглашения всех князей. Однако пока существовали могущественные социальные группы, которым война могла принести выгоду (в международном или внутреннем масштабе), остановить ее надежды не было. Монгольское нашествие положило конец, по крайней мере на время, внутренним войнам но это было поистине горькое лекарство.

Глава XI Русь и внешний мир в киевский период

1. Предварительные замечания

В основном отношении русских к иностранцам в киевский период было дружелюбным. В мирное время иностранец, приезжавший на Русь, особенно иностранный купец, назывался «гостем»; в древнерусском языке слово «гость» имело сопутствующее значение «купец» в дополнение к основному значению.

По отношению к иностранцам русский закон отчетливо выделялся на фоне германского закона, включавшего такие положения, как *Wildfang* и *Strandrecht* («береговое право»). Согласно первому, любой иностранец (или любой коренной житель, не имеющий над собой господина) мог быть схвачен местными властями и лишен свободы до конца дней. Согласно второму, потерпевшие кораблекрушение иностранцы вместе со всем своим имуществом становились собственностью повелителя той земли на побережье, где был выброшен на берег их корабль, — герцога или короля³⁰⁴. Как мы знаем (Гл. II, 2 и 3), в десятом веке в договорах с Византией русские ругались не пользоваться береговым правом, когда дело касалось

греческих путешественников. Что касается Wildfang'a, то он не упомянут ни в одном из русских источников этого периода. Также в Киевской Руси не применялось право государства наследовать имущество иностранца, умершего в пределах его границ. Примечательно, что в случае банкротства русского купца иностранные кредиторы имели преимущество перед русскими в предъявлении своих требований.

Рассматривая проблему взаимоотношений между Русью и зарубежными странами, следует принимать во внимание не только сферу организационных политических и экономических отношений, но и взаимное культурное влияние, а также частные контакты между русскими и иностранцами. С этой точки зрения нам следует проявить особый интерес к сведениям, касающимся русских, путешествовавших и пребывавших за границей, а также об иностранцах, посещавших Русь с официальной миссией по деловым вопросам или же по какой-то другой причине.

Наш обзор соответствующих фактов будет более резонным, если мы рассмотрим по отдельности каждую группу соседей Руси. Давайте начнем с рассмотрения отношений между русскими и их ближайшими родичами — нерусскими славянами.

2. Русь и славяне

До начала немецкого «Дранг нах Остен» славяне занимали большую часть Центральной и Восточной Европы, включая некоторые территории к западу от Эльбы³⁰⁵. Около 800 г. западные границы славянских поселений приблизительно проходили по линии от устья Эльбы на юг к Триестскому заливу, то есть от Гамбурга до Триеста.

На протяжении трех следующих веков — девятого, десятого и одиннадцатого — немцы упрочивали свои владения на Эльбе и пытались, с переменным успехом, распространить свое господство на славянские племена к востоку от нее. В течение двенадцатого века немцам удалось установить прочный контроль над районом между Эльбой и Одером. В то же время датчане напали на славян с севера, и в 1168 г. Аркона, славянская

твердыня на острове Рюген, пала под их натиском. В начале тринадцатого века, как мы знаем (см. Гл. VIII, 4), немцы усилили свое продвижение в Прибалтику, где возникла рыцарская Пруссия, ставшая оплотом германства в Восточной Европе. Сочетая различные способы, такие, как распространение политического сюзеренитета Священной Римской империи, а также династические союзы, колонизацию, проникновение на чужие земли и так далее, немцы к концу девятнадцатого века тем или иным путем установили свой контроль на востоке вплоть до Прикарпатья и дунайских земель, включая также Боснию и Герцеговину и Адриатическое побережье Далмации.

Во время Первой мировой войны они постарались продвинуться дальше на восток, и на какое-то время им удалось захватить Украину, Крым и Закавказье. Во время Второй мировой войны их планы были еще более амбициозны и включали в себя программу полного политического и экономического порабощения славянских народов, а также последовательное уничтожение славянской цивилизации. Провал немецких планов имел результатом не только восстановление славянами своих позиций, каковыми они были накануне Второй мировой войны, но и возвращение некоторых западных территорий, которые давно были утрачены ими. Западная граница славянского мира сейчас снова проходит там же, где она была около 1200 г., — вдоль линии от Шецина до Триеста.

В этом славянском «море» в Центральной и Восточной Европе сохранилось два «острова» с иным этническим составом. Это Венгрия и Румыния. Венгры, или мадьяры, представляют собою смешение финно-угорских и тюркских племен; венгерский язык и сейчас пронизан тюркскими элементами; кроме того, венгерский словарь содержит много слов, заимствованных из славянского. Как мы знаем (см. Гл. II, 2), мадьяры вторглись в среднедунайские долины в конце девятого века и до сих пор владеют этими землями. Румынский язык принадлежит к семье романских языков. Румыны говорят на том романском языке, основой которого исторически была вульгарная латынь, на которой говорили римские солдаты и поселенцы на Нижнем Дунае. Латинская основа румынского языка в значительной степени испытала воздействие других лингвистических элементов, особенно славянских. Современ-

ная Румыния была образована в середине девятнадцатого века благодаря объединению двух областей — Молдавии и Валахии. Ни одна из них, однако, не существовала в киевскую эпоху. Фактически румынские племена раннего периода не имели в то время никакой политической организации и не населяли всей той территории, на которой находится современная Румыния. Большинство из них было пастушескими народами. Часть их, так называемые куцо-валахи, или куцо-влахи, проживала в Македонии и Албании. Еще одна группа вела изолированную жизнь на Трансильванской возвышенности вплоть до конца двенадцатого или начала тринадцатого века, когда некоторые из племен этой группы были вытеснены мадьярами на юг и на восток и спустились в долину Прута и Дуная, где они основали области Молдавию и Валахию.

В киевский период среди славян не было ни политического, ни культурного единства. На Балканском полуострове болгары, сербы и хорваты образовали свои собственные государства. Болгарское царство, как мы знаем³⁰⁶, было основано тюркским племенем булгар в конце седьмого века; к середине девятого оно было частично славянизировано. Под властью царя Симеона (888–927 гг.) оно стало ведущим среди славянских государств. Позднее, однако, его мощь была подорвана внутренними распрями и имперскими притязаниями Византии. Вторжение русских во главе со Святославом (см. Гл. II, 5) добавило новых забот болгарскому народу. Следует заметить, однако, что целью Святослава было создание обширной русско-славянской империи с Болгарией в качестве краеугольного камня. В начале одиннадцатого века византийский император Василий II (прозванный «Болгаробойцей») разгромил болгарскую армию и сделал Болгарию византийской провинцией. Только в конце двенадцатого века болгарам с помощью валахов удалось освободиться от Византии и восстановить свое собственное царство.

Центрбежные силы в Сербии были сильнее, чем в Болгарии, и только во второй половине двенадцатого века большинство сербских племен признало над собой власть «Великого Жупана» Стефана Немани (1159–1195 гг.). Королевство Хорватия создавалось на протяжении десятого и одиннадцатого веков. В 1102 г. хорваты выбрали Коломана (Кальмана) Вен-

герского своим королем, и таким образом возник союз Хорватии и Венгрии, в котором последняя играла лидирующую роль. Еще раньше, чем хорваты, словаки на севере Венгрии признали над собой господство мадьяров. Вообще говоря, средневековая Венгрия не была централизованным и исключительно мононациональным государством. Будучи окружена славянами, она испытывала разнообразное влияние славянской культуры.

Что касается чехов, то их первое государство, образованное около 623 г., просуществовало недолго³⁰⁷. Королевство Великой Моравии было второй попыткой государственного объединения у западных славян³⁰⁸, но оно было уничтожено венграми в начале десятого века. Третье чешское государство было образовано в середине десятого века и играло важную роль в европейской политике на протяжении всех Средних веков, в особенности из-за его союза со Священной Римской империей; с середины десятого века большинство правителей Богемии признавало германского императора как их сюзерена.

Польские племена достигли политического единства в конце десятого века под властью короля Болеслава I Храброго (992–1025 гг.). Как мы знаем (см. Гл. VIII, 4), после смерти Болеслава III (1138 г.) польское королевство стало свободным объединением местных областей, имевшим сходство с объединением русских земель. До распада Польши польские короли проводили агрессивную внешнюю политику, время от времени угрожая как целостности Киевского государства, так и Чешскому королевству. Интересной тенденцией польской экспансии была ее направленность на запад. Именно Болеслав I первым разработал честолюбивый план объединения под своей властью прибалтийских и полабских славян с целью воспрепятствовать немецкому «Дранг нах Остен». Болеслав III был последним из польских правителей, заинтересованным судьбой балтийских славян.

Давайте теперь обратимся к самой западной группе славян, проживавшей на территории современной Германии. Их можно разделить на две ветви: балтийские славяне и сорбы³⁰⁹. Последних также называют полабскими славянами, то есть славянами, живущими на Эльбе, поскольку Эльба известна среди славян как Лаба (или Лабэ).

Балтийские славяне в лингвистическом отношении родственны полякам. Они были разделены на большое количество племен, которые иногда образовывали свободные союзы и объединения. В этом смысле мы можем говорить о четырех главных группах балтийских славян. Наиболее западными были ободричи. Они заселяли Гольштейн, Люнебург и Западный Мекленбург. По соседству с ними, в Восточном Мекленбурге, Западной Померании и Западном Бранденбурге, жили лютичи. К северу от них, на острове Рюген, а также на двух других островах в эстуарии Одера проживали племена отважных мореплавателей — раняне и волыне. Территорию между Нижним Одером и Нижней Вислой занимали поморяне (или померане), их название происходит от слова «море» — «народ, живущий у моря». Из этих четырех племенных групп первые три (ободричи, лютичи и островные племена) полностью исчезли, и только восточная группа поморян частично выжила благодаря тому, что они были включены в состав польского государства и тем самым избежали германизации.

Земли к югу от балтийских славян, известные в нынешнее время как Тюрингия и Саксония, были населены сербами. Из них сохранилась лишь небольшая группа в районе Котбуса и Баутцена, известная как лужичане.

Между балтийскими славянами было еще меньше политического единства, чем между славянами балканскими. Ободричи даже вступали иногда в союз с немцами против своих славянских соседей. Лишь в конце одиннадцатого и начале двенадцатого веков князь ободричей пытались объединить славянские племена в Прибалтике. Их государство, однако, оказалось недолговечным, особенно из-за того, что в то время политические разногласия среди славян усугублялись религиозной распрей — борьбой между христианством и язычеством.

Таким образом, мы стоим лицом к лицу с проблемой религиозной подпочвы средневекового славянского мира. Первым славянским племенем, принявшим христианство в начале девятого века, были далматинцы, но, как мы знаем, именно в Моравии, благодаря стараниям святых Кирилла и Мефодия, около 863 г. христианство одержало первую важную победу на славянской почве. Затем последовала Болгария, около 866 г. Сербы и хорваты приняли христианство в конце девято-

го и начале десятого века. Часть русских была обращена, как мы знаем, примерно в то же время, что и болгары, но лишь в конце десятого века как Русь, так и Польша официально стали христианскими странами.

Язычество наиболее упорно держалось на севере, среди балтийских славян. Нам не следует преувеличивать примитивность славянской религии. Она, вероятно, представляла собою довольно сложную систему верований³¹⁰. Славянские божества пользовались значительным уважением у германских соседей славян, и даже короли Дании обычно посылали дары в храм Святовита в Арконе. Однако вслед за христианизацией немцев и большинства славян пантеон балтийских племен становился изолированным, и их религия была обречена на провинциализм. Причиной долгой привязанности балтийских славян к их старым богам служило то, что для них христианство означало германизацию. В связи с этим следует заметить, что неудача с утверждением славянской литургии на почве Моравии и Богемии была трагическим событием не только для чехов, но также и для балтийских славян. Если бы планы Кирилла и Мефодия осуществились в Богемии, то славянская литургия могла бы распространиться на север к полабским сербам и балтийским славянам и привлекла бы их внимание к христианству, которое, возможно, они стали бы считать национальной религией. Но по ходу событий балтийские и полабские славяне должны были либо принять немецких священников и латинскую литургию, либо вообще противостоять христианским миссиям. Выбрав второй путь, они подписались под своей культурной и политической изоляцией, поскольку таким образом они утратили контакт даже со своими родичами, чехами и поляками, которые уже были обращены в христианство.

Ввиду разнообразия политических и культурных оснований в жизни славян во время киевского периода, рассматривая взаимоотношения Руси с ее славянскими соседями, целесообразно разделить их по трем регионам: Балканский полуостров, Центральная и Восточная Европа, Прибалтика.

1. На Балканах наибольшим значением для Руси обладала Болгария. В языческий период Русь, как мы знаем (Гл. II, 5), была близка к распространению своего контроля на эту бал-

канскую страну. После обращения Руси в христианство Болгария стала важным фактором развития русской цивилизации, обеспечивая Русь литургическими и теологическими книгами в славянском переводе, а также посылая священников и переводчиков в Киев. Отдельные болгарские авторы, такие, как, например, Иоанн Экзарх, стали весьма популярными на Руси. Не будет преувеличением сказать, что русская церковная литература раннего киевского периода основывалась на болгарском фундаменте. Конечно, болгарская литература того времени состояла главным образом из переводов с греческого, поэтому с русской точки зрения роль Болгарии заключалась прежде всего в посредничестве между Русью и Византией. Это верно и в отношении торговли: русские торговые караваны проходили через Болгарию на пути в Константинополь, а о прямых торговых связях с болгарями свидетельств мало.

Хотя о влиянии болгарской литературы на русскую имеет много палеографических и филологических свидетельств, сведения о личных взаимоотношениях между болгарскими и русскими, исключая период вторжения Святослава, скудны. Одна из жен Владимира Святого, по-видимому мать Бориса, была пленной болгарской девушкой. Очень странно, но на протяжении всего киевского периода между русским и болгарским правящими домами не было матримониальных связей.

Об отношениях между русскими и сербо-хорватами мало свидетельств в летописях киевского периода. В «Повести временных лет», однако, мы находим короткую, но ценную информацию о Сербии и Хорватии. Из других источников известно, что интеллектуальные взаимоотношения между русскими и сербами существовали³¹¹. Сербские рукописи нашли дорогу на Русь; с конца одиннадцатого века сербское влияние на русскую литературу постепенно замещало болгарское. С другой стороны, русские рукописи появились в Сербии как знаки русского культурного влияния. Знаменательно, что сербские ученые были знакомы как с «Повестью временных лет», так и со «Словом о законе и благодати» Илариона. Последней книгой пользовался сербский монах Доменциан в своих «Житиях» сербских святых Симеона и Саввы, написанных около 1265 г.; несомненно, списки трудов Илариона

имелись в Сербии задолго до этой даты. Гора Афон являла собой место встречи русских и сербских монахов. Русские монахи впервые поселились там в семидесятые годы одиннадцатого века в монастыре Ксилургу; в 1089 г. они переместились в монастырь Св. Пантелеймона, тогда как сербы заняли Ксилургу. С 1000 по 1169 г. монастырь Св. Пантелеймона находился в состоянии упадка, и те русские монахи, что оставались на Афоне, жили в Ксилургу среди сербов. В 1169 г. сербы получили монастырь Св. Пантелеймона, который они делили с русскими до 1197 г., пока не перешли в Хиляндрарский монастырь, ставший с того времени главным центром сербского монашества; а за русскими остался монастырь Св. Пантелеймона, известный с тех пор как Руссикон³¹².

Известен только один случай династических связей между русскими и сербо-хорватами. В 1150 г. князь Владимир Дорогобужский (сын Мстислава I) женился на югославской княжне, которая была в родстве с венгерским королем. По-видимому, она была дочерью Белоша, серба по происхождению; он был «баном» (правителем) Хорватии, а его жена была хорваткой³¹³.

2. В то время как Болгария была греко-православной страной, а Сербия, после некоторых колебаний, тоже примкнула к Греческой церкви, страны Центральной и Восточной Европы — Чехия, Венгрия и Польша — стали частью римско-католического мира, так же как и Хорватия. Следует заметить, однако, что в каждой из этих четырех стран народ сильно сомневался, прежде чем сделать выбор в пользу римско-католической иерархии, и все они пришли к католицизму после периода напряженной внутренней борьбы. Окончательная схизма между Греческой и Римской церквями произошла в 1054 г. До этого главная проблема для народов Центральной и Восточной Европы заключалась не в том, к какой церкви примкнуть — римской или константинопольской, — а в языке церковной службы, в выборе между латынью и славянским. Как мы знаем, одно время папа был готов с некоторыми оговорками признать возможность использования славянского языка Моравской церковью. Позднее, под влиянием немцев, признание славянского языка было отменено, и после смерти св. Мефодия (885 г.) его ученики вынуждены были уехать из

Моравии в Болгарию³¹⁴. Но даже после этого моравы и часть чехов следовали какое-то время славянской традиции, и даже еще в одиннадцатом веке мессы проводились на славянском языке в некоторых чешских и моравских церквях, включая монастырь Сазава южнее Праги³¹⁵.

Чешские миссионеры были деятельны также и в Польше, и есть указания на то, что в польских церквях использовались сначала как латынь, так и славянский, но в 966 г. князь Мешко предпочел латинскую форму христианства по политическим соображениям, как уступку германскому императору. С этого времени использование славянского языка в церковной службе постепенно сокращалось и в конце концов прекратилось.

Славянское влияние на Венгрию было очень сильным в десятом и одиннадцатом веках, поскольку мадьяры сначала были менее многочисленны, нежели подчиненные им славяне. Изначально предки мадьяр — угры и тюрки — были язычниками, но во время их пребывания на Северном Кавказе и в причерноморских степях они вошли в контакт с византийским христианством. Во второй половине девятого века, в то время, когда славяне как в Болгарии, так и в Моравии уже были обращены в христианство, некоторые мадьяры приезжали в дунайские земли и тоже принимали крещение. Примечательно, что венгерское слово *kereszt* («крест») со всей очевидностью заимствовано из славянского. Когда мадьяры заняли Венгрию, то для византийских и славянских миссий образовалось обширное поле деятельности³¹⁶. В конце десятого века герцог Геза сам принял крещение согласно греческому обряду благодаря влиянию жены, которая была обращена византийским миссионером. Однако вторая жена Гезы была католичкой, а их сын, Стефан Святой, не только сменил свою религиозную принадлежность с Византии на Рим, но и принял королевскую корону из рук папы (1000 г.) и стал верным защитником католичества в Венгрии. Борьба между Византийско-Славянской и Латинской церквями продолжалась в Венгрии на протяжении одиннадцатого века, во время которой византинофилы и славофилы постепенно утрачивали свои позиции. Как мы уже видели, в 1102 г. король Коломан (Кальман) по приглашению с хорватской верхушкой получил вдобавок к венгерской еще и хорватскую корону, что имело результатом не

только политический союз между Венгрией и Хорватией, который продлился до 1918 г., но также и постепенную латинизацию церкви в Хорватии.

С другой стороны, в более широком культурном, как и политическом, смысле союз с Хорватией усилил в Венгрии на какое-то время славянский элемент. Примечательно, что кодекс законов Коломана был выпущен, по крайней мере согласно К. Гроту, на славянском языке³¹⁷. Во времена правления Белы II (1131—1141) и Гезы II (1141—1161) Босния была поставлена под венгерский протекторат, и тем самым были установлены близкие отношения между Венгрией и сербскими землями, поскольку жена Белы II Елена была сербской княжной из дома Немени. С конца двенадцатого века, однако, славянский элемент в Венгрии пошел на убыль.

Победа римского католицизма в Центральной и Восточной Европе означала победу латинского языка над славянским. Латынь стала официальным языком церковной службы, так же как и государственной документации. Она стала также основой школьного обучения и образования в целом, что означало зарождающееся культурное размежевание между Русью и ее западными соседями.

Несмотря на возрастание различий между Русью и Центральной и Восточной Европой, в киевский период сохранялись оживленные взаимоотношения между русскими, с одной стороны, и чехами, словаками, мадьярами и поляками — с другой. С точки зрения культуры чешский народ в тот период являлся ведущим фактором в той части континента. Польская культура достигла зрелости позднее; в шестнадцатом и семнадцатом веках польское влияние на русскую и украинскую цивилизацию имело огромную важность. Иначе было в киевский период; собственно говоря, Польша сама в это время находилась под значительным влиянием чешской цивилизации. Польская культура этого периода не превосходила и русскую; во многих областях, как, например, в литературе и искусстве, русские были, бесспорно, более зрелыми, чем поляки. Рассмотрим эпическую поэзию, к примеру. Даже если мы оставим в стороне «Слово о полку Игореве» как уникальное творение гения, ничего сходного с русскими былинами не было создано средневековыми польскими народными поэтами! Что

касается ученой литературы, она была главным образом на латыни, так же было, до определенной степени, и у чехов.

Поскольку знание латыни было весьма ограниченным в средневековой Руси, латинская литература чехов и поляков имела мало шансов на то, чтобы иметь непосредственное влияние на русскую мысль. Однако некоторые переводы с латинского на славянский были сделаны предположительно в Чехии, и они имели впоследствии хождение на Руси. К этой группе текстов относятся толкования на Евангелие папы Григория Великого, а также апокрифическое «Евангелие от Никодима», ряд житий святых и молитв³¹⁸.

Прочность славянской традиции в Сазавском монастыре также делала возможным прямой контакт между русскими и чешскими книжниками. Чешско-русские культурные взаимоотношения были оживленными и имели большую значимость. Несомненно, что русские «Жития» св. Бориса и Глеба одиннадцатого века представляют некоторые параллели с «Житием св. Вацлава» из Богемии. Более того, последнее, как и «Житие св. Людмилы», имело хождение на Руси. Еще одним интересным свидетельством взаимодействия в чешско-русских культурных отношениях является тот факт, что св. Борис и Глеб поминались в Сазавском монастыре еще в 1095 г.³¹⁹

Интересный аспект культурных взаимоотношений между Русью и ее западнославянскими соседями содержит историография того времени. Согласно правдоподобному доводу Н. К. Никольского, составитель «Повести временных лет» использовал некоторые чешско-моравские легенды и предания, описывая отношения между русскими, поляками и чехами³²⁰. Вероятно, чешские ученые принимали участие в переводе теологических и исторических книг, что было организовано в Киеве Ярославом Мудрым. Примечательно также и то, что некоторые сведения о Руси и русских делах можно обнаружить в трудах чешских и польских летописцев двенадцатого и начала тринадцатого века — к примеру, у продолжателя хроники Козьмы Пражского и у Винцента Кадлюбека из Польши³²¹.

Политические и военные отношения между Русью и ее западными соседями уже рассматривались в предшествующих

главах. Что касается коммерции, то торговый путь из Ратисбона в Киев проходил как через Польшу, так и через Богемию. В дополнение к этой транзитной торговле обе страны, несомненно, имели прямые коммерческие взаимоотношения с Русью. К сожалению, о них можно обнаружить лишь обрывки свидетельств в сохранившихся письменных источниках того периода. Следует заметить, что еврейские купцы из Ратисбона имели тесные связи с пражскими. Таким образом, евреи являлись связующим звеном между немецкой и чешской торговлей и русскими³²².

Частные контакты военного и торгового характера между русскими, с одной стороны, и поляками, венграми и чехами — с другой, были, по всей видимости, обширными. В некоторых случаях польские военнопленные поселялись в русских городах, в то же время польские купцы были частыми гостями на юге Руси, особенно в Киеве. Одни из киевских городских ворот были известны как Польские ворота, что является указанием на то, что в этой части города жили многочисленные польские поселенцы. Как результат польского вторжения в Киев в одиннадцатом веке (см. Гл. VII, 3), многие выдающиеся киевляне были взяты заложниками в Польшу. Позднее большинство из них было возвращено. Как мы знаем, в то время польский король посвятил в рыцари многих волынских землевладельцев (см. Гл. VII, 3).

Частные взаимоотношения между русскими и поляками, а также между русскими и венграми были особенно оживленными в западных русских землях — в Волыни и Галиции. Не только князья, но и другая знать названных стран имела здесь возможности для встреч.

Что касается князей, то семейные узы между членами царствующих семей Руси, Венгрии, Польши и Чехии были широкими³²³. Что касается Венгрии, то четыре венгерских короля в киевский период (Андраш I, Ласло Святой, Коломан и Андраш II) имели русских жен. Стефан III был помолвлен с русской княжной, но по некоторым причинам свадьба не состоялась³²⁴. Что касается венгерских жен у русских князей, известно, что Ростислав Тмутараканский был женат на Ланке, дочери Белы I, а Владимирко из Галича — на дочери Коломана. Таким образом, говоря на грубом коммерческом языке,

Русь экспортировала больше невест в Венгрию, нежели импортировала.

В русско-чешских отношениях была противоположная картина. Две из многочисленных жен Владимира Святого были чешским князьями. В двенадцатом веке у двух русских князей (Святополка, сына Мстислава I, и Ярослава, сына Изяслава II) были чешские жены. Известно, что только одна русская княжна — из Галича — была замужем за чешским князем (Вратиславом из Брно).

Что же касается Польши, то «поставки» невест были более паритетными. Известно, что в киевский период у восьми русских князей были польские жены, а одиннадцать княжон были замужем за поляками. Среди князей было трое киевских (Святополк I, Изяслав I и Мстислав II); среди поляков трое были королями Польши (Казимир I, Болеслав II, Болеслав III) и несколько — краковскими князьями (Болеслав Кудрявый, Мешко Старый, Казимир Справедливый, Лешек Белый).

Многочисленность династических связей сама по себе является красноречивым показателем тесных контактов между русскими и западными славянами и мадьярами. Остается сожалеть, что в большинстве случаев мы мало знаем о жизни русских княжон за границей или же о жизни заграничных невест на Руси. По-видимому, если источники молчат, это означает, что брак был счастливым. Здесь следует упомянуть об одном из несчастливых браков, а именно между Евфимией из Киева и венгерским королем Коломаном³²⁵. Дочь князя Владимира Мономаха, Евфимия принадлежала к одной из лучших русских семей не только по социальному положению, но и с позиций культурных и моральных. Ее бракосочетание с Коломаном состоялось в 1112 г. Коломан, король Венгрии с 1095 г., был значительно старше своей невесты. Его первая жена умерла в 1103 г., оставив ему двух сыновей. После смерти старшего сына он начал всерьез беспокоиться о престолонаследии, в результате чего решил жениться снова. Коломан был талантливым правителем, но человеком жестоким и непривлекательным; по крайней мере, так описывают его венгерские хронисты того времени. Будучи монахами, возможно, они были предубеждены на его счет, поскольку он был равнодушен к монашеству. Во всяком случае, атмосфера при

дворе Коломана на протяжении восьми лет после смерти его первой жены вряд ли способствовала тому, чтобы сделать из него идеального супруга. Евфимия, должно быть, была поражена распущенностью двора, постоянными интригами, а более всего — бестактностью самого Коломана. Вскоре она почувствовала, что не сможет переносить эту свою новую жизнь, и вернулась к отцу в Киев. К этому времени она уже была беременной и в Киеве родила сына Бориса.

Король Коломан умер в 1114 г., а его трон унаследовал сын от первого брака Стефан. По смерти последнего трон занял Бела Слепой, сын двоюродного брата Коломана, и при таком стечении обстоятельств Борис предъявил претензии на венгерскую корону, в чем его поддержали поляки. Чтобы подорвать обоснованность его претензий, его венгерские противники распространили историю о том, что он не является сыном Коломана. Согласно этой небывлице, Евфимия была неверна королю и Борис был сыном ее любовника. Поскольку в то время, когда она оставила мужа, никто не обвинял ее в супружеской измене и поскольку эта история сначала стала распространяться в период острого политического конфликта, по-видимому, она просто была клеветой. Однако она со служила свою службу, поскольку престиж Бориса был подорван и в конце концов это стало препятствием для всеобщего признания его прав на трон.

Евфимия умерла в 1139 г. Карьера ее сына Бориса была полна опасностей. После смерти его деда и покровителя Владимира Мономаха (1125 г.) он был отправлен в Константинополь для завершения образования³²⁶. Поскольку отношения между Византией и Венгрией были напряженными в тот период, император сблизился с ним, желая использовать его как потенциальное орудие византийской дипломатии, и в 1130 г. отдал ему в жены свою двоюродную сестру. В 1131 г. по приказу жены короля Белы Елены было убито шестьдесят восемь венгерских знатных людей, которые могли быть потенциальными сторонниками Бориса, когда те присутствовали на заседании венгерского сейма. На следующий год Борис, при поддержке поляков, а также русских и куманов, вторгся в Венгрию, но его армия была разбита королевскими войсками. Борис стал политическим изгнанником, живя то в Польше, то

в Австрии, то в Богемии и тщетно пытаюсь поймать удачу, поскольку Венгрия находилась в трудном положении. В 1147 г. ему удалось проникнуть в Венгрию при поддержке австрийских войск, но он снова потерпел поражение. Опасаясь пленения, он спрятался в обозе французского короля Людовика VII, войска которого в это время пересекали Венгрию на пути к Святой земле. Хотя венгерские шпионы и обнаружили его местонахождение, король Людовик отказался выдать его и благополучно доставил в Константинополь, где бесприютный князь снова был взят под защиту византийского императора. Он принял участие в последовавшей затем войне между Византией и Венгрией и был убит в схватке в 1154 г.

3. Наши сведения об отношениях между русскими и балтийскими славянами в киевский период скудны. Тем не менее торговые отношения между Новгородом и городами балтийских славян, вероятно, были достаточно оживленными. Русские купцы часто посещали Волин в одиннадцатом веке, а в двенадцатом веке существовала корпорация новгородских купцов, торговавших с Щецином³²⁷. В «Слове о полку Игореве» среди иностранных певцов при дворе киевского князя Святослава III упоминаются венецианцы. Существует соблазн видеть в них жителей Винеты на острове Волин, но представляется более резонным отождествление их с венецианцами. Что касается династических связей, по крайней мере у двух русских князей были померанские жены, а у трех померанских князей — русские жены³²⁸.

3. Русь и Скандинавия

Скандинавские народы сейчас считаются — и это справедливо — частью западного мира. Поэтому с современной точки зрения было бы логичным рассматривать скандинаво-русские взаимоотношения под заголовком «Русь и Запад» (см. следующую главу). И все же правильнее рассматривать Скандинавию отдельно, поскольку с точки зрения истории и культуры в период раннего Средневековья она была особым миром, скорее мостом между Востоком и Западом, нежели ча-

стью того и другого. В эпоху викингов скандинавы не только разоряли множество восточных и западных земель своими постоянными набегами, но и устанавливали контроль над определенными территориями как на Балтийском, так и на Северном морях, не говоря уже об их экспансии в Средиземноморье и в Причерноморье.

С точки зрения культуры скандинавские народы долгое время оставались за чертой Римской церкви. Хотя «скандинавский апостол» св. Ансгарий начал проповедовать христианство в Дании и Швеции в девятом веке, лишь в конце одиннадцатого века церковь получила в Дании реальное развитие, а ее права и привилегии формально были установлены там не раньше 1162 г. В Швеции старое языческое святилище в Упсале было разрушено в конце одиннадцатого века, в 1248 г. окончательно была установлена церковная иерархия и утвержден celibат духовенства. В Норвегии первым королем, сделавшим попытку христианизировать страну, был Хокон Добрый (936–960 гг.), сам принявший крещение в Англии. Но ни он, ни его ближайшие наследники не смогли довести до конца религиозную реформу. Привилегии церкви были окончательно утверждены в Норвегии в 1147 г.

С точки зрения социальной в Норвегии и Швеции, в отличие от Франции и Западной Германии, не было рабства; оно не было введено и в Дании до шестнадцатого века. Поэтому крестьяне в Скандинавии оставались свободными в киевский период и на протяжении всех Средних веков. Политически, опять же в отличие от Запада, особой важностью обладало собрание свободных людей (тинг), исполнявшее административную и судебную роли в скандинавских странах, по крайней мере до двенадцатого века.

Как мы знаем, со скандинавами было непосредственно связано сначала образование Русского каганата, а затем и Киевского княжества³²⁹. Однако нам следует ясно разграничивать различные стадии скандинавской экспансии на Руси, и здесь к месту краткий очерк последовательности этих стадий.

Шведы, которые, очевидно, первыми пришли и проникли на юг Руси еще в восьмом веке, смешались с местными анто-славянскими племенами, заимствовав у коренного населения само имя «русь»; датчане и норвежцы, представителя-

ми которых были Рюрик и Олег, пришли во второй половине девятого века и незамедлительно смешались со шведскими русами³³⁰. Участники этих двух ранних потоков скандинавской экспансии прочно обосновались на русской почве и объединили свои интересы с интересами коренного славянского населения, особенно на приазовских и киевских землях.

Однако скандинавская иммиграция на Русь не прекратилась с Рюриком и Олегом. Князья приглашали на Русь новые отряды скандинавских воинов в конце десятого и на протяжении одиннадцатого века. Некоторые приходили по своей собственной инициативе. Этим пришельцев русские летописцы называли варягами, чтобы провести различие между ними и старыми поселенцами, называвшимися русью. Ясно, что старые скандинавские поселенцы уже в девятом веке составляли часть русского народа. Варяги, однако, были иностранцами, как с точки зрения коренных русских, так и русифицированных скандинавов, представителей раннего скандинавского проникновения.

Как мы знаем, князь Игорь нанял варягов, чтобы усилить свою армию в войне с Византией (см. Гл. II); Владимир I использовал варягов в борьбе против Ярополка I, а позднее предоставил на время часть из них в распоряжение византийского императора (см. Гл. III, 2); Ярослав I зависел от варягов в своих походах против Святополка I и Мстислава Тмутараканского. Как из русских, так и из скандинавских источников мы знаем, что варяги также нередко приходили на Русь поодиночке или небольшими группами, предлагая себя на службу русским князьям или в поисках приключений.

Повествования о таких приключениях сохранились во многих скандинавских сагах. Среди них — сага об Олафе Трюгвасове, которая относится ко времени правления Владимира Святого. Сага об Эймунде описывает приключения группы исландцев, которые пришли на Русь в начале одиннадцатого века и приняли активное участие в борьбе Ярослава против князя Полоцкого, а также против других его противников³³¹. В киевском «Патерике» мы обнаруживаем рассказ о варяге Шимоне, который предложил себя на службу князю Ярославу Мудрому³³².

Скандинавы также посещали Русь на своем пути в Константинополь и в Святую землю. Так, в 1102 г. король Дании Эрик Эйегод появился в Киеве и был тепло принят князем Святополком II. Последний направил свою дружину, состоявшую из лучших воинов, чтобы сопровождать Эрика к Святой земле. На пути от Киева до русской границы Эрика повсюду встречали восторженно. «Священники присоединялись к процессии, неся святые реликвии под пение гимнов и звон церковных колоколов»³³³.

Помимо свидетельств в литературных источниках, как русских, так и скандинавских, существуют также некоторые эпиграфические свидетельства, касающиеся путешествий скандинавов на Русь. Одна руническая надпись первой половины одиннадцатого века посвящена скандинаву, который погиб на Руси как воин. В другой упоминается скандинавский купец, торговавший с Русью. Еще в двух надписях упомянут Новгород. Все надписи были обнаружены за пределами Руси. Внутри же страны камень с надписью, которую можно датировать первой половиной одиннадцатого века, был обнаружен на острове Березани, который, как мы знаем (см. Гл. II, 2), был важным пунктом на пути из Киева в Константинополь. Читаем в этой надписи следующее: «Грани воздвиг этот монумент в память своего товарища Карла»³³⁴.

Нужно заметить, что не все варяги, приходившие на Русь, были вовлечены в военные авантюры. Некоторые из них — возможно даже, большинство из них — были привлечены коммерческими интересами. В одиннадцатом и начале двенадцатого века варяги были весьма заинтересованы в этих торговых отношениях, и, по всей видимости, отрасль коммерции, к которой они проявляли особое внимание, была торговля рабами. Отдельная статья «Русской правды» говорит о беглом рабе, убежавшем от своего варяжского хозяина³³⁵.

Поскольку варяжские купцы были постоянными гостями в Новгороде, а некоторые из них проживали там постоянно, они со временем построили церковь, которая упоминается в русских летописях как «варяжская церковь». В двенадцатом веке балтийская, или варяжская, торговля с Новгородом проходила главным образом через остров Готланд. Отсюда — образование так называемой готландской «фактории» в Нов-

городе³³⁶. Когда немецкие города расширили сферу своих торговых дел до Новгорода, на первых порах они также зависели от готландского посредничества. В 1195 г. был подписан торговый договор между Новгородом, с одной стороны, и готландцами и немцами — с другой³³⁷.

Следует помнить, что балтийская торговля предполагала движение в обе стороны и в то время, как скандинавские negociанты часто путешествовали по Руси, новгородские купцы точно так же путешествовали за границей. Они образовали свою «факторию» и построили церковь в Висби на острове Готланд, приезжали в Данию, а также в Любек и Шлезвиг. В новгородских летописях записано, что в 1131 г. на обратном пути из Дании погибло семь русских кораблей со всем грузом. В 1157 г. шведский король Свейн III захватил много русских кораблей и разделил весь товар, имевшийся на них, между своими солдатами. Между прочим, здесь можно заметить, что в 1187 г. император Фридрих II даровал равные права на торговлю в Любеке готландцам и русским³³⁸.

Что касается социальных отношений с другими народами, частные связи между русскими и скандинавами лучше всего могут быть засвидетельствованы указанием на династические узы³³⁹. По-видимому, четверо из жен Владимира I (до его обращения) были скандинавского происхождения. Супругой Ярослава I была Ингигерда, дочь шведского короля Олафа. У сына Владимира II, Мстислава I, была шведская жена — Кристина, дочь короля Инге. В свою очередь, два норвежских короля (Харальд Хаардрод в одиннадцатом веке и Сигурд — в двенадцатом) взяли себе русских невест. Следует заметить, что после смерти Харальда его русская вдова Елизавета (дочь Ярослава I) вышла замуж за короля Дании Свейна II; а после смерти Сигурда его вдова Мальфрид (дочь Мстислава I) вышла замуж за короля Дании Эрика Эймуна. Еще у одного датского короля, Вальдемара I, тоже была русская жена. Ввиду тесных связей между Скандинавией и Англией здесь стоит упомянуть о браке между английской принцессой Гитой и Владимиром Мономахом. Гита была дочерью Гаральда II. После его поражения и смерти в битве при Гастингсе (1066 г.) его семья нашла убежище в Швеции, и именно шведский король устроил брак между Гитой и Владимиром.

В связи с оживленными взаимоотношениями между скандинавами и русскими скандинавское влияние на ход развития русской цивилизации приобрело большое значение. В современной исторической науке даже существует тенденция переоценивать это влияние и представлять скандинавский элемент как ведущий фактор формирования киевского государства и культуры. Новый подход к проблеме — с точки зрения исследователя фольклора — можно обнаружить в книге А. Штендер-Петерсена «Варяжская сага как источник древней русской летописи» (1934 г.). Согласно этому исследователю, древние скандинавско-русские саги создавались в восточной и византийской среде и лишь позднее распространились с востока на север³⁴⁰. В целом ясно, что скандинавское влияние на русский фольклор и историографию было результатом сложного процесса. Во всяком случае, не следует слишком упрощать эту проблему, безоговорочно принимая утверждение об «импорте» прямо из Скандинавии на Русь чисто скандинавских представлений и обычаев. Что касается скандинавско-русских культурных взаимоотношений, то каждая из сторон, конечно же, внесла в них свою долю, но обе они до определенной степени зависели от византийской и восточной почвы.

Под филологическим углом зрения следует отметить отсутствие в русском словаре скандинавских по происхождению слов, значение которых относится к интеллектуальной и духовной жизни. Большинство скандинавских заимствований в русском языке (в целом немногочисленных) обозначают наименования в княжеской администрации, как, например, «гридь», «тиун», «ябедник». Кстати, слово «кнут» — тоже скандинавского происхождения (knutr)³⁴¹.

4. Русь и Запад

Термин «Запад» здесь употреблен с оговорками. Двумя «столпами» средневекового Запада были Римско-католическая церковь и Священная Римская империя. С религиозной точки зрения некоторые народы Центральной и Восточной Европы, о которых шла речь в предыдущей главе, — наро-

ды Богемии, Польши, Венгрии и Хорватии — принадлежали скорее к «Западу», чем к «Востоку», а Богемия фактически являлась частью империи. С другой стороны, в Западной Европе, как таковой, в это время не было прочного единства. Как мы уже видели, Скандинавия держалась в стороне во многих отношениях и была обращена в христианство много позднее, чем большинство других стран. Англия находилась на протяжении некоторого времени под датским контролем, а в более близкие отношения с континентом она вошла через норманнов — то есть скандинавов, однако в данном случае галлизированных.

На юге Испания, как и Сицилия, на какое-то время стала частью арабского мира. А в торговом отношении Италия была ближе к Византии, чем к Западу. Таким образом, Священная Римская империя и Французское королевство составляли костяк Западной Европы в киевский период.

Обратимся сначала к русско-немецким отношениям³⁴². До немецкой экспансии в восточную часть Прибалтики в конце двенадцатого и начале тринадцатого века немецкие земли не соприкасались с русскими. Однако некоторые контакты между этими двумя народами поддерживались через торговлю и дипломатию, а также и через династические узы. Основной немецко-русский торговый путь в тот ранний период проходил через Богемию и Польшу. Еще в 906 г. в Раффельштадтском таможенном установлении среди иностранных купцов, приезжающих в Германию, упоминаются богемцы и руги. Ясно, что под первыми имеются в виду чехи, последних же можно отождествить с русскими.

Город Ратисбон стал отправной точкой для немецкой торговли с Русью в одиннадцатом и двенадцатом веках; здесь немецкие купцы, ведущие дела с Русью, образовали особую корпорацию, члены которой известны как «рузарии»³⁴³. В середине двенадцатого века коммерческие связи между немцами и русскими были также установлены в Восточной Прибалтике, где Рига была главной немецкой торговой базой начиная с тринадцатого века. С русской стороны как Новгород, так и Псков принимали участие в этой торговле, но ее главным центром в этот период был Смоленск. Как уже упоминалось (см. Гл. V, 8), в 1229 г. был подписан важный торговый догово-

вор между Смоленском, с одной стороны, и целым рядом немецких городов — с другой. Были представлены следующие немецкие и фризские города: Рига, Любек, Сест, Мюнстер, Гронинген, Дортмунд и Бремен. Немецкие купцы часто посещали Смоленск; некоторые из них постоянно проживали там. В договоре упоминается немецкая церковь Святой Девы в Смоленске³⁴⁴.

С развитием активных коммерческих отношений между немцами и русскими и (как мы вскоре увидим) через дипломатические и семейные связи между немецкими и русскими правящими домами немцы, должно быть, собрали значительное количество сведений о Руси. Записки немецких путешественников и записи немецких летописцев составляли важный источник знаний о Руси не только для самих немцев, но также и для французов и прочих западных европейцев. В 1008 г. немецкий миссионер св. Бруно посетил Киев на пути в земли печенегов, чтобы распространять там христианство. Он был тепло принят Владимиром Святым, и ему была предоставлена вся помощь, какую только можно было предложить. Владимир лично сопровождал миссионера до границы печенежских земель. Русь произвела на Бруно самое благоприятное впечатление, так же как и русский народ, а в своем сообщении императору Генриху II он представил правителя Руси как великого и богатого властителя³⁴⁵.

Летописец Титмар из Мерзебурга (975–1018 гг.) тоже подчеркивал богатство Руси. Он утверждал, что в Киеве было сорок церквей и восемь рынков³⁴⁶. Каноник Адам из Бремена (ум. в 1074 г.) в своей книге «История гамбургской епархии» называл Киев соперником Константинополя и ярким украшением греко-православного мира³⁴⁷. Немецкий читатель того времени мог также найти интересные сведения о Руси в «Анналах» Ламберта Херсфельда (написанных около 1077 г.)³⁴⁸. Ценная информация о Руси была собрана также немецким евреем рабби Мозесом Петахией из Ратисбона, который посетил Киев в семидесятые годы двенадцатого века на пути в Сирию³⁴⁹.

Что касается дипломатических отношений между Германией и Киевом, то они начались в десятом веке, свидетельством чему является попытка Оттона II организовать рим-

ско-католическую миссию к княгине Ольге (см. Гл. II, 4). Во второй половине одиннадцатого века князем Изяславом I была предпринята попытка обратиться к германскому императору как к третьей стороне в русских межкняжеских отношениях. Вытесненный из Киева своим братом Святославом II (см. Гл. IV, 4), Изяслав сначала обратился к королю Польши Болеславу II; не получив помощи от этого правителя, он направился в Майнц, где попросил о поддержке императора Генриха IV. Чтобы подкрепить свою просьбу, Изяслав привез богатые подарки: золотые и серебряные сосуды, драгоценные ткани и так далее. В то время Генрих был вовлечен в Саксонскую войну и не мог послать войска на Русь, даже если бы хотел этого. Однако он направил посланника к Святославу, чтобы прояснить дело. Посланник этот, Бурхардт, был зятем Святослава и поэтому, естественно, был склонен к компромиссу. Бурхардт вернулся из Киева с богатыми дарами, данными в подкрепление просьбы Святослава, обращенной к Генриху, не вмешиваться в киевские дела, на эту просьбу Генрих неохотно согласился³⁵⁰.

Обращаясь теперь к немецко-русским супружеским связям³⁵¹, надо сказать, что по крайней мере у шести русских князей были немецкие жены, включая двух киевских князей — вышеупомянутого Святослава II и Изяслава II. Супругой Святослава была Киликия из Дитмаршена, сестра уже упомянутого Бурхардта. Имя немецкой жены Изяслава (его первой жены) неизвестно. Русские жены были у двух немецких маркграфов, одного графа, одного ландграфа и одного императора. Императором был тот самый Генрих IV, у которого в 1075 г. Изяслав I искал защиты. Он женился на Евпраксии, дочери киевского князя Всеволода I, в то время вдове (ее первым мужем был Генрих Длинный, маркграф Штаденский). В первом браке она, судя по всему, была счастлива. Ее второй брак, однако, закончился трагично; для достойного описания и толкования ее драматической истории нужен был бы Достоевский³⁵².

Первый муж Евпраксии умер, когда ей едва было шестнадцать лет (1087 г.). В этом браке не было детей, и Евпраксия намеревалась принять постриг в Кведлинбургском монастыре. Однако случилось так, что император Генрих IV во время одного из посещений аббатисы Кведлинбурга встретил юную

вдову и был поражен ее красотой. В декабре 1087 г. его первая жена Берта умерла. В 1088 г. было объявлено о помолвке Генриха и Евпраксии, и летом 1089 г. они поженились в Кельне. Евпраксия была коронована как императрица под именем Адельгейда. Страстная влюбленность Генриха в невесту продлилась недолго, и положение Адельгейды при дворе стало ненадежным. Вскоре дворец Генриха стал местом непристойных оргий; согласно по крайней мере двум современным летописцам, Генрих вступил в извращенческую секту николаитов³⁵³. Адельгейда, которая сперва ничего не подозревала, была принуждена принимать участие в некоторых из этих оргий. Летописцы также рассказывают, что однажды император предложил Адельгейду своему сыну Конраду. Конрад, который был примерно тех же лет, что и императрица, и был дружелюбно расположен к ней, с негодованием отказался. Вскоре он восстал против своего отца.

Хотя Генрих продолжал разными путями оскорблять свою жену, на него иногда находили приступы ревности. Следует заметить, что с 1090 г. он был втянут в тяжкую борьбу за завоевание северных земель Италии, а также за контроль над папской резиденцией. Адельгейда была принуждена следовать за ним в Италию и содержалась в Вероне под строгим надзором. В 1093 г. она бежала и нашла убежище в Каноссе, в замке маркизы Матильды Тосканской — одной из самых непримиримых врагов Генриха IV. Оттуда, по совету Матильды, она направила жалобу на своего мужа в адрес Церковного собора в Констанце (1094 г.), который признал Генриха виновным. Между тем Матильда представила свою протезе папе Урбану II, который посоветовал Адельгейде лично предстать перед Церковным собором в Плаценции (1095 г.). Так она и поступила и публично покаялась перед собором, что принимала участие в оргиях по приказанию Генриха. Ее исповедь произвела огромное впечатление, и она получила полное отпущение грехов.

Исповедь Адельгейды была для нее моральной пыткой и гражданским самоубийством; в то же время, хотя она и не думала об этом, это было и политической акцией — ударом по престижу Генриха, от которого он так полностью никогда и не оправился. Через два года после рокового собора Адельгейда

уехала из Италии в Венгрию, где она пробыла до 1099 г., а затем возвратилась в Киев. Ее мать все еще была жива и, по-видимому, приняла Адельгейду, которую теперь снова звали Евпраксией, в свой дом. Генрих IV умер в 1106 г.; позднее, в том же году, Евпраксия приняла монашество, предположительно в монастыре Св. Андрея, который находился в подчинении ее старшей сестры Янки. Она умерла в 1109 г. и была похоронена в пещерах лавры.

Слухи об участии Евпраксии в оргиях Генриха и о ее исповеди, должно быть, достигли Киева намного раньше ее возвращения туда. Когда она вернулась, несмотря на то уединение, в котором она старалась жить, киевское общество захлестнула новая волна слухов и сплетен. Мы обнаруживаем отзвуки этих сплетен даже в русском эпическом фольклоре, в былинах. Во многих из них жена Владимира Святого представлена неверной женщиной, то и дело влюбляющейся в того или иного храброго богатыря. И в большинстве из этих былин ее зовут Евпраксия. Как предполагает С. П. Розанов, должно быть, несчастная жена Генриха IV послужили прототипом ее тезки из былин³⁵⁴. Хотя реальная Евпраксия, конечно же, не была женой Владимира; будучи его далекой правнучкой, она была сестрой Владимира Мономаха, и, вероятно, таким образом ее имя стало ассоциироваться с именем Владимира из былин.

В то время как положение германской императрицы оказалось невыносимым для дочери Всеволода I, ее тетку Анну (дочь Ярослава I) вполне устроил французский трон. Инициатива в случае с замужеством Анны принадлежала французам. В 1044 г. Матильда, первая жена Генриха I Французского, умерла бездетной, и король вынужден был думать о втором браке. Сам факт того, что он в конце концов обратил внимание на Киев, является свидетельством высокого престижа Ярослава Мудрого, позднее ставшего киевским князем. В результате в 1049 г. в Киев прибыло французское посольство, в составе которого было два французских епископа. Между прочим, следует помнить, что в это время еще не было официального разделения между Римской и Греческой церквями. Анна направилась во Францию, по-видимому, в 1050 г. В 1051 г. была отпразднована ее свадьба с Генрихом, и она

была коронована королевой Франции. На следующий год родился их первый сын Филипп. Восемь лет спустя Генрих умер (1060 г.), и Филипп стал королем. Ввиду его малолетства был назначен регент. Анна, как королева Франции и мать короля, тоже принимала участие в правительственных делах. Ее подпись появляется на ряде документов этого периода; в одном случае она подписалась «Анна Регина» славянскими буквами.

Едва прошел год после смерти ее царственного супруга, как Анна снова вышла замуж. Ее вторым мужем был Рауль де Крепи, граф Валуа, один из наиболее могущественных и задиристых французских феодалов того времени. Она была его третьей женой, и, чтобы жениться на ней, ему надо было дать развод второй жене по причине или под предлогом ее неверности. Духовенство было возмущено, и Раулю угрожало отлучение. Регент, в свою очередь, был потрясен вступлением королевы во второй брак, и мальчик Филипп, несомненно, тоже сильно переживал. Постепенно, однако, мир был восстановлен в королевской семье, и Рауль, фактически, хотя и не юридически, был допущен к регентству. Когда Филипп вырос, влияние не только Рауля, но и Анны стало быстро уменьшаться. Рауль умер в 1074 г., год смерти Анны неизвестен. Последний документ, подписанный ею «Анна, мать короля Филиппа», датируется 1075 г. В 1085 г. Филипп даровал пребенду церкви Св. Квентина де Бовэ *pro remedio animae patris mei et matris meae**. Таким образом, можно заключить, что Анна умерла где-то между 1075 и 1085 г.

Поскольку Анна прибыла во Францию до разделения церквей, естественно, она приняла сторону Римской церкви после схизмы 1054 г. и получила тогда второе имя Агнессы. Между прочим, ощущение единства церкви все еще оставалось прочным, и разница между Римом и Константинополем для рядовых членов каждой из церквей заключалась в языке и ритуале, а не в догматике. В этом смысле Анна присоединилась к Западной церкви, когда она отправилась во Францию, и ей не нужно было думать о своем выборе в пользу той или другой церкви в 1054 г.

* Ради спасения души моего отца и моей матери (*лат.*).

Она была набожной и стала известна своим милосердием, а также тем, что даровала земли разным французским церквям и монастырям.

Несмотря на то что оба французских замужества Анны были удачными, ее случай был единственным примером супружеских связей между русским и французским правящими домами в киевский период, да и фактически на протяжении всей русской истории. Нет свидетельств о прямых торговых отношениях между Русью и Францией в киевский период. Некоторые частные контакты между русскими и французами стали возможны во времена Крестовых походов, особенно когда французские войска проходили через Венгрию. Мы уже рассмотрели выше приключение Бориса (русского по материнской линии) во французском обозе. Также, вероятно, в этот период были отдельные русские подразделения в византийской армии, а французы, как известно, вступали в контакт с византийцами. Более того, русские паломники время от времени посещали Святую землю, и это давало возможность для встреч русских с французами. Интересно отметить, что Русь и русские часто упоминаются во французской средневековой поэзии³⁵⁵.

Русские связи с Италией были обусловлены целым рядом факторов, из которых Римская церковь была, вероятно, наиболее важным. Отношения между папой и Русью начались в конце десятого века (см. Гл. III, 3) и продолжались, частью через посредничество Германии и Польши, даже после разделения церквей в 1054 г. В 1075 г., как мы видели, Изяслав обратился за помощью к Генриху IV. Одновременно он направил своего сына Ярополка в Рим для переговоров с папой. Следует заметить, что женой Изяслава была польская княжна Гертруда, дочь Мешко II; а женой Ярополка была немецкая княжна Кунегунда из Орламюнде. Обе эти женщины должны были официально присоединиться к Греко-православной церкви после того как вступили в брак, но, видимо, в душе они не порвали с римским католицизмом. Вероятно, под их давлением и по их совету Изяслав и его сын обратились за помощью к папе. Мы видели раньше, что Ярополк от себя и от имени отца поклялся в верности римскому папе и поставил Киевское княжество под защиту св. Петра. Папа, в свою очередь, в булле от

17 мая 1075 г. даровал Киевское княжество Изяславу и Ярополку в ленное владение и подтвердил их права на управление княжеством. После этого он убедил польского короля Болеслава в том, чтобы тот оказывал всяческую помощь его новым вассалам. Пока Болеслав мешкал, соперник Изяслава Святополк умер в Киеве (1076 г.), и это сделало возможным возвращение туда Изяслава. Как мы знаем (см. Гл. IV, 4), он был убит в сражении против своих племянников в 1078 г., и Ярополк, у которого не было возможности удержать Киев, был направлен старшими князьями в Туровское княжество. Он был убит в 1087 г.³⁵⁶

Так был положен конец мечтам римского папы о распространении власти над Киевом. Однако католические прелаты пристально наблюдали за дальнейшими событиями в Западной Руси. В 1204 г., как мы видели (Гл. VIII, 4), посланники папы посетили князя Галиции и Волыни Романа, чтобы убедить его принять католицизм, однако им это не удалось.

Религиозные контакты Руси с Италией не следует связывать только с деятельностью папы; в ряде случаев они были результатом общераспространенных настроений. Наиболее интересным примером таких стихийных религиозных связей между Русью и Италией явилось почитание реликвии св. Николая в Бари. Конечно, в этом случае объектом почитания был святой досихизматического периода, популярный как на Западе, так и на Востоке. И все же этот случай достаточно типичен, поскольку демонстрирует отсутствие конфессиональных барьеров в русской религиозной ментальности того периода. Греки отмечали день памяти св. Николая 6 декабря, у русских же был второй праздник св. Николая 9 мая. Он был учрежден в 1087 г. в память так называемого «перенесения реликвий» св. Николая из Миры (Ликия) в Бари (Италия). На самом деле реликвии были перевезены группой купцов из Бари, которые вели торговлю с Левантом и посетили Миру под видом пилигримов. Им удалось прорваться к своему кораблю прежде, чем греческая стража поняла, что происходит, затем они направились в Бари, где были восторженно встречены духовенством и властями. Позднее все это предприятие объясняли как стремление перенести реликвии в более безопасное, нежели Мира, место, поскольку этому городу грозила потенциальная опасность сельджукских набегов.

С точки зрения жителей Миры, это был просто грабеж, и понятно, что Греческая церковь отказалась от празднования этого события. Радость жителей Бари, которые теперь могли установить новую раку в своем городе, и Римской церкви, которая ее благословила, тоже вполне понятна. Быстроту, с которой русские приняли этот праздник, объяснить намного труднее. Тут в расчет необходимо принять историческую почву Южной Италии и Сицилии. Норманны, чьей первоначальной целью была война против арабов в Сицилии, позднее установили свой контроль над всей территорией Южной Италии, и это привело к целому ряду столкновений с Византией. Мы уже видели, что в византийской армии были вспомогательные русско-варяжские войска по крайней мере с начала десятого века. Известно, что сильное русско-варяжское соединение принимало участие в византийском походе на Сицилию в 1038–1042 гг.³⁵⁷ Среди других варягов в экспедиции принял участие норвежец Харальд, который позднее женился на дочери Ярослава Елизавете и стал королем Норвегии. В 1066 г. еще один русско-варяжский отряд, находившийся на византийской службе, был размещен в Бари³⁵⁸. Это было до «перенесения» реликвий св. Николая, но следует заметить, что некоторым из русских столь сильно понравилось это место, что они осели там постоянно и со временем итальянизировались. По-видимому, через их посредничество Русь узнавала об итальянских делах и особенно близко к сердцу приняла радость по поводу новой святыни в Бари.

Поскольку на протяжении всего этого периода война была тесно связана с торговлей, результатом всех этих военных походов, видимо, явились какие-то коммерческие взаимоотношения между русскими и итальянцами. В конце двенадцатого века итальянские купцы расширили свою торговую деятельность до Причерноморского региона. Согласно условиям византийско-генуэзского договора 1169 г., генуэзцам было дозволено вести торговлю во всех частях Византийской империи, за исключением «Руси» и «Матрахи».

Г. И. Братяну толкует эти названия как Черное море и Азовское море³⁵⁹. Так, по его мнению, Босфор оставался закрытым для генуэзцев. Это толкование не убедительно; намного более правдоподобным представляется объяснение Кулаковского.

Он полагает, что эти два названия относятся не к двум морям, а к отдельным местностям. «Матраха», конечно, является другим названием Тмутаракани. «Русь», на взгляд Кулаковского, следует отождествить с Керчью. Таким образом, согласно этому ученому, для генуэзцев было закрыто только Азовское море, а не Черное³⁶⁰.

В период Латинской империи (1204–1261 гг.) Черное море также было открыто для венецианцев. Как генуэзцы, так и венецианцы со временем основали ряд торговых баз («факторий») в Крыму и Приазовье. Хотя и нет свидетельств о существовании таких факторий в домонгольский период, но и генуэзские, и венецианские купцы, должно быть, посещали крымские порты задолго до 1237 г. Поскольку их также посещали и русские купцы, была очевидная возможность некоторых контактов между русскими и итальянцами в Причерноморье и Приазовье.

Следует отметить, что значительное число русских, должно быть, оказывалось в Венеции и других итальянских городах вопреки своему желанию, хотя и в связи с черноморской торговлей. Они были не торговцами, а, наоборот, объектами торговли, то есть рабами, которых итальянские купцы покупали у куманов (половцев). Говоря о Венеции, мы можем вспомнить и «венедицких» певцов, упоминаемых в «Слове о полку Игореве». Их, конечно, можно считать либо балтийскими славянами, либо венетами, но, скорее всего, они были венецианцами.

В Испанию если какие-либо русские и попадали в киевский период, то тоже, вероятно, в качестве рабов. Следует заметить, что в десятом и одиннадцатом веках мусульманские правители Испании использовали рабов в качестве телохранителей или наемников. Такие войска известны как «славянские», хотя в действительности только часть из них составляли славяне. Многие из арабских правителей Испании опирались на эти славянские соединения, численность которых доходила до несколько тысяч человек³⁶¹.

Знания об Испании на Руси были туманными. В Испании же благодаря исследованиям и путешествиям мусульманских ученых постепенно были собраны некоторые сведения о Руси. Трактат Аль-Бакри, написанный в одиннадцатом ве-

ке, содержит ценные сведения о докиевском и раннем киевском периодах. Наряду с другими источниками Аль-Бакри использовал повествование еврейского купца Бен-Якуба³⁶². Еще один арабский труд, содержащий сведения о Руси, принадлежит Идриси, также жителю Испании, завершившему его в 1154 г.³⁶³ Испанский еврей Вениамин из Туделы оставил ценные записки о своих путешествиях по Ближнему Востоку в 1160—1173 г., во время которых он встречался со многими русскими купцами³⁶⁴.

5. Русь и Византия

Византийская империя в политическом и культурном отношении была главной силой средневекового мира, по крайней мере до эпохи Крестовых походов. Даже после Первого крестового похода империя все еще занимала чрезвычайно важное место на Ближнем Востоке, и лишь после Четвертого похода обозначился упадок ее могущества. Таким образом, на протяжении почти всего киевского периода Византия представляла собой высший уровень цивилизации не только для Руси, но также и по отношению к Западной Европе. Достаточно характерно, что с византийской точки зрения рыцари — участники Четвертого крестового похода — были не более чем грубыми варварами, и следует сказать, что они действительно вели себя именно так.

Для Руси влияние византийской цивилизации значило больше, чем для любой другой европейской страны, за исключением, возможно, Италии и, конечно, Балкан. Вместе с последними Русь стала частью греко-православного мира, то есть, говоря в терминах того периода, — частью византийского мира. Русская церковь была не чем иным, как ветвью Византийской церкви; русское искусство было пронизано византийским влиянием.

Следует принять в расчет, что, согласно византийской доктрине, греко-православный мир должен быть руководим двумя главами — патриархом и императором; «созвучие» между церковью и государством должно было составить основание

греко-православного общества³⁶⁵. Но теория не всегда соответствует факту. В первую очередь константинопольский патриарх не был главой всей Греко-православной церкви, поскольку было еще четыре патриарха, а именно: епископ Рима (то есть папа, признанный одним из вселенских патриархов до схизмы 1054 г.) и три восточных патриарха (Александрии, Антиохии и Иерусалима).

Что касается Руси, то в киевский период Русская церковь была не более чем епархией Константинопольского патриархата. Но характер отношений между императором и патриархом Константинополя мог затрагивать, а иногда и затрагивал Русь. Хотя теоретически патриарх не был подчинен императору, на деле во многих случаях выборы нового патриарха зависели от императора, который часто вмешивался в церковные дела. Со временем некоторые византийские ученые, специализирующиеся в церковном праве, были вынуждены признать привилегии императора в управлении церковью.

Следовательно, если иностранный народ признавал власть константинопольского патриарха, то это обозначало, что он попадал в сферу политического влияния византийского императора. Как мы знаем (см. Гл. II, 4), русские князья, так же как и правители других стран, готовые принять христианство, понимали эту опасность и прилагали усилия, чтобы избежать политических последствий обращения. Однако коль скоро народ был обращен, не только патриарх, но и император провозглашали свой сюзеренитет над ним, и Русь не была исключением из этого правила. Желание Владимира I сохранить свою независимость имело последствием военный конфликт с Византией, так же как и попытка организовать Русскую церковь как орган самоуправления вне константинопольского патриаршества (см. Гл. III, 3). Ярослав Мудрый, однако, пришел к соглашению с Византией и принял митрополита из Константинополя (1037 г.). Вслед за этим император, по-видимому, стал считать Ярослава своим вассалом, и, когда в 1043 г. началась война между Русью и Империей, византийский историк Пселл отнесся к ней как к «бунту русских»³⁶⁶.

Хотя византийская доктрина о сюзеренитете императора над другими христианскими правителями никогда не принималась преемниками Ярослава в Киеве, князь Галицкий фор-

мально признал себя вассалом императора в середине двенадцатого века³⁶⁷. Но все равно, говоря в целом, Киевскую Русь нельзя считать вассальным государством Византии. Киевская субординация шла по церковным линиям, и даже в этой области русские дважды предпринимали попытку освободиться: при митрополите Иларионе в одиннадцатом веке и Клименте — в двенадцатом.

Хотя русские князья и отстаивали свою политическую независимость от Константинополя, престиж императорской власти и авторитет патриарха были достаточно велики, чтобы оказывать влияние на политику русских князей в очень многих случаях. Константинополь, или Царьград, как обычно называли его русские, считался интеллектуальной и социальной столицей мира. Благодаря разнообразным факторам в отношениях между Русью и ее соседями Византийская империя занимала уникальную позицию: в то время как культурное взаимодействие с другими народами русские осуществляли на равных, по отношению к Византии Русь была в культурном смысле на положении должника.

В то же время было бы ошибкой представлять Киевскую Русь как полностью в отношении культуры зависимую от Византии. Хотя русские и восприняли принципы византийской цивилизации, они приспособили их к своим собственным условиям. Ни в религии, ни в искусстве они не подражали рабски грекам, но, более того, развивали свои собственные подходы к этим сферам. Что касается религии, использование славянского языка в церковных службах, конечно, имело громадное значение для натурализации церкви и роста национального религиозного сознания, в какой-то мере отличного от византийской духовности.

Поскольку церковные связи были наиболее сильным началом, укреплявшим русско-византийские отношения, всякий обзор последних, а также частных контактов между русскими и византийцами следует начинать с церкви и религии. Политические и богословские аспекты этой проблемы были уже кратко рассмотрены (см. Гл. III, 4 и Гл. VIII, 2). Здесь нам следует дать оценку частным аспектам в церковных отношениях. В первую очередь двое киевских митрополитов в домонгольский период были греками; это же относится и к половине

епископов. Этих церковных владык, несомненно, сопровождали дьяконы и служки; таким образом, в каждой русской епархии был по крайней мере небольшой круг византийской интеллигенции. С другой стороны, для русского духовенства и монахов было привычным посещать главные центры византийской учености и монашества, а гора Афон была излюбленным местом их паломничества. Именно на Афон направился будущий основатель Киево-Печерского монастыря св. Антоний, чтобы подготовить себя к выполнению своей задачи. Позднее некоторые русские монахи перебрались туда на постоянное жительство.

Усиление церкви на Руси сопровождалось интенсивным развитием церковного искусства, и здесь опять же огромную роль играли приезжие греческие архитекторы и художники, особенно в одиннадцатом веке. Позднее, когда некоторые русские, изучавшие живопись, отправлялись в Византию для обучения, гора Афон оказалась наиболее подходящим местом для начала их занятий иконописью.

Связи между русскими князьями и членами византийской царствующей семьи также были очень обширными. Что касается династических уз³⁶⁸, наиболее важным событием, конечно, была женитьба Владимира Святого на византийской княжне Анне, сестре императора Василия II (см. Гл. III, 3). Между прочим, одна из жен Владимира, когда тот еще был язычником, тоже была гречанкой (прежде — супругой его брата Ярополка (см. Гл. III, 2)). Внук Владимира Всеволод I (сын Ярослава Мудрого) также был женат на греческой княжне. Из внуков Ярослава Мудрого у двоих были греческие жены: у Олега Черниговского и Святополка II. Первый женился на Феофании Музалон (до 1083 г.); второй — на Варваре Комниной (около 1103 г.), которая прежде была третьей женой Святополка. Вторая жена сына Владимира Мономаха — Юрия была, по-видимому, византийского происхождения. В 1200 г. князь Галицкий Роман женился на византийской княжне, родственнице императора Исаака II, из семьи Ангелов.

Греки со своей стороны проявляли интерес к русским невестам. В 1074 г. Константин Дука был помолвлен с киевской княжной Анной (Янкой), дочерью Всеволода I. По неизвестным нам причинам свадьба не состоялась, и Янка приняла по-

стриг. В 1104 г. Исаак Комнин женился на княжне Ирине из Перемышля, дочери Володара. Около десяти лет спустя Владимир Мономах отдал свою дочь Марию в жены изгнанному византийскому князю Льву Диогену, предполагаемому сыну императора Романа Диогена³⁶⁹. В 1116 г. Лев вторгся в византийскую провинцию Болгарию; на первых порах ему сопутствовала удача, но позднее он был убит. Их сын Василий был убит в схватке между Мономами и Ольговичами в 1136 г. Убитая горем Мария умерла десятью годами позже.

Внучка Владимира Мономаха Ирина (Добродея), дочь Мстислава I, была более удачлива в браке; ее свадьба с Андроником Комнином состоялась в 1122 г. В 1194 г. член византийского дома Ангелов женился на княжне Евфимии из Чернигова, дочери сына Святослава III — Глеба.

Благодаря этим бракам многие русские князья чувствовали себя в Константинополе как дома, и действительно многие из членов дома Рюрика посещали Царьград, а первой из них в десятом веке была княгиня Ольга. Интересно заметить, что в отдельных случаях русские князья высылались в Константинополь своими родственниками. Так, в 1079 г. князь Тмутараканский и Черниговский Олег, как сообщает «Повесть временных лет», был сослан «за море в Царьград»³⁷⁰. В 1130 г. князья Полоцкие со своими женами и детьми были сосланы Мстиславом I «в Грецию, из-за того, что они нарушили клятву»³⁷¹. Согласно Васильеву, «это можно объяснить тем фактом, что малые князья, которые бунтовали против своего правителя, были призваны к ответу не только русским князем, но и сюзереном Руси — византийским императором. Они были сосланы как опасные и нежелательные не только для русского князя, но также и для императора»³⁷². Такое толкование представляется мне неубедительным. В первую очередь, как уже было рассмотрено, нет свидетельств о том, что русские князья, за исключением князя Галицкого, признавали византийского императора своим сюзереном. Во-вторых, нет свидетельств о том, что князья, сосланные в Византию, представляли перед судом императора; так или иначе, им предоставлялось убежище. Это было в традиции византийских императоров — проявлять гостеприимство по отношению к изгнанным правителям других стран. Их присутствие не только повышало престиж

императора, но некоторые из них могли со временем быть использованы в качестве орудия византийской дипломатии, как это было с Борисом, сыном Коломана.

Кроме того, русские князья, в свою очередь, предоставляли убежище изгнанным членам византийских царствующих домов, как это было с Львом Диогеном, упоминавшимся выше, и с будущим императором Андроником Комнином. Последний, храбрый авантюрист по натуре, был заключен в тюрьму своим двоюродным братом, императором Мануилом I, но смог бежать и добрался до Галича, где был по-доброму принят князем Ярославом Осмомыслом (1165 г.). Андроник обосновался во дворце Ярослава, ел и охотился вместе с ним и даже принимал участие в собраниях боярской думы. Со временем он был прощен Мануилом³⁷³. В то время как Андроник искал спасения в Галиче, еще один член дома Комнинов, Мануил (о чьем прямом родстве с императором Мануилом I не известно), посетил Киев как чрезвычайный посол императора (1164–1165 гг.)³⁷⁴. Именно в результате этого посольства киевские князья приняли энергичные меры по защите русско-византийской торговли от вмешательства куманов (половцев) (см. Гл. VIII, 2).

Не только князья, но и члены их свиты тоже, по всей вероятности, имели достаточно возможностей для контактов с византийцами. Выше мы видели, что русские войска принимали участие в византийских походах в Южную Италию и Сицилию в одиннадцатом веке. Какие-то русские, видимо, служили в византийской армии, действующей в Леванте, во время Первого и Второго крестовых походов. Из «Слова о полку Игореве» мы можем заключить, что галичские лучники помогали византийцам в войне последних против сельджуков.

Помимо церкви, князей и армии еще одна социальная группа Киевской Руси находилась в постоянных взаимоотношениях с византийцами: купечество. Мы знаем (см. Гл. II, 2, 3), что русские купцы в большом количестве приезжали в Константинополь с начала десятого века и для них была выделена постоянная штаб-квартира в одном из пригородов Царьграда. О русской торговле с Византией в одиннадцатом и двенадцатом веках прямых свидетельств меньше, но в летописях этого периода по разным поводам упоминаются русские купцы, «торгующие с Грецией» (гречники).

6. Русь и Кавказ

Географически Кавказ представляет собой огромный перешийек между Черным и Каспийским морями. Этнографически он всегда был и остается скоплением представителей разнообразных рас, некоторые из них образуют сравнительно большие народы. Исторически с незапамятных времен Кавказ лежал на перекрестке дорог завоевателей и купцов, дорог, сходящихся едва ли не из всех возможных направлений. И наконец, культурно — как и можно было ожидать — Кавказ был местом встречи Востока и Запада, христианства и ислама, византизма и ориентализма, иранской и тюркской цивилизаций и образов жизни. В силу такой сложной исторической почвы было бы неверным исследовать отношения между Русью и народами Кавказа в тех же рамках, что и русско-византийские или русско-тюркские отношения. К взаимоотношениям между Русью и Кавказом следует подходить как к особой проблеме.

Кавказская горная цепь разделяет всю эту территорию на две главные части: Закавказье и Северный Кавказ. Последний состоит из двух разных ландшафтных зон: гористого района северных склонов главной гряды и степей к северу от нее. До степной территории легко добраться из бассейнов Дона и Волги, и эти земли чаще всего контролировались теми же кочевыми народами, что господствовали в русских степях. В докиевский и ранний киевский периоды эти земли были под контролем хазар. Позднее куманы использовали по крайней мере часть этой территории под пастбища для своего скота и лошадей.

Из коренных племен Северного Кавказа два представляются особенно важными для изучающего русскую историю из-за их ранних и близких связей с русскими. Это осетины и косоги (адыгейцы). Косоги, известные также как черкесы, относятся к так называемой яфетической группе народов; местом их проживания был бассейн реки Кубани. Они были завоеваны Святославом I около 963 г. (см. Гл. II, 5), а позднее находились в близких отношениях с русскими князьями Тмутаракани (см. Гл. IV, 2). Осетины представляют собой смешение яфе-

тических и иранских племен; их язык относится к иранскому. Исторически они произошли от аланов и продолжали именоваться аланами в византийских источниках киевского периода. В русских летописях они упоминаются как ясы, или асы.

Первоначально, как мы знаем³⁷⁵, аланы занимали значительную часть южнорусских степей, а также приазовскую и северокавказскую территории. В киевский период ясы заполняли намного более ограниченную территорию и были разделены на меньшие группы. Одна из таких групп жила в центральной части Кавказской горной цепи на обоих ее склонах. Еще одна группа жила в районе Нижнего Дона. Более мелкие группы, по всей вероятности, были рассеяны по всему региону вдоль восточного побережья Азовского моря от устья Дона до Тмутаракани, а также занимали часть Крыма.

Аланы, особенно та их ветвь, что известна как роксоланы (рухс-асы), играли огромную роль в консолидации и объединении антов и других южнорусских племен³⁷⁶. Вероятно, правящий класс у антов был аланского происхождения. К десятому веку, однако, южнорусские племена, уже имеющие предводителями князей скандинавского происхождения, порвали связи с аланами, и теперь нам приходится вести речь не о смешанных алано-славянских племенах, а о двух независимых группах народов — русских и осетинах.

В качестве исторической параллели разделения двух прежде объединенных этнических групп можно рассмотреть случай с французами и немцами. Франки были германским племенем во время завоевания ими Галлии. На протяжении четырех веков, последовавших за этим завоеванием, судьбы французского и немецкого народов были тесно связаны. Позднее Французская империя распалась на явственно французскую и немецкую части, но именно французы оставили за собой название первоначальных германских завоевателей — франков. Именно таким же образом славяне, а не иранцы стали известны как русские, хотя первоначально «рухс» было названием одной из ветвей аланов.

Что касается религии, то основная масса осетин и косогов все еще оставалась языческой в девятом веке. Но со времени прихода арабов в Закавказье в седьмом веке ислам, вероятно, стал достигать некоторых успехов — очень медленно на

первых порах — среди кавказских горцев. Христианские миссионеры — армяне, грузины и византийцы — тоже посещали северокавказские земли, и к десятому веку значительное число осетин было обращено в христианство³⁷⁷. После обращения Руси открылась еще одна дорога для проповедников христианства среди осетин и косогов — через Тмутаракань.

Обратившись к Закавказью, мы обнаруживаем там два народа с великими культурными традициями — армян и грузин, обращенных в христианство в четвертом веке. В седьмом веке значительная часть Закавказья была завоевана арабами, которые в скором времени, однако, встретили упорное сопротивление со стороны как хазар, так и византийцев. Пользуясь борьбой между великими державами, грузинам, как и армянам, удалось постепенно освободиться из-под арабского контроля. На протяжении девятого и десятого веков в Грузии было основано несколько национальных княжеств феодального типа. Княжество Картли в юго-западной части страны со временем стало наиболее сильным, а позднее, в одиннадцатом и двенадцатом веках, его правителям удалось объединить большую часть Грузии. Для того чтобы противостоять нападениям арабов, а позднее — сельджуков, правители Грузии вынуждены были потакать Византии. Царь Картли Давид Багратиони (ум. в 1001 г.) признал себя вассалом византийского императора, за что был удостоен титула «куропалата»³⁷⁸.

В Армении царство Ани с центром в южной части страны достигло реальной независимости и процветания в конце десятого века. В первой половине одиннадцатого века оно было завоевано византийцами, которые, однако, не много выгадали из своей победы, так как последовало вторжение сельджуков, нанесших поражение как византийцам, так и армянам: в 1064 г. Ани было захвачено, а семь лет спустя сельджуки разбили византийскую армию в битве при Манцикерте (1071 г.), после чего для них был открыт путь в Анатолию. Победа сельджуков имела последствием ужасное опустошение Армении, ставшее одной из главных катастроф в армянской истории.

Грузии повезло больше, частично благодаря ее более отдаленному географическому положению, частично талантам ее правителей. Вместо того чтобы вторгнуться в Грузию сразу же после армянской кампании, султан Альп-Арслан принял

богатые дары, посланные ему царем Багротом IV, и пощадил страну. В конце одиннадцатого века сельджуки еще раз угрожали Грузии, но Первый крестовый поход изменил политическое и военное положение дел на Ближнем Востоке, и внимание сельджуков было отвращено от грузинских дел. Царь Давид II, прозванный Строителем, быстро воспользовался ситуацией и нанес ряд сильных ударов по сельджукам. Во времена правления Давида II (1089–1125 гг.) и царицы Тамары (1184–1213 гг.) Грузия достигла большого процветания. Это был также период расцвета грузинского искусства и письменности. Величайший грузинский эпический поэт Шота Руставели, автор «Витязя в тигровой шкуре», был современником царицы. В грузинской литературе и искусстве этого периода чувствуется влияние Византии и Персии, но сама грузинская цивилизация уже была вполне зрелой.

Политическая и социальная система средневековой Грузии, несомненно, была феодальной. Во главе феодального общества был сюзерен — «царь царей», но каждый из феодальных аристократов был «патроном» для своих собственных вассалов и подчиненных. Землевладение было связано с личными обязательствами каждого владельца по отношению к вышестоящему лицу. Крестьяне были подневольны. Управление тоже было феодального типа, занимаемый пост зависел от владения землями и княжествами. Правители районов были известны как *эристави*; правители больших провинций — *эриставн эристави* («правители правителей»).

Чтобы укрепить оборону страны и обуздать аристократию, Давид II решил создать вооруженные силы, подчиненные непосредственно монарху, и, чтобы достичь этой цели, он пригласил для расселения в Грузии значительное количество половцев. Как мы знаем (см. Гл. IV, 5), русские нанесли ряд серьезных поражений половцам в начале двенадцатого века. После этого большая их часть отступила в северокавказские степи, и многие из них согласились на предложение Давида. Те, кто его принял (сорок тысяч), согласно грузинским хроникам, получили в Грузии землю во владение и составили основу армии Давида. Как и ожидал правитель, эта мера имела результатом значительное усиление царской власти.

Разнообразие культур народов Кавказа отразилось на характере отношений Руси с ними. Русские князья были заинтересованы в осетинах и косогах главным образом с военной точки зрения. Как мы знаем (см. Гл. IV, 2), в одиннадцатом веке князь Мстислав Тмутараканский использовал косогские вспомогательные войска, и много косогов и осетин вошло в состав его личной свиты. После смерти князя многие из воинов этой гвардии, скорее всего, перешли к Ярославу. Известно, что осетины имели посты среди княжеской домашней прислуги. Ключником во дворце Андрея Боголюбского был осетин. Кстати, позднее он предал своего хозяина, примкнув к его убийцам (1074 г.)³⁷⁹. Осетины, как и некоторые другие горные народы Кавказа, имели репутацию мастеров-оружейников, и, возможно, от них русские получали часть своего вооружения. «Аварские шлемы» упоминаются в «Слове о полку Игореве». Это относится не к древним аварам, которые прошли через южную часть Руси и осели в Венгрии³⁸⁰, но к племени с тем же названием, местом проживания которого был Дагестан.

В половецкий период русские стремились поддерживать отношения с осетинами из стратегических и дипломатических соображений, поскольку те были потенциальными союзниками против половцев. Как мы знаем, часть осетин (ясов) расселилась в районе Нижнего Дона, то есть в границах Куманского (половецкого) ханства. Когда русские вошли в этот регион в 1111 г., они были доброжелательно приняты местным населением, среди которого, вероятно, были и ясы. В 1116 г. Владимир Мономах еще раз послал на Дон своего сына Ярополка. Из этого похода Ярополк привез в Киев много сторонников ясов и ясскую княжну, на которой женился. Позднее у других русских князей тоже были осетинские жены. Например, у двух суздальских князей — Андрея Боголюбского и его брата Всеволода III — и у одного черниговского, Мстислава, убитого в битве на Калке в 1223 г.³⁸¹

О династических связях между русскими и косогами известно меньше. В хрониках, однако, записано, что князь Тмутаракани Мстислав взял в жены черкесскую княжну, первого мужа которой он убил на поединке.

Товарищество по оружию и династические связи между русскими и народами этих двух племенных групп имели результатом знакомство русских с осетинским и косоогским фольклором. Нельзя отрицать влияние осетинской эпической поэзии на русские былины (см. Гл. IX, 3).

Осетины были также посредниками в отношениях русских с Грузией и Арменией. Большое значение имело влияние грузинского и армянского искусства, и особенно архитектуры, на русское искусство. В ранний киевский период это влияние особо ощутимо было в Тмутаракани и Чернигове; а в поздний киевский период — в Рязани и Суздале (см. Гл. IX, 6). Но сведения о контактах между русскими и грузинами и армянами скудны. Известно, что армянские врачи практиковали на Руси, и предполагается, что время от времени нанимались грузинские и армянские художники и архитекторы. Вероятно, армянские купцы часто посещали Русь. Что касается династических связей, то второй женой киевского князя Изяслава II была грузинская княжна, дочь царя Дмитрия I. Свадьба состоялась в 1154 г. Тридцать лет спустя грузинская царица Тамара выбрала себе в мужа русского князя Юрия, младшего сына Андрея Боголюбского³⁸².

После смерти Андрея его братья захватили власть в Суздале, отказавшись признать права молодого Юрия (рожд. около 1160 г.). Тогда Юрий направился к половцам (1176 г.). Поскольку его бабушка, первая жена Юрия I Суздальского и Киевского, была половецкой княжной, у него, вероятно, были родственники среди половецких ханов. Ничего не известно о его жизни среди половцев, однако образ жизни в половецкой орде, далекий от традиционной цивилизации, вряд ли мог благотворно повлиять на формирование характера Юрия. Озлобленный юный изгнанник, позднее он стал храбрым и беспринципным авантюристом. Он провел семь лет среди половцев, прежде чем ему выпала возможность вернуться в христианскую страну. В 1184 г. умер грузинский царь Георгий III, оставив трон своей юной и талантливой дочери Тамаре. Грузинская знать увидела в том, что на троне оказалась женщина, возможность обуздать царскую власть и расширить свои собственные привилегии. В свою очередь, совет-

ники Тамары порекомендовали ей как можно скорее выйти замуж, что было бы наилучшим способом укрепления ее позиции, и выбрали Юрия как наиболее подходящего кандидата.

Чтобы понять мотивы, скрывавшиеся за их выбором, нам следует помнить, что основу царской армии в Грузии составляли половцы, которые, вероятно, сохраняли тесные связи со своими родичами в Кумании, и поэтому, видимо, слышали о Юрии. Более того, матерью царицы Тамары была осетинка, матерью Юрия — тоже. В этом смысле Тамару и Юрия можно считать соотечественниками.

Свадьба состоялась в 1185 г. Сначала Юрий произвел блестящее впечатление как на свою невесту, так и на грузинскую знать. Он проявил себя также талантливым военачальником, добившись больших успехов в борьбе против мусульман. Постепенно, однако, становились очевидными отрицательные черты его характера. Грузинские летописи изображают его, возможно с некоторым преувеличением, ужасным пьяницей и жестоким деспотом. Его также обвиняли в содомии, и, поскольку через два года после свадьбы Тамара все еще оставалась бездетной, она легко получила согласие духовенства на развод. Юрий был выслан в Византию (1188 г.). На следующий год Тамара вышла замуж за осетинского князя, который по материнской линии происходил из грузинской царской семьи.

Однако Юрий не желал признавать свое поражение окончательным. Он сыграл на чувствах аристократической оппозиции царице и вскоре снова вернулся в Грузию в качестве предводителя мощного мятежа. Поначалу ему сопутствовала удача, и он даже был провозглашен царем своими последователями. В конце концов, однако, победа оказалась на стороне Тамары, а он был взят в плен и снова выслан в Византию (1191 г.). Два года спустя аристократическая партия подняла новый мятеж, еще менее удачный, чем первый. В 1200 г. Юрий был изгнан из Византии и появился при дворе азербайджанского атабега. Ему удалось собрать отряд тюрок, с которым он еще раз вторгся в Грузию, но снова был разбит. Дата его смерти не известна.

7. Русь и Восток

«Восток» — столь же неопределенное и относительное понятие, что и «Запад». Каждый из восточных соседей Руси находился на разном культурном уровне, и каждый был наделен своими специфическими чертами.

Этнографически большинство восточных народов, живших по соседству с Русью, были тюркскими. На Кавказе, как мы знаем, осетины представляли собой иранский элемент. С иранцами в Персии у русских были некоторые взаимоотношения, по крайней мере время от времени. Знание русских об арабском мире ограничивалось главным образом христианскими элементами в нем. С народами Дальнего Востока — монголами, маньчжурами и китайцами — они были знакомы постольку, поскольку эти народы вмешивались в туркестанские дела. В том же Туркестане русские могли хотя бы изредка встречаться с индийцами.

С религиозной и культурной точки зрения следует проводить различие между областями язычества и ислама. Кочевые тюркские племена на юге Руси — печенеги, половцы и другие — были язычниками. В Казахстане и Северном Туркестане большинство тюрков первоначально было языческим, но когда они стали расширять область своих набегов на юг, то вошли в контакт с мусульманами и были быстро обращены в ислам. Поволжские булгары представляли собой самый северный аванпост ислама в этот период. Несмотря на тот факт, что они были отделены от основного ядра исламского мира языческими тюркскими племенами, им удавалось сохранять тесную связь как в сфере торговли, так и религии с мусульманами Хорезма и Южного Туркестана.

Следует заметить, что в политическом отношении иранский элемент в Центральной Азии находился с конца десятого века в состоянии упадка. Иранское государство под властью династии Саманидов, которое процветало в конце девятого и десятом веке, было низвержено тюрками около 1000 г.³⁸³

После этого прежние вассалы Саманидов создали государство на территории Афганистана и Ирана. Их династия известна как Газневиды. Газневиды контролировали также

северо-западную часть Индии. Однако их государство просуществовало недолго, будучи разрушено новой ордой сельджуков (1040 г.). Последние под властью султана Альп-Арслана (1063–1072 гг.) вскоре вторглись в Закавказье, а затем перешли в наступление против Византийской империи. В двенадцатом веке они уже контролировали большую часть Анатолии и распространились также на юг, опустошив Сирию и Ирак. При этом они признавали над собой духовную власть Багдадского халифата.

В Египте к тому времени образовался отдельный Каирский халифат, в котором правила династия Фатимидов. В конце двенадцатого века Сирия и Египет были политически объединены Саладином, известным своими успехами в противостоянии крестоносцам. В целом можно сказать, что исламская зона к востоку и юго-востоку от Руси в киевский период образовывала предел для степени знакомства Руси с Востоком. Однако вне этого предела мощные народы тюркского, монгольского и маньчжурского происхождения находились в постоянном движении, сражаясь друг с другом.

Время от времени в поле зрения русских попадали некоторые дальневосточные племена. Так, около 1137 г. часть народа китанов, вытесненная из Северного Китая чжурчженями, вторглась в Туркестан и установила там свою власть, которая длилась около полувека, пока не выросла мощь Хорезмской империи³⁸⁴. Именно от названия «Китан» (известных также как кара-китай) происходит русское название Китая. Следующим дальневосточным прорывом на запад был монгольский.

Представляется, что, видимо, более выгодными для русских были взаимоотношения с исламскими народами, нежели с языческими тюрками. Тюркские племена в южнорусских степях были типично кочевыми, и, хотя отношения с ними сильно обогатили русский фольклор и народное искусство, от них нельзя было ожидать серьезного вклада в русскую науку и образование. К сожалению, непримиримое отношение русского духовенства к исламу, и наоборот, не давало возможности для какого-либо серьезного интеллектуального контакта между русскими и мусульманами, хотя его легко можно было бы установить на землях поволжских булгар или в Туркестане.

У русских были некоторые интеллектуальные связи с христианами Сирии и Египта. Одним из русских священников в ранний киевский период был сириец³⁸⁵. Известно также, что сирийские врачи практиковали на Руси в киевский период. И конечно, через посредство Византии русские были знакомы с сирийской религиозной литературой и сирийским монашеством.

Можно добавить, что наряду с греко-православной христианской церковью на Среднем Востоке и в Центральной Азии существовало также две других христианских церкви — монофизитская и несторианская, но русские, несомненно, избегали любых взаимоотношений с ними. С другой стороны, некоторые несторианцы, так же как и некоторые монофизиты, интересовались Русью, по крайней мере, если судить по сирийской хронике Аб-уль-Фараджа, прозванного Бар Хебреусом, в которой содержится определенное количество сведений о русских делах³⁸⁶. Она написана в тринадцатом веке, но частично основывается на труде Михаила, якобитского патриарха Антиохии, жившего в двенадцатом веке³⁸⁷, а также и на других сирийских материалах.

Коммерческие отношения между Русью и Востоком были оживленными и выгодными как для тех, так и для других. Мы знаем, что в конце девятого и десятом веках русские купцы посещали Персию и даже Багдад. Нет прямых свидетельств, указывающих на то, что они продолжали путешествовать туда в одиннадцатом и двенадцатом веках, но в этот период они, вероятно, посещали Хорезм. Название хорезмской столицы Гургандж (или Ургандж) известно было русским летописцам, которые называли ее Орнач³⁸⁸. Здесь русские, должно быть, встречали путешественников и купцов почти из каждой восточной страны, включая Индию. К сожалению, не сохранилось записей о путешествиях русских в Хорезм в этот период. Говоря об Индии, русские в киевский период имели довольно расплывчатые представления об индуизме. О брахманах в «Повести временных лет» говорится, что они живут «по заветам прадедов и из благочестия не едят мяса и не пьют вина, не творят блуда и никакого зла не делают, страх имея великий»³⁸⁹. Что касается Египта, то Соловьев утверждает, что русские купцы посещали Александрию, но убедительность

источника такого свидетельства, которым он пользовался, проблематична³⁹⁰.

Хотя частные контакты через торговлю между русскими и поволжскими булгарами и жителями Хорезма были, по всей видимости, оживленными, разница в религиях представляла собой почти непреодолимый барьер для тесных социальных взаимоотношений между гражданами, относящимися к разным религиозным группам. Супружеские связи между последователями греческого православия и мусульманами были невозможны, если, конечно, одна из сторон не выражала готовность отречься от своей религии. В этот период практически не известны случаи обращения в ислам со стороны русских, за исключением тех русских рабов, которые переправлялись на кораблях итальянскими и восточными купцами в восточные страны. В этом отношении для русских было намного проще иметь контакты с половцами, поскольку язычники были меньше привязаны к своей религии, нежели мусульмане, и не возражали против принятия христианства, если в этом была необходимость, в особенности это касалось женщин. Вследствие этого смешанные браки между русскими князьями и половецкими князьями были частыми³⁹¹. Среди князей, которые заключали подобные альянсы, были такие выдающиеся правители, как Святополк II и Владимир II Киевские, Олег Черниговский, Юрий I Суздальский и Киевский, Ярослав Суздальский и Мстислав Храбрый.

Хотя, как мы только что видели, религиозная замкнутость исключала возможность прямого интеллектуального контакта между русскими и мусульманами, в области искусства положение было иным. В русском декоративном искусстве ясно прослеживается влияние восточных образцов (таких, например, как арабески), но, конечно, некоторые из таких образцов могли попасть на Русь не прямо, а через посредство контактов либо с Византией, либо с Закавказьем. Однако что касается фольклора, нам следует признать непосредственное влияние восточного фольклора на русский. Главным проводником влияния иранской эпической поэзии на русскую, очевидно, был осетинский фольклор. Тюркские образцы также ясно выявляются в русском фольклоре, как в былинах, так и в волшебных сказках. Уже отмечалось (см. Гл. IX, 4) поразительное

сходство в строе гаммы русской народной песни с песнями некоторых тюркских племен. Поскольку многие из этих племен были под контролем половцев или же находились в тесном контакте с ними, роль последних в развитии русской фольклорной музыки, вероятно, была чрезвычайно важной.

Говоря суммарно, русский народ на протяжении всего киевского периода находился в тесных и многообразных контактах со своими соседями — как восточными, так и западными. Нет сомнения в том, что эти контакты были очень выгодны для русской цивилизации, однако в основном они демонстрировали возрастание творческих сил самого русского народа.

- ¹ Sir J. A. R. Marriott, *Anglo-Russian Relations, 1689–1943* (2d ed. London, Methuen & Co., 1944), p. 1.
- ² Н. Я. Данилевский, *Россия и Европа* (СПб., 1871), с. 60. Впоследствии различия между Россией и «романо-германской Европой» блестяще обсуждались князем Н. С. Трубецким — основателем «евразийской» философской школы. См. его *Европа и человечество* (София, 1920).
- ³ См.: *Древняя Русь*. Гл. 3.
- ⁴ Henry Pirrenne, *Economic and Social History of Medieval Europe* (New York, Harcourt, Brace and Co., 1937); также *Medieval Cities* (Princeton, Princeton University Press, 1925) и *Mohammed and Charlemagne* (New York, W. W. Norton & Co., 1939) того же автора.
- ⁵ G. W. F. Hegel, *Samtliche Werke*, H. Glockner, ed. (Stuttgart, 1928), XI, 447. Необходимо отметить, что Гегель предвидел возможность великого будущего славян и особенно России. В письме от 28 ноября 1821 г. Борису фон Юкселлю, происходившему из прибалтийских немцев и русских, он пишет следующее: «Вам посчастливилось принадлежать к стране, занимающей столь значительное место на поле всемирной истории и которая, без сомнения, имеет еще более высокое предназначение. Кажется, что другие современные государства, более или менее, достигли цели своего развития; возможно, они уже прошли свою высшую точку, и их положение теперь не изменяется. Россия, напротив, потенциально самое могущественное государство, носит в себе громадные возможности дальнейшего развития ее глубокой природы».
- ⁶ John W. Burgess, *The Foundations of Political Science*, with an introduction by Nicholas M. Butler (New York, Columbia University Press, 1933), p. 32.
- ⁷ Там же, с. 40.
- ⁸ М. Грушевський, *Звичайна схема «русскої» історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства* (СПб., 1904), т. 1., с. 298–304.
- ⁹ См.: *Древняя Русь*. Гл. 3, 4, 5.

- ¹⁰ Н. J. Mackinder. *Democratic Ideals and Reality* (New York: H. Holt, 1919), 2d ed., 1942.
- ¹¹ См.: *Древняя Русь*.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Слово, с. 37.
- ¹⁷ А. И. Ляшенко, *Летописные сказания о смерти Олега Вещего*, АНОРИ, 29 (1924), с. 254–288.
- ¹⁸ Ип., кол. 15.
- ¹⁹ Дорн, с. 5.
- ²⁰ Согласно д-ру Менгесу, тиверцы были тюркского происхождения. См.: K. Menges, *Etymological Notes on some Pacanag Names*, Byzantien, 17 (1945), pp. 261–263.
- ²¹ О мадьярско-булгарских отношениях этого периода см.: К. Грот, *Моравия и мадьяры* (СПб., 1881), с. 282–304; В. Златарски, *История на Булгаската држава през средните векове*, I, pt. 2 (София, 1927), с. 290–294.
- ²² Это событие датируется в Ипатьевском и Лаврентьевском списках 902 г., что, очевидно, является ошибкой. Согласно В. Златарски, война между булгарами и мадьярами началась около 894 г.; согласно Гроту, около 889 г. Я принимаю датировку Златарски. См. также: G. Mogavesik, *Byzantinoturcica*, I (Budapest, 1942), 58–68.
- ²³ Появление мадьярских орд перед Киевом датируется в «Повести временных лет» 898 г. (Ип., кол. 19).
- ²⁴ См.: Грот, *Указ, соч.*, с. 305–327.
- ²⁵ G. Lahr, *Die Anfänge des russischen Reiches* (Berlin, 1930), pp. 95–99; H. Gregoire, *Le Legende d'Oleg et l'expédition d'Igor*, Bulletin de l'Académie Royale de Belgique, 23 (1937), pp. 80–94.
- ²⁶ G. Ostrogorsky, *L'Expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907*, АИК, II (1939), pp. 47–61.
- ²⁷ Резюме соглашения 907 г. см.: *Повесть временных лет*, Лавр., кол. 31, 32; Ип., кол. 23, 24.
- ²⁸ Текст договора 911 г. см.: Лавр., кол. 33–37; Ип., кол. 25–29.
- ²⁹ См.: Д. И. Еварницкий, *История запорожских казаков* (СПб., 1892), I, с. 454–456.
- ³⁰ И. М. Кулишер, *Лекции по истории экономического быта Западной Европы* (Петроград, 1918), с. 173.
- ³¹ Дорн, с. 4–6.
- ³² Marquart, pp. 333–335.
- ³³ П. К. Коковцов, *Еврейско-хазарская переписка в X веке*, с. 120. См. также: И. Бруткус, *Письмо хазарского еврея X века* (Берлин,

- 1924); В. Мошин, *Хелгу хазарского документа*, *Slavia*, 15 (1938), с. 191–200.
- ³⁴ «Греческий огонь», также называемый «жидким» или «морским» огнем, являл собою взрывчатое соединение, выбрасываемое специальной трубкой или сифоном, которое загоралось, ударяясь о корабль.
- ³⁵ См.: *Древняя Русь*.
- ³⁶ Ibn-Miskawaih, *The Eclipse of the Abbasid Caliphate*, V, pp. 67–74. См. также: А. В. Флоровский, *Известия о Древней Руси арабского писателя Мискавейхи*, СК, I (1927), с. 175–186; А. И. Якубовский, *Ибн-Мискавейх, о походе русов в Бердаа*, ВВ, 24 (1926), с. 63–92; V. Minorsky, *Hudud al-Alam* (Oxford, Luzac and Co., 1937), pp. 144, 398–400.
- ³⁷ *Хрестоматия*, I, 13. Д. Бромберг в своих «Топонимических и исторических очерках» (*Byzantion*, 13, 1938, с. 33–50) попытался доказать, что под именем «земля Корсунь» подразумевается не Крым, а Добруджа. Его гипотеза неубедительна.
- ³⁸ См.: *Древняя Русь*.
- ³⁹ Эта информация о Свенельде введена в летопись Никона вслед за описанием подавления Игорем восстания древлян.
- ⁴⁰ См.: *Древняя Русь*.
- ⁴¹ Приселков, с. 12, 13.
- ⁴² Ф. Вестберг, *Записка готского топарха*, ВВ, 15 (1908), с. 71–132, 227–286.
- ⁴³ A. A. Vasiliev, *The Goths in the Crimea* (Cambridge, Mass., The Mediaeval Academy of America, 1936), pp. 128, 129.
- ⁴⁴ *Idem*, p. 121.
- ⁴⁵ См. также: Н. Д. Знойко, *О посольстве Калокира в Киев*, ЖМНП, 8 (1897), с. 253–264.
- ⁴⁶ В. В. Григорьев. *Россия и Азия* (СПб., 1876), с. 6–10.
- ⁴⁷ Текст договора см.: «Повесть временных лет», Лавр., кол. 72, 73; Ипат., кол. 61, 62; *Хрестоматия*, I, 17. Дата договора, равно как и хронология русско-византийской войны в целом, были предметом сильных разногласий между учеными в области русской и византийской истории. Многие принимают 972 г., а не 971 г. как дату договора (и соответственно 973 г., а не 972 г. как дату смерти Святослава). Я не собираюсь рассматривать всю проблему, но лично не вижу оснований для изменения даты 971 г., данной в русском тексте договора.
- ⁴⁸ О славянском язычестве см.: L. Leer, *La Mythologie slave* (Paris, 1901); L. Niederle, *Život starých Slovanů*, II, pt., I (Prague, 1916); 2d ed., 1924; A. Brückner, *Mitologia Slava* (Bologna, 1923).
- ⁴⁹ Brückner, *Op. cit.*, pp. 189, 190.

- ⁵⁰ Согласно Зеленину, *русалки* представляют тех женщин и девушек, смерть которых была «нечистой», т. е. результатом насилия; см.: D. K. Zelenin. *Russische (Ostslavische) Volkskunde*, p. 392.
- ⁵¹ Орлов, *История*, I, 222–228; Н. В. Малицкий. *Древнерусские культы сельскохозяйственных святых*, ГА, II, № 10 (1932).
- ⁵² A. Meillet, *Linguistique historique et linguistique générale* (Paris, 1921), pp. 23–324.
- ⁵³ А. Афанасьев. *Поэтические воззрения славян на природу*, I (М., 1865), с. 65.
- ⁵⁴ E. W. Hopkins, *Epic Mythology*, Grundriss der indoarischen Philologie und Altertumskunde, III, pt. IB (Strasbourg, 1915), p. 78.
- ⁵⁵ В. Д. Гринченко, *Словарь украинской мовы* (Киев, 1909), II, 798.
- ⁵⁶ Hopkins, *Op. cit.*, p. 220. По мнению Хопкинса, «простейшим объяснением Трьямбака может быть, что Шива имел не трех матерей, а трех Матерей-богинь».
- ⁵⁷ К. В. Тревер, *Собака-птица: Сенмурв и Паскудж*, ГА, 100 (1933), 293–328. Симаргл упоминается в «Повести временных лет», 980 г. В некоторых поздних текстах имя было разделено на два (Сим и Ргл), благодаря чему до появления исследования Тревера многие ученые были готовы видеть в Симаргле два божества вместо одного.
- ⁵⁸ Meillet, *Op. cit.*, p. 333.
- ⁵⁹ См.: S. Rožniecki, *Perun und Thor*, ASP, 23 (1901), 462–520; Brückner, *op. cit.*, p. 72.
- ⁶⁰ Chadwick, pp. 86–89.
- ⁶¹ См.: *Древняя Русь*.
- ⁶² А. Д. Погодин, *Варяжский период в жизни князя Владимира*, Владимирский сборник (Beograd, 1938), с. 28–30.
- ⁶³ См.: А. В. Логинов, *Червенские города* (Варшава, 1855).
- ⁶⁴ См.: *Древняя Русь*.
- ⁶⁵ Margvazi, pp. 36, 118, 119. История Марвази была повторена Ауфи в «Джаваме уль-хекаят ве лаваме ур-реваят» («Собрание рассказов и светочи преданий», 1228 г.), В. Бартольд, пер. и ред. ВОЗ, 9 (1896), с. 263–265.
- ⁶⁶ Лучшее описание византийско-русских переговоров 988 г. см.: Г. Острогорский, *Владимир Святой и Византия*, Владимирский сборник, с. 31–40.
- ⁶⁷ В. Г. Василевский. *Труды*, III (Петроград, 1915), с. 96, 97.
- ⁶⁸ Приселков.
- ⁶⁹ Е. Е. Голубинский. *История*, I, ч. 1 (2-е изд., М., 1901), с. 163–182.
- ⁷⁰ Княжна Анна умерла в 1011 г. Согласно Баумгартену, Владимир после ее смерти женился еще раз (Baumgarten, *Généalogies*, p. 7–8).

- ⁷¹ Хазарский поход не упоминается в русских источниках, но кратко описывается византийским историком Иоанном Скилицей.
- ⁷² В русском оригинале Лаврентьевского списка имя записано как Иякун, в Ипатьевском списке — Акун, в древнескандинавском — Хакун. См.: Thomsen, *Origin*, p. 131—132.
- ⁷³ В летописи Никона (Полное собрание русских летописей, IX, 79) говорится, что ясы были покорены Ярославом в 1029 г. Упоминание имени Ярослава в этом случае — результат ошибки переписчика. Ссылка явно на Мстислава.
- ⁷⁴ Вира — денежная пеня за убийство человека.
- ⁷⁵ М. Грушевский, *Три академии*, Київські збірники, I (Киев, 1931 [1930 на титульном листе]). Три академии, о которых идет речь, — училище Ярослава, Киевская духовная академия (основанная в семнадцатом веке) и Украинская академия наук (основана в 1918 г.).
- ⁷⁶ Речь идет о выплате виры князю.
- ⁷⁷ Существует две русских версии истории русско-византийской войны 1043 г. и три византийских. См. также: Грушевский, II, с. 35—37 и 559—560; М. Левченко, *История Византии* (М. — Л., 1940), с. 190; Chadwick, pp. 104—111.
- ⁷⁸ Приселков, с. 93—95, 109—111.
- ⁷⁹ Д. Г. Рохлин, *Итоги анатомического и рентгенологического изучения скелета Ярослава*; В. В. Гинзбург, *Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд*; М. М. Герасимов, *Опыт реконструкции физического облика Ярослава Мудрого*. Статьи опубликованы в ИИМ, 7 (1940), 46—66 и 72—76.
- ⁸⁰ См. также: Пресняков, *Княжое право*, с. 34—42.
- ⁸¹ См.: Грушевский, II, с. 53.
- ⁸² В. О. Ключевский, *Боярская Дума древней Руси*, с. 13.
- ⁸³ Б. Д. Греков, *Киевская Русь*, с. 35.
- ⁸⁴ П. Н. Третьяков, *К истории племен верхнего Поволжья*, МИАС, V (1941).
- ⁸⁵ См.: Аристов, с. 111—112; М. Д. Хмырев, *Металлы, металлические изделия и минералы в древней России*, (СПб., 1875), с. 18—33, 51—52, 63; М. В. Довнар-Запольский, *История русского народного хозяйства*, I, с. 248—249; С. Г. Струмилин, *Черная металлургия в России и СССР* (М., 1935), с. 113—114; Г. Вернадский, *Iron Mining and Iron Industries in Medieval Russia*, Études dédiées à la mémoire d'André Andréadés (Athens, 1939), стр. 361—366.
- ⁸⁶ О Германии см.: Sorokin P. A., *Social and Cultural Dynamics* (New York, American Book Company, 1937), III, pp. 343—344. О Венгрии см.: S. Szabó, *Ungarisches Volk* (Budapest and Leipzig, 1944), pp. 50—53.

- ⁸⁷ Довнар-Запольский, *История русского народного хозяйства*, I, с. 57–58.
- ⁸⁸ П. Н. Милюков, *Очерки по истории русской культуры*, I (7-е издание, М., 1918), с. 27–28.
- ⁸⁹ J. Rutkowski, *Histoire économique de la Pologne* (Paris, 1927), p. 90.
- ⁹⁰ А. И. Яковлев, используя другой метод подсчета, пришел к аналогичным заключениям; см. его книгу: *Холопство и холопы в Московском государстве*, I (М. — Л., 1943), с. 298.
- ⁹¹ О русском земледелии в киевский период см.: Аристов, с. 48–64; А. Петров, *Древнейшие грамоты по истории карпато-русской Церкви* (Прага, 1930), с. 79–84; J. Kulischer, *Russische Wirtschaftsgeschichte*, pp. 86–88; Греков, *Киевская Русь*, с. 36–50.
- ⁹² Аристов, с. 40–48; Кулишер, *Лекции...*, с. 88–89.
- ⁹³ Аристов, с. 117–131.
- ⁹⁴ Там же, с. 68–73.
- ⁹⁵ Аристов, с. 170–172; Кулишер, *Лекции...*, с. 103–105.
- ⁹⁶ Аристов, с. 183–258; Кулишер, *Лекции...*, с. 118–157; см. также: М. Бережков, *О торговле Руси с Ганзейей до конца XV века*.
- ⁹⁷ О льготах князя Всеволода церкви Св. Иоанна (приблизительно 1135 г.) см.: *Хрестоматия* I, с. 212–215.
- ⁹⁸ Татищев, II, с. 88–89; С. Л. Пештич, *О договоре Владимира с волжскими булгарами*, Исторические записки, 18 (1946), с. 327–335.
- ⁹⁹ *Хрестоматия*, I, с. 93–108.
- ¹⁰⁰ О русских деньгах и монетарных системах см.: И. Прозоровский, *Монета и вес в России*; И. И. Толстой, *Древнейшие русские монеты*, РАО, 6 (1893), с. 310–382.
- ¹⁰¹ С. E. Zachariä von Lingenthal, *Geschichte des griechischrömischen Rechts* (3d ed. Berlin, 1892), p. 311.
- ¹⁰² Грушевский, III, с. 344.
- ¹⁰³ В. Яковлев, *Памятники русской литературы XII и XIII веков* (СПб., 1872), с. CLXX, CLXXVIII.
- ¹⁰⁴ С. Н. Прокопович, *Народный доход западноевропейских стран* (М. — Л., 1930), с. 11–12.
- ¹⁰⁵ П. Н. Савицкий, «Подъем» и «депрессия» в древнерусской истории, ЕХ, 11 (1936), с. 65–100.
- ¹⁰⁶ J. P. G. Ewers, *Das älteste Recht der Russen* (St.-Petersburg, 1826).
- ¹⁰⁷ К. Д. Кавелин, *Собрание сочинений*, I (М., 1889), с. 63–123.
- ¹⁰⁸ К. С. Аксаков, *Сочинения*, I (М., 1889), с. 63–123.
- ¹⁰⁹ М. Ковалевский, *Первобытное право* (М., 1876); *Современные обычаи и древний закон* (М., 1886); *Закон и обычаи на Кавказе* (М., 1887); *Родовой быт*, I (СПб., 1905).
- ¹¹⁰ Ф. И. Леонтович, *О значении верви*, ЖМНП, 134 (1867), 1–19.
- ¹¹¹ А. Е. Пресняков. *Лекции по русской истории*, 1, 51–61.

- ¹¹² Греков, *Киевская Русь*, с. 51–67; F. Engels, *The Origin of the Family, Private Property and the State* (London, Lawrence and Wishart, Ltd, 1941).
- ¹¹³ H. Jireček, *Svod zákonů slovanských* (Prague, 1880), p. 448.
- ¹¹⁴ М. Ковалевский, *Родовой быт*, I, 32–33.
- ¹¹⁵ Г. Ильинский, *Славянские этимологии*, РФВ, 69 (1913), с. 18–22; см. также: G. Bonfante, *Sabados-Svoboda le libérateur*, *Annuaire*, 7 (1944), 41–46.
- ¹¹⁶ См.: *Древняя Русь*; Греков, *Киевская Русь*, с. 174.
- ¹¹⁷ A. Meillet, *Linguistique historique et linguistique général*, pp. 272–278.
- ¹¹⁸ Преображенский, I, 493–494.
- ¹¹⁹ H. Hirt, *Indogermanische Grammatik*, I (Heidelberg, 1913), 141.
- ¹²⁰ A. Meillet, *Linguistique historique et linguistique général*, p. 275.
- ¹²¹ E. Berneker, *Slavisches etymologisches Wörterbuch*, I (Heidelberg, 1913), p. 141.
- ¹²² О боярах и свите князя см.: Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 25–31; Ключевский, *Боярская Дума древней Руси*, гл. I–II; И. А. Малиновский, *Древнейшая русская аристократия*, СВБ, с. 256–274; Сергеевич, *Древности*, I, с. 364–373; Дьяконов, *Очерки*, с. 74–80.
- ¹²³ Вернадский, *Звенья русской культуры*, с. 111–112.
- ¹²⁴ Относительно купцов и бюргеров киевского периода см.: Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 31–33; Сергеевич, *Древности*, I, с. 335–338; Дьяконов, *Очерки*, с. 89–93.
- ¹²⁵ Относительно смердов см.: Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 33–35; Сергеевич, *Древности*, I, с. 203–214; Дьяконов, *Очерки*, с. 93–99; Юшков, *Нариси*, с. 73–95; Греков, *Киевская Русь*, с. 122–142; G. Vernadsky, *Three Notes*, SEER, 22 (1944), pp. 85–88.
- ¹²⁶ ПСРЛ, II, 163.
- ¹²⁷ Относительно закупов см.: М. Н. Ясинский, *Закупы Русской Правды и памятники западно-русского права*, СВБ, с. 430–465; Сергеевич, *Древности*, I, с. 215–225; Дьяконов, *Очерки*, с. 101–103; Юшков, *Нариси*, с. 53–61; Греков, *Киевская Русь*, с. 113–121.
- ¹²⁸ О вдачах см.: Греков, *Киевская Русь*, с. 121–122; Vernadsky, *Three Notes*, pp. 83–85.
- ¹²⁹ О рабстве в древней Руси см.: Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 391–408; Сергеевич, *Древности*, I, с. 105–159; Дьяконов, *Очерки*, с. 104–113; Юшков, *Нариси*, с. 48–53; Греков, *Киевская Русь*, с. 104–110; Vernadsky, *Three Notes*, pp. 81–83.
- ¹³⁰ Berneker, *Op. cit.*, I, p. 394; Г. Ильинский, *Звук «ч» в славянских языках*, АНОРИ, 20, Ч. 4 (1916), с. 141.
- ¹³¹ О духовенстве и церковных людях в древней Руси см.: Голубинский, *История*, I, ч. 1, с. 444–502, 557–588; I, ч. 2 (М., 1904), с. 603–689.

- ¹³² Об изгоях см.: Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 390–391; Сергеевич, *Древности*, I, с. 298–302; Дьяконов, *Очерки*, с. 113–116; M. Szeftel, *La Condition juridique des déclassés dans la Russie ancienne*, Archives d'histoire du droit Oriental, 2 (Brussels and Paris, 1938), pp. 431–440; Юшков, *Нариси*, с. 103–106; Греков, *Киевская Русь*, с. 142–147; Vernadsky, *Three Notes*, pp. 88–92.
- ¹³³ *Хрестоматия*, I, 209.
- ¹³⁴ Там же, I, 222–223.
- ¹³⁵ О русском брачном законодательстве и юридическом положении женщины в древней Руси см.: Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 411–468.
- ¹³⁶ О бродниках см.: П. Голубинский, *Печенеги, торки и половцы*, КУ, 1883 (ноябрь), 586–604; 1883 (декабрь), 707–708.
- ¹³⁷ См.: *Древняя Русь*.
- ¹³⁸ См.: знаменитый анализ Ключевского об истоках «великороссов» в его *Курсе русской истории*, I, 361–391.
- ¹³⁹ См.: A. Wückner, *Dzieje Kultury Polskiej* (Krakow, 1930), I, pp. 405–413.
- ¹⁴⁰ См.: *Древняя Русь*.
- ¹⁴¹ Об иудаизме и евреях в древней Руси см.: S. M. Dubnow, *History of the Jews in Russia and Poland*, I. Friedlaender, tr., I (Philadelphia, The Jewish Publication Society, 1916), pp. 13–18; И. Берлин, *Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства* (Петроград, 1919); Г. М. Барац, *О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских* (Berlin, 1924), с. 141–148; I. Brutzkus (J. Brutzkus), *Pershi zvisitki pro Evreev n Polshchita na Rusi*, «Nankovy Zbirnyk», 24 (1927), 3–11.
- ¹⁴² Vernadsky, *Three Notes*, pp. 88–92.
- ¹⁴³ М. Н. Тихомиров, *Исследование о «Русской правде»*, с. 28–29, 49, 51, 54, 55, 61.
- ¹⁴⁴ См.: Д. А. Расовский, *О роли черных клобуков в истории древней Руси*, СК, I (1927), 93–109; Его же, *Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии*, СК, 6 (1933), 1–66; Его же, *Русь и кочевники в эпоху Владимира Святого*, Владимирский Сборник, с. 149–154; Его же, *Русь. Черные клобуки и половцы в XIII веке*, БИД, 16/18 (1940), 369–378.
- ¹⁴⁵ Vernadsky, *Three Notes*, pp. 85–88.
- ¹⁴⁶ См.: *Древняя Русь*.
- ¹⁴⁷ Преображенский, I, 324.
- ¹⁴⁸ О правах престолонаследия см.: С. М. Соловьев, *История отношений между русскими князьями Рюрикова дома* (М., 1847); Ключевский, *Курс русской истории*, I (1918), 203–211; Пресняков, *Княжое право*, с. 25–157.
- ¹⁴⁹ См.: Барон М. А. Таубе, *Загадочный родовой знак семьи Владимира Святого*, Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову (Прага,

- 1929), с. 117–132 и *Родовой знак семьи Владимира Святого*, Владимирский сборник (Белград, 1938), с. 89–112; А. В. Арциховский, *Миниатюры Кенигсбергской летописи*, ГА, 14 (1932), № 2, 31.
- ¹⁵⁰ Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 44–51; Ключевский, *Боярская Дума древней Руси*, гл. I–II; Сергеевич, *Древности*, II, 371–504.
- ¹⁵¹ Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 51–60; Сергеевич, *Древности*, II, 1–118.
- ¹⁵² ПСРЛ, VII (1856), 117; А. Е. Пресняков, *Образование великорусского государства* (Петроград, 1918), с. 44.
- ¹⁵³ О княжеской администрации см.: Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 75–80; Пресняков, *Лекции по русской истории*, I, 197–207.
- ¹⁵⁴ См.: Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 77.
- ¹⁵⁵ О налогообложении см.: Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 82–85; Сергеевич, *Древности*, III (1911), с. 164–313, и *Лекции и исследования*, с. 335–349; Пресняков, *Лекции по русской истории*, I, 205–207.
- ¹⁵⁶ Преображенский, I, 574–575.
- ¹⁵⁷ Об организации армии см.: Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 85–86; Сергеевич, *Древности*, I (1909), с. 596–618 и *Лекции и исследования*, с. 319–331; А. И. Никитский, *Военный быт в Великом Новгороде*, Русская Старина, I (2-е изд., 1870), 5–33; Греков, *Киевская Русь*, с. 187–222.
- ¹⁵⁸ Орлов, *Библиография*, с. 12, 14.
- ¹⁵⁹ Общий очерк новгородской истории и правления см.: Н. И. Костомаров, *Северно-русские народоправства*; Иконников, *Опыт*, II, ч. I, гл. VIII.
- ¹⁶⁰ А. И. Никитский, *Очерки из жизни Великого Новгорода*, ЖМНП, 145 (1869), с. 294–309.
- ¹⁶¹ Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 67.
- ¹⁶² Костомаров, *Северно-русские народоправства*, I, 241–251.
- ¹⁶³ Юшков, *Нариси*, с. 191–197.
- ¹⁶⁴ *Хрестоматия*, I, 112–113.
- ¹⁶⁵ Там же, I, 219–224.
- ¹⁶⁶ См.: Голубинский, *История*, I, ч. 1, с. 344–363.
- ¹⁶⁷ О русском монашестве и монастырях в киевский период см.: там же, I, ч. 2, гл. VI.
- ¹⁶⁸ О ранних русских церковных устоях см.: Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 93–94; Голубинский, *История*, I, ч. 1, с. 399–409; Юшков, *Устав князя Владимира*.
- ¹⁶⁹ О древнерусских судах и судебном праве см.: Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 610–629.
- ¹⁷⁰ См.: Baron M. A. Taube, *Études sur le développement historique du droit international dans l'Europe Orientale*, Académic de Droit International, Recueil des Cours, 1926, pt. I, p. 404.

- ¹⁷¹ Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 383.
- ¹⁷² Греков, *Киевская Русь*.
- ¹⁷³ См.: Грушевский, II, 152–153; В. Г. Васильевский, *Из истории Византии XII века*, Труды, IV (Л., 1930), 43–84; G. Vernadsky, *Relation byzantino-russes au XII-e siècle*, Byzantion, 4 (1929), 269–276.
- ¹⁷⁴ В советской исторической науке Андрей превозносится как предшественник Ивана Грозного и Петра Великого.
- ¹⁷⁵ V. Minorsky, *Khaqani and Andronicus Comnenus*, BSOAS, 1945, II, 557–559; см. также: Дорн, с. 388–390, 524–530.
- ¹⁷⁶ На эту тему нет исчерпывающей монографии. О более раннем периоде (десятый и одиннадцатый века) см.: Б. Д. Греков, *Борьба Руси за создание своего государства*.
- ¹⁷⁷ О печенегах см.: Д. Разовский, *Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии*, СК, 6 (1933), 1–66; Menges, *Etymological Notes on some Rasanag Names*, Byzantion, 17 (1945), 256–280. О половцах см.: Д. Разовский, *Половцы*, СК, 7 (1935), 245–262; 8 (1936), 161–182; 9 (1937), 71–85; 10 (1938), 155–178; 11 (1939), 95–138.
- ¹⁷⁸ ПСРЛ, II (1843), 162.
- ¹⁷⁹ И. А. Линниченко, *Русь и Польша до конца XII века*.
- ¹⁸⁰ Карамзин, III, 115–116; Грушевский, III, 11–12. Следует заметить, что у нас нет достоверного текста переговоров между посланниками папы и князем Романом. Единственное свидетельство содержится в так называемой «Радзивилловой» хронике. Ответ Романа, таким образом, следует считать легендарным; однако сама легенда, должно быть, основана на реальном факте — папском посольстве к Роману и его неудаче.
- ¹⁸¹ Соловьев (II, 314) предполагает, что эту легенду не следует понимать буквально; по его мнению, Роман просто хотел приучить литовцев к сельскому хозяйству, против чего те возражали. См., однако: Грушевский, III, 16.
- ¹⁸² О германской экспансии в Ливонии см.: Л. А. Арбузов, *Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии* (СПб., 1912), с. 8–41. См. также: Baron M. A. Taube, *Russische und litauische Fürsten an der Düna*, JKGS, 11 (1935), 367–502.
- ¹⁸³ Карамзин, III, 192–193; Карамзин, *Примечания*, III, № 200.
- ¹⁸⁴ О Тевтонском ордене см.: С. Krollman, *Politische Geschichte des Deutschen Ordens in Preussen* (Königsberg, 1932); E. Maschke, *Polen und die Berufung des Deutschen Ordens nach Preussen* (Danzig, 1934); L. Koszy, *The Baltic Policy of the Teutonic Order* (Toruń, 1936).
- ¹⁸⁵ А. И. Якубовский, *Рассказ Ибн-аль-Биби о походе малоазийских турок на Судак*, ВВ, 25 (1927), 53–76.
- ¹⁸⁶ ПСРЛ, VII (1856), 129; X (1885), 89.

- ¹⁸⁷ G. Vernadsky, *Were the Mongol Envoys of 1223 Christians*, SK, 3 (1929), 145–148.
- ¹⁸⁸ Новгородская летопись по Синодальному списку (СПб., 1888), с. 220.
- ¹⁸⁹ Н. К. Гудзий, *История древней русской литературы*, с. 172–173.
- ¹⁹⁰ О св. Кирилле и Мефодии см.: *Древняя Русь*. Под «болгарским» языком здесь понимается славянский язык болгар, а не язык их тюркских завоевателей — болгар.
- ¹⁹¹ См.: А. С. Никитин, *Историческая грамматика русского языка* (Л., 1941), с. 23–26; Л. А. Вулаховский, *Исторические комментарии к русскому литературному языку* (Харьков и Киев, 1937), с. 50–52.
- ¹⁹² R. Jacobson, *Rémarques sur l'évolution phonologique du russe*, Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 1 (1929), 66–76; Prince N. S. Trubetsky, *Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit*, ZSP, 1 (1925), 287–319; см. также: Обнорский С. П., *Очерки по истории Русского литературного языка старшего периода*.
- ¹⁹³ F. Miklosich, *Die türkischen Elemente in den südost — und osteuropäischen Sprachen*, AWV, 34, 35, 37, 38, (Vienna, 1884–90); П. Мелиоранский, *Турецкие элементы в Слове о полку Игореве*, АНОРИ, 7, часть 2 (1903) с. 273–302; L. Wanstrat, *Beiträge zur Charakteristik des russischen Wortschatzes* (Leipzig, 1933). См. также: Р. Якобсон, *К характеристике евразийского языкового союза* (Прага, 1931).
- ¹⁹⁴ См.: *Древняя Русь*.
- ¹⁹⁵ Н. К. Никольский дает еще большую цифру — семьдесят пять тысяч, но он включает сюда южнославянские рукописи, обнаруженные в русских библиотеках. См.: Н. К. Никольский, *Русская книжность древнерусских библиотек (XI–XVII веков)*, ОЛДП, СXXXII (1907).
- ¹⁹⁶ *Russian Fairy Tales* (New York, Pantheon, 1945), с. 632–633.
- ¹⁹⁷ См.: М. С. Крюкова, *Новины* (М., 1939) и *Старины* (М., 1943); М. Р. Голубкова, *Два века в полвека* (М., 1946).
- ¹⁹⁸ М. Сперанский, *Русская устная словесность*, с. 363.
- ¹⁹⁹ П. К. Симони, *Великорусские песни, записанные в 1619–1620 годах для Ричарда Джеймса*, АНОРС, 82, (1907). См. также: S. Koponov, *Oxford and Russia* (Oxford, clarendon Press, 1947), pp. 9–10. E. J. Simmons, *English Literature and Culture in Russia (1553–1840)* (Cambridge, Harvard University Press, 1935), p. 35.
- ²⁰⁰ Обзор истории русской народной прозы см.: Сперанский, *Русская устная словесность*, с. 5–178. О фольклоре киевского периода см.: Орлов, *История*, с. 216–256.
- ²⁰¹ О русской народной песне см.: С. Рубаков, *Русская песня*, Энциклопедический словарь, Брокгауз–Ефрон (СПб., 1899), с. 310–321;

- Т. В. Попова, *Русская народная песня, История русской музыки*, М. С. Пекелис, ред., I (М. — Л., 1940), 7–65.
- ²⁰² Литературы о русской устной словесности много. Краткий обзор былин см.: Сперанский, *Русская устная словесность*, с. 178–328. Среди важных монографий особо см.: И. Жданов, *Русский былевой эпос*; В. Ф. Миллер, *Очерки русской народной словесности*; А. П. Скафтимов, *Поэтика и генезис былин*. О русской эпической поэзии см.: Prince N. Trubetskoy, *W sprawie wiersza byliny rosyjskiej, Z zagadnień poetyki*, 6 (Wilno, 1937), 100–110.
- ²⁰³ См. особо: В. В. Стасов, *Происхождение русских былин*, Собрание сочинений, III (СПб., 1894), 948–1259.
- ²⁰⁴ В. Ф. Миллер, *Экскурсы в область русского народного эпоса*; см. особо: Приложение I, «Кавказско-русские параллели».
- ²⁰⁵ О древнерусской музыке см.: Н. Финдейзен, *Очерки по истории музыки в России*, I; М. С. Пекелис, ред., *История русской музыки*, I, гл. I–II.
- ²⁰⁶ Князь Н. С. Трубецкой, *К проблеме Русского самопознания* (Prague, 1927), с. 29.
- ²⁰⁷ Nina Vernadsky, *The Russian Folk-Song*, Russian Review, 3 (1944), 94–99.
- ²⁰⁸ Финдейзен, *Цит. раб.*, I, 30.
- ²⁰⁹ Церковные колокола появились на Руси примерно в середине одиннадцатого века в результате западного влияния. Их средняя величина в киевский период была небольшой. См.: Голубинский, *История*, I, ч. 2, с. 151–152.
- ²¹⁰ О древнерусском церковном пении см.: Финдейзен, *цит. раб.*, I, с. 80–103.
- ²¹¹ П. Н. Сакулин, *Русская литература*, I, с. 181–182.
- ²¹² О скоморохах см.: Финдейзен, *Цит. раб.*, I, с. 145–170.
- ²¹³ О византийском театре см.: G. La Piana, *Le rappresentazioni sacre nella letteratura bizantina* (Grotta Ferrata, 1912); V. Cottas, *Le Théâtre á Byzance* (Paris, 1931).
- ²¹⁴ Cottas, *Op. cit.*, p. 45.
- ²¹⁵ Финдейзен, *Цит. раб.*, I, с. 147. О развитии русского театра кукол с 1636 г., когда немецкий путешественник Адам Олеариус увидел «петрушку» в Москве, см.: В. Перетц, *Кукольный театр на Руси*, Ежегодник Императорских театров, 1894–1895, I, с. 85–185.
- ²¹⁶ А. И. Некрасов, *Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII веков*, с. 18.
- ²¹⁷ О русских храмах киевского периода см.: S. H. Cross, H. V. Morgilevski and K. J. Conant, *The Earliest Medieval Churches of Kiev*, Speculum, II (1936), 477–499; K. J. Conant, *Novgorod*,

- Constantinople, and Kiev in Old Russian Church Architecture*, SEER, 22 (1944), 75–92; А. И. Некрасов, *Древнерусское изобразительное искусство*.
- ²¹⁸ Conant, *Op. cit.*, p. 82; Cross, Morgilevsky, and Conant, *Op. cit.*, p. 488.
- ²¹⁹ Conant, *Op. cit.*, p. 87.
- ²²⁰ См. предположительную реконструкцию: Conant, *Op. cit.*, p. 78.
- ²²¹ Некрасов, *Очерки по истории древнерусского зодчества XI–XVII веков*, с. 38.
- ²²² Обзор всех церквей, построенных в киевский период, см.: Голубинский, *История*, I, с. 1–161.
- ²²³ Некрасов, *Цит. раб.*, с. 76–77.
- ²²⁴ Некрасов, *Цит. раб.*, с. 99–140. О суздальских церквях, кроме общих работ по истории русской архитектуры, см.: И. И. Толстой, Н. П. Кондаков, *Русские древности*, VI, (СПб., 1899); Fannina W. Halle, *Die Bauplastik von Wladimir-Ssusdal*.
- ²²⁵ Толстой, Кондаков, *Цит. раб.*, VI, 6–11, 48–58.
- ²²⁶ Conant, *Op. cit.*, p. 90.
- ²²⁷ О русской скульптуре киевского периода см.: Н. Н. Врангель, *История скульптуры*; И. Грабарь, *История русского искусства*, V, 9–14; Толстой, Кондаков, *Цит. раб.*, VI.
- ²²⁸ О русской живописи киевского периода, кроме общих работ по русскому искусству, см.: Кондаков, *Русская икона*.
- ²²⁹ См.: Cross S. H., *The Mosaic Eucharist of St. Michael's (Kiev)*, ASEER, 6, Nos. 16/17 (1947), 56–61.
- ²³⁰ Толстой, Кондаков, *Цит. раб.*, V (СПб., 1897), 101–145; Кондаков, *Русские клады*, I, 83–144.
- ²³¹ См.: *Древняя Русь*.
- ²³² Н. В. Малицкий, *Древнерусские культы сельскохозяйственных святых*, Известия Государственной академии истории материальной культуры, XI, № 10 (1932).
- ²³³ О проповедях Кирилла см.: Пономарев, I, 126–198.
- ²³⁴ Там же, I, 76–78.
- ²³⁵ О канонизации русских святых см.: Е. Е. Голубинский, *История канонизации святых в Русской Церкви*.
- ²³⁶ Д. И. Абрамович, ред., *Жития св. Бориса и Глеба; службы им*, Памятники древнерусской литературы, II (Петроград, 1916).
- ²³⁷ *Хождение Богородицы по мукам* см.: Н. Тихонравов, *Памятники отреченной русской литературы* (М., 1863), II, 23–30.
- ²³⁸ Тексты поучений Феодосия см.: Пономарев, I, 33–43.
- ²³⁹ О Римской церкви и римском католицизме в Киевской Руси см.: W. Abraham, *Powstanie organizacji kościoła łacinskiego na Rusi* (Lvov, 1904); Грушевский, III, 298–301; М. Шайтан, *Германия и Киев в XV веке*, ЛЗ, 34 (1927), 23–26.

- ²⁴⁰ Об отношениях между Русской церковью и романским католицизмом в киевский период см.: Голубинский, *История*, I, (2-е изд. М., 1904), с. 588–603.
- ²⁴¹ А. Н. Веселовский, *Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине* (СПб., 1872); Тихонравов, *Цит. раб.*, I, 254–258.
- ²⁴² Греческий текст «Варлаама и Иосифа» см.: PG. ХСVI. Первая из сохранившихся рукописей датируется шестнадцатым веком, но стиль свидетельствует, что перевод был сделан гораздо раньше. Русский текст впервые опубликован в Москве в 1680 г.
- ²⁴³ «Повесть об Акире Премудром» была переведена на славянский в одиннадцатом веке. Самый ранний из ее дошедших до нас списков датируется пятнадцатым столетием. См.: А. Д. Григорьев, *Повесть об Акире Премудром*, UW, 1913, ч. 4; Сакулин, *Цит. раб.*, I, 118.
- ²⁴⁴ В. М. Истрин, *Александрия русских хронографов* (М., 1893).
- ²⁴⁵ Henry Gregoire, *Digenis Akritas* (New York, The National Herald, 1942) (in Modern Greek); М. Н. Сперанский, *Девгениево деяние*, АНОРС, 99, No 7 (1922).
- ²⁴⁶ П. П. Миндалев, *Моление Даниила Заточника* (Казань, 1914); Н. Н. Зарубин, ред., *Слово Даниила Заточника*, Памятники древнерусской литературы, III (Л., 1932).
- ²⁴⁷ Н. Н. Шляков, *О поучении Владимира Мономаха*, ЖМНП, 329 (1900), 96–138, 209–258; И. М. Ивакин, *Князь Владимир Мономах и его поучение*, I (М., 1901); М. П. Алексеев, *Англо-саксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха*, ОДРЛ, II (1935), 39–80; А. С. Орлов, *Владимир Мономах* (М., — Л., 1946).
- ²⁴⁸ Голубинский, *История*, I, ч. I, с. 871–880. Следует отметить, что позже Голубинский был вынужден признать, что недооценил уровень русского образования в киевский период.
- ²⁴⁹ Татишев, II, 138. Ср.: Голубинский, *История*, I, ч. I, с. 873.
- ²⁵⁰ Татишев, III, 238, 239.
- ²⁵¹ Там же, III, 416.
- ²⁵² Г. Флоровский, *Пути русского богословия*, с. 1.
- ²⁵³ А. С. Архангельский, *К изучению древнерусской литературы* (СПб., 1888) и *Творения отцов Церкви в древнерусской письменности*, I–IV (Казань, 1889–1890); Голубинский, *История*, I, ч. 4, с. 880–924.
- ²⁵⁴ См.: А. И. Соболевский, *Два слова о древних церковнославянских переводах с латинского*, АНОРИ, 2 (1904), ч. 4, с. 401–403 и *Жития святых в древнем переводе на церковно-славянский с латинского языка* (СПб., 1904). См. также: А. В. Флоровский, *Чехи и восточные славяне*, I (Prague, 1935), III.
- ²⁵⁵ Тихонравов, *Цит. раб.*, II, 23.

- ²⁵⁶ Н. Скабаланович, *Византийская наука и школы в XI веке*, Христианское чтение, 1884, ч. 1, с. 344–369, 730–770; М. Сперанский, *Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности* (М., 1904), с. 64.
- ²⁵⁷ Х. М. Лопарев, ред., *Послание Митрополита Климента*, Памятники Древней Письменности, ХС (СПб., 1892); Н. К. Никольский, *О литературных трудах Климента Смолятича*.
- ²⁵⁸ См.: М. В. Шахматов, Д. Чижевский, *Платон в древней Руси*, РИОП, 2 (Прага, 1930), 49–81.
- ²⁵⁹ В. Семенов, ред., *Древняя русская Пчела*, АНОРС, 54, № 4 (1893); Сперанский, *Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности*, с. 155–328.
- ²⁶⁰ А. А. Шахматов, *Разыскания о составе древнерусских летописных сводов* (СПб., 1908). См. также: М. Д. Приселков, *История русского летописания XI–XV веков* (Л., 1940).
- ²⁶¹ М. Д. Приселков, *Нестор Летописец* (Петроград, 1923).
- ²⁶² С. А. Богуславский, *К вопросу о характере и объеме литературной деятельности Нестора*, АНОРИ, 1914, ч. I, 3.
- ²⁶³ См.: Г. Вернадский, *Византийские учения о власти царя и патриарха* (Прага, 1926), с. 143–154; Г. Острогорский, *Отношение церкви и государства в Византии*, *Seminarium Kondakovianum*, 4 (1931), 121–134.
- ²⁶⁴ О русской политической мысли киевского периода см.: В. Вальденберг, *Древнерусские учения о пределах царской власти* (Петроград, 1916); М. В. Шахматов, *Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти*, I–II.
- ²⁶⁵ ПСРЛ, I, ч. 2 (2-е изд. 1927), 377, 378.
- ²⁶⁶ П. А. Лавров, *Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности*, Труды Славянской Комиссии, I (Л., 1930), 196–198.
- ²⁶⁷ Пономарев, I, 67.
- ²⁶⁸ С. Г. Вилинский, *Сказание черноризца Храбра* (Одесса, 1901); Лавров, *Цит. раб.*, с. 162–164.
- ²⁶⁹ Е. Е. Голубинский, *Вопрос о заимствовании домонгольскими русскими от греков так называемой скедографии*, АНОРИ, 9, Ч. 2 (1904), с. 49–59.
- ²⁷⁰ См.: Н. Суворов, *Учебник церковного права* (4-е изд., М. 1912), с. 139–152, 170–172.
- ²⁷¹ О «Русской правде» см.: М. Н. Тихомиров, *Исследование о Русской Правде*.
- ²⁷² Д. О. Святский, *Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения*, АНОРИ, 20 (1915), ч. 2, с. 197–288.
- ²⁷³ См.: Н. П. Барсов, *Очерки Русской исторической географии*.

- ²⁷⁴ См.: А. Спицын, *Тмутараканский камень*, ОРСАТ, XI (Петроград, 1915); Орлов, *Библиография*, с. 1–2.
- ²⁷⁵ См.: Н. П. Кондаков, *Византийские церкви и памятники Константинополя* (Одесса, 1887), с. 73–74; ср. Д. В. Айналов, *Примечания к тексту книги «Паломник» Антония Новгородского*, ЖМНП, Новые Серии, 3 (1906), 233–276, и 18 (1908), 81–106.
- ²⁷⁶ Т. Райнов, *Наука в России XI–XVII веков*, с. 29.
- ²⁷⁷ Там же, с. 30.
- ²⁷⁸ Там же, с. 31.
- ²⁷⁹ Там же, с. 32.
- ²⁸⁰ ПСРЛ, II, 129.
- ²⁸¹ См.: Мелиоранский, *Цит. раб.*, с. 296–301.
- ²⁸² ПСРЛ, II, 59.
- ²⁸³ ПСРЛ, II, 146; Довнар-Запольский, *История русского народного хозяйства*, I, 264.
- ²⁸⁴ О древнерусском жилище см.: Аристов, с. 84–85; С. К. Шамбинаго, *Древнерусское жилище по былинам*, Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера (М., 1900), с. 129–149.
- ²⁸⁵ О тереме см.: Аристов, с. 85; К. А. Иностранцев, *О тереме в древне-русском и мусульманском зодчестве*, ОРСАТ, IX (1913), 35–38; В. Ф. Ржига, *Очерки из истории быта домонгольской Руси*, ИМТ, V (1929), 9.
- ²⁸⁶ Аристов, с. 138–142. См. также: П. Савваитов, *Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора* (СПб., 1896).
- ²⁸⁷ Следует отметить, что если четыре сына Святослава отчетливо изображены на миниатюре, то у пятого можно разглядеть только меховую шапку над изображением жены Святослава. Некоторые ученые, включая Н. П. Кондакова, считают эту шапку частью головного убора княгини. Однако под миниатюрой есть подпись, содержащая имена всех пяти княжичей, значит, они все должны быть изображены, и, таким образом, упомянутая меховая шапка должна рассматриваться, как принадлежащая одному из княжичей, а не его матери.
- ²⁸⁸ Н. П. Кондаков, *Изображения русской княжеской семьи* (СПб., 1906), с. 40.
- ²⁸⁹ См.: Граф А. А. Бобринский, *Киевские миниатюры XI века*, РАО, 12 (1901), с. 351–171; В. Н. Шепкин, *Миниатюры в русском искусстве дотатарского периода*, Славия, 6 (1928), с. 742–757.
- ²⁹⁰ Кондаков, *Изображения русской княжеской семьи*, с. 40.
- ²⁹¹ См.: Аристов, с. 141, 142, 148.
- ²⁹² См.: Кондаков, *Русские клады*, I; Ю. В. Готье, *Железный век в Восточной Европе*, с. 235–239.

- ²⁹³ Аристов, с. 160.
- ²⁹⁴ О пище и напитках древних русских см.: Аристов, с. 73–80; Ржига, *Цит. раб.*, гл. III.
- ²⁹⁵ Так называемое «Вопрошание Кириково», адресованное новгородскому епископу Нифонту, содержит интересный материал для изучения дилемм священнослужителей по поводу надлежащего отношения к пище. Как мы знаем, Кирик был также ученым-математиком (см. Гл. IX, 2).
- ²⁹⁶ Аристов, с. 77; И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка*, II, 933, под словом «пирог».
- ²⁹⁷ Соловьев, III, 8.
- ²⁹⁸ Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 436–438.
- ²⁹⁹ Соловьев, II, 10, 11.
- ³⁰⁰ Там же, III, 10.
- ³⁰¹ ПСРЛ, II, 46.
- ³⁰² Соловьев, III, 43.
- ³⁰³ Там же, 40, 41.
- ³⁰⁴ Владимирский-Буданов, *Обзор*, с. 385.
- ³⁰⁵ Об истории и цивилизации славян см.: L. Niederle, SS, и *Život starých Slovanů* (Prague, 1911–1934), 3 vols.
- ³⁰⁶ См.: *Древняя Русь*, гл. VI, 6 и 7; гл. VII, 7–9; гл. VIII, 7.
- ³⁰⁷ G. Vernadsky, *The Beginnings of the Czech State, Byzantion*, 17 (1945), 315–328.
- ³⁰⁸ *Древняя Русь*, гл. VIII, 6; см. также: G. Vernadsky, *Great Moravia and White Chorvatiа*, JAOS, 65 (1945), 257–259; G. Vernadsky, *Note on Zhupan*, JAOS, 67 (1947), p. 62.
- ³⁰⁹ Сорбы известны также как сербы, хотя они не тождественны балканским (югославским) сербам. Чтобы избежать любых возможных недоразумений, я буду использовать название «сорбы», когда речь пойдет о полабских славянах, и «сербы» применительно к этому балканскому народу. О балтийских и полабских славянах см.: А. Гильфердинг, *Собрание сочинений*, IV (СПб., 1874); И. Первольф, *Германизация балтийских славян* (СПб., 1876); Д. Н. Егоров, *Колонизация Мекленбурга в XIII веке* (М., 1915); Niederle, SS, III.
- ³¹⁰ См.: G. Vernadsky, *Svantovit, Dieu des slaves Baltiques, Annuaire*, 7 (1944), 339–356.
- ³¹¹ См.: М. Н. Сперанский, *К истории взаимоотношений русской и югославянской литературы*, АНОРИ, 26 (1923), 143–206.
- ³¹² Там же, с. 176–178; см. также: Голубинский, *История*, I, ч. 2, с. 741–745; Г. А. Ильинский, *Значение Афона в истории славянской письменности*, ЖМНП, 18 (1908), 1–41.
- ³¹³ Baumgarten, *Généalogies*, pp. 23, 71.

- ³¹⁴ См.: *Древняя Русь*.
- ³¹⁵ О роли Сазавского монастыря в истории славянской письменности см.: А. В. Флоровский, *Чехи и восточные славяне*, I, 127–129, 142; V. Chaloupecký, *Prameny X století* (Prague, 1939), chap. 8; R. Jakobson, *Moudrost Starých Čechů* (New York, Československý Kulturný Kroužek, 1943), pp. 65–67.
- ³¹⁶ Gy. Moravczik, *Byzantine Christianity and the Magyars in the Period of their Migrations*, ASEER, 5, Nos. 14, 15 (1946), pp. 29–45.
- ³¹⁷ К. Грот, *История Венгрии*, ЭС, полутом X (1892), с. 890.
- ³¹⁸ А. В. Флоровский, *Чехи и восточные славяне*, I, с. 111.
- ³¹⁹ Там же, с. 128, 151; Chaloupecký, *Op. cit.*, 435–438; Jakobson, *Op. cit.*, pp. 71, 72.
- ³²⁰ Н. К. Никольский, *Повесть временных лет*, АН СР, II, 1–106.
- ³²¹ Kosmas Pragenis, *Chronica Boemorum*, В. Bretholz, ed.; В. Регель, *О хронике Козьмы Пражского*, ЖМНП, 270 (1890), 221–261; 271 (1890), 108–148; Jakobson, *Op. cit.*, p. 71.
- ³²² А. В. Флоровский, *Чехи и восточные славяне*, I, с. 188, 189.
- ³²³ О семейных узах между членами правящих домов Руси, Венгрии, Польши и Чехии см.: Baumgarten, *Généalogies*; В. Leib, *Rome, Kiev et Byzance à la fin du XI-e siècle*, pp. 152–158.
- ³²⁴ Карамзин, *Примечания*, II, № 40.
- ³²⁵ См.: С. П. Розанов, *Евфимия Владимировна и Борис Коломанович*, I, ОГН, 1930, с. 585–599.
- ³²⁶ Там же, II, ОГН, 1930, с. 649–71.
- ³²⁷ См.: Н. Грацианский, *Крестовый поход против славян 1147 года*, Вопросы истории, 1946, № 2–3, с. 104. Ср.: Аристов, с. 198, 199.
- ³²⁸ Baumgarten, «Généalogies», pp. 72, 73.
- ³²⁹ *Древняя Русь*, гл. 7 и 8. См. также: Я. А. Бромберг, *Заметки по вопросам ранней истории Руси и востока Европы*, II. К вопросу о происхождении имени «русь», Новоселье, 21 (1945), 96–98; S. H. Cross, *The Scandinavian Infiltration into Early Russia*, Speculum, 21 (1946), 505–519. О киевском периоде см.: F. Braun, *Das historische Russland im nordischen Schrifttum des 10. bis 14. Jahrhunderts*, Eugen Mogk Festschrift (Halle, 1924), pp. 150–196; S. H. Cross, *Yaroslav the Wise in North Tradition*, Speculum, 4 (1929), 177–197, 363; Chadwick.
- ³³⁰ См.: *Древняя Русь*, гл. 7 и 8.
- ³³¹ См.: А. И. Ляшенко, *Эймундова сага и русские летописи*, АН, 1926, с. 1061–1086.
- ³³² В. Яковлев, ред., *Памятники русской литературы XII и XIII веков*, с. 61–64.
- ³³³ Leib, *Op. cit.*, p. 277.
- ³³⁴ Ф. Браун, *Шведская руническая надпись, найденная на острове Березани*, АК, 23 (1907), 66–75.

- ³³⁵ Мое толкование этой статьи отличается от традиционного. Я считаю, что в статье идет речь не о рабе, который убежал от своего варяжского хозяина, а о беглом рабе другого хозяина, которого варяг скрывает в своем доме. В любом случае варяг представлен как торгующий рабами.
- ³³⁶ Аристов, с. 199.
- ³³⁷ Текст договора см.: *Хрестоматия*, I (1908), 93–96; Goetz, *Deutsch-russische Handelverträge des Mittelalters*, pp. 14–72.
- ³³⁸ Аристов, с. 199, 200, 206, сн. 643.
- ³³⁹ Baumgarten, *Généalogies*, p. 68.
- ³⁴⁰ A. Stender-Petersen, *Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik*, Aarssbrift for Aarhus Universitet, IV (Aarhus, 1934), p. 246.
- ³⁴¹ Thomsen, *Origin*, pp. 128–130. Обзор всей проблемы скандинавского влияния на Русь — с «антинорманистской» точки зрения — см.: В. А. Рязановский, *Обзор русской культуры*, I, 161–289, 619–639.
- ³⁴² О русско-немецких отношениях в киевский период см.: Th. Ediger, *Russlands älteste Beziehungen zu Deutschland, Frankreich und der römischen Kurie* (Halle, 1911); F. Braun, *Russland und die Deutschen in alter Zeit*, Germanica: Eduard Sievers zum 75. Geburtstag (Halle, 1925), pp. 678–727; Шайтан, *Германия и Киев в XI веке*, 3–26. См. также: S. H. Cross, *Medieval Russian Contacts with the West*, Speculum, 10 (1935), 137–144.
- ³⁴³ О торговле немцев с Киевом см.: В. Г. Васильевский, *Древняя торговля Киева с Регенсбургом*, ЖМНП, 258 (1888), 121–150; L. K. Goetz, *Deutsch-russische Handelsgeschichte*, pp. 540–543.
- ³⁴⁴ Аристов, с. 205.
- ³⁴⁵ G. Lozinskij, *La Russie dans la littérature française du Moyen âge*, RES, 9 (1929), 260.
- ³⁴⁶ Thietmar of Merseburg, *Chronicon*, F. Kurze, ed., pp. 257, 258.
- ³⁴⁷ Adam of Bremen, *Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum*, B. Schmeidler, ed., p. 80.
- ³⁴⁸ Lambert (Lampert) Hersfeld, *Annales*, Opera, O. Holder-Egger, ed., pp. 1–304.
- ³⁴⁹ E. N. Adler, ed., *Jewish Travellers* (London, G. Routledge & Sons, 1930), pp. 64–91.
- ³⁵⁰ Грушевский, II, 62–64; Шайтан, *Германия и Киев в XI веке*, с. 9–11.
- ³⁵¹ О русско-немецких семейных узах см.: Leib, *op. cit.*, pp. 163–166; Braun, *Russland und die Deutschen in alter Zeit*, pp. 683–690; Baumgarten, *Généalogies*, pp. 67, 68.
- ³⁵² С. П. Розанов, *Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна*, ОГН, 1929, 617–646.
- ³⁵³ С. Baronius, *Annales Ecclesiastici*, XII (Paris, 1887), 609 (цитировано Розановым, «Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна», с. 629, 630).

- О николаитах см.: P. J. Healy, *Nicolaites*, The Catholic Encyclopedia, XI (1911), 67.
- ³⁵⁴ Розанов, *Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна*, с. 643, 644.
- ³⁵⁵ См.: G. Lozinskij, *La Russie dans la littérature française du Moyen âge*, pp. 71–88, 253–269.
- ³⁵⁶ Грушевский, II, 76–77.
- ³⁵⁷ В. Г. Васильевский, *Труды*, I (СПб., 1908), 288–303.
- ³⁵⁸ Там же, I, 332, 333.
- ³⁵⁹ G. Bratianu, *Recherches sur commerce Genoïs dans la Mer Noire au XIII-e siècle* (Paris, 1929), p. 50.
- ³⁶⁰ И. Кулаковский, *Прошлое Тавриды* (2-е изд., Киев, 1914), с. 73; см. также рецензию Д. Разовского на книгу Братяну в СК, III (1929), 322–324. Разовский склоняется к тому, чтобы считать «Русь» портом на Азовском море.
- ³⁶¹ R. Dozy, *Histoire des musulmans d'Espagne*, E. Levi-Provencal, ed., II (Leyde, 1932), 153–155; см. также: F. Grenard, *Grandeur et decadence de l'Asie* (Paris, 1939), pp. 30, 31.
- ³⁶² А. А. Куник и барон В. Розен, *Известия Аль-Бакри и других авторов о Руси и славянах*, АНЗ, 32 (1879), Приложение 2, с. 11–16, 65–117; Marquart, pp. 145, 146, 472. Об Аль-Бакри см.: A. Cour, *Al-Bakri*, EI, I (1913), 606–607.
- ³⁶³ С. F. Seybold, *Idrisi*, EI, II (1927), 451, 452.
- ³⁶⁴ Benjamin of Tudela, *The Itinerary of Rabbi Benjamin of Tudela*.
- ³⁶⁵ В. В. Сокольский, *О характере и значении Эпанагоги*, ВВ, I (1894), 17–54; Г. Вернадский, *Византийские учения о власти царя и патриарха*, с. 143–154.
- ³⁶⁶ В своей статье *Was Old Russia a Vassal State of Byzantium?* Speculum, 7 (1932), 350–460 А. А. Васильев видит в словах Пселла свидетельство, подтверждающее тот факт, что Русь была под византийским протекторатом со времени Владимира. Пселл, однако, говорит лишь о том, что во время правления Василия II (современника Владимира) империя была столь сильной, что русские не осмелились напасть на Константинополь.
- ³⁶⁷ G. Vernadsky, *Relations byzantino-russes au XII-e siècle*, Byzantion, 4 (1928), 269–276.
- ³⁶⁸ О русско-византийских династических узлах см.: Baumgarten, *Généalogies*, p. 69; Leib, *op. cit.*, pp. 169, 170.
- ³⁶⁹ Много противоречий в наших сведениях об этом браке. В первую очередь, нет определенных свидетельств, которые доказывали бы, что Лев был сыном Романа. Во-вторых, согласно Васильевскому (*Труды*, II (СПб., 1912), 37–49), Мария была не дочерью Владимира II, а его сестрой. По моему мнению, доводы Васильевского несостоятельны. См.: Грушевский, II, 115, 116.

- ³⁷⁰ Олег был арестован в Тмутаракани хазарами, видимо, по указке Всеволода I; см.: Грушевский, II, 72, 73.
- ³⁷¹ ПСРЛ, II, ч. 1, кол. 290.
- ³⁷² Vasiliev, *Was Old Russia a Vassal State of Byzantium?*, p. 356.
- ³⁷³ Грушевский, II, 441, 442.
- ³⁷⁴ G. Vernadsky, *Relations byzantino-russes au XII-e siècle*, Byzantion, 4 (1928), 270, 271.
- ³⁷⁵ См.: *Древняя Русь*, гл. 3 и 4.
- ³⁷⁶ Там же, с. 155–160 и ниже.
- ³⁷⁷ Кулаковский, *Христианство у алан*, ВВ, 5 (1898), 1–18.
- ³⁷⁸ Куропалат, «дворцовый страж», — первоначально, титул одного из офицеров императорской гвардии; позднее слово приобрело дополнительное значение почетного придворного титула.
- ³⁷⁹ ПСРЛ, I, ч. 2, кол. 369.
- ³⁸⁰ См.: *Древняя Русь*, гл. V.
- ³⁸¹ Baumgarten, *Généalogies*, p. 70.
- ³⁸² О князе Юрии, сыне Андрея Боголюбского, см.: *Георгий (Юрий) Андреевич*, РВС, IV (1914), 441, 442; Baumgarten, *Généalogies*, p. 77.
- ³⁸³ В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана* (Л., 1927) и его же: *Turkestan down to the Mongolian Invasion* (London, 1928).
- ³⁸⁴ Bartold, *Turkestan down to the Mongolian Invasion*, pp. 323–363.
- ³⁸⁵ ПСРЛ, IX (1862), 57.
- ³⁸⁶ О Бар Хебреусе (Григорий Аб-уль-Фарадж) см.: W. Wright, *A Short Story of Syriac Literature* (London, A. C. Black, 1894), pp. 265–281; R. Duval, *La Littérature syriaque* (Paris, 1907), pp. 408–410. A. Baumstark, *Geschichte der syrischen Literatur* (Bonn, 1927), pp. 312–320.
- ³⁸⁷ О Михаиле Сирийце см.: Wright, *Op. cit.*, pp. 250–253; Duval, *Op. cit.*, p. 401; Baumstark, *Op. cit.*, pp. 298–300.
- ³⁸⁸ В. Бартольд, *История изучения Востока в Европе и России* (2-е изд., Л., 1925), с. 170.
- ³⁸⁹ В «Повести временных лет» слово «брахман» передается как «рахман».
- ³⁹⁰ Соловьев III, 48. Соловьев обращается к Вениамину из Туделы, цитируя французское издание, редактор которого Эшер читает «Русильон» вместо «Русь» (*The Itinerary of Rabbi Benjamin of Tudela*, I, 157).
- ³⁹¹ Baumgarten, *Généalogies*, pp. 69, 70; Голубовский, *Печенеги, торки и половцы*, с. 556–559.

Сокращения

АК	Археологическая комиссия, <i>Известия</i>
АН	Академия наук, <i>Известия</i>
АН ОРИ	Академия наук, Отделение русского языка и словесности, <i>Известия</i>
АНОРС	Академия наук, Отделение русского языка и словесности, <i>Сборник</i>
АНЗ	Академия наук, <i>Записки</i>
Аристов	Аристов, Н. Я., <i>Промышленность древней Руси</i> (СПб., 1866)
БИД	Булгарско Историческо Дружество, <i>Известия</i>
ВВ	<i>Византийский Временник</i>
Владимирский-Буданов, <i>Обзор</i>	Владимирский-Буданов, М. Ф., <i>Обзор истории Русского права</i> (7-е изд. Петроград и Киев, 1915)
ВОЗ	Русское археологическое общество, Восточное отделение, <i>Записки</i>
ГА	Государственная Академия истории материальной культуры, <i>Известия</i>
Голубинский, <i>История</i>	Голубинский, Е. Е., <i>История Русской Церкви</i> . См.: Библиография, IX
<i>Древняя Русь</i>	Вернадский, Г., <i>Древняя Русь</i> (М., 1999)
Дьяконов, <i>Очерки</i>	Дьяконов, М. А., <i>Очерки общественного и государственного строя древней Руси</i> (4-е изд., Спб., 1912)
Дорн	Дорн, Б. А., <i>Каспий</i> , АНЗ, 26 (1875)

ЕХ	<i>Евразийская Хроника</i>
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
Ип.	Ипатьевский список <i>Повести временных лет</i>
ИИМ	Академия наук, Институт истории материальной культуры, <i>Краткие сообщения</i>
Иконников, <i>Опыт</i>	Иконников, В. С., <i>Опыт Русской историографии</i> . См.: Библиография, I
ИМТ	Исторический музей, <i>Труды</i>
Карамзин	Карамзин, Н. М., <i>История государства Российского</i> . См.: Библиография, III
Карамзин, <i>Примечания</i>	<i>Примечания к Истории государства Российского</i> . См.: Библиография, III
КУ	Киев, университет, <i>Известия</i>
Лавр.	Лаврентьевский список <i>Повести временных лет</i>
ЛЗ	Археологическая комиссия, <i>Летопись Занятий</i>
МИАС	Академия наук, Институт истории материальной культуры, <i>Материалы и исследования по археологии СССР</i>
ОДРЛ	Академия наук, Отдел древнерусской литературы, <i>Труды</i>
ОГН	Академия наук, Отдел гуманитарных наук, <i>Известия</i>
ОЛДП	Общество любителей древнерусской письменности, <i>Памятники</i>
Орлов, <i>Библиография</i>	Орлов, А. С., <i>Библиография русских надписей XI–XV веков</i> . См.: Источники, I, I
Орлов, <i>История</i>	Орлов, А. С., Перетц, В. П., Гудзий, Н. К., ред., <i>История русской литературы</i> , I. См.: Библиография, XI
ОРСАТ	Русское археологическое общество, Отделение славянской и русской археологии, <i>Труды</i>

- Пономарев Пономарев, А. И., *Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, I—III* (Спб., 1894—1897)
- Преображенский Преображенский, А. В., *Этимологический словарь русского языка, I—II* (М., 1910—1916)
- Пресняков, Княжое право Пресняков, А. Е., *Княжое право в древней Руси*. См.: Библиография, V
- Приселков Приселков, М. Д., *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси*. См.: Библиография, IX.
- ПСРЛ Полное собрание русских летописей
- РАО Русское археологическое общество, *Записки*
- РИОП Русское историческое общество в Праге, *Записки*
- РФВ Русский филологический вестник
- Сергеевич, Древности Сергеевич, В. И., *Древности русского права*. См.: Библиография, VII
- Слово *Слово о полку Игореве*, репринтное воспроизведение первого издания, Сперанский, М. Н., ред. (М., 1920)
- Соловьев Соловьев, С. М., *История России с древнейших времен*. См.: Библиография, III
- СВБ *Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову* (Киев, 1904)
- Татищев Татищев, В. Н., *История Российская*. См.: Библиография, III
- Хрестоматия* Владимирский-Буданов М. Ф., *Хрестоматия по истории русского права, I* (6-е изд. Спб. и Киев, 1908)
- Грушевский Грушевский, М. С., *История Украины — Руси*. См.: Библиография, III
- ЭС Брокгауз—Эфрон, *Энциклопедический словарь*

- Юшков, *Нариси* Юшков С. В., Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Київській Русі. См.: Библиография, VI
- AIK Annales de l'Institut Kondakov
- Annuaire Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves
- ASEER American Slavic and East European Review
- ASP Archiv für slavische Philologie
- AWV Akademie der Wissenschaften, Vienna, *Denkschriften* (Phil.-Hist. Klasse)
- Baumgarten, *Généalogies* Baumgarten, N., *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes*, OC, IX (1927)
- BSOAS London University, School of Oriental and African Studies, *Bulletin*
- Chadwick Chadwick, N. K., *The Beginnings of Russian History: An Enquiry into Sources* (Cambridge, Cambridge University Press, 1930)
- Cross Cross, S. H., tr. *The Russian Primary Chronicle* (Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1930)
- El Ercyclopaedia of Islam
- JAOS Journal of the American Oriental Society
- JKGS Janrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven
- Marquart Marquart, J., *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge* (Leipzig, 1903)
- Marvazi Minorsky, V., *Marvazi on China, tfe Turks and India*. См.: Источники, III, 5
- MGH Monumenta Germaniae Historica
- Niederle, SS Niederle, L., *Slovanské Starožitnosti*, Vol. I (2-d ed. 1925–1926); Vol. II (1906–1910); Vol. III (2d ed. 1927): Vol. IV (1924) (Prague)

PG	Migne, J. P., <i>Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca</i>
RES	Revue des Etudes Slaves
SEER	Slavonic and East European Review
SK	Seminarium Kondakovianum
Thomsen, <i>Origin</i>	Thomsen, V., <i>The Relations between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State</i> (Oxford and London, 1877)
UW	University of Warsaw, <i>Izvestia</i>
ZSP	<i>Zeitschrift für slavische Philologie</i>

I. Эпиграфика, нумизматика и сфрагистика

1. Эпиграфика

- Браун, Ф., *Шведская руническая надпись, найденная на острове Березани*, Известия Археологической комиссии, 23 (1907).
- Орлов, А. С., *Библиография Русских надписей XI–XV веков* (М. — Л., 1936).
- Спицын, А. А., *Тмутараканский камень*, Труды отделения славянской и русской археологии Русского археологического общества, XI (Петроград, 1915).
- Агне, Т. J., *La Suede et l'Orient* (Uppsala, 1914), pp. 7–14.

2. Нумизматика и сфрагистика

- Ильин, А. А., *Классификация Русских удельных монет* (Л., 1940).
- Ильин, А. А., *Топография кладов древних Русских монет* (Л., 1924).
- Лихачев, Н. П., *Материалы для истории Византийской и Русской сфрагистики*, Академия Наук, музей Палеографии, Труды, I (1928).
- Марков, А., *Русская нумизматика* (Петроград, 1915).
- Марков, А., *Топография кладов восточных монет* (СПб., 1910).
- Орешников, А., *Русские монеты* (М., 1896).
- Прозоровский, Д. И., *Монета и вес в России* (СПб., 1865).
- Савельев, П. С., *Мухаммеданская нумизматика* (СПб., 1846).
- Толстой, И. И., граф, *Византийские монеты* (СПб., 1912–1914), том 9.
- Толстой, И. И., граф, *Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского* (СПб., 1882).
- Толстой, И. И., граф, *Древнейшие Русские монеты*, Записки Русского Археологического Общества, 6 (1893), 310–382.
- Vasmer, R., *Über die Münzen der Wolga-Bulgaren*, Wiener Numismatische Zeitschrift, 57 (1924), 63–84.

II. Юридические источники

1. Международные соглашения

А. Русско-византийские договоры

907 г. Полный текст не обнаружен. Краткое изложение в Лаврентьевском списке, 31–32.

911 г. Лаврентьевский список, 32–37. Переизд. Хрестоматия, I, 1–7.

945 г. Лаврентьевский список, 46–53. Переизд. Хрестоматия, I, 8–16.

971 г. Лаврентьевский список, 72–73. Переизд. Хрестоматия, I, 17.

Б. Русско-германские договоры

1189–1195 гг. Договор между Новгородом и немцами и готландцами. Хрестоматия, I, 93–96; Goetz, L. K., *Deutsch-russische Handelverträge des Mittelalters*, pp. 14–72, 231–304

1229 г. Договор между Смоленском и Ригой и другими немецкими городами. Хрестоматия, I, 97–108.

2. Сводоы законов и юридические памятники

А. Византийское право

Agricultural Law (Nomos Georgikos). Ferrini, C., ed., *Byzantinische Zeitschrift* 7 (1898), 558–571; Ashburner, W., ed., *Journal of Hellenic Studies*, 30 (1910), 85–108; 32 (1912), 68–95. Павлов, А. С., ред. Сборник Отделения русского языка и словесности АН, 38 (1895), № 3. С древнеславянским переводом.

Ecloga, Zachariä von Lingenthal, ed., *Collectio Librorum Juris Graeco-Romani Ineditorum* (Leipzig, 1852), pp. 9–52. Фр. перев., Spulber, C. A., ed., *L'Eclogue des Isauriens* (Cernautzi, 1929). Англ. перев., Freshfield, E. H., *Roman Law in the Later Roman Empire* (Cambridge, 1932). Славянский перев., Кормчая, глава I в изданиях 1650 и 1653; глава XLIV в последующих изданиях.

Procheiron, Zachariä von Lingenthal, ed. (Heidelberg, 1837). Англ. перев., Freshfield, E. H., *A Manual of Eastern Roman Law* (Cambridge: Cambridge University Press, 1928). Славянский перев., Кормчая, глава XLIX в изданиях 1650 и 1653; глава XLVIII в последующих изданиях.

Б. Болгарское право

Zakon Sudnyi Liudem, Saturnik, T., ed., *Príspevky k šíreni Byzantského práva u Slovanů* (Prague, 1922), pp. 143–164.

В. Церковное право

- Бенешевич В., *Сингагога в 50 титулов*, Записки Классического отделения Русского археологического общества, 8 (1914).
Бенешевич В., ред., *Древне-Славянская Кормчая*, I (СПб., 1906).
Бенешевич В., *Канонический сборник XIV титулов* (СПб., 1905).
Кормчая (Номоканон) (первое изд. М., 1650); под ред. Патриарха Никона, 1653; с тех пор многократно переиздавалась.

Г. Русское право

- Греков, Б. Д., ред., *Правда Русская*, I (М. — Л., 1940).
Юшков, С. В., ред., *Руська Правда* (Київ, 1935).

3. Княжеские уставы и уставные грамоты

- Церковный устав Владимира Святого*, Бенешевич, В. Н., ред., Памятники древнерусского канонического права, Русская историческая библиотека, XXXVI (Петроград, 1920). История и комментарии к тексту см.: Юшков, С. В., *Устав князя Владимира* (Новоузенск, 1926).
Церковный устав Ярослава Мудрого, Хрестоматия, I, 199–204.
Правосудие Митрополичье, Юшков, С. В., ред., *Летописные занятия Археологической комиссии*, 35 (1929), 115–117.
Устав князя Всеволода (1125–1136), Хрестоматия, I, 206–211.
Уставная грамота князей Мстислава и Всеволода монастырю Св. Георгия, там же, 112–113.
Уставная грамота князя Всеволода церкви Иоанна Крестителя (приблизительно 1135 г.), там же, 212–216.
Устав князя Святослава (1137), там же, 217–218.
Грамота князя Ростислава (1150), там же, 219–224.
Грамота епископа Мануила (1150), там же, 224.

4. Дарственные и завещания

- Дарственная на землю Антония Римлянина* (до 1147 г.), Хрестоматия, I, 114.
Дарение Варлаамом земель монастырю Христа Спасителя (примерно 1192 г.), там же, 115.
Завещание Климента Новгородского (тринадцатый век), там же, 118–120.

III. Летописи, исторические и географические трактаты, саги

1. Славянские

Лаврентьевская летопись (1377), Полное собрание русских летописей, I, отд. вып. 1 (2-е изд. Л., 1926); отд. вып. 2 (2-е изд. Л., 1927).

Ипатьевская летопись (начало пятнадцатого века), Полное собрание русских летописей, II, отд. вып. 1 (3-е изд. Петроград, 1923); отд. вып. 2: (1-е изд. СПб., 1843); отд. вып. 1: Повесть временных лет, отд. вып. 2: Киевская летопись, Волынские и Галицкие летописи.

Радзивилловская летопись, также известная как Кенигсбергская летопись (пятнадцатый век). С иллюстрациями, репринтное издание, Памятники Общества любителей древнерусской письменности, CXVIII (1902). По содержанию близка к Лаврентьевской.

Новгородские летописи (с тринадцатого по пятнадцатый век). Первая Новгородская летопись, Новгородская летопись по синодальному Харатейному списку (СПб., 1888). Также Полное собрание русских летописей, III (1841).

Вторая Новгородская летопись, Полное собрание русских летописей, III (1841); 2-е изд. Бышков, А. Ф., Новгородские летописи (СПб., 1879).

Третья Новгородская летопись, там же.

Четвертая Новгородская летопись, Полное собрание русских летописей, IX, (1848).

Воскресенская летопись (шестнадцатый век), Полное собрание русских летописей, VII (1856). Содержит редакцию Повести временных лет и краткое изложение Новгородских, Владимирских (Суздальских) и других летописей.

Никоновская летопись (шестнадцатый век), Полное собрание русских летописей, IX (1862) и X (1885). По содержанию сходна с Воскресенской летописью.

2. Греческие

Akominatus (Acominatus), Niketas, *Chronographia*, Bekker, I (Bonn, 1835). Также Migne, J. P., *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*, CXXXIX.

Anna Komnena (Comnena), *Alexias*, Schopen, J., and Reifferscheid, A., eds. (Bonn, 1839–1878). 2 vols. Также Migne, J. P., *Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca*, CXXXI.

Attaliates, Michael, *Historia*, Brunet de Presle, W., ed., (Bonn, 1853).

Cedrenus, см. Kedrenus.

Cinnamus, см. Kinnamus.

Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*, Migne, J. P., Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca, CXIII, cols. 157–422.

Constantine Porphyrogenitus, *De Ceremoniis Aulae Byzantinae*, Reiske, J., ed., (Leipzig, 1751–1754), 2 vols; переиздано в (Bonn, 1829–1830) и Migne, J. P., Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca, CXII.

Kedrenus (Cedrenus), Georgeus, *Historiarum Compendium*, Bekker, J., ed. (Bonn, 1838–1839), 2 vols. Also Migne, J. P., Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca, CXXI–CXXII. За период 811–1057, текст представляет сокращенный вариант работы Иоанна Скилица.

Kinnamus, Ioannes, *Epitomae Historiarum*, Meineke, A., ed. (Bonn, 1836). Также Migne, J. P., Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca, CXXXIII.

Leo Diaconus, *Historiae Libri decem*, Hase, B., ed. (Bonn, 1828). Также Migne, J. P., Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca, CXVII.

Manasses, Constantine, *Chronicon*, Bekker, J., ed. (Bonn, 1837). Также Migne, J. P., Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca, CXXVII.

Psellus, Michael, *Chronographia*, Sathas, C., ed., The History of Psellus (London, Methuen & Co., 1899); Фр. перев., Renauld, E., ed., Michel Psellos: Cronographie (Paris, 1926–1928), 2 vols.

Skyletzes, Ioannes, см. Kedrenus.

Symeon Magister and Logothetes (Pseudo-Symeon), *Chronicon*, Bekker, J., ed. (Bonn, 1838). Also Migne, J. P., Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca, CIX. Слав. перев., Куник, А. А., Васильевский, В. Г., Срезневский, В. И., Симеона Метафраста и Логофета Описание мира от бытия и летовник (СПб., 1905). См. также: Острогорский, Г., Славянский перевод хроники Симеона, SK, 5 (1932), 17–36.

Zonares, Ioannes, *Epitomae Historiarum*, Pinder, M. and Bütner-Wobst, T., eds. (Bonn, 1841–1897), 3 vols; Dindorf, L., ed. (Leipzig, 1868–1875), 6 vols. Также Migne, J. P., Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca, CXXXIV и CXXXV. О слав. перев. см.: Weingart, M., Byzantské Kroniky, I, 84–159. Paralipomen Zonarín, Бодянский, М., Чтения, XIV (1847).

3. Римские

Adam of Bremen, *Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum*, Schmeidler, B., ed. (Hannover and Leipzig, 1917).

Cosmas, см. Kosmas.

Dlugosz, Jan, *Historiae Polonicae Libri XII* (Krakow, 1873–1878), 5 vols.

Helmold, Priest of Bosau, *Cronica Slavorum*, Schmeidler, B., ed. (Hannover and Leipzig, 1909).

- Henricus Lettus, *Chronicon Lyvoniae*, Pertz, G. H., ed. (Hannover, 1874).
 Kadlubek, Vincentus, *Chronica Polonorum*, Przewdzsiecki, A., ed. (Krakow, 1862)
 Kosmas (Cosmas) Pragensis, *Chronica Boemorum*, Bretholz, B., ed. (Berlin, 1923).
 Lambertus Monachus Hersfeldensis, *Opera*, Holder-Egger, O., ed. (Hannover and Leipzig, 1804), pp. 1–304.
 Saxo Grammaticus, *Gesta Danorum*, Holder, A., ed. (Strassburg, 1886).
 Olrik, J., and Raeder, H., eds. (Copenhagen, 1931), 2 vols.
 Thietmar of Merseburg, *Chronicon*, Kurze, F., ed. (Hannover, 1889).
 Vincentius, see Kadlubek.

4. Скандинавские

- Сага об Одине; *Örvar-Odds Saga*, Воер, R., С., ed. (Halle, 1892). Русский перевод фрагментов: Ляшенко, А. И., Летописные сказания о смерти Олега Вещего, Известия Отделения русского языка и словесности АН, 29 (1924), 254–288.
 Сага об Олафе Тругвассоне; *Ólafs saga Trygvassonar*, Rafn, C. C., Rask, R. K., and Gudmunson, T., eds., Fornmanna, I–III (Copenhagen, 1825–1827). Англ. перев., Sephton, J., *The Saga of King Olaf Tryggwason* (London, D. Nutt, 1895).
 Сага об Эймунде; *Saga Ólafs Konungs hins Helga*, Fornmanna Sögur, V (1830), 267–298. Русский перевод, Сенковский, О. И., Собрание сочинений, V (СПб., 1858), 511–573.
 Snorri Sturluson, *Heimskringla*, Monsen, E., ed., перевод при участии Smith, A. H. (New York, 1932).

5. Восточные

А. Арабские и персидские*

- Athir, Ibn al, Chronicon*, Tornberg, C. J., ed., IX (Leyden, 1863).
 Aufi, *Jami al-Hikayat*, Barthold, V., ed., Записки Восточного отделения русского археологического общества, 9 (1896), 262–267.
 Bakri, *Kitab al-Masalik wa'l Mamalik*, Kunik, A. и Rosen, Baron V., eds. Записки АН, 32, Прилож. № 2 (1878), рус. перев. (включая текст Ибрагима бен Якуба).
 Bibi, Ibn al, *History of the Seljuq Dynasty*, Houtsma, M. T., ed., *Recueil de textes relatifs á l'histoire des Seldjoudides*, 4 (1902). Выдержки на рус-

* Диакритические знаки в арабских и персидских именах и названиях при транслитерации опускаются.

- ском языке в переводе Якубовского, А. Ю., *Византийский временник*, 25 (1927), 54–58.
- Firdausi, Ibn al, *Shah-nama*, Англ. перев. Warner, A. G. and Warner, E. (London, K. Paul, Trench, Trübner & Co., 1905). 9 vols.
- Hauqal, Ibn, *Viae et Regna*, Bibliotheca Geographorum Arabicorum, De Goje, M. J., ed. (Leyden), II (1873). Выдержки на русском языке: 1) Гаркави, А., Сказания мусульманских писателей (СПб., 1870), с. 218–222; 2) Караулов, Н. А., Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, XXXVIII (1908), 81–118.
- Ibn al-Athir, см. Athir.
- Ibn al-Bibi, см. Bibi.
- Ibn Hauqal, см. Hauqal.
- Ibn-Miskawaih, см. Miskawaih.
- Khaqani, см. Minorsky, V., *Khaqani and Andronicus Comnenus*, London University, School of Oriental and African studies, Bulletin, 1945, 11, pt.3.
- Marvazi, Sharaf al-Zaman Tahir, *Marvazi on China, the Turks and India*, Minorsky, V., ed., Англ. перев и комментарии (London, The Royal Asiatic Society, 1942).
- Miskawaih, Ibn, Ahmad Ibn Muhammed, *The Eclipse of the Abbasid Caliphate*, edited, translated and elucidated by Amedroz, H. F. and Margoliouth, D. S. (Oxford, B. Blackwell, 1920–1921), 7 vols. Выдержки на русском языке: Флоровский, А. В., *Seminarium Kondakovianum*, I (1925), 178–182; Якубовский, А. Ю., *Византийский временник*, 24 (1926), 64–69.
- Yahya of Antioch, *Histoire de Yahya-ibn-Said d'Antioche*. Редакция и фр. перев. Kratchkovsky, J., [Krachkovski. I.] and Vasiliev, A., in *Patrologia Orientalis*, Graffin, R. and Nau, F., eds., 18 (1924).

Б. Армянские и грузинские

- Asoghig, Stephen, of Daron, *Histoire universelle par Étienne Asolik de Taron*, pt.2, перев. и аннотации Macler, F. (Paris, 1917). Русский перевод Емин, Н., *Всеобщая история Степаноса Таронского Асокхика* (М., 1862).
- Brosset, M., *Histoire de la Géorgie*, I (СПб, 1849).

В. Китайские

- Бичурин, Иакинф, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии* (СПб., 1851).
- Bretschneider, E., *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources* (London, K. Paul, Trench, Trübner & Co., 1910), 2 vols.
- Wittfogel, K. A. and Feng Chia-Sheng, *History of Chinese Society: Liao* (forthcoming).

Е. Еврейские

Коковцов, П. К., *Еврейско-хазарская переписка в X веке* (Л., 1932).

Д. Сирийские

Ab-ul-Faraj, Gregory (Bar Hebraeus), *Chronographia*, Burns, P. J., and Kirsch, G. G., eds., с лат. перев. (Leipzig, 1788). Budge, E. A. W., ed, с англ. перев. (London, 1932).

IV. Путевые заметки, воспоминания и письма

1. Путевые заметки

Benjamin of Tudela, *The Itinerary of Rabbi Benjamin of Tudela*, Asher, A., tr. and ed. (London and Berlin, A. Asher & Co., 1841), 2 vols.

Bruno, см. St. Bruno.

Fadhlan, Ibn, *Kitab* (описание путешествия к волжским булгарам). Крачковский, И. Ю., ред., Путешествие Ибн-Фадлана (М. — Л., 1939).

Ibrahim ben Yakub [Описание путешествий в славянские страны], Kunik, A. A. and Rosen Baron V., eds., см. Bakri, раздел III, 5, выше. Kowalski, T., ed., *Monumenta Poloniae Historica* (Pomniki Dziejowe Polski), [First Series], 1864–1893, 6 vols.; New Series, I (1946).

Pethahiah of Regensburg (Petachia), B. Jacob Ha-Laban, *Travels*, Фр. перев., Carmoly, E., ed., (Paris, 1831). Benish, A., ed. and tr. (London, 1856).

St. Bruno of Querfurt, *Letter [travel report] to Emperor Henry II of Germany (1008)*, Bielowski, A., ed., *Monumenta Poloniae Historica* (Pomniki Dziejowe Polski), [First Series], 1864–1893, 6 vols.; New Series, I (1946)., I (1864), 224–228. Giesebrecht, W. von, ed. *Geschichte der deutschen Kaizerzeit*, II (5th ed. Leipzig, 1885), 102–105.

2. Воспоминания и письма

Emperor Michael VII Ducas, *Two Letters* [to Prince Vsevolod of Kiev], Sathas, C., ed., *Bibliotheca Graeca Medii Aevi*, V (1876), 385–392. Русский перевод, Васильевский, В. Г., Труды (СПб., 1909), 8–14. В оригинале не было имени адресата; то, что они были написаны князю Всеволоду, предположение Василевского.

Владимир Мономах, князь, *Поучение*, Лаврентьевская летопись, 240–252.

Письмо князю Олегу, Лаврентьевская летопись, 252–255.

V. Биографии и Жития святых

- Авраамий Смоленский, монах; Розанов, С. П., *Житие преподобного Авраамия Смоленского* (СПб., 1912).
- Борис и Глеб, князья; Иаков, монах (приписывается), *Сказание страстей и похвала святым мученикам Бориса и Глеба*. Нестор, монах, *Чтение о житии и погублении блаженный страстотерпцы Бориса и Глеба*. Оба под редакцией Абрамовича, Д. И., *Жития святых Бориса и Глеба*, Памятники древнерусской литературы, II (Петроград, 1916). Богуславский, С. А., ред., *Памятки про князів Бориса і Глеба* (Київ, 1928).
- Владимир Святой, князь; Иаков, монах, *Память и похвала князю Владимиру*, Макарий, I, 249–257; *Жизнь князя Владимира*, там же, I, 257–261; Иларион, митрополит, *Похвала кагану Владимиру*, Пономарев, I, 69–76.
- Житийные собрания: *Патерик (Патерикон) Киево-Печерского монастыря*, Яковлев, В., ред., Памятники русской литературы XII и XIII веков, I (СПб., 1872). Абрамович, Д. И., *Патерик Киево-Печерского монастыря* (СПб., 1911); *Пролог (Минея)*; собрание содержит краткие жизнеописания святых и другие тексты для чтения, расположенные в соответствии с годовым циклом церковных служб. Известно в нескольких вариантах. Первое печатное издание Пролога, М., 1641 (переиздавался и редактировался несколько раз); *Избранные жития святых из Пролога*, Пономарев, II и IV (с сентября по апрель). Редакция Пролога (по болгарской рукописи четырнадцатого века), Памятники Общества любителей древнерусской письменности, СХХХV (1916).
- Иаков, монах, *Послание к Димитрию* (то есть князю Изяславу I), Макарий, II, 324–327.
- Иларион, митрополит, *О законе и Благодати*, Пономарев, I, 59–69.
- Кирилл Туровский, епископ, *Слова и поучения*, Пономарев, I, 126–177.
- Климент Смоленский, митрополит, *Послание к пресвитеру Фоме* (под редакцией Афанасия), Лопарев, X., ред., Памятники Общества любителей древнерусской письменности, ХС (1892). См. также: Никольский Н. К., *О литературных трудах Климента Смолятича* (СПб., 1892).
- Лука Жидята, епископ, *Поучение*, Пономарев, I, 14–16.
- Ольга, княгиня; *Жизнь святой Ольги*, в: Макарий, митрополит, *История Русской Церкви* (3-е изд. СПб., 1888–1889), I, 268–270.
- Феодосий, игумен, *Поучения*, Пономарев, I, 33–43.
- Феодосий, игумен; Нестор, монах, *Житие преподобного Феодосия*, Чтения, 1858, часть 3; 1879, часть 1; 1899, часть 2.

I. Историография и источниковедение

- Бахалий, Д., *Нарис української історіографії* (Київ, 1923–1925), 2 части.
Дорошенко, Д., *Огляд української історіографії* (Прага, 1923).
Иконников, В. С., *Опыт русской историографии* (Киев, 1891–1908), 2 тома, каждый в двух частях.
Милюков, П. Н., *Главные течения русской исторической мысли* (2-е изд. М., 1898).
Рубинштейн, Н. Л., *Русская историография* (М., 1941).
Тихомиров, М. Н., *Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века* (М., 1940).
Волгин, В. П., Тарле, Е. В. и Панкратова, А. М., ред., *Двадцать пять лет исторической науки в СССР* (М. — Л., 1942).
Mazeur, A. G., *An Outline of Modern Russian Historiography* (Berkeley, University of California Press, 1939).

II. Историческая география и этнография

- Барсов, Н. П., *Очерки Русской исторической географии* (2-е изд. Варшава, 1885). Кудряшов, К. В., *Русский исторический атлас* (М. — Л., 1928). Кузнецов, С. К., *Русская историческая география* (М., 1910).
Любавский, М., *Русская историческая география в связи с историей колонизации* (М., 1910).
Пыпин, А. Н., *История русской этнографии* (СПб., 1890–1892). 4 тома.
Середонин, С. М., *Историческая география* (Петроград, 1916).
Спицын, А. А., *Русская историческая география* (Петроград, 1917).
Замысловский, Е., *Учебный атлас по русской истории* (2-е изд. СПб., 1887).
Объяснения к учебному атласу (СПб., 1887).
Savitsky (Savickij), P. N., *Sestina svĕta* (Prague, 1932).
Zelenin, D., *Russische (ostslavische) Volkskunde* (Berlin and Leipzig, 1927).

III. Работы общего характера по истории России,
Украины и Белоруссии

- Бестужев-Рюмин, К. Н., *Русская история*, I (СПб., 1872).
- Грушевский, М. С., *История Украины — Руси*, I—III (2-е изд. Львов, 1904—1905).
- Довнар-Запольский, М. В., *Русская история в очерках и статьях*, I—II (М., 1904—1911).
- Дорошенко, Д., *Нарис історії України*, I (Варшава, 1932).
- Карамзин, Н. М., *История Государства Российского*, I—III (6-е изд. СПб., 1851).
- Карамзин, Н. М., *Примечания к Истории Государства Российского*, I—III (СПб., 1852).
- Ключевский В. О. *Курс русской истории*, I—II (Петроград, 1918).
- Ковалевский, П. Е., *Исторический путь России* (Париж, 1946—1947).
В 2-х частях.
- Лебедев, В. И., Греков, Б. Д. и Бахрушин, С. В., *История СССР*, I (М., 1939).
- Пичета, В., *Гісторыя Беларусі*, I (М., 1924).
- Пресняков, А. Е., *Лекции по русской истории*, I (М., 1938).
- Рожков, Н. А., *Обзор Русской истории с социологической точки зрения*, I (СПб., 1903).
- Русская история в сравнительно-историческом освещении*, I (Петроград и М., 1919).
- Рязановский, В. А., *Обзор русской культуры*, I (Нью-Йорк, 1947).
- Соловьев, С. М., *История России с древнейших времен*, I—III (М., 1851—1853).
- Татищев, В. Н., *История Российская*, I—III (М., 1768—1774).
- Шмурло, Е., *Курс русской истории*, I (Прага, 1931).
- Allen, W. E. D., *The Ukraine* (Cambridge, Cambridge University Press, 1940).
- Gitterman, V., *Geschichte Russlands*, I (Zürich, 1944).
- History of Russia*, Aronsberg, E., tr., Golder, F. A., ed. (New York, The Macmillan Co., 1925).
- Hrushevsky (Grushevsky), M., *A History of Ukraine* (New Heaven, Yale University Press, 1941).
- Miliukov, P. N., Seignobos, and Eisenman, L., *Histoire de Russie* (Paris, 1932), I.
- Mousset, A., *Histoire de Russie* (Paris, 1945).
- Pares, B., *A History of Russia* (revised ed. New York, A. Knopf, 1947).
- Platonov, S. F., *Histoire de la Russie des origines á 1918* (Paris, 1929).
- Pokrovsky, M. N., *History of Russia*. Clarkson, J. D. and Griffiths, M. R. M., trs. and eds. (New York, International Publishers, 1931).

- Stählin, K., *Geschichte Russlands*, I (Berlin and Leipzig, 1923).
Sumner, B. H., *A Short History of Russia* (New York, Reynal & Hitchcock, 1943).
Vernadsky, G., *Political and Diplomatic History of Russia* (Boston, Little, Brown, and Co., 1936).
Welter, G., *Histoire de Russie* (Paris, 1946).

IV. Работы общего характера по киевскому периоду

- Греков, Б. Д., *Киевская Русь* (4-е изд. М. — Л., 1944).
Греков, Б. Д., *Культура Киевской Руси* (М., 1947).
Мавродин, В. В., *Древняя Русь* (М., 1946).
Мавродин, В. В., *Образование древнерусского государства* (Л., 1945).

V. Политическая история и история дипломатии

- Греков, Б. Д., *Борьба Руси за создание своего государства* (М. — Л., 1945).
Линниченко, И. А., *Русь и Польша до конца XII века* (Киев, 1884).
Потемкин, В. П., *История дипломатии*, I (М., 1941). Пресняков, А. Е., *Княжое право в древней Руси* (СПб., 1909).
Лихачев, Д. С., *Русские посольские обычаи XI–XIII веков*, Исторические Записки, 18 (1946), 42–55.
Соловьев, С. М., *История отношений между Русскими князьями Рюрика дома* (М., 1847).
Соловьев, С. М., *Об отношениях Новгорода к великим князьям* (М., 1845).
Taube, Baron M., *Études sur le développement historique du droit international dans l'Europe Orientale*, Académie de Droit International, Recueil des Cours, 1926, pt. 1. pp. 345–533.

VI. Экономическая и социальная история

- Аристов, Н. Я., *Промышленность древней Руси* (СПб., 1866).
Бережков, М., *О торговле Руси с Ганзейей до конца XV века* (СПб., 1879).
Греков, Б. Д., *Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века* (М., 1946).
Довнар-Запольский, М. В., *История русского народного хозяйства*, I (Киев, 1911).
Дьяконов, М. А., *Очерки общественного и государственного строя древней Руси* (4-е изд. СПб., 1912).
Кавелин, К. Д., *Взгляд на юридический быт древней России*, Собрание сочинений (СПб., 1904), I, 5–66.

- Кулишер, И. М., *История русского народного хозяйства*, I (М., 1925).
- Леонтович, Ф., *Задружно-общинный характер политического быта древней России*, Журнал Министерства народного просвещения, 173 (1874), 201–244; 174 (1874), 120–151, 194–233.
- Неволин, К. А., *Общий список Русских городов*, Полное собрание сочинений, VII (СПб., 1859), 27–95.
- Рожков, Н. А., *Город и деревня в Русской истории* (СПб., 1902).
- Святловский, В. В., *Примитивно-торговое государство как форма быта* (СПб., 1914).
- Тихомиров, М. Н., *Древнерусские города*, МГУ, Ученые записки, историко-филологический отдел, 99 (1946), 3–254.
- Юшков, С. В., *Нариси з історії виникнення і початкового розвитку феодалізму в Київській Русі* (Київ, 1939).
- Еск, А., *Le Moyen Âge russe* (Paris, 1933).
- Goetz, L. K., *Deutsch-russische Handelsgeschichte* (Lübeck, 1922).
- Goetz, L. K., *Deutsch-russische Handelverträge des Mittelalters* (Hamburg, 1916).
- Mavor, J., *An Economic History of Russia* (2d ed. London and Toronto, J. M. Dent & Sons, Ltd., 1925), I.

VII. Правительство и органы управления

- Гагемейстер, Ю. А., *Разыскания о финансах древней России* (СПб., 1833).
- Градовский, А. Д., *Государственный строй древней России*, Собрание сочинений (СПб., 1899), I, 339–381.
- Ключевский, В., *Боярская дума древней Руси* (4-е изд., М., 1909).
- Неволин, К. А., *О преемстве великокняжеского Киевского престола*, Полное собрание сочинений (СПб., 1859), 587–634.
- Сергеевич, В. И., *Древности Русского права* (СПб., 1908–1911). В 3-х томах (т. I–II: 3-е изд.; т. III: 2-е изд.).
- Толстой, Д. А., граф, *История финансовых учреждений России* (СПб., 1848).

VIII. Право и суд

- Вернадский, Г., *Звенья Русской культуры*, I (Брюссель, 1938), 178–225.
- Владимирский-Буданов, М. Ф., *Хрестоматия по истории русского права*, I (6-е изд. СПб. и Киев, 1908).
- Дювернуа, Н. Л., *Источники права и суд в древней России* (М., 1866).
- Лашенко, Р., *Лекції по історії українського права*, I (Прага, 1923).
- Неволин, К. А., *История Российских гражданских законов*, Полное собрание сочинений, III–V (СПб., 1857–1858).
- Обзор истории русского права* (7-е изд. Петроград и Киев, 1915).

- Сергеевич, В. И., *Лекции и исследования* (4-е изд. СПб., 1910).
Тихомиров, М. Н., *Исследование о Русской Правде* (М. — Л., 1941).
Goetz, L. K., *Das russisch Recht* (Stuttgart, 1910–1913), 4 vols.
Saturnik, T., *Přispěvku k šířeni Byzantského práva u Slovanů* (Prague, 1922).

IX. Церкви и религия

- Голубинский, Е., *История канонизации святых в Русской Церкви* (2-е изд. М., 1903).
Голубинский, Е., *История Русской Церкви*, I, части 1 и 2 (2-е изд. М., 1901–1904).
Макарий, митрополит, *История Русской Церкви*, МИ (3-е изд. СПб., 1888–1889).
Неволин, К. А., *О пространстве церковного суда в России до Петра Великого*, Полное собрание сочинений, VI (СПб., 1859), 251–389.
Никитский, А. И., *Очерк внутренней истории Церкви в Великом Новгороде* (СПб., 1879).
Никольский, Н. М., *История Русской Церкви* (2-е изд. М. — Л., 1931).
Полонская, Н. Д., *К вопросу о христианстве на Руси до Владимира*, Журнал Министерства народного просвещения, 71 (1917), 33–80.
Приселков, М. Д., *Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси* (СПб., 1913).
Телберг, Г. Г., *Заря христианства на Руси* (Шанхай, 1939).
Fedotov, G. P., *The Russian Religious Mind: Kievan Christianity* (Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1946).
Goetz, L. K., *Das Kiever Höhlenkloster als Kulturzentrum des vormongolischen Russlands* (Passau, 1904).
Goetz, L. K., *Kirchengeschichtliche und Kulturgeschichtliche Denkmäler Atrusslands* (Stuttgart, 1905).
Leib, V., *Rome, Kiev et Byzance à la fin du XI-e siècle* (Paris, 1924).

X. Язык и палеография

- Виноградов, В., *Великий русский язык* (М., 1945).
Винокур, Г., *Русский язык* (М., 1945).
Дурново, Н., *Очерк истории русского языка* (М. — Л., 1924).
Карский, Е. Ф., *Славянская Кирилловская палеография* (Л., 1928).
Никулин, А. С., *Историческая грамматика русского языка* (Л., 1945).
Обнорский, С. П., *Очерки по истории Русского литературного языка старшего периода* (М. — Л., 1946).
Соблезвский, А. И., *Славяно-русская палеография* (СПб., 1908).
Срезневский, И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка* (СПб., 1893–1912), 3 тома.

- Шахматов, А. А., *Очерк древнейшего периода истории русского языка*, Энциклопедия славянской филологии, XI, часть I (Петроград, 1915).
- Шепкин, В. Н., *Учебник русской палеографии* (М., 1918).
- Jakobson, R., *Remarques sur l'évolution phonologique du russe*, Travaux du Cercle Linguistique de Prague, I (1929).

XI. Литература и фольклор

- Адрианова-Перетц, В. П., Гудзий, Н. К., ред., *История русской литературы*, I (М. — Л., 1941).
- Аничков, Е. В., Бороздин, А. К., Овсяннико-Куликовский, Д. Н., *История русской литературы*, I—II (М., 1908).
- Веселовский, А. Н., *Южнорусские былины*, АНЗ, 39, № 5 (1881); Сборник Отделения русского языка и словесности АН, 22, № 2 (1881); 36, № 3 (1884).
- Владимиров, П. В., *Древняя русская литература киевского периода* (Киев, 1900).
- Грушевский, М., *История украинской литературы*, I—IV (Киев, 1923—1925).
- Гудзий, Н. К., *История древней русской литературы* (3-е изд. М., 1945).
- Жданов, И. Н., *Русский былевой эпос* (СПб., 1895).
- Истрин, В. М., *Очерк истории древнерусской литературы* (Петроград, 1922).
- Кельтуяла, В. А., *Краткий курс истории русской литературы*, I (СПб., 1912).
- Миллер, В. Ф., *Очерки русской народной словесности* (М., 1897—1910). В 2-х томах.
- Миллер, В. Ф., *Экскурсы в область русского народного эпоса* (М., 1892).
- Никольский, Н. К., *Материалы для поврежденного списка русских писателей и их сочинений* (СПб., 1906).
- Орлов, А. С., *Древняя русская литература* (М. — Л., 1945).
- Петухов, Е. В., *Русская литература: древний период* (2-е изд., Юрьев, 1912).
- Пыпин, А. Н., *История Русской литературы*, I (СПб., 1898).
- Сакулин, П. Н., *Русская литература*, I (М., 1928).
- Скафтымов, А. П., *Поэтика и генезис былин* (М. — Саратов, 1924). *Слово о полку Игореве* (М. — Л., 1938).
- Соколов, Ю. М., *Русский фольклор* (М., 1938).
- Сперанский, М. Н., *История древней русской литературы*, I (М., 1921).
- Сперанский, М. Н., *Русская устная словесность* (3-е изд. М., 1917).
- Стасов, В. В., *Происхождение русских былин*, *Собрание сочинений*, III (СПб., 1894), 948—1259.

- Халанский, М. Е., *Великорусские былины киевского цикла* (Варшава, 1885).
- Chadwick, N. K., *Russian Heroic Poetry* (Cambridge, Cambridge University Press, 1932).
- Grégoire, H., Jakobson, R., et. al., *La Geste d'Igor*, Annuaire, 8 (предисловие).
- Hargood, J. F., *The Epic Songs of Russia* (New York, Charles Scribner's Sons, 1886).
- Magnus, L. A., *The Heroic Ballads of Russia* (London, K. Paul, Trubner & Co.; New York, E. P. Dutton & Co., 1921).
- Petrunkévitch, A., *The Lay of the War-Ride of Igor*, Poet-Lore, 30 (1919), 289–303.
- Ralston, W. R. S., *The Songs of the Russian People as Illustrative of Slavonic Mythology and Russian Social Life* (2d. ed., London, Ellis, 1872).
- Russian Fairy Tales*, Guterman, N., tr., folkloristic commentary by Jakobson, R., illustrations by Alexeieff, A. (New York, Pantheon, 1945).
- Trautman, R., *Die Volksdichtung der Grossrussen*, I (Heidelberg, 1935).

XII. Искусство и археология

- Анисимов, А. И., *Владимирская икона Божьей Матери* (Прага, 1928).
- Анисимов, А. И., *Домонгольский период древнерусской живописи*, Вопросы реставрации (М., 1928).
- Арцыховский, А. В., *Древнерусские миниатюры как исторический источник* (М., 1944).
- Бобринской, А. А., граф, *Резной камень в России*, I (М., 1918).
- Воронин, Н., *Очерки по истории русского зодчества* (М., 1934).
- Готье, Ю. В., *Железный век в Восточной Европе* (М. — Л., 1930).
- Грабарь, И. Э., *История русского искусства*, I, V, VI (М., б. д. [примерно 1912]).
- Кондаков, Н. П., *Русская икона* (Прага, 1933), 2 тома текста и 2 тома иллюстрации.
- Кондаков, Н. П., *Русские клады*, I (СПб., 1896).
- Лазарев, В. Н., *Два новых памятника русской станковой живописи XII—XIII веков*, Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН, 13 (1936), 67–76.
- Лазарев, В. Н., *Новгородская живопись XII—XIV веков*, Известия АН, серия Истории и Философии, 2 (1944), 60–74.
- Мясоедов, В., *Фрески Спаса Нередицы* (Л., 1925).
- Некрасов, А. И., *Древнерусское изобразительное искусство* (М., 1937).
- Некрасов, А. И., *Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII веков* (М., 1936).

- Никольский, В., *История русского искусства* (Берлин, 1923). Предисловие П. П. Муратова.
- Полонская, Н. Д., *Историко-культурный атлас по русской истории*, I (Киев, 1913).
- Редин, Е., *Киево-Софийский Собор* (СПб., 1889).
- Солнцев, Ф. Г., иллюстратор, *Древности Российского Государства* (М., 1849—1853). В 6 томах.
- Толстой И. И., Кондаков, Н. П., *Русские древности* (СПб., 1889—1899). В 6 томах.
- Ainalov, D. V., *Geschichte der russischen Monumentalkunst* (Berlin and Leipzig, 1932—1933), 2 vols.
- Alpatov, N. and Brunov, Y., *Geschichte der altrussischen Kunst* (Augsburg, 1932), один том тексты и один том иллюстрации.
- Buxton, D. R., *Russian Mediaeval Architecture* (Cambridge, Cambridge University Press, 1934).
- Grabar I. E. *Die Freskomalerei der Dimitrikathedrale in Wladimir* (Berlin, 1925).
- Halle, F., *Die Bauplastik von Wladimir-Ssusdal* (Berlin, 1929).
- Kondakov, N. P., *The Russian icon* (Oxford, Clarendon Press, 1927).
- Muratov, P. P., *Les icônes russes* (Paris, 1927).
- Niederle, L., *Rukovět' Slovanské archeologii* (Prague, 1931).

XIII. Музыка

- Металлов, В. М., *Богослужбное пение Русской Церкви: период домонгольский* (М., 1908).
- Металлов, В. М., *Осьмогласие знаменного распева* (М., 1900).
- Металлов, В. М., *Русская семиография* (М., 1912).
- Пекелис, М. ред., *История русской музыки*, I (М. — Л., 1940).
- Разумовский, Д. В., *Круг древнего церковного пения знаменного распева* (СПб., 1884).
- Финдэйзен, Н., *Очерки по истории музыки в России*, I (М. — Л., 1928).
- Buketoff, L., *Russian Chant*, в Reese, G., *Music in the Middle Ages* (New York, W. W. Norton & Co., 1940), pp. 95—104.
- Swan, A. J., *The Nature of the Russian Folk-Songs*, *Musical Quarterly*, 29 (1943), 498—516.
- Swan, A. J., *The Znamenny Chant of the Russian Church*, *Musical Quarterly*, 26 (1940), 232—243, 365—380, 529—545.

XIV. Гуманитарные науки

- Вадденберг, В., *Древнерусские учения о пределах царской власти* (Петроград, 1916).

- Истрин, В. М., *Моравская история славян и история поляно-руси*, *Byzantinoslavica*, 3 (1931), 308–331; (1932), 36–55.
- Лихачев, Д. С., *Национальное самосознание древней Руси* (М. — Л., 1945).
- Лихачев, Д. С., *Русские летописи* (М. — Л., 1947).
- Николевский, Н. К., *Повесть временных лет*, Сборник по русскому языку и словесности АН, II, часть 1 (1930).
- Приселков, М. Д., *История русского летописания XI–XV веков* (Л., 1940).
- Флоровский, Г., *Пути русского богословия* (Париж, 1937).
- Чижевский, Д., *Платон в древней России*, Русское историческое общество в Праге, Записки, 2 (1930), 71–82.
- Шахматов, А. А., *Повесть временных лет и ее источники*, АН, Отдел древнерусской литературы, *Труды*, 4 (1940), 11–150.
- Шахматов, А. А., *Повесть временных лет*, I (Петроград, 1916).
- Шахматов, А. А., *Разыскания о составе древнейших летописных сводов* (СПб., 1908).
- Шахматов, М. В., *Платон в древней Руси*, Русское историческое общество в Праге, Записки, 2 (1930), 49–70.
- Шахматов, М. В., *Учения русских летописей домонгольского периода о государственной власти* (Прага, 1927). В 2-х томах.
- Weingart, M., *Byzantské kroniky v literatúre cirkevněslovanské* (Bratislava, 1922–1923), 2 vols.

XV. Точные и естественные науки, медицина и техника

- Бобынин, В. В., *Состояние математических знаний в России до XVI века*, Журнал Министерства народного просвещения, 232 (1884), 183–209.
- Райнов, Т., *Наука в России XI–XVII веков* (М. — Л., 1940).
- Святский, Д. О., *Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения*, Известия Отделения русского языка и словесности АН, 20, (1915), часть 1, с. 87–208; часть 2, с. 197–288.

XVI. Образование

- Лавровский, Н. А., *Рассуждения о древних русских народных училищах* (Краков, 1854).
- Погодин, М. П., *Образование и грамотность в древнем периоде Русской истории*, Журнал Министерства народного просвещения, 153 (1871), 1–28.
- Wanczuga, A., *Szkolnictwo w starej Rusi* (Lvov, 1923).

XVII. Краеведение

- Андриашев, А., *Очерк истории Волынской земли* (Киев, 1887).
- Багалей, Д. И., *История Северной земли* (Киев, 1882).
- Голубовский, П. В., *История Северной земли* (Киев, 1881).
- Голубовский, П. В., *История Смоленской земли* (Киев, 1895).
- Грушевский, А., *Очерки истории Туровского княжества* (Киев, 1902).
- Грушевский, М., *История Киевской земли* (Киев, 1891).
- Данилевич, В. Е., *Очерк истории Полоцкой земли* (Киев, 1896).
- Довнар-Запольский, М. В., *Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель* (Киев, 1891).
- Зубрицкий, Д., *История древнего Галичско-Русского княжества*, I (Львов, 1852).
- Иванов, П. А., *Исторические судьбы Волынской земли* (Одесса, 1895).
- Иловайский, Д. И., *История Рязанского княжества* (М., 1858).
- Костомаров, Н. И., *Северно-русские народоправства* (СПб., 1863).
В 2-х томах.
- Ляскоронский, В., *История Переяславской земли* (Киев, 1903).
- Молчановский, Н., *Очерк известий о Подольской земле* (Киев, 1885).
- Никитский, А. И., *История экономического быта Великого Новгорода*,
Чтения, 1893, части 1–2.

Содержание

Глава I. Место Киевской Руси в истории

1. Европа ли Россия?	5
2. Положение Руси в средневековом мире	9
3. Различные и сходные тенденции в истории Руси и Европы	11
4. Понятие о восточноевропейской истории	14
5. Вызов геополитики.	18
6. Значение киевского периода в русской истории	21

Глава II. Имперский план и его неудача

1. Имперский план: мечты и реалии	26
2. Первый успех: Олег	29
3. Первые неудачи: Игорь	36
4. Передышка: Ольга	46
5. Великое приключение: Святослав	50

Глава III. Обращение к христианству

1. Русское язычество	57
2. Святой Владимир до своего обращения (972–987 гг.)	65
3. История обращения Владимира (988–989 гг.)	70
4. Основание фундамента Русской церкви (990–1037 гг.)	76
5. Значение обращения: первоначальная оценка.	79

Глава IV. Киевское государство (990–1139 гг.)

1. Владимир как христианский правитель (990–1015 гг.)	81
2. Междоусобная борьба сыновей Владимира (1015–1036 гг.)	85
3. Время Ярослава Мудрого (1036–1054 гг.)	90
4. Триумvirат (1054–1093 гг.)	93

5. Правление Святополка II (1093—1113 гг.)	98
6. Гражданский законодатель: Владимир Мономах	104
7. Первые два Мономашича (1125—1139 гг.)	107

Глава V. Экономические основы Киевской Руси

1. Предварительные замечания	111
2. Природные ресурсы и население	114
3. Охота, бортничество и рыболовство.	118
4. Земледелие и скотоводство	120
5. Metallургия.	125
6. Строительство.	126
7. Ткачество, скорняжное, кожевенное и гончарное дело.	128
8. Торговля	130
9. Деньги и кредит.	136
10. Капитал и труд	138
11. Национальный доход	142
12. Подъем и депрессия.	144

Глава VI. Социальная организация

1. Основные социальные единицы	147
2. Социальное расслоение	151
3. Высшие классы	154
4. Средние классы	157
5. Низшие классы	160
6. Полусвободные	164
7. Рабы.	166
8. Церковные люди	169
9. Женщина.	172
10. Степные пограничники	175
11. Национальные меньшинства	177
12. Заключительные вопросы об «экономическом и социальном феодализме» в Киевской Руси	182

Глава VII. Правительство и управление

1. Предварительные замечания	191
2. Земли и княжества	193
3. Три составные части правительства	196
4. Княжеская администрация	207
5. Отрасли управления	210

6. Город-государство	216
7. Местная община	222
8. Поместье	223
9. Церковь	225
10. Право	228
11. Заключительные вопросы: о «политическом феодализме» в Киевской Руси	231

Глава VIII. Русская федерация (1139–1237 гг.)

1. Предварительные замечания	236
2. Борьба за Киев (1139–1169 гг.)	239
3. Равновесие между Восточной и Западной Русью (1169–1222 гг.)	243
4. Защита границы	246
5. Первое появление монголов: битва на Калке (1223 г.)	259
6. Время истекло (1223–1237 гг.)	263

Глава IX. Русская цивилизация в киевский период

1. Предварительные замечания	266
2. Язык и письменность	268
3. Фольклор	272
4. Музыка	276
5. Театр	279
6. Архитектура и изобразительное искусство	281
7. Религия	288
8. Литература	296
9. Образование	302
10. Гуманитарные науки	305
11. Естественные и технические науки	320

Глава X. Быт

1. Городская и сельская жизнь	326
2. Жилища и мебель	327
3. Одежда	329
4. Еда	332
5. Здоровье и гигиена	334
6. Цикл жизни	336
7. Ход жизни	339
8. Национальные бедствия	341

Глава XI. Русь и внешний мир в киевский период

1. Предварительные замечания	344
2. Русь и славяне.	345
3. Русь и Скандинавия	359
4. Русь и Запад	364
5. Русь и Византия.	375
6. Русь и Кавказ	381
7. Русь и Восток	388
<i>Примечания</i>	393
<i>Сокращения</i>	414
<i>Источники</i>	419
<i>Литература</i>	428

- В35 Вернадский Г.
Киевская Русь / Георгий Вернадский. — М. : Ломоносовъ, — 2015. — 448 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-075-8

Эта книга о том, как образовалось, крепло, развивалось и погубило первое русское государство. Возникшее в IX веке под властью Рюриковичей, воспринявшее через Византию христианскую культуру, обретшее военную силу, в период расцвета оно занимало обширную территорию между Черным и Балтийским морями. Но амбиции удельных князей раздробили его на части, а затем монгольское нашествие подвело черту под его историей. Лишь спустя столетия русские вновь смогли объединиться в единое целое, но уже вокруг другого центра — не Киева, а Москвы. В своем фундаментальном труде — по сути, энциклопедии киевского периода русской государственности — Георгий Вернадский последовательно описывает этапы становления Киевской Руси, говорит об источниках формирования русской цивилизации, подробно рассказывает о быте, культуре, экономике, религии, социальной организации древнерусского общества.

Георгий Вернадский (1888—1973) — выдающийся русско-американский историк, профессор Йельского университета, ученик Василия Ключевского и сын великого мыслителя Владимира Вернадского.

УДК 94(47).02

ББК 63.3(2)41

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Георгий Вернадский

Киевская Русь

Редактор В. Лазарев
Верстка А. Петровой

Подписано в печать 28.10.2014.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 28. Тираж 1200 экз. Заказ 5959.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(496)726-54-10

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ

- 25 Виктор Бердинских. Речи немых
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 Отечественная война 1812 года глазами современников
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
КАРЛ ФИЛИПП, или ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАННИЦ
- 60 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ
И ЛЕГЕНДАХ
- 61 Михаил Мочалов. ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ
- 62 Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
- 63 Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
- 64 Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
- 65 МОСКОВИЯ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ ГЛАЗАМИ ИНОЗЕМЦЕВ
- 66 Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II

- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ, СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
- 69 Галина Шебалдина. ЗАЛОЖНИКИ ПЕТРА I И КАРЛА XII
- 70 ТАМЕРЛАН — ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XVIII ВЕКЕ
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВЕ В ЕВРОПЕ И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА
- 74 Александр Васильев. ВИЗАНТИЯ И КРЕСТОНОСЦЫ.
ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ И ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокшанин, Олег Непомнин. ЛИКИ СРЕДИННОГО ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

**Георгий
Вернадский**
Киевская
Русь

Эта книга о том, как образовалось, крепло, развивалось и погребло первое русское государство. Возникшее в IX веке под властью Рюриковичей, воспринявшее через Византию христианскую культуру, обретшее военную силу, в период расцвета оно занимало обширную территорию между Черным и Балтийским морями. Но амбиции удельных князей раздробили его на части, а затем монгольское нашествие подвело черту под его историей. Лишь спустя столетия русские вновь смогли объединиться в единое целое, но уже вокруг другого центра — не Киева, а Москвы. В своем фундаментальном труде Георгий Вернадский последовательно описывает этапы становления Киевской Руси, говорит об источниках формирования русской цивилизации, подробно рассказывает о быте, культуре, экономике, религии, социальной организации древнерусского общества.

Георгий Вернадский (1888—1973) — выдающийся русско-американский историк, профессор Йельского университета, ученик Василия Ключевского и сын великого мыслителя Владимира Вернадского.

ISBN 978-5-91678-075-8

9 785916 780758